

«Врач, исцели самого себя; тогда ты поможешь ещё и своему больному. Для него лучшей помощью будет, когда он своими глазами увидит того, кто исцелил самого себя...»

Фридрих Ницше «Так говорил Заратустра»

Природа СНОВИДЕНИЯ

Ревенко С.Д.

Содержание

Предисловие

- I. Научная литература по вопросу о сновидениях
 - a) *Отношение сновидения к бодрствованию*
 - b) *Материал сновидения. Память в сновидении*
 - c) *Раздражения сновидений и источники сновидений*
 - d) *Почему человек забывает сновидение по пробуждении?*
 - e) *Психологические особенности сновидения*
 - f) *Моральное чувство в сновидении*
 - g) *Теории сновидения и функции его*
 - h) *Отношение между сновидением и душевным заболеванием*
- II. Метод толкования сновидений. Образцы анализа сновидений
- III. Сновидение – исполнение желаний
- IV. Искажающая деятельность сновидения
- V. Материал и источники сновидения
 - a) *Свежее и безразличное в сновидении*
 - b) *Инфантильное, как источник сновидения*
 - c) *Соматические источники сновидения*
 - d) *Типические сновидения*
 - e) *Сновидения о наготе*
 - f) *Сновидения о смерти близких людей*
 - g) *Сновидения об экзамене*
 - h) *Сновидения, в которых нам сняться наши уже умершие знакомые либо родственники*
 - i) *Сновидения о животных или с участием животных*

VI. Работа сновидения

- a) *Работа сгущения*
- b) *Работа смещения*
- c) *Средства изображения в сновидении*
- d) *Отношение к изобразительности*
- e) *Примеры. Счет в сновидении*
- f) *Абсурдные сновидения. Интеллектуальная деятельность в сновидении*
- g) *Аффекты в сновидении*
- h) *Вторичная обработка*

VII. Психология процессов сновидения

- a) *Забывание сновидений*
- b) *Регрессия*
- c) *Осуществление желаний*
- d) *Пробуждение благодаря сновидению. Функция сновидения. Сновидения страха.*
- e) *Первичный и вторичный процессы. Вытеснение*
- f) *Бессознательное и сознание. Реальность*

Послесловие

Приложение

Предисловие

«Он, кто бодрствует в спящих, творя желание за желанием, этот Пуруша, Он зовётся Светозарным, Он – Брахманом, Он – Бессмертием; в Нём живут все миры, и ничего нет вне Его»

Шри Ауробиндо «Катха Упанишада»

«...надо пытаться всё познать и при этом не терять головы от того, что не всё постиг и что никогда всего не постигнешь!»

Эмиль Золя «Доктор Паскаль»

«...различные одновременные ходы мыслей устремляются из разных центров и затем соединяются друг с другом...»

Зигмунд Фрейд «Толкование сновидений»

К пониманию действительной природы сновидения меня привели события трагического характера, не так давно произошедшие в семье у одного хорошо знакомого мне человека – его старший сын внезапно, совершенно для него неожиданно, покончил с собой. Я узнал об этом лишь спустя несколько месяцев. К тому времени, когда произошло это печальное событие, мы с ним совершенно не общались уже на протяжении нескольких лет. К этому привело незначительное взаимонепонимание, имевшее своим прямым следствием охлаждение наших отношений и прекращение на некоторое время нашего общения. В тот момент, насколько мне тогда это было известно, никакие наши интересы – ни деловые, ни личные – совершенно не пересекались нигде и никаким образом. Однако впоследствии оказалось так, что наши деловые интересы по его инициативе в некотором роде немного пересеклись, только мне в то время об этом ещё абсолютно ничего не было известно. Ни с кем из наших общих знакомых я о нем или о его семье в то время не разговаривал; не расспрашивал никого о нем целенаправленно, пытаясь что-либо узнать о нем самом, или о ком-либо из членов его семьи. Я совершенно не интересовался ничем из того, что происходило у него в то время в жизни или в жизни кого-либо из членов его семьи. Я узнал об этом печальном событии совершенно случайно, спустя несколько месяцев после того, как всё это произошло, от одной нашей общей знакомой. Вот тогда постепенно и стали становиться на свои места многие разрозненные и прежде непонятные части некоторых происходивших в то время со мной событий. Передо мной стала вырисовываться более четкая и ясная картина многих произошедших со мной или около меня событий и явлений, природа которых на тот момент для меня оставалась неизвестной или малопонятной.

Примерно в то же самое время, когда всё это произошло в семье у моего знакомого, мне почти каждую ночь снился этот самый мой знакомый или его сын – однако, всё же гораздо чаще мне снился сам знакомый, а его старший сын снился мне значительно реже. К сожалению, я тогда не придавал существенного значения всем этим сновидениям, и не пытался их глубоко анализировать, и никаких значительных и существенных деталей тех сновидений, к сожалению, я

так и не запомнил. Все те сновидения для меня по-своему смыслу носили обыденный, бытовой характер и не несли в себе значительной эмоциональной нагрузки. Каждый очередной раз, когда мне опять снился знакомый или его сын, я старался просто «отмахнуться» от всех сопутствующих сновидению мыслей, и говорил самому себе: *«Если ему хочется со мной о чем-нибудь поговорить, ему ничто не мешает это сделать; если же он этого не делает, следовательно, либо он недостаточно этого хочет, либо же он вообще этого не хочет, и все мои сновидения являются всего лишь некими ностальгическими экскурсами в наше прошлое»*. Я в тот момент совершенно не мог понять действительных причин происходившего со мной явления: почему у меня вдруг возникла такая частота и регулярность именно таких сновидений, и почему в какой-то момент всё вдруг также внезапно и прекратилось. Когда же, некоторое время спустя, я узнал о том, что происходило в то время у него в семье, всё более или менее стало становиться на свои, теперь уже достаточно для меня понятные, места.

Только тогда мне вдруг стало совершенно ясно то, что людям иногда совершенно нет никакой необходимости в непосредственном, личном общении для передачи некоторой информации о самих себе, – я при этом не имею ввиду использование для этого каких-либо технических средств для передачи информации, созданных самими людьми. В данном случае речь идет только лишь о врожденных человеческих возможностях, особенностях и способностях. В состоянии сна, – а, вполне возможно, что и не исключительно лишь только в состоянии сна, – наши душевные способности видимо в некоторой мере отличаются от наших душевных способностей в бодрствующем состоянии. Наша душевная деятельность в состоянии сна и в состоянии бодрствования имеет различные условия при совершении своей деятельности, хотя и выполняет при этом в общем сходные и в тоже время несколько различные функции, расставляя основные акценты в своих приоритетах несколько по-иному. Видимо, каким-то не до конца ещё пока понятным мне способом, мы в состоянии обмениваться друг с другом, при острой необходимости, некоторой наиболее значимой для нас и имеющей непосредственное отношение к кому-либо из объектов наших собственных размышлений информацией. Именно признание и принятие за первооснову этой нашей действительно существующей способности и позволяет намного лучше разобраться в особенностях нашей душевной деятельности в состоянии сна и не только...

«Облокотясь на стол, сидят у лампы крестьяне и лелеют в душе смутные, им самим не ведомые надежды; этим людям и невдомёк, что помыслы их летят так далеко во мраке сомкнувшейся над ними ночи...»¹

Много лет тому назад, после прочтения многочисленных произведений по данной тематике основоположника психоанализа² Зигмунда Фрейда³, у меня так и не возникло ощущения полноты своего понимания общей, действительной, исчерпывающей природы сновидения. Частично в то время мне было уже что-то понятно, – когда вопрос касался самых простых сновидений о явном

1 Антуан де Сент-Экзюпери «Ночной полёт»

2 **Психоанализ** – психологическая теория, разработанная в конце XIX века – начале XX века австрийским неврологом и психиатром Зигмундом Фрейдом (1856 – 1939 г.г.), а также метод лечения психических расстройств, основанный на этой теории (Википедия)

3 **Зигмунд Фрейд** – австрийский психолог, психоаналитик, психиатр и невролог. З. Фрейд наиболее известен как основатель психоанализа, который оказал значительное влияние на психологию, медицину, социологию, антропологию, литературу и искусство XX века (Википедия)

исполнении желаний, – однако более полного, ясного, четкого, совершенного понимания в конечном итоге так у меня в то время и не возникло. Общее понимание незавершенности всех моих исследований и неполноты приобретенных в то время познаний о природе сновидений не покидало меня во всё это время. Это внутреннее ощущение отсутствия правильного, исчерпывающего решения феномена сновидения в дальнейшем не позволяло мне для себя лично определить то, что я сам в состоянии при необходимости понять основной смысл любого своего собственного сновидения, не говоря уже о сновидениях кого-либо другого.

В дальнейшем, после возникновения у меня лично некоторых дополнительных мыслей и идей к психоаналитической теории сновидений, – ранее достаточно подробно разработанной и изложенной Зигмундом Фрейдом в его произведении «Толкование сновидений», – я решил приступить к созданию данного произведения для того, чтобы несколько дополнить и немного расширить в некоторых моментах точку зрения Зигмунда Фрейда на природу сновидения. В свое время, его собственные исследования по этому вопросу позволили мне разобраться во многом, но не во всем. Впоследствии, складывая воедино все разрозненные и иногда в чём-то отличные друг от друга взгляды по этому вопросу основоположников психоанализа: Зигмунда Фрейда, и Карла Густава Юнга⁴, а также и их коллеги Альфреда Адлера⁵ и взгляды многочисленных философов⁶ и классиков мировой литературы на этот феномен душевной жизни, я в результате пришел, как мне показалось, к немного более расширенному и более углубленному пониманию его действительной природы. Значительное влияние на ход этого исследования и его конечные результаты оказало произведение Отто Вейнингера⁷ «Пол и характер», в котором автору удалось достигнуть существенной глубины понимания действительной природы некоторых из человеческих мотивационных процессов. Открытые им особенности и закономерности душевной жизни индивидов разного пола позволяют понять кое-что из того, что в значительной мере предопределяет формирование некоторых из наших желаний и намерений.

Вполне возможно, что правильнее было бы назвать это произведение: «Некоторые идеи к теории сновидения» [ударение на втором слоге]. Основной целью исследования является попытка прийти к пониманию действительной природы сновидения, изначально учитывая наличие в человеке так называемого «Духовного начала» – собственной Души, оценивая этот феномен прежде всего и исключительно с позиции философии, а потом уже и религии. Я исхожу в данном случае из того, что в каждом человеке есть Душа и есть тело, которое на высшем уровне и управляется этой самой Душой.

Я не претендую на полную законченность и незыблемость своих нынешних взглядов по этому вопросу, а всего лишь только пытаюсь наметить контуры для

⁴ **Карл Густав Юнг** – швейцарский психиатр и педагог, основоположник одного из направлений глубинной психологии – аналитической психологии. С 1907 по 1912 год был близким другом и соратником Зигмунда Фрейда (Википедия)

⁵ **Альфред Адлер** – австрийский психолог, психиатр и мыслитель, создатель системы индивидуальной психологии ... Адлер в 1902 году примкнул к кружку З. Фрейда... (Википедия)

⁶ **Философия** («любомудрие, любовь к мудрости») – особая форма познания и система знаний об общих характеристиках, понятиях и принципах реальности (бытия), а также бытия человека, об отношении человека и окружающего его мира. К задачам философии на протяжении веков относились как изучение всеобщих законов развития мира и общества, так и изучение самого процесса познания и мышления, а также изучение нравственных категорий и ценностей... (Википедия)

⁷ **Отто Вейнингер** – австрийский философ, получивший известность как автор книги «Пол и характер. Принципиальное исследование» (Википедия)

более глубокого дальнейшего исследования этого достаточно интересного феномена душевной деятельности, который, к сожалению, до сих пор всё ещё так слабо нами изучен. Я высказываю свои мысли по данному вопросу в основном и прежде всего для того, чтобы на основании последующей ответной реакции и/или критических отзывов продолжать дальнейшее исследование природы сновидения и пробудить подобный интерес у некоторых неравнодушных к данной теме исследователей. Моя собственная точка зрения никоим образом не претендует на «истину в последней инстанции» в вопросе понимания природы сновидения, хотя иногда нам так хотелось бы ею обладать. Она всего лишь является очередной, и я надеюсь что довольно-таки удачной и, как мне хотелось бы, чтобы и достаточно успешной, попыткой продвинуться как можно ближе в направлении более полного понимания природы сновидения. К нашему величайшему сожалению, до сих пор все попытки приблизиться к полной и окончательной разгадке тайны сновидений оканчивались не совсем успешно. В большинстве случаев, либо что-то незначительное отвлекало на себя внимание исследователя, либо же концентрировало на себе его слишком сильно, в результате чего исследователь в конечной итоге заикливался на чем-то одном, или же отклонялся в другую сторону, или же просто полностью останавливался, будучи не в состоянии достаточно чётко рассмотреть или полноценно осмыслить всё им прежде увиденное.

В процессе исследовании природы сновидения – иногда чаще а иногда реже – приходится опираться на собственную интуицию; иногда нам на помощь приходят какие-либо собственные, впоследствии оказывающиеся правильными или ошибочными, домыслы, гипотезы и прочее, в тот момент сложно подтверждаемое, или же в какой-то момент нам приходится использовать как подручный инструмент некоторые существующие «псевдонаучные» теории. Однако нам всё же не нужно забывать и о том, что даже вспоминая утром свое свежее сновидение, не все детали выступают перед нами достаточно явно и вполне отчетливо. Практически постоянно в ходе исследования природы сновидения приходится идти в крошечной тьме, наобум, наощуп, – *«приходится искать в темной комнате черную кошку, точно не зная – есть ли она там или её там нет»*». Чаще всего приходится учитывать и рассчитывать на ту часть нашего мыслительного аппарата, которая в обыденной, повседневной жизни большинством людей практически не используется, а некоторыми людьми совершенно не признается и полностью игнорируется. Также очень важно всегда принимать во внимание непосредственное влияние на все наши сновидения общего нашего физического состояния, настроения, сытости, половой удовлетворенности, возможного болезненного состояния, наличия острой фазы конфликта с кем-либо и прочих психологических и соматических внутренних и внешних раздражителей и воздействий.

Всем тем, кто несмотря ни на что всё же желает остаться в приятном неведении относительно действительных причин значительной части всего того, что происходит с ними или вокруг них, чтение данного исследования настоятельно не рекомендуется.

Как одно из возможных, но не обязательно проистекающих из этого последствий, – может произойти негативная внутренняя психологическая реакция, аналогичная ранее описанной Ги де Мопассаном в своем рассказе «Гарсон, кружку пива!..»: *«И вот, милый друг, всё было кончено для меня. Я увидел обратную сторону жизни, её изнанку; и с того самого дня лучшая её*

сторона перестала существовать для меня. Что произошло в моей душе? Какая сила опрокинула все мои представления? »

Приступая к созданию данного исследования, я прекрасно понимал и в какой-то мере сам предполагал и рассчитывал на то, что мне необходимо придется в какой-то момент столкнуться с критикой, направленной по отношению ко мне лично и касательно моего взгляда на природу сновидения. Как одно из вполне возможных и наиболее вероятных и перспективных направлений в критических отзывах на результаты данного исследования – *«Это всего лишь какие-то болезненные фантазии, предположения, домысли и гипотезы очередного параноика⁸ и ничего более того!»⁹*. Хотя наша психиатрия и поставила всех думающих не по её правилам вне пределов «психической нормы», но у меня просто не остаётся другого выбора для совершения и завершения своего исследования. Мне придётся добровольно записаться в её «чёрный список», и от её имени самому себе поставить свой собственный диагноз [шутка]. И при всём этом, я ничего не имею против естественно и грамотно развивающейся науки, которая, как и любая другая, является достаточно консервативной и не так быстро и легко принимает что-то на веру: всегда и для всего необходимы достаточные основания. Но, как говорится, всему своё время. Многие из того, что в психиатрии сейчас является непреложным, некогда ранее, с её собственной точки зрения, было достаточно сомнительным и недостоверным. Поэтому, *«психиатр мне друг, но истина дороже»¹⁰*.

Хочу также заметить, что для всех детей и подростков практически все запреты, советы и предостережения, непосредственно исходящие от их родителей и воспитателей, чаще всего представляются как нечто чрезмерное, надуманное, необоснованное, преувеличенное и не имеющее ничего общего с окружающей их действительностью. Хотя за самими собой они всё-таки не замечают того, что и сами при всякой подходящей возможности стараются кому-

⁸ **Паранойя** – редкий тип хронического психоза, обычно начинающегося в зрелом возрасте, для которого характерно постепенное развитие логически построенных монотематических систематизированных бредовых идей (иногда, вначале – сверхценных идей), при этом в отличие от шизофрении, с отсутствием прогрессирования негативных симптомов и изменений личности (Википедия)

⁹ **Галлюцинаторно-параноидный** (Кандинского-Клерамбо) **синдром** – состояние, в котором бред преследования и воздействия, **явления психического автоматизма** сочетаются с псевдогаллюцинациями. Бред воздействия чрезвычайно разнообразен по содержанию: от колдовства и гипноза до самых современных технических методов или устройств – радиация, атомная энергия, лучи лазера и т.д.

Психические автоматизмы – «сделанные» мысли, ощущения, движения, появляющиеся, по убеждению больного, в результате влияния на организм той или иной внешней силы. Психические автоматизмы включают чувственный, идеаторный и двигательный компоненты, проявляются чувством овладения некоторыми психическими функциями больного, возникающим в результате воздействия тем или иным видом энергии...

Идеаторные (ассоциативные) автоматизмы – результат мнимого воздействия на процессы мышления и другие формы психической деятельности...Впоследствии развиваются такие симптомы:...**сделанные мысли** (убеждение больного, что возникающие у него мысли сфабрикованы посторонними лицами, как правило, его преследователями), **сделанные сновидения** (сновидения определенного содержания, чаще всего с особым значением, вызываемые воздействием извне), **разматывание воспоминаний** (больные вопреки своей воле и желанию под влиянием посторонней силы вынуждены вспоминать те или иные события своей жизни), сделанное настроение, сделанные чувства (больные утверждают, что их настроения, чувства, симпатии и антипатии являются результатом воздействия извне). – (Справочник по психиатрии/Под редакцией А.В. Снежневского. – 2-е издание, переработанное и дополненное – м.: Медицина 1985. -416 стр.)

¹⁰ **«Платон мне друг, но истина дороже»** – Аристотель

либо что-либо посоветовать, или от чего-либо предостеречь кого-либо более младшего или менее сведущего. Но мы же всё-таки никогда не будем называть параноиком того, кто в результате собственного курения опасается в какой-то момент заболеть раком легких; или любителя выпить, который опасается цирроза печени; любителя сладкого, который небезосновательно остерегается сахарного диабета и болезней зубов, и так далее – во всех этих и им подобных случаях существует прямая причинно-следственная связь между чем-то действительным в настоящем и чем-то предполагаемым в будущем; и эта действительно существующая связь является достаточно ясной, явной, очевидной и не вызывающей ни у кого никаких сомнений.

Прошу также учесть, что я к данному произведению не прилагаю своё полное и достоверное жизнеописание, которое в большинстве случаев конечно же ответило бы на некоторые претензии и вопросы о чрезмерности, беспричинности или недостаточной обоснованности моих собственных выводов, домыслов или предположений, – хотя, всё же даже и оно было бы иногда неспособно полностью воспрепятствовать возникновению чего-либо подобного в мыслях у некоторых из сомневающихся. Большая часть моих начальных выводов и предположений каким-либо образом подтверждались последующими жизненными ситуациями, причем иногда и неоднократно; в особенности, когда шла речь об особо настойчивых и упорных индивидах – когда речь шла о чем-либо для меня неприятном, тогда к моему сожалению, а когда речь шла о чем-то приятном, тогда к моему счастью. Некоторые иногда совершали по несколько безуспешных попыток, в каждом новом случае полагаясь видимо на более удачный исход; они скорее всего не предполагали того, что все или почти все их замыслы мне были изначально уже в достаточной мере известны, и я чаще всего только лишь наблюдал за предпринимаемыми ими очередными попытками, и иногда, только лишь при острой необходимости, предпринимал ответные, полностью оправданные и необходимые действия. Несмотря ни на что, я всё-таки на некоторые возможные, предполагаемые мною претензии постараюсь предварительно, возможно, что и не совсем удачно и не абсолютно исчерпывающе, но всё же ответить:

1. Обыкновенно, мы предпочитаем жить в доме или в квартире – так нам представляется гораздо удобнее, безопаснее и теплее. Наши дома и квартиры имеют входные двери – так безопаснее и теплее. Мы, уходя из дома или квартиры, закрываем за собой двери, которые предварительно оборудованы для этого различными замками – это позволяет нам сохранить, в большинстве случаев, в целостности и сохранности всё наше имущество и обеспечивает безопасность нашим детям в наше отсутствие. Вдобавок ко всему этому, мы также знаем, что есть некоторые люди, которые способны на грабеж или воровство, а некоторые только тем в своей жизни и промышляют, что и вынуждает нас в своё отсутствие практически всегда закрывать двери своего дома/квартиры на замок. Иногда нам приходится внимательно смотреть за теми, кто нас в тот момент окружает. Иногда необходимо попытаться при необходимости понять возможные их намерения и постараться предотвратить возможные негативные последствия от их деятельности. Это в большинстве случаев позволяет нам сохранить в целостности и сохранности своё имущество, здоровье, а иногда и собственную жизнь. Так мы в таких случаях все параноики или же здесь прежде всего

присутствует (и нами руководит) *«лишь здравый смысл и жизненная опытность¹¹»*?

2. В своём большинстве, мы одеваемся теплее при холодной погоде и легче при более жаркой. Мы одеваем плащ, или берём с собой зонт при дождливой погоде. Мы не хотим замерзнуть, перегреться или намокнуть. Так мы в таких случаях все параноики или же всё-таки и здесь также прежде всего присутствует (и нами руководит) *«лишь здравый смысл и жизненная опытность»*?
3. Мы иногда скрываем свои собственные намерения и не всем и всегда говорим то, что думаем, а по возможности подбираем необходимые выражения в зависимости от возникшей ситуации и участников беседы. Мы не хотим доверять все свои мысли всем подряд, а «открыть свою душу» мы оказываемся способны (и то не все и всегда) лишь некоторым и лишь при определенных условиях. Так мы во всех этих случаях также все параноики или же всё-таки и здесь прежде всего присутствует (и нами руководит) *«лишь здравый смысл и жизненная опытность»*?
4. Зачем вообще нам нужен уголовный, гражданский и все остальные кодексы законов, все наши тюрьмы и исправительные учреждения? С какой целью существуют всевозможные общественные моральные предписания, ограничения и запреты? Мы что, все параноики и при этом все, поголовно такого плохого мнения обо всех окружающих нас людях, что считаем их потенциально способными на такие серьёзные правонарушения или преступления, безнравственные или аморальные поступки? И всё же, статистика преступлений является настолько красноречивой, значительной и впечатляющей, – и это даже без учета всех тех преступлений, которым в силу каких-либо обстоятельств не было суждено быть осуществленными или стать достоянием общественности и статистики. Все наши предосторожности и опасения в этом направлении и в этом отношении каким образом нам следует понимать и оценивать? Мы во всём этом также всегда ведём себя как параноики или же и здесь также прежде всего присутствует (и нами руководит) *«лишь здравый смысл и жизненная опытность»*?

Можно привести массу всевозможных примеров из нашей повседневной жизни, где в каких-либо из наших привычных действий так или иначе себя проявляет исключительно *«лишь здравый смысл и жизненная опытность»*. Это может быть как наш собственный опыт, так и какой-либо опыт наших родственников, знакомых или же предшествующих поколений, которым все мы стараемся при подходящей возможности и после необходимой адаптации или доработки иногда пользоваться. Я буду стараться в своем исследовании по возможности придерживаться этих, уже давно существующих, общепринятых и общепризнанных границ здравого смысла.

Не будем при всём этом также забывать и о том, что любое человеческое общество состоит не только лишь из одних культурных, воспитанных, нравственных, благожелательных, успешных, добропорядочных и добродушных людей. Рядом с нами иногда находятся, и с нами иногда непосредственно соприкасаются все те представители человеческого общества, которых достаточно красочно, чётко и очень точно ранее описал Виктор Гюго:

¹¹Здесь и далее Михаил Булгаков «Собачье сердце»

«Самое дно»

«Здесь наступает конец бескорыстию. Здесь смутно вырисовывается лик Сатаны; здесь каждый сам за себя. Безглазое «Я» рычит, рыщет, ощупывает и гложет. Уголино¹² общественного строя заточен в этой пропасти.

Свирепые существа, не то звери, не то призраки, бродят по этой пещере; их не интересует всемирный прогресс, им неведомо ни такое понятие, ни такие слова, их заботит только собственная утроба. Это почти неразумные твари, и внутри у них удручающая пустота. У них две матери – и обе они мачехи – невежество и нищета. У них есть поводырь – их потребности, а взамен всех стремлений – желание насытиться. Они зверски прожорливы, то есть кровожадны, но это кровожадность не сорокопутов¹³, а тигров. Страдания толкают этих вампиров на преступление; таково роковое следствие, чудовищное порождение, логика тьмы. Возня тех, которые ползают в нижнем трюме, это не протест угнетаемого духа; это бунт материи. Здесь человек обращается в дракона. Томиться голодом, томиться жаждой – вот отправная точка; стать Князем тьмы – вот конечный пункт... Мы утверждаем, что глубоко внизу под обществом существует и будет существовать, до тех пор пока не рассеется мрак невежества, великая пещера Зла.

Это подземелье залегает глубже других и враждебно другим. Здесь господствует беспощадная ненависть. Здесь не встретишь философа. Здесь нож никогда не оттачивал пера. Здесь чернота не походит на благородную черноту чернил. Преступным пальцам, которые судорожно сжимаются под этим душным сводом, никогда не случилось перелистать книгу или развернуть газету... У этой пещеры одна цель: разрушить всё... Это тьма, и она жаждет хаоса...»¹⁴

А в нашей стране, к сожалению, всё в данный момент уже обстоит почти так же грустно и печально, как в Париже 19-го века, – правда я не могу поручиться за все города. У нас, – возможно что и в не меньшей степени и в ещё большем количестве, – всё-таки присутствуют подобные вышеописанным невежественные, злобные и голодные индивиды, близкое знакомство с которыми иногда может быть достаточно опасно для личного имущества или собственного здоровья. Про остальные государства мне судить достаточно сложно, но что-то мне подсказывает, что законы человеческого существования и сосуществования являются общими для всех людей, и всякое современное общество вынужденно состоит из индивидуумов, находящихся на различных уровнях своего материального и духовного достатка и развития. Материальной нищеты в большинстве государств в наше время стало значительно меньше, чего нельзя сказать о нищете духовной, а ведь именно она и является основной причиной развития и процветания большинства из вышеперечисленных человеческих пороков.

Постараемся также не забывать и о том, что не всегда какая-либо заходящая в небе над нами грозовая туча будет иметь своим следствием начало дождя;

¹² **Граф Уголино делла Герардеска** – свергнутый правитель Пизы, глава гибеллинской партии города. Выведен в «Божественной комедии» Данте Алигьери («Ад» 33:90), где рассказывается о его смерти вместе с сыновьями от голода и одновременно ему приписывается каннибализм. (Википедия)

¹³ **Сорокопут** – сорокопуты (лат. Lanius от Ianius «мясник, «палач», «приносящий жертву») – наиболее многочисленный род птиц семейства сорокопутовых... Как и другие представители семейства, это небольшого размера птицы плотного телосложения, ведущие хищнический образ жизни... (Википедия)

¹⁴ Виктор Гюго «Отверженные»

иногда так бывает, что дождь так над нами и не начинается, и она просто проходит дальше. Но мы при виде её всё же предполагаем потенциальную возможность того, что дождь может в какой-то момент начаться. И если он в конечном итоге так и не начинается, то для нас это не так уже и важно, почему всё именно так в конечном итоге и произошло. Для нас в такой ситуации главное быть в необходимой мере подготовленными к потенциально возможным и существенным для нас последствиям, наступления которых мы и стараемся в подобных случаях избежать, как это в большинстве случаев с нами и происходит при переходе через дорогу с интенсивным автомобильным движением.

Ко всему представленному в сновидении материалу мы прежде всего должны относиться как к некоей заходящей над нами туче, потенциально возможным следствием из чего и бывает иногда неприятный для нас, а иногда так нами ожидаемый дождь. Иногда такого рода «туча» спустя некоторое время и сама уходит, а иногда она остается над нами на более продолжительное время. Иногда так случается, что нам оказывается просто не под силу её самостоятельно прогнать. В таком случае, либо обстоятельства в конечном счёте складываются в нашу пользу, либо же просто с течением времени какие-либо намерения и желания просто теряют для кого-то актуальность. А иногда и существенно изменившиеся потенциальные возможности зашедшей над нами «тучки» уже не позволяют надеяться на успешную реализацию всего задуманного кем-то некогда ранее. *«Ведь нередко вмешивается нечто такое, из-за чего надвигающаяся беда, как она ни близка, или задерживается в пути, или рассеется, или падет на голову другому...»*¹⁵ А иногда всё-таки начинается «дождь», и ни мы, ни кто-либо иной просто не в состоянии предотвратить его. Но предполагаемый и ожидаемый нами дождь, к которому мы уже успели в достаточной мере подготовиться, всё же оказывается для нас гораздо более приемлем и менее опасен, нежели совершенно неожиданный, к которому мы оказались абсолютно не готовы. Необходимо по возможности также воздерживаться и от другой крайности – не нужно пытаться везде увидеть что-либо несуществующее. *«Может быть, беда случится, а может, и не случится; пока же её нет, и ты рассчитывай на лучшее...ведь если бояться всего, что может случиться, то незачем нам и жить, и горестям нашим не будет предела...»*¹⁶

Понимание действительно существующей причинно-следственной связи является тем самым основным, обязательным и необходимым фактором, при помощи которого мы чаще всего и получаем возможность проследить истоки возникновения некоторых интересующих нас событий и процессов. При отсутствии же подобного понимания или же при нежелании к нему прийти, представляется невозможным возникновение у человека сколько-нибудь ясного и четкого понимания действительных причин происходящих в нем и вокруг него процессов и явлений. Для начала необходимо, как минимум, своё собственное желание понять все возможные источники и их действительные причины. Сначала человеку снится некоторое сновидение, а уже через какое-то время в его жизни происходит нечто подобное тому, что ему ранее приснилось; и потом такое совпадение случается снова; и такое с ним происходит неоднократно. Можно всё это полностью

15 Луций Анней Сенека «Нравственные письма к Луцилию»

Луций Анней Сенека – римский философ-стоик, поэт и государственный деятель. Воспитатель Нерона и один из крупнейших представителей стоицизма (Википедия)

16 Луций Анней Сенека «Нравственные письма к Луцилию»

игнорировать, а можно попытаться понять все существующие в действительности закономерности, что я в данном случае и постарался сделать. Насколько успешно и удачно – судить об этом предоставляю читателям. Постараемся всегда также учитывать и то, что если даже после сновидения в нашей жизни ничего подобного так и не произошло, то вовсе не обязательно, что это изначально никем не замышлялось и не планировалось. Не будем забывать о том, что возможной причиной такого могло быть нечто из следующего:

1. возможно, что чьи-то планы с течением времени частично либо полностью изменились;
2. возможно, что чьи-то планы были каким-либо образом, без нашего непосредственного участия, расстроены;
3. возможно, что чьи либо планы были благодаря некоторым нашим своевременным и правильным, иногда даже нами до конца и неосознанными, действиям расстроены;
4. возможны различные комбинации всех или некоторых из вышеприведенных случаев.

У **Виктора Гюго** в его произведении *«Последний день приговоренного к смерти»* написано: *«Мстит может отдельный человек, карать может Бог. Общество же занимает промежуточную ступень. Кара – выше его, месть – ниже. Ни такое возвышенное, ни такое низменное дело ему не пристало; его обязанность не «карать, чтобы отомстить», а воспитывать, чтобы исправить»*.

Есть некоторое количество стран, где «кровная месть» до сих пор всё ещё является одним из неписанных, но при этом одним из основополагающих законов гражданского общества. Много ли мы, живущие в современном, светском государстве в 21 веке, в своём собственном окружении знаем таких людей, которые ставят личную месть ниже своего собственного достоинства, и оставляют исключительно на долю «Всевышнего», «Высшего Правосудия» или «Его Величества Случая» решать: кто и насколько в какой ситуации оказался прав или виноват по отношению к ним, и кто и какого наказания за всё это заслуживает или не заслуживает? Сколько из нас или из них способно оставить без своего ответа действительную или мнимую, только кажущуюся им, несправедливость, совершенную по отношению к ним или их близким? При этом, не у всех и не всегда так получается, что этот самый их ответ является чем-то необдуманым, спонтанным и незамедлительным.

«И напрасно ты думаешь, что у меня была только одна возможность утолить желанную месть. В моём распоряжении было множество средств: притворяясь, что люблю тебя по-прежнему, я расставил вокруг тебя множество капканов, и если бы даже ты не попала в этот, то немного погодя непременно угодила бы в другой, и в других капканах тебе было бы ещё хуже и ещё стыднее; избрал же я именно этот не для того, чтобы облегчить твою участь, а потому, что из всех способов мести это наиболее забавный».¹⁷

Довольно часто мстительные побуждения в какой-то момент поглощают человека целиком и полностью; они целиком «отравляют» ему жизнь и не дают ему

спокойно жить до тех самых пор, пока его внутренняя потребность в свершении мести не будет полностью реализована. Иногда некоторые недобросовестные люди из окружения этого человека вполне намеренно, обдуманно, сознательно и умышленно разжигают в нём все эти низменные позы, помыслы и побуждения, в результате чего он с какого-то момента оказывается просто не в состоянии спокойно видеть перед собой объект своей ненависти или даже слышать что-либо о нем. В подобных случаях, самому этому ответному действию, иногда предшествует длительное предварительное размышление и продолжительная подготовка к завершающему событию. Целью этого предполагаемого действия в большинстве случаев является подсаженная или задуманная и тщательно продумываемая месть за какое-то ранее причиненное по отношению к индивиду несправедливое с его точки зрения действительное или мнимое деяние.

Также не будем забывать и о всякого рода внешне достаточно безобидных розыгрышах, интригах, и всех их более или менее зловредных подобию. Все они на этапе своего замысла и обсуждения в значительной мере занимают собой помыслы всех участников. Именно во время этого обдумывания и продумывания всех деталей предполагаемых действий, их объект и получает возможность узнать в какой-то мере о всём том: что, кем и с какой целью замышляется против него самого.

В своем рассказе *«Прощение»* Ги де Мопассан написал: *«Дети ни о чем не догадываются и, подрастая, вступают в жизнь с повязкой на глазах и мыслях, не подозревая об изнанке жизни, не зная, что мысли не всегда соответствуют словам, а слова – поступкам, не ведая, что надо жить в войне со всеми или по крайней мере хранить вооруженный мир, не догадываясь, что за доверчивость вас обманывают, за искренность предадут, за доброту платят обидой»*.

Можно конечно же всегда так и жить, глубоко не задумываясь обо всем происходящем вокруг нас и с нами, но, как показывает существующая практика, так долго без существенных, негативных последствий продолжаться не может. Многие, иногда только на словах, стараются всячески продемонстрировать такого рода детскую наивность и бесшабашность, и пытаются не обращать пристального внимания на *«изнанку жизни»*, но, в глубине своей души, они все же понимают всю ничтожность своей беспечности, и, в какой-то момент, всё же осознают и ту действительную цену, которую им когда-то придется платить за своё собственное пренебрежение и нежелание считаться с окружающей их действительностью.

Хотя, иногда, в виде исключения, возможно и такое «благоприятное» течение человеческой жизни: *«Иные так и живут до самой смерти в ослеплении чистоты, прямодушия и честности, до такой степени не тронутые жизнью, что ничто не в состоянии открыть им глаза»*¹⁸. Однако, гораздо чаще, представляется возможным вот такое или ему подобное направление развития человеческой жизни: *«Другие, выведенные из заблуждения, растерянные, сбитые с толку, в отчаянии падают и умирают, считая себя игрушкой жестокой судьбы, несчастной жертвой гибельных обстоятельств и каких-то на редкость преступных людей»*¹⁹.

Наша интуиция²⁰ достаточно часто помогает понимать происходящее вокруг и

18 Ги де Мопассан «Прощение»

19 Ги де Мопассан «Прощение»

20 **Интуиция** – способность человека понимать и проникать в смысл событий и ситуаций посредством единомоментного

внутри нас, и избегать некоторых из возникающих неприятностей; но она всё-таки не является достаточно надежным средством против многих несчастий, которые нам иногда угрожают. Интуиция не обладает такой же наглядностью изображения, какой удается достичь сновидению, – она более туманна и менее отчетлива. Наши сновидения представляются мне демонстрацией происходящего именно «на изнанке» нашей собственной жизни, о которой большинству людей ничего достоверно не известно. Лишь немногим доступно частичное действительное понимание происходящего «у них за спиной», в чем им в значительной мере помогает их собственное достоверное знание всего лишь некоторой части из происходящего вокруг и около них, – всего и обо всем знать никому из людей не дано. Но это всё же представляется как достаточно затратное дело, да и мало кому оказывается силу или по карману его полноценно осуществить. Именно здесь понимание хотя бы части смысла своих собственных сновидений позволяет нам восполнить существующие пробелы в общей картине нашего мировосприятия, к наиболее полному пониманию которой все мы в какой-то мере постоянно стремимся.

Перед прочтением данного произведения настоятельно рекомендуется ознакомиться с книгой «*Толкование сновидений*» **Зигмунда Фрейда** и некоторых других произведений по данной тематике представителей психоаналитического взгляда на этот феномен душевной деятельности. Для лучшего понимания и большей простоты изложения материала я взял за образец для своего исследования структуру произведения **Зигмунда Фрейда**. Я буду достаточно часто, – кому-то может показаться что даже слишком часто, – использовать выдержки из его исследования и некоторые его примеры сновидений, но с применением своего собственного метода исследования и со своими, следующими далее, размышлениями, пояснениями, рассуждениями и комментариями. В структурном отношении, данное исследование является чем-то внешне напоминающим собой полемику – вначале я буду приводить мнение **Зигмунда Фрейда**, оформленное в тексте в виде цитаты, а уже потом буду высказывать свои собственные мысли и точку зрения по этому вопросу. Множественное цитирование также является прямым следствием моего сильного желания отдать должное силе ума и глубине проницательности **Зигмунда Фрейда** в вопросе исследования природы сновидения, благодаря чему у меня и возникла возможность привнести некоторые свои собственные мысли, замечания и дополнения к его теории.

В своей оценке всевозможных источников сновидений, **Зигмунд Фрейд** прежде всего исходил из того факта, что люди оказываются не в состоянии обмениваться какой-либо значительной и существенной информацией друг с другом никаким иным способом, кроме вербального или зрительного. Это общепризнанные и общепринятые основные, естественные средства передачи информации между различными людьми, хотя, при более близком общении, мы также получаем дополнительную информацию при использовании нашего обоняния, осязания и вкуса. Всё же остальное, что касается каких-либо «сверхчеловеческих» и «экстраординарных» способностей и возможностей такого

бессознательного вывода: инсайта и озарения. Интуиция основана на человеческом воображении, эмпатии и предшествующем опыте. Иногда интуицию называют : «чутьём», проницательностью. Она проявляется как образное мышление, а также – как способность к распознаванию ситуации в целом без анализа деталей... (Википедия)

Эмпатия – осознанное сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека без потери ощущения происхождения этого переживания. (Википедия)

рода, находилось за пределами науки того времени и им в своем исследовании не принимается во внимание, и даже и не обсуждается.

«...Есть в мире сила выше нашей силы, которую сознание не открыло...»²¹
Видимо, именно по этой причине, как прочное основание во время какого-либо рода исследования, подобного типа «антинаучные» теории до сих пор никем всерьёз не воспринимаются, и автоматически переносятся в разряд псевдонаучных домыслов. Продолжая эту точку зрения, можно также сказать, что существующие у кого-либо другого подобные «антинаучные» предположения, для думающих «научным» образом, не имеют именно для них ничего общего с существующей для них их собственной объективной реальностью (реальной действительностью), и могут ими при желании и с легкостью трактоваться лишь как плод больного воображения автора всевозможных «антинаучных» теорий, изначально основанных на них.

Но всё же мы все прекрасно знаем, что по состоянию на текущий момент (2023 год от Р.Х.), человек самостоятельно создал массу всевозможных устройств, способных передавать информацию с большой скоростью и на значительные расстояния. Мы также все полностью согласны и с тем, что несмотря на все достижения науки, создать нечто подобное человеку по красоте и сложности, самому человеку ни сейчас, ни в ближайшем будущем, не под силу, и он пока даже и близко к этому не в состоянии приблизиться. Но, неужели же мы будем настолько предвзяты, невежественны и настойчивы в своем нежелании признать что-либо существующим только лишь из-за того, что мы этого достаточно четко не способны увидеть, пощупать, потрогать, измерить, взвесить, ощутить, осознать и понять? Даже если мы и не признаём самого факта существования какого-либо явления, оно, будучи при этом существующим в действительности, от нашего нежелания признать его существование не перестает при этом существовать. Зачем же мы так упорно настаиваем на том, что то, чего мы не видим или не понимаем — совершенно точно не существует или никоим образом не может существовать?

*«Исследования, проведённые в институте радиотехники и электроники АН СССР академиком Ю. Гуляевым и доктором физико-математических наук Э. Годиком, доказали, что **вокруг человека располагается буквально радуга физических полей**: инфракрасное, поле сверхвысокой частоты, электрическое, магнитное поле, акустическое и акусто-тепловое излучение, аэрозольно-ионная атмосфера. Человек обладает даже собственным гамма-излучением!*

Почти каждый орган, каждая ткань, даже каждая клетка обладают своим специфическим комплексом физических полей...»²²

Мы обладаем несколькими органами чувств, которые позволяют нам получать извне и изнутри определенного рода информацию, которая является для нас жизненно важной. Помимо всего этого, вокруг нас и в нас самих существует масса всего такого, о существовании чего мы не имеем абсолютно никакого понятия и представления. И оттого, что мы обо всём этом не имеем никакого собственного представления, и наши органы чувств оказываются не способны ощутить и определить это присутствие чего-либо вне или внутри нас, оно от этого не перестаёт существовать. Если мы сами [человечество] в данный момент способны

²¹ Джордж Гордон Байрон «Дон-Жуан»

²² В.В. Кованов «Эксперимент в хирургии»

Владимир Васильевич Кованов — академик АМН СССР, профессор, заведовал кафедрой оперативной хирургии и топографической анатомии 1-го московского медицинского института им. И.М. Сеченова.

создавать нечто такое, что способно удаленно, преодолевая значительные расстояния, обмениваться между собой информацией, то почему тогда мы отказываем в такой способности создавшей нас самих **Природе** и/или «**Всевышнему Творцу**»? Почему мы с такой настойчивостью и упорством утверждаем, что сама **Природа** и/или «**Всевышний Творец**» никаким образом не могли никогда прежде и не в состоянии даже и сейчас создать нечто подобное или даже гораздо более сложное? Творение в какой-то момент превзошло в своём воображении своего собственного **Творца**?! Никому это случайно не напоминает «**манию величия**»²³?

Если посмотреть на любую из современных наук, можно найти в ней достаточно много таких правил, законов и утверждений, которые некогда ранее также являлись всего лишь чьими-то домыслами, предположениями, предпосылками или гипотезами, что однако не отменяло их изначальной правильности, что и было доказано впоследствии. Даже и сейчас существует масса таких гипотез, которые пока не имеют своего опытного подтверждения и, несмотря на это, воспринимаются нами как вполне достоверные, чьё доказательство ожидается и непременно вскоре последует.

В Приложении я приведу некоторые из сновидений, которые были приведены **Зигмундом Фрейдом** в его произведении «*Толкование сновидений*» с его собственными толкованиями, по окончании которых я приведу свои толкования этих сновидений исходя из моего понимания природы сновидений в целом и текущей возможности проникновения в суть того сплетения желаний и намерений, результатом которого, как мне показалось, и явилось каждое приведённое мною сновидение. В силу того, что объем информации о самом сновидении и его контексте у меня ограничен лишь толкованием его **Зигмундом Фрейдом** и материалом самого сновидения, мое толкование сновидения всё же может оказаться не вполне исчерпывающим.

При всём прочем, «...я боюсь полемики, втягивающей в личное и недоброжелательное пустословие... ищу и дорожу той полемикой, которая вызывает на объяснения недосказанного и на уступки в преувеличенности и односторонности...»²⁴

Любая разумная и/или конструктивная критика приветствуется! При этом, будем всегда помнить также и о том, что всякому «человеку свойственно ошибаться», а я прежде всего человек. Прошу всех критиков и советчиков также не забывать о том, что во всех случаях, «когда мы что-либо или кого-либо оцениваем, мы прежде всего при этом оцениваем самих себя». Огромная просьба к конструктивным критикам: отдавая в печать или на чей-либо суд свою критическую статью либо отзыв, касающиеся данного исследования, пришлите, пожалуйста, мне копию на электронную почту rsergeydm@gmail.com для моего

своевременного ознакомления с Вашими критическими замечаниями, предложениями и рассуждениями. Я обязательно должен понять – это у меня была допущена ошибка в рассуждениях, или же я ошибся во время исследования, или же я допустил её в самом изложении материала. В любом случае, если ошибка действительно была допущена, её необходимо при первой же возможности и

23 **Мания величия** – тип самосознания или поведения личности, выражающийся в крайней степени переоценки своей важности, значимости, известности, популярности, славы, тщеславия, богатства, власти и влияния... (Википедия)

24 Л.Н. Толстой «О народном образовании»

исправить. Нужно всегда стремиться к наиболее правильному, полному, ясному и понятному изложению всего материала исследования.

Полный список литературы, к сожалению, указать не могу. Прочитано за более чем тридцать лет много различной литературы. Что-то повлияло более, что-то менее – однако всё было необходимо и важно. Это была разного рода научная и художественная литература. Значительное влияние и воздействие на направление и конечный результат самого исследования оказали произведения философского характера. Если я где-то в своем изложении кого-либо процитировал и не указал этого – прошу меня за это простить, так как я сделал это не преднамеренно. Укажите пожалуйста мне на соответствующее место, и я обещаю исправить допущенную мною ошибку в следующем издании, если таковое будет когда-либо возможно.

«Я выстирал черное бельё наскоро, а новое сшил на живую нитку. Но с вашей помощью надеюсь, что барыня публика меня по щекам не прибьёт, как непотребную прачку. Ошибки правописания, знаки препинания, описки, бессмыслицы прошу самим исправить – у меня на то глаз недостаёт...»²⁵

Данное исследование является моим первым и, я надеюсь, что и не последним, поэтому прошу меня по возможности очень строго не судить и простить за не совсем правильный, корректный, а где-то не совсем красивый и ясный слог и стиль. Какие-то мысли, к сожалению, оказались так до конца и не законченными, какие-то задачи до конца так и не были разрешены. Но я посчитал, что на данный момент смыслового потенциала оказалось вполне достаточно для того, чтобы можно было предоставить своё исследование Вашему вниманию. Совершенствование же будет происходить с каждым новым опытом. Это неизбежно! Всем спасибо и приятного чтения!

P.S. “В человеческом обществе нет ничего более жестокого и непримиримого, чем научная догма, освящённая временем...”

Есть ли большая тирания, чем узаконенное временем ложное учение!»²⁶

Ревенко С.Д. 2022-2024 г.г.

25 А.С. Пушкин – письма

26 Александр Поповский «Законы жизни»

I. Научная литература по вопросу о сновидениях

«Вы, конечно, знаете, пригожие дамы, что всем нам свойственно видеть сны, причем некоторые сны спящий, покуда он спит, целиком принимает за истину; когда же он просыпается, то иные сны представляются ему вещими, иные – правдоподобными, иные – совершенно невероятными, со всем тем многие сны потом сбываются. Вот почему многие также же верят в сон, как в явь; сны то огорчают их, то радуют – смотря по тому, что они в них вселяют: страх или надежду. Есть, однако, и такие, которые не верят в сны до тех пор, пока с ними не стряется беда, которая им была предсказана во сне...»

Джованни Боккаччо «Декамерон»

*«Сны, что, подобно теням, порхая, играют умами,
Не посылаются нам божеством ни из храма, ни с неба,
Всякий их сам для себя порождает, покуда на ложе
Члены объемлет покой и ум без помехи резвится,
Ночью дневные дела продолжая.
Так, воин, берущий
Город на щит и огнём пепеляющий несчастные стогна,
Видит оружие, а ратей разгром, и царей погребенье,
И наводнённое кровью пролитую ратное поле.
Тот, кто хлопочет в судах, законом и форумом бредит
И созерцает во сне, содрогаясь, судебное кресло.
Золото прячет скупой и вырытым клад свой находит.
С гончими мчится ловец по лесам, и корабль свой спасает
В бурю моряк или сам, утопая, хватает обломки.
Пишет блудница дружку.
Матрона любовь покупает.
Пёс легавый во сне преследует с лаем зайчонка.
Так же во мраке ночей продолжаются муки страдальцев.»*

Эпикур

Я приведу лишь некоторые из приведенных З. Фрейдом в книге «Толкование сновидений» исторических взглядов на природу сновидения, которые наиболее соответствуют моей точке зрения. Все проявляющие значительно более глубокий интерес к ранним исследованиям по данному вопросу, при сильном на то желании, могут почерпнуть необходимую, недостающую информацию во всей доступной им литературе по анализу и толкованию сновидений. Я не ставил для себя целью прочитать всю существующую литературу по данной тематике в силу неразумности и невозможности этого. Вдобавок ко всему, не всё переведено на понятный мне язык; что-то является не слишком точным пересказом; что-то имеет с моей точки зрения характер совершенно фантастический и не совсем подходит к определенным мною для исследования целям. Поэтому, все желающие расширить свои собственные познания в историческом, литературном, классическом и научном сегменте по вопросу о природе сновидения могут самостоятельно ознакомиться с произведениями других психоаналитиков, психологов, философов и авторов классических художественных произведений. Список некоторых из этих книг можно найти в произведении Зигмунда Фрейда «Толкование сновидений».

В основном данный раздел предназначен для всех тех, кто не имеет достаточных начальных и, в какой-то мере, необходимых познаний, полученных из всевозможной научной, философской и/или художественной литературы по

обсуждаемому здесь вопросу. Читателям иногда необходимо в какой-то мере понять и почувствовать, что поиски ответа на данный вопрос интересовали мыслящих людей на протяжении всего существования человечества. Все мыслители задумывались над действительной природой сновидений, и пытались дать ей своё объяснение. Для более полной информации по истории развития самой мысли в вопросе исследования природы сновидений я отсылаю всех интересующихся к произведению Зигмунда Фрейда «Толкование сновидений». В нём он более тщательно и подробно исследовал сам процесс эволюции человеческих познаний о смысле и сути сновидений.

«То, что бог уделил пророческий дар человеческому умопомрачению, может быть бесспорно доказано: никто, находясь в своём уме, не бывает причастен боговдохновенному и истинному пророчеству, но лишь тогда, когда мыслительная способность связана сном, недугом либо неким приступом одержимости. Напротив, дело неповрежденного в уме человека – припомнить и восстановить то, что изрекла во сне либо наяву эта пророческая и вдохновенная природа, расчленив все видения с помощью мысли и уразуметь, что же они знаменуют – зло или добро – и относятся ли они к будущим, к минувшим или к настоящим временам. Не тому же, кто обезумел или ещё пребывает в безумии, судить о собственных видениях или речениях! Правду говорит старая пословица, что лишь рассудительный в силах понять сам себя и то, что он делает»²⁷.

Наиболее точно и ясно из всех мыслителей древности именно Платон²⁸ смог понять и познать сущность сновидения. Ему как никому другому удалось в наиболее доступной форме сформулировать свой взгляд на действительную природу сновидения. Именно ему оказалось под силу практически полностью прочувствовать ту жизненно важную для человека функцию сновидения, которая присуща человеческой природе. Ему, как никому другому из мыслителей древнего мира, удалось проникнуть в самую его глубину и ощутить необходимость понимания сущности своих сновидений для более осмысленного существования каждого из людей.

Зигмунд Фрейд пишет: *«В обеих работах Аристотеля²⁹, обсуждающих сновидение, оно уже стало объектом психологии. Мы слышим, что сновидение – это не послание Божие, что оно имеет не божественное происхождение, а дьявольское, так как природа скорее демонична, чем божественна. Сновидение вовсе не возникает из сверхъестественного откровения, а является результатом законов человеческого духа, родственного, конечно, божеству. Сновидение определяется как душевная деятельность спящего, покуда он спит.*

Аристотелю знакомы некоторые из характерных черт жизни сновидения; он знает, например, что сновидение превращает мелкие раздражения, наступающие во время сна, в крупные («кажется, будто идешь через огонь и горишь, когда на самом деле происходит лишь незначительное согревание той или

²⁷ Платон «Тимей»

²⁸ **Платон** – афинский философ классического периода Древней Греции, основатель платонической школы мысли и Академии, первого высшего учебного заведения в западном мире (Википедия)

²⁹ **Аристотель** – греческий философ и эрудит классического периода в Древней Греции...Обученный Платоном, он был основателем перипатетической школы философии в Ликее... (Википедия)

другой части тела») и выводит отсюда заключение, что сновидение может обнаруживать перед врачом первые, незаметные признаки начинающегося изменения в теле.

Древние до Аристотеля считали сновидение, как известно, не продуктом грезящей души, а внушением со стороны божества: мы уже видим у них оба противоположных направления, имеющиеся налицо во всех исследованиях сна и сновидения. Они различают истинные и ценные сновидения, ниспосланные спящему для предостережения или для предсказания будущего, от тщеславных, обманчивых и ничтожных, целью которых было смутить спящего или свергнуть его в гибель»³⁰.

В древности большинство людей относились к своим сновидениям с особым, неподдельным вниманием. *«Камбиз велел умертвить своего брата лишь потому, что ему приснилось, будто тот должен стать персидским царем, – а это был брат, которого он любил и которому всегда доверял!.. А царь Мидас сделал то же [наложил на себя руки], встревоженный и испуганный неким тягостным сном, который ему привиделся»³¹.* При всякой возможности, люди старались прибегнуть к помощи каких-либо толкователей сновидений для наиболее полного и ясного понимания конечного, действительного смысла своих собственных сновидений. Понимание того, что сновидение не есть что-либо малозначимое и совершенно бессмысленное присутствует практически у всех мыслителей древнего мира, о которых до нас дошли какие-либо сведения. Все наиболее выдающиеся философы, историки, ораторы, военачальники и правители во все времена пытались при помощи сновидений понять окружающую их действительность или предсказать своё ближайшее будущее. Ощущение пророческого значения сновидений прослеживается и просматривается практически во всех произведениях различных авторов раннего времени.

Мишель Монтень³² пишет: *«Можно было бы, пожалуй, признать сон, лишающий нас возможности действовать и чувствовать, чем-то ненужным и противоестественным, если бы не то, что с его помощью природа показывает нам, что она предназначила нас в такой же степени для жизни, как и для смерти, и если бы не то, что посредством сна она ещё при жизни приоткрывает нам ту вечность, которая ждет нас после этой нашей жизни, для того чтобы приучить нас к ней и освободить нас от страха перед ней»³³.*

В этом случае автор рассматривает не само содержимое сновидения и его общий смысл, а само состояние сна – его сущность и его действительный смысл для всего человеческого существования. Предполагается, что именно в состоянии сна мы получаем возможность в некоторой мере испытать на себе всё то, что ожидает всех нас уже после нашей смерти. Сами же сновидения и их смысл совершенно не рассматриваются и не принимаются во внимание как нечто вполне осмысленное и необходимое, хотя общий взгляд при этом представляет собой очень интересную аналогию, проверить достоверность которой пока не представляется возможным. В другом месте тот же автор уже гораздо точнее дает описание сути сновидения: *«Она [душа] извлекает для себя пользу*

30 Здесь и далее все встречающиеся в тексте цитаты Зигмунда Фрейда взяты из его произведения «Толкование сновидений»

31 Мишель Монтень «Опыты»

32 *Мишель де Монтень* – французский писатель и философ эпохи Возрождения (Википедия)

33 Мишель Монтень «Опыты»

решительно из всего. Даже заблуждения, даже сны – и они служат её целям: у неё всё пойдет в дело, лишь бы оградить нас от опасности и тревоги»³⁴. Это позволяет с достаточной уверенностью утверждать, что всё-таки Мишель Монтень был очень далек от того, чтобы каким-либо образом попытаться обесценить сущность сновидения и проигнорировать его действительную роль для всего человеческого существования.

Многие толкователи сновидений в прошлом использовали достаточно простой и часто безошибочный метод толкования сновидений – следует в жизни поступать не так как всё произошло в сновидении, а совершенно наоборот, вопреки увиденному во сне.

«...Он решил внимательно следить за каждым словом и движением своего провожатого, так как ему казалось, что действия этого человека часто следует понимать в обратном смысле, вроде того, как гадальщики толкуют сны...»³⁵

Именно нежелание слепо следовать чьему-то влечению руководило всеми подобными толкователями сновидений в таком случае. Если сновидение показывало нечто такое, что субъектом сновидения ранее не предполагалось, тогда ему можно было смело полагать то, что не его, самого субъекта сновидения, собственные намерения и интересы лежат в основе всех предпринятых им в сновидении действий.

а) Отношение сновидения к бодрствованию

«Неудивительно, что в сновидениях перед людьми проходит всё то, чем они занимаются в жизни, о чем они думают и заботятся и что видят и делают и замышляют, пока бодрствуют»

Мишель Монтень «Опыты»

Зигмунд Фрейд пишет: *«Наивное суждение пробуждающегося человека предполагает, что сновидение, – если и не происходит из другого мира, – то во всяком случае переносит его самого в тот чуждый мир».*

Здесь уже начинает проглядывать внутреннее ощущение автором того, что в сновидении всё происходит несколько по-иному; там не всегда действуют правила и законы нашей сознательной жизни; там нереальное часто становится вполне реальным, и иногда нечто невозможное в реальной жизни превращается во что-то вполне себе осуществимое в самом сновидении. Это в действительности совершенно другой мир со своими собственными законами и правилами, которые при сознательном, бодрственном рассмотрении скорее напоминают полное их отсутствие как таковых. Вдобавок ко всему, то, что сегодня на выходе дает один результат, завтра вполне может иметь своим прямым следствием нечто значительно отличающееся от предыдущего.

Это, по нашему собственному ощущению, иногда представляет собой что-то напоминающее собой путешествие в иной мир, которое происходит по своим собственным, вполне определенным, но не совсем понятным правилам, и иногда

34 Мишель Монтень «Опыты»

35 Вальтер Скотт «Квентин Дорвард»

предоставляет совершенно фантастические возможности. Очень редко нам удается предварительно настроить себя и сознательно заставить увидеть себя вполне определенный сон в четко запланированное нами время. Чтобы такое было возможно, необходимо быть настолько сильно поглощенным своим собственным желанием и/или объектом своего желания, чтобы всё остальное было полностью вытеснено из текущего мышления, что в таком случае практически полностью исключает человеческое сознательное, волевое усилие – всё в таком случае само идет своим ходом, и индивида подхватывает течение и уносит вслед за собой. Необходимо быть в значительной мере одержимым каким-либо своим собственным желанием; в таком случае окажется, что не мы им владеем и его контролируем и им управляем, а оно нами полностью овладевает и управляет в своих интересах и целях. Вполне возможно, что в некоторых случаях всё происходит посредством того действительного, реального влияния и воздействия, которое некоторым образом и до конца непонятным для нас способом оказывает на нас объект нашего очень сильного желания.

«В тот день, когда вам покажется, что от проходящей мимо вас женщины исходит свет, вы погибли, вы любите. Тогда вам остается одно: думать о ней так неотступно, что она принуждена будет думать о вас»³⁶.

Зигмунд Фрейд пишет: *«...Гаффнер... «Прежде всего сновидение служит продолжением бодрственного состояния. Наши сновидения стоят всегда в связи с представлениями, имевшими место незадолго до того в сознании. Такое наблюдение найдет всегда нить, которой сновидение связано с переживаниями предшествующего дня»».*

Здесь у автора присутствует достаточно четкое понимание того, что очень часто основное влияние на формирование сновидения оказывается нашими собственными дневными размышлениями, переживаниями и желаниями. То, чем мы были наиболее сильно озабочены, озадачены или заинтересованы в продолжение дня, предшествующего сновидению, то, что нами наиболее сильно владело в течение дня, очень часто оказывает наибольшее влияние на содержание нашего сновидения. Если же мы в течение дня не были поглощены никакими существенными размышлениями и эмоционально насыщенной деятельностью, – а такое бывает обычно чаще, чем реже, – тогда наиболее вероятен у нас сон без сновидений, или же нам может присниться какое-либо сновидение с очень туманным, нечетким и плохо вспоминаемым после пробуждения содержанием.

«Когда уснувший не томится никаким желанием и не видит снов – это совершенный глубокий сон. Он, чье место есть совершенный глубокий сон, кто стал Единым, кто есть мудрость, собранная в себе, кто состоит из одного блаженства, кто наслаждается блаженством безотносительным, у кого сознающий разум есть врата...»³⁷

Исключением из вышеприведенного правила является тот нередкий случай, когда наша особа в значительной мере занимала мысли и волновала чувства какого-либо другого, не обязательно нам лично знакомого человека в контексте его собственных или навязанных ему кем-либо другим желаний, что, как возможное прямое следствие, привело к возникновению у него на их основе уже

36 Виктор Гюго «Отверженные»

37 Шри Ауробиндо «Мандукья Упанишада»

более определенных, конкретных намерений. Мы в таком случае в определенные моменты этого дня будем хоть и в незначительной мере но ощущать в себе некоторое внутреннее волнение или беспокойство, изначально для нас непонятное по своей природе и поэтому кажущееся нам в тот момент совершенно непонятным, необоснованным и беспричинным. Именно по этой причине чаще всего нам не будет доступен в последующую ночь достаточно спокойный сон без сновидений, а скорее всего всё будет совершенно наоборот – нас ожидает сновидение – возможно, что даже и не одно – которое скорее всего будет не вполне для нас понятным и не особо приятным, которое будет способно вызвать у нас некоторое недоумение после пробуждения.

Зигмунд Фрейд пишет: «...философ **Г.И.Маасс**: «Опыт подтверждает наше утверждение, что мы чаще всего видим в сновидении то, на что направлены наши самые горячие и страстные желания. Из этого видно, что наши страстные желания должны оказывать влияние на появление наших сновидений. Честолюбивый человек видит в сновидении достигнутые (может быть, лишь в его воображении) или предстоящие лавры в то время, как сновидения влюбленного заполнены предметом его сладких надежд... Все чувственные желания или отвращения, дремлющие в сердце – если они приводятся в возбуждение на каком-либо основании – могут оказать влияние в том смысле, что из связанных с ними представлений возникает сновидение или что эти представления примешиваются к уже существующему сновидению»».

И в данном случае у автора также присутствует достаточно сильная уверенность в том, что наши собственные желания являются определяющим фактором при формировании наших сновидений. Чем более мы вовлечены во что-либо или поглощены чем-либо, тем сильнее прослеживается непосредственное воздействие всех наших дневных фантазий и размышлений на итоговое содержание наших сновидений. Достаточно часто мы живем нашими мечтами и в нашей повседневной жизни, поэтому и во сне они нас полностью не покидают. Мы просто не можем, продолжая жить, перестать пытаться так или иначе реализовать свои желания, даже если это нам удастся сделать только лишь в своем собственном воображении.

Здесь рассмотрена только позитивная сторона всех наших фантазий. Но всё же не надо при этом полностью забывать также и о том, что иногда для реализации некоторых планов – как обязательное предусловие, или при реализации – как обязательное условие, бывает необходимо осуществить и какие-либо деструктивные желания. А некоторых невежественных людей – в силу их неосведомлённости, неумелости или сильной испорченности, либо в силу их полной разочарованности в себе и/или в окружающих, ничего кроме деструктивных желаний в их сознательной жизни не волнует и не интересует; ничего более существенного и для них значимого в их душевной жизни не происходит и не обнаруживается.

b) Материал сновидения. Память в сновидении

*«Как ветер беспокоит иногда
Поток альпийский сладким дуновеньем,
Так наших душ глубокая вода,
Встревоженная странным сновиденьем,
Таинственно томится, и тогда,
Озарена чудесным просветленьем,
Бесчувственна, но, чувством смущена,
Не глядя, видит вечное она.»*

Джордж Гордон Байрон «Дон-Жуан»

Зигмунд Фрейд пишет: *«То, что весь материал, образующий содержание сновидения, так или иначе происходит от реальных переживаний и в сновидении лишь воспроизводится, вспоминается, это по крайней мере должно быть признано бесспорнейшим фактом».*

Мы в процессе жизнедеятельности в течение каждого дня непрерывно получаем достаточно много различного рода информации, и значительная её часть нами практически сразу же и забывается, а что-то нами при этом даже и не осознается. Именно поэтому часто после пробуждения нам бывает достаточно сложно понять: было ли это нам уже известно некогда ранее, или же мы это видим или слышим в своей жизни впервые. В сновидениях нам иногда снятся совершенно нам незнакомые люди, которых мы когда-либо ранее всё-таки уже видели; вполне возможно, что это произошло только лишь мельком. В основном же наше быстрое, сознательное узнавание ограничивается всеми теми вещами, которые являются для нас достаточно значимыми или уже достаточно хорошо известными. Вся остальная информация в нас есть, но мы ею не очень часто пользуемся в своей сознательной жизни. Но в сновидении действуют свои собственные законы, и ему для представления нам своего содержания оказываются необходимы соответствующие его конечным целям вполне определенные и законченные образы. Когда при создании сновидения возникает необходимость в представлении чего-либо вполне конкретного, тогда в памяти подбирается что-то наиболее соответствующее и сходное с тем представлением, которое должно быть продемонстрировано в виде какого-либо образа в нашем сновидении.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Прежде всего, бросается в глаза то, что в содержании сновидения имеется материал, за которым при пробуждении человек отрицает принадлежность к своему кругу знаний и переживаний. Он вспоминает, что это снилось ему, но не помнит, что когда-либо пережил это. Он остается затем в неизвестности, из какого источника черпало сновидение; им овладевает искушение уверовать в самостоятельную творческую способность сновидения; но неожиданно, спустя долгое время, новое переживание переносит мнимое утерянное воспоминание на более раннее переживание и находит тем самым источник сновидения».*

Сейчас идет речь лишь только о действительных образах из нашей памяти, но, как всем известно, в наших сновидениях достаточно часто присутствуют и совершенно фантастические элементы, существование которых представляется возможным только лишь в наших фантазиях или в воображении либо в... сновидении. Сферу искусств, религиозные, мифологические и культовые образы

в данный момент мы обсуждать не будем, хотя часто именно они и являются основным источником всевозможных фантастических образов, которые мы иногда используем и в нашей бодрственной жизни. Достаточно сложно сказать: когда и как именно все эти образы формируются – непосредственно уже в самом нашем сновидении, или они уже прежде нами когда-то мыслились, и они были уже тогда созданы в нашем воображении, а наше сновидение использовало уже вполне готовый образ? Сами ли мы являемся авторами этих достаточно сложных образов или же они были нами где-то когда-то случайно замечены? Или же они были некогда ранее описаны кем-либо и нам об этом как-то стало известно? Как правило, наша душевная деятельность обладает всеми необходимыми способностями и возможностями для создания каких угодно образов для своих собственных целей. В том случае, когда предполагается использование в качестве материала именно какого-либо уже некогда ранее созданного образа, тогда именно он и будет использован. Во всех остальных случаях все необходимые образы будут созданы без каких-либо затруднений и дополнительных издержек непосредственно при создании самого сновидения.

Всегда ли необходимо волевое усилие для их формирования, или же они способны формироваться самостоятельно при существовании некоторых, вполне определенных условий? Все конечные, итоговые образы сновидений формируются в процессе создания сновидения с использованием при этом всего своего текущего энергетического потенциала. Работа сновидения не предполагает нашего сознательного в ней участия и приложения нами к этому каких-либо собственных сознательных волевых усилий.

Наша душевная деятельность обладает всеми достаточными и необходимыми возможностями для создания каких угодно фантастических образов; работа сновидения вполне успешно справляется при необходимости с такой задачей; это не является исключительной прерогативой нашего воображения, которым мы пользуемся в нашей бодрствующей жизни. Вполне возможно, что наша индивидуальная способность глубоко погружаться в свои собственные размышления, и полностью отвлекаться от происходящего вокруг нас, в некоторой мере и предполагает частичное использование всех возможных средств и механизмов, в полной мере доступных нашей душевной деятельности при создании сновидений.

Зигмунд Фрейд пишет: *«То, что сновидение имеет в своем распоряжении воспоминания, недоступные бодрствованию, представляет собою настолько замечательный и в теоретическом отношении настолько важный факт, что я хотел бы подчеркнуть его сообщением ещё и других «гипермнестических» сновидений».*

Существует много подобных друг другу и созвучных между собой вещей, которые в нашей памяти постоянно находятся где то рядом по-своему взаимному подобию или созвучию, а не по своей значимости. Иногда, мы можем думать об одном, а спустя некоторое время наша память, по каким-то лишь ей одной известным причинам, подает нам несколько иной образ. Этот другой образ непременно имеет с первоначальным образом что-то общее, какую-либо иногда не очень хорошо заметную и понятную ассоциативную связь. И для того, чтобы понять и проследить эту связь, нам иногда бывает необходимо потратить на это значительное количество сил и времени; и не всегда представляется возможным до самого конца понять ту самую действительную связь, которая образовалась в

какой-то момент между этими образами. Иногда же так происходит, что совершенно неожиданно мы вдруг вспоминаем об этой действительно существующей связи достаточно ясно и отчетливо и без приложения к этому какого-либо собственного волевого усилия.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Одним из источников, из которых сновидение черпает материал для репродукции, отчасти таким, который не вспоминается и не используется в бодрствующем состоянии, служат детские годы... Господство сновидения над материалом детства дает повод к возникновению интересных гипермнестических сновидений...».*

Учитывая тот факт, что в распоряжении Зигмунда Фрейда и его коллег по психоаналитической работе было огромное количество сновидений людей, имеющих некоторые расстройства в своей душевной деятельности (различные психические расстройства), то именно это вполне могло дать достаточное основание для такого чрезмерного акцента на господстве преимущественно воспоминаний детства при формировании значительного числа сновидений. Каждый человек, – в том случае, если у него возникают какие-либо психические расстройства, – в лучшем случае, просто останавливается в своем развитии, а чаще всего, в какой-то мере непременно постепенно деградирует, регрессирует в своем развитии, опускаясь при этом на более низкий, более ранний свой уровень развития.

В своем большинстве, фундамент душевных расстройств закладывается именно в детстве, на чем справедливо настаивают и о чем постоянно говорят психоаналитики. Это полностью объясняет такое преобладание материалов раннего детства в большинстве сновидений душевнобольных пациентов. Чем в большей мере без существенных, неразрешенных душевных конфликтов нам удастся выйти из своего детства, тем в меньшей мере у нас возникает необходимость привносить в свою дальнейшую взрослую, сознательную жизнь элементы каких-либо наших нереализованных детских желаний, которые и являющихся своеобразными точками фиксации в развитии некоторых из наших душевных качеств и особенностей. В наиболее благоприятном случае, мы являемся достаточно независимыми от внутреннего воздействия на нас подобного рода в свое время так и нереализованных желаний. Все эти наши прошлые желания, будучи своевременно полностью либо частично удовлетворенными, либо же будучи просто нами постепенно отторгнутыми и впоследствии обесцененными, в нашей дальнейшей взрослой жизни уже не имеют сильной значимости и не оказывают существенного влияния на нашу жизнь.

Очень часто для обычного человека бывает достаточно сложно рассмотреть за какими-то вроде бы совершенно нормальными, обыденными желаниями и фантазиями четкий след детской фиксации или какого-то прошлого нереализованного желания. Для хорошего специалиста из этой области не составит никакого труда быстро определить то самое значительное и существенное место в фантазиях человека, где у него доминирует подобное нереализованное желание детства. Даже в каждом психически нормальном взрослом человеке в какой-то мере что-то осталось, и постоянно присутствует что-либо из его ранних детских мечтаний, желаний и стремлений.

В случае наиболее нормального течения своего развития, это может быть представлено как нечто по своей форме внешне напоминающее какие-то

воспоминания об уже пройденном пути, и состоящие из уже полностью или в значительной мере реализованных собственных желаний и мечтаний, на месте которых со временем возникают им вполне соответствующие более зрелые, взрослые желания. Вполне возможно, что всё это у полноценного, психически здорового взрослого человека представляет из себя какие-либо из его актуальных текущих внутренних потребностей, с течением времени трансформировавшихся из своих зачатков во что-то наиболее подходящее к его действительному общественному положению, к его текущим способностям и возможностям, в полной мере соответствующее полностью сформированному, здоровому, адекватному, взрослому человеку.

с) Раздражения сновидений и источники сновидений

*«Её тревожит сновиденье.
Не зная, как его понять,
Мечтанья страшного значенье
Татьяна хочет отыскать...»*

А.С. Пушкин «Евгений Онегин»

Зигмунд Фрейд пишет: *«Исследование побудительных причин сновидений занимает наиболее видное место в научных трудах. Само собой разумеется, что проблема стала доступной для разрешения лишь с тех пор, когда сновидение сделалось объектом биологического исследования. Древние, в глазах которых сновидение было божественного происхождения, не старались находить для него побудительного источника; по воле божественной или демонической силы происходило сновидение, из знания её намерения – его содержание. В науке же с первых шагов поднялся вопрос, всегда ли одинаковы побудительные причины сновидения или же они могут быть разнообразны, а вместе с тем относится ли причинное толкование сновидений к области психологии или, наоборот, физиологии. Большинство авторов полагает, по-видимому, что расстройство сна, иначе говоря, источники сновидения, могут быть чрезвычайно разнообразны, и что физиологическое раздражение наряду с душевными волнениями может играть роль возбудителя сновидений. В предпочтении того или иного источника сновидения, в установлении иерархии их в зависимости от их значения для возникновения сновидений, взгляды чрезвычайно расходятся.*

В общем, источники сновидений можно разбить на четыре группы, которыми пользуются и для классификации самих сновидений

- 1. Внешнее (объективное) чувственное раздражение.*
- 2. Внутреннее (субъективное) чувственное раздражение.*
- 3. Внутреннее (органическое) физическое раздражение.*
- 4. Чисто психические источники раздражения».*

«Чисто психическим источником раздражения» в качестве раздражения во время сна мы можем назвать только лишь всякий источник раздражения, являющийся действительной причиной формирования данного сновидения как его первоначальный источник, который в самом состоянии сна уже не является

чем-то в него привнесённым извне или из наших собственных внутренних ощущений, а есть как нечто в нем изначально присутствующее при самом начале создания сновидения; нечто прежде сформированное и впоследствии уже реализуемое в самом сновидении.

Всё то, что по каким-либо причинам и в бодрствующем состоянии, и в состоянии сна не доходит до нашего сознания, для нас просто не существует; всего этого для нашей душевной деятельности просто нет. Иногда так бывает, что мы можем сначала увидеть у себя рану и лишь после этого уже ощутить сопровождающую её боль. Таким образом, если бы мы её в какой-то момент не заметили, тогда для нас бы её и не существовало. Оказывается важен сам момент осознания и следующий за этим анализ источника раздражения. Для правильной оценки и последующего включения в содержание сновидение, или для формирования сновидения на основе какого-либо возникшего физического раздражения, необходимо хотя бы минимальное собственное осознание этого внутреннего ощущения, что и происходит в некоторой мере в состоянии сна. Иногда нам видимо приходится несколько отвлечься от происходящего с нами в сновидении и обратить своё пристальное внимание на вновь возникшие телесные потребности, что и заставляет нас в какой-то момент почувствовать себя частично в состоянии сна, а частично в состоянии бодрствования, так сказать, в некотором полусонном, частично бодрствующем состоянии. Вполне возможно, что для этого будет вполне достаточно и самого незначительного по времени частичного бодрствования, одного лишь короткого мгновения, необходимого для быстрого осознания вновь возникшего раздражения.

А само осознание у спящего человека в значительной степени отличается от того же осознания у бодрствующего человека, так как, хотя его память и является настолько же доступной в состоянии сна, но при этом практически полностью отсутствует доступ к необходимым механизмам для полноценного анализа, сопоставления и оценки, присущим исключительно лишь нашему сознательному мышлению. Находясь в полной зависимости от контекста текущего сновидения, душевная деятельность постоянно ощущает, как свою основную цель, насущную потребность полностью интегрировать в содержание сновидения все возникающие во время сна чувственные раздражения, не допуская при этом существенного нарушения самого сна. У одного и того же человека, одно и то же раздражение в состоянии сна в разные моменты его жизни может интерпретироваться его душевной деятельностью и, как следствие, представляться в его сновидении совершенно по-разному.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Целый ряд авторов придерживается воззрений, высказанных философом Шопенгауэром в 1851 г. Вселенная возникает для нас благодаря тому, что наш интеллект выливает впечатления, получаемые извне, в форму времени, пространства и причинности. Раздражения организма изнутри, из симпатической нервной системы оказывают днем в лучшем случае бессознательное влияние на наше душевное состояние. Ночью же, когда прекращается чрезмерное воздействие дневных впечатлений, впечатления, исходящие изнутри, привлекают к себе внимание, подобно тому, как ночью мы слышим журчание ручейка, которое заглушалось дневным шумом. Как же может интеллект реагировать на эти раздражения, кроме как исполняя присущие ему функции?»*

В данном случае играет значительную роль само состояние нашего здоровья

– физическое и психическое. Чем более в пределах нормы находятся оба состояния, тем менее мы обращаем внимания на всякие незначительные с нашей точки зрения события и ощущения, что в меньшей мере и воздействует на наше сознательное мышление. Также играет значительную роль окружающая нас обстановка и окружающее нас общество, а также всё то, чем были заняты наши мысли накануне. Все эти различия могут в значительной мере видоизменить нашу восприимчивость и последующую интерпретацию всех наших внутренних или внешних раздражений, ощущений и впечатлений. Актуальность определенных ощущений, общая расслабленность или, совершенно наоборот, сильная концентрация внимания в определенном направлении также оказывают в какой-то момент значительное влияние на наши способности замечать или игнорировать незначительные оттенки происходящих событий.

d) Почему человек забывает сновидение по пробуждению?

Зигмунд Фрейд пишет: *«Прежде всего, забывание сновидений объясняется всеми теми причинами, которые вызывают забывание в действительной жизни. В бодрствующем состоянии мы обыкновенно забываем целый ряд ощущений и восприятий потому ли, что они чересчур слабы, потому ли, что они имеют слишком малое отношение к связанным с ними душевным движениям. То же самое относится и к большинству сновидений; они забываются потому, что они чересчур слабы...»*

Наверное, в данном случае играет наиболее важную роль сама изначальная интенсивность, общий, совокупный энергетический потенциал всех тех желаний, которые принимали участие в формировании сновидений (использовались при формировании сновидений). Энергетическая наполненность и аффективная насыщенность – вот те основные параметры, которыми и определяется для нас итоговая значимость сновидений. Чем выше интенсивность изначальных желаний, тем более ясным в нашем сознании после пробуждения будет воспоминание о сновидении. Не так просто забывается нами в течение дня всё то, что накануне во сне нас достаточно сильно обрадовало, заинтересовало, напугало, взволновало или обеспокоило.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Ещё более действительными для забывания сновидений представляются Штрюмпелю другие моменты, проистекающие из соотношения сновидения и бодрственной жизни. Забывание сновидения бодрственным сознанием представляет собою, по-видимому, лишь дополнение к тому вышеупомянутому факту, что сновидение (почти) никогда не заимствует связанные воспоминания из бодрственной жизни, а берет из неё детали, вырывающиеся из её обычных психических соединений, в которых они вспоминаются в бодрствующем состоянии. Композиция сновидений не имеет, таким образом, места в сфере психических рядов, которыми заполнена душа. Им не достает вспомогательных средств запоминания».*

Здесь может играть достаточно значительную роль то, – о чем мы будем рассуждать в дальнейшем, – насколько высоко было личное влияние самого субъекта сновидения посредством своих собственных желаний на формирование своего сновидения. Насколько его сновидение является плодом его собственных желаний и насколько желаний кого-либо другого. Пока же мне, для начал, а

хотелось бы выделить несколько основных зависимостей:

1. Каков был общий эмоциональный окрас сновидения.
2. Насколько мы можем себе позволить долго думать о нашем сновидении уже после пробуждения.
3. Друзья нам приснились либо враги и т.д.

Всегда имеет существенное значение присутствие в нашем сновидении таких людей, моментов, ситуаций, о которых хочется/приятно либо не очень хочется/не приятно думать. Очень важным также является и то, как после пробуждения к сновидению относится наше сознательное мышление – насколько это сновидение для нас оказывается интересным и актуальным. Иногда так случается, что наши мысли сразу же после пробуждения полностью бывают заняты какими-либо важными и неотложными заботами.

Играет также важную роль и то, когда с ощутимым удовольствием вспоминаешь сновидение после пробуждения. Конечно же, когда нам особо приятно вспомнить что-либо из своего сновидения, тогда и само припоминание нам доставляет некоторое удовольствие и само сновидение по этой причине гораздо дольше не покидает наше сознание. Оно как бы несколько согревает нашу душу в то время, пока отсутствуют нечто гораздо более приятное в нашей бодрственной жизни. Оно представляет собой некую внутреннюю компенсацию в надежде на скорое воплощение в действительности.

Также оказывается достаточно важным и то, насколько понятны нам все начальные мотивы сновидения. Как правило, в том случае, когда сновидение вызывает в нас лишь стойкое чувство недоумения, нам бывает гораздо труднее заставить себя длительное время над ним размышлять. Такого рода сновидения чаще всего так и остаются непонятыми и неосмысленными. Иногда лишь когда-то позднее, – в том случае, когда в нашей жизни произойдет нечто такое, что чем-либо напомнит нам о том раннем сновидении, – мы в конечном итоге сможем связать все эти события воедино, и сможем попытаться понять некоторые из основных источников сновидения. Само же по себе такое сновидение чаще всего бывает не способно длительное время занимать наши мысли и чувства.

Что происходит, когда присутствуют какие-то мотивы для отторжения и дистанцирования самого себя от происшедшего во сне? Очень часто не только лишь от нас самих зависит то, как долго какие-либо неприятные впечатления, переживания и воспоминания будут занимать собой наше сознание. На это в значительной мере оказывает влияние и сам первоисточник всех этих чувств, проявляя какую-либо дальнейшую психическую/душевную активность, что неким образом оказывает всему этому необходимую энергетическую поддержку и сохраняет за все этим достаточную актуальность. И до тех самых пор, пока первоисточник будет наполнять своей энергией какие-либо желания или влечения, они будут продолжать своё существование, иногда нисколько не теряя в своей силе и актуальности.

Немаловажной является наша способность и возможность сосредотачивать своё собственное внимание длительное время после пробуждения на воспоминании сновидения и его дальнейшем анализе и обдумывании. Иногда текущие дела и заботы просто не дают никакой возможности тщательно обдумать

и полноценно проанализировать приснившийся нам сон. Всё-таки наивысшим приоритетом для психически здорового, взрослого человека являются его сознательные ощущения и текущие потребности. Области фантазий, грёз и снов всегда имеют второстепенное значение.

е) Психологические особенности сновидения

Зигмунд Фрейд пишет: *«При научном исследовании сновидений мы исходим из предположения, что сновидение является результатом нашей душевной деятельности. Тем не менее, готовое сновидение является нам чем-то чуждым, в создании чего мы, на наш взгляд, настолько мало повинны, что выражаем это даже в своем языке: «мне снилось». Откуда же проистекает эта «чуждость» сновидения?»*

Скорее всего, «чуждость» большинства сновидений проистекает из внутреннего ощущения и понимания нами того, что мы не в состоянии контролировать и управлять всем происходящим в сновидении. Для сновидения имеет значение лишь наше предварительное настроение, и нас никогда не покидает внутреннее ощущение того, что не только лишь мы одни способны оказывать влияние на формирование содержания нашего сновидения. Одного нашего желания в подавляющем большинстве случаев оказывается просто недостаточно для формирования полноценного сновидения! Этот процесс является в значительной мере плодом коллективного взаимодействия желаний, имеющих общие или сходные цели.

Зигмунд Фрейд пишет: *«...Г. Т. Фехнер ... полагает, ... что арена действия у сновидения совершенно иная, чем у бодрствования жизни...»*

Все что касается нашего сознательного мышления, имеет арену действия в нашей собственной психике. Там же, где к нам без нашего приглашения и несмотря на отсутствие на то нашего желания, добавляются иные участники, – а в сновидении чаще всего мы не находимся в полном одиночестве, – имеет место быть и изменение самой арены действия. Даже во всех тех сновидениях, где мы видим конечным результатом лишь какие-либо свои собственные действия, всё желаемое оказывается возможно осуществить лишь при сознательном отсутствии чьего-либо противодействия, или же при чьем-либо непосредственном содействии, возможно нам при этом достаточно явно не видимом, до конца непонятном и в полной мере не ощущаемом.

Зигмунд Фрейд пишет: *«...как выражается **Спитта**... в сновидениях субъект, как ему кажется, не мыслит, а переживает, иначе говоря, относится с полной верою к галлюцинации, по крайней мере обычно... Критические сомнения, что в сущности пережито не было ничего, а лишь продумано в своеобразной форме, в форме сновидения, появляется лишь при пробуждении. Эта особенность отличает сновидение от мечтаний наяву, которые никогда не смешиваются с реальной действительностью».*

Это приводит к предположению о том, что все основные источники и движущие силы сновидения формируются в состоянии бодрствования и в самом сновидении уже не могут претерпеть какие-либо значительные, существенные изменения. Все заготовки были сделаны заранее, роли разучены и

отрепетированы – пожалуйста на сцену, и без суфлера и без возможности кого-либо о чем-то спросить и что-либо где-то подсмотреть. В бодрствующей жизни к нашим переживаниям почти сразу же добавляются наши размышления. В состоянии сна наши способности к анализу и размышлению, сопоставимому с сознательным его уровнем, сильно ограничены, а, если быть более точным, они там полностью отсутствуют. Представляется возможным лишь какое-либо манипулирование всеми заранее продуманными всевозможными вариантами своей ответной реакции, и именно поэтому не представляется возможной какая-либо импровизация, основанная на результатах нашего размышления в состоянии сна.

В дальнейшем будет обсуждаться возможное влияние кого-либо из посторонних людей посредством своих желаний, объектом которых мы являемся, на наши сновидения уже во время нашего сна, и тогда будет в данном контексте важен сам момент привнесения чьего-либо нового желания уже во время нашего сна. Будет обсуждаться: насколько сможет измениться в смысловом и эмоциональном качестве само сновидение при какой-либо попытке привнесения в него чьего-либо желания; произойдет ли изменение сновидения, или же произойдет разрушение сна и человек проснется?

Наша душевная деятельность прежде всего старается сохранить целостность состояния сна, и не допустить нашего пробуждения до тех самых пор, пока не будут полностью реализованы все запланированные действия, необходимые для нашего полноценного существования. Если это будет возможно, наше сновидение при необходимости скорее всего будет несколько видоизменено; в случае же невозможности внести в него какие-либо необходимые изменения – нас ожидает либо совершенно новое сновидение, либо полное пробуждение и следующая за всем этим бессонница.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Дюга говорит: «Сон это анархия психическая, эмоциональная и умственная. Это игра функций, предоставленных самим себе, происходящая бесконтрольно и бесцельно. Дух в сновидении – автоматический дух»»*.

Это дает нам дополнительное подтверждение точки зрения о том, что сновидение формируется в глубине нашей души, и мы не в состоянии сознательно как-либо управлять этим процессом, и как-либо повлиять на него в состоянии сна. Всё происходит помимо нашего личного контроля. Мы лишь ощущаем происходящее, переживаем события или же наблюдаем со стороны за чьей-либо деятельностью и каким-то образом оцениваем всё происходящее.

Зигмунд Фрейд пишет: *«По мнению Спитты, сон не действует на внутреннюю часть души, которая полностью проявляется затем в сновидении. Под «внутренней жизнью» души он понимает проявление постоянного комплекса чувств в качестве сокровенной субъективной сущности человека»*.

На внутреннюю часть души наибольшее влияние оказывают наши собственные размышления, волевые акты, эмоции и прочие плоды сознательной деятельности нашей души. Сон позволяет нам лишь попытаться понять суть происходящих в глубине нашей души процессов; посмотреть на то, что происходит за пределами сознательно доступного для нас восприятия. Мы в состоянии сна получаем возможность заглянуть на некоторое время за занавес

реальной действительности, и попытаться оценить и изучить изнанку нашей повседневной жизни, и всего того, что имеет к ней непосредственное отношение в данный, конкретный момент.

f) Моральное чувство в сновидении

Моральность или аморальность является плодом деятельности в сознательной жизни и результатом непосредственного воздействия на индивида окружающих людей и существующих моральных ограничений – когда это касается женщин, или совести – когда это касается мужчин. Для всех женщин о самостоятельном, без какого-либо внешнего воздействия и давления, самопроизвольном пробуждении неких моральных качеств, говорить вообще никогда не приходится. Пока у них всё получается и при этом нет никакого ощущения дискомфорта и не возникает неприятного чувства – следует ожидать лишь постоянности и неизменности во всех совершаемых ими действиях, их оценке, и во внутреннем отношении к ним у них самих. Конечный положительный результат всей совершаемой деятельности и отсутствие чувства неудовольствия всегда и во всех случаях будут для женщин иметь определяющее значение. А у мужчин всё самостоятельно будет решать их совесть. И она сама будет это делать вне зависимости от существующих в обществе моральных или правовых ограничений или предписаний.

Зигмунд Фрейд пишет: «По мотивам, которые становятся понятными лишь при выяснении моего собственного исследования сновидений, я из темы о психологии сновидений выделил частичную проблему того, в какой мере моральные побуждения и чувства бодрственной жизни проявляются в сновидениях. Противоречия большинства авторов, замеченные нами относительно психической деятельности в сновидении, бросаются нам в глаза и в этом вопросе. Одни утверждают категорически, что сновидение не имеет ничего общего с моральными требованиями, другие же, наоборот, говорят, что моральная природа человека остается неизменной и в сновидении».

При своей оценке моральности наших действий в сновидении нужно в первую очередь исходить не из того внутреннего образа, который для нас представляется как наиболее желанный, и которому мы в своей бодрственной жизни пытаемся подражать, а прежде всего оценивать всё исходя из того, что мы из себя представляем в действительности, в нашей повседневной, сознательной жизни, в своих реальных, а не в воображаемых поступках. наших собственных сознательных намерений в большинстве случаев бывает просто недостаточно для установления четких и жестких барьеров при реализации некоторых из желаний, направленных на удовлетворение текущих потребностей. Правила игры часто изменяются уже в самом процессе реализации. Все изначально должно опираться на что-то устойчивое, надежное и существенное, а не на какие-либо наши текущие мимолетные пожелания и увлечения.

Пока мы что-либо всего лишь только мыслим, мы не придаем существенного значения тому, насколько наше текущее желание в нынешней его форме морально или нет. К своим желаниям как правило мы относимся достаточно некритично – ведь это всего лишь только желания, а не какие-то уже более четкие

и конкретные наши намерения. Моральная оценка приобретает существенное значение уже на этапе формирования намерения для реализации желания – именно тогда мы уже и начинаем взвешивать все наши и не только моральные за и против. На этапе же простого, поверхностного изначального фантазирования, планирования, обдумывания и формирования основного каркаса большинства своих желаний, мы считаем такого рода предварительную оценку чрезмерной и излишней – зачем себя напрасно утруждать, если до реализации желания дело может так никогда и не дойти? А для использования в качестве материала при формировании сновидений таких желаний иногда бывает вполне достаточно, особенно если мы в своём воображении уже успели представить себе всё желаемое в той форме и в том виде, в каком это будет происходить, поэтому мы иногда и удивляемся некоторой собственной аморальности в своих собственных сновидениях, проявляющейся вопреки всем нашим текущим, действующим нравственным или моральным принципам. Иногда для использования нашего желания в качестве материала в сновидении нам бывает вполне достаточно всего лишь захотеть чего-то «всей душой», даже особо в тот момент и не задумываясь о каких-либо конкретных и определенных способах удовлетворения этого своего желания.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Если верить в способность сновидения раскрывать действительно существующее, но подавленное или скрытое моральное предрасположение грезящего субъекта, то более яркой характеристики, чем у Мори найти трудно: «Во сне человек проявляется полностью во всей своей оголенности и природном нищенстве. Как только он перестает применять свою волю, он становится игрушкой всех страстей, от которых в состоянии бодрствования его защищает совесть, чувство чести и страх». И в другом месте: «Во сне проявляется человек инстинкта... Человек как бы возвращается к своему природному состоянию, когда видит сон. Чем менее глубоко проникли в его дух приобретенные идеи, тем более тенденции, не согласующиеся с ними, сохраняют своё влияние во сне». Он приводит затем в качестве примера, что в сновидениях он нередко видел себя жертвой как раз того суеверия, с которым наиболее ожесточенно боролся в своих сочинениях».*

Каким образом в течение жизни в человеке формируется и/или изменяется характер, под которым иногда мы понимаем все «свойства нашей души»? Изменяется ли в качественном отношении при каком-либо изменении характера и душа человека? Если изменяется, то это возможно только лишь в лучшую сторону или же также возможно изменение её качеств и в обратном направлении? Или душа человека и есть характер человека?

«...Вы думаете, что можно влиять на формирование характера... Нет, дорогая, мы мним себя актёрами, а на самом деле мы всего лишь зрители...»³⁸

Пока в этой области исследований существует слишком много предположений и на многие вопросы такого рода нет вполне определенных, четких ответов. Мы здесь располагаем только лишь ничем неподтвержденными, умозрительными гипотезами, предположениями и домыслами. В этом направлении «Душа, пытающаяся познать саму себя» всё ещё находится в начале своего пути. Когда мы, как нам кажется, боремся со своими собственными привычками, то, вполне возможно, мы в действительности, таким образом боремся с чьим-то непосредственным влиянием, оказываемым на нас в виде присутствия в нас

самых этих привычек. Какая-то сила в нас самих их постоянно поддерживает и регулярно дает им жизненную силу. А что это за поддерживающая сила, и каким образом она существует независимо от нашего желания и иногда вопреки ему? Это очень важный вопрос, который является до конца неразрешенным до сих пор. Каким образом все эти наклонности и привычки оказываются непосредственно в нас самих, в нашей душе, и как нам наиболее проще от них полностью избавиться или их изменить, или же приобрести недостающие и при этом нами очень сильно желаемые? Где и кем глубоко продуман, проанализирован и совершенно понят или в необходимой мере разработан этот действующий механизм?

Пока для нас ясно одно: как бы мы чего-либо не хотели и чего бы мы при этом не желали – всё равно приходится считаться со своей действительной, а не надуманной сущностью, которая в состоянии сна оказывается не всегда такой же, каковой она является в нашем бодрственном состоянии. В большинстве случаев, все равно наша «природа берет свое», и в бодрствующем состоянии что-либо вопреки её сущности иногда приходится выгрызть у неё с громадными усилиями; и очень часто она впоследствии будет нам за это каким-либо образом «мстить». И не считаться с этим у нас нет никакой возможности, так как в ином случае мы обречены постоянно хотеть невозможного и недостижимого, пытаться сделать что-то невыполнимое и поэтому обрекаем себя на прозябание в мире неисполнимых желаний, нереализованных возможностей и нереальных иллюзий, иногда даже в полной мере неосуществимых в наших собственных сновидениях.

g) Теории сновидения и функции его

Наличие в исторической литературе множества различных теорий природы сновидения прямо свидетельствует о том, что этот вопрос так и не стал достаточно глубоко и в должной мере в то время исследован, и вполне отчетливо и доступно для общего понимания впоследствии изложен. Большинство исследователей часто ходили «вокруг да около», не решаясь или не имея на то желания, способности или возможности заглянуть в самую суть этого вопроса, проникнуть внутрь проблемы. Зигмунд Фрейд в своём исследовании преодолел этот долго существовавший барьер, стоявший перед столь замечательным, занимательным и малоизученным феноменом душевной жизни; он нашел в себе достаточно силы и проявил все свои способности для более глубокого исследования природы сновидений.

Зигмунд Фрейд пишет: *«...Различные теории различаются по тому, выдвигают ли они ту или иную черту сновидения и ставят её на первый план...если не претендовать на перечисление всех этих теорий без исключения, то можно произвести следующую группировку их на основании воззрения относительно степени участия и характера душевной деятельности в сновидениях.*

- 1. Теории, признающие, что в сновидении продолжается полностью вся психическая деятельность бодрственного состояния...Здесь душа не спит; её механизм остается в неприкосновенности, но, будучи помещена в условия, отклоняющиеся от состояния бодрствования, естественно, дает другие результаты, чем в бодрствующем состоянии...*
- 2. Теории, признающие, напротив, понижение психической деятельности в*

сновидении, – ослабление ассоциаций и оскудение перерабатываемого материала... Сон простирается далеко за пределы души, он состоит не только в отделении души от внешнего мира, но проникает, наоборот, в её механизм и на время приводит его в негодность...

- 3. К третьей группе относятся те теории сновидения, которые приписывают грезящей душе способность и склонность к особой психической деятельности, на которую она в бодрствующем состоянии либо совсем не способна, либо способна в очень незначительной степени. Из проявления этих способностей проистекает, во всяком случае, полезная функция сновидения. Воззрения старых психологов на сновидения относятся по большей части к этой группе. Я удовольствуюсь тем, что вместо них приведу мнение **Бурдаха**, согласно которому сновидения представляют собою **«естественную деятельность души, неограниченную силою индивидуальности, не нарушенную самосознанием, не обусловленную самоопределением, а являющуюся живою свободною игрою чувствующих центров»**. Эту свободную игру собственных сил **Бурдах** и др. представляют себе в форме состояния, в котором душа освобождается и собирает новые силы для дневной работы, чем-то вроде вакаций».*

Все вышеизложенные теории сновидений в какой-то мере признавали, большую или меньшую, значимость самого процесса сновидения для полноценной душевной деятельности человека. Они лишь различались степенью вовлеченности самой души в этот процесс и уровнем её взаимодействия во время сна с памятью и со всеми остальными функциями нашего интеллекта. Можно так сказать, что все оказались в какой-то степени правыми, так как иногда наши сновидения напоминают нам одно, а иногда свидетельствуют о совершенно другом.

1. Представители первой группы признавали за собой, судя по их пространственно-отвлеченному взгляду, неспособность познать всю суть деятельности сновидения и её влияния на жизнедеятельность всего человеческого организма. Самым важным в их теории является тот факт, что они признают способность души сохранять свои функциональные возможности во время сна.
2. Представители второй группы, так называемой «физиологической теории» сновидений, относились с некоторым недоверием и предубеждением ко всему трудно познаваемому и невидимому для глаз. Там где нужно идти наощуп и во тьме – когда у них нет полной уверенности в достоверности полученных данных и собственных суждений – они не смогли себе позволить какие-либо более четкие и определенные заключения о природе сновидения, как о чем-то вполне осмысленном и играющем важную роль в душевной жизни человека.
3. Представители третьей группы почему-то не обратили своего внимания на то, что наш сон не всегда является для нас «освежающим и целительным». Сон многими из нас воспринимается как отдых физический, который однако также возможен и в состоянии бодрствования. Хотя наибольшее значение для организма сон все же имеет как необходимый и обязательный отдых или отвлечение для нашей души.

При нарушении сна, прежде всего, страдают наши душевные способности, чего нельзя сказать о физическом состоянии. Но всё-таки нам не всегда удается проснуться со «свежей головой», хотя в народе и не зря говорят, что «утро вечера мудренее»; мы постараемся понять всю глубину этой народной мудрости в ходе нашего дальнейшего исследования.

Иногда так бывает, что мы с утра совершенно не чувствуем себя отдохнувшими, и помним при этом, что достаточно беспокойно, плохо спали. Для полноценного отдыха нашей души необходим и полноценный сон, и каким образом мы можем на это повлиять и можем ли мы на это повлиять – это пока достоверно никому неизвестно. Когда нам снится какой-либо кошмар – тогда в состоянии сна даже и физическим отдыхом не всегда удается удовлетвориться. Когда сон беспокоен и слишком при этом чуток, вследствие чего приходится часто просыпаться – душевный отдых также получается не совсем полноценным. Всё-таки нам необходимо признать, что сновидение представляет собой нечто гораздо более сложное, чем простой отдых нашей души от своих дневных забот. Состояние сна более походит на некоторую вынужденную, обязательную, значимую, жизненно важную и жизненно необходимую часть нашей душевной деятельности.

h) Отношение между сновидением и душевным заболеванием

Любая душевная болезнь не может не сказаться на всех функциях самой души. Функция сновидения в значительной мере изменяется в зависимости от состояния нашего душевного здоровья. В наших сновидениях мы в состоянии увидеть и в какой-то мере ощутить практически все волнующие нас и непосредственно касающиеся нас актуальные проблемы. Каждое душевное расстройство по-своему отражается на работе сновидения и, как прямое следствие, на самом состоянии сна. Любые нарушения этой функции или некоторые её несоответствия своей норме приводят в дальнейшем к общему расстройству душевной деятельности, что приводит в конечном итоге к какому-либо серьёзному душевному заболеванию.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Говоря об отношениях сновидения к душевным расстройствам, можно подразумевать:*

1. Этиологическое и клиническое взаимоотношение, например, если сновидение заменяет собой психотическое состояние, является началом его или остается после него;

2. Изменения, претерпеваемые сновидением в случае душевного расстройства;

3. Внутреннее взаимоотношение между сновидением и психозами, аналогия, указывающая на внутреннее сродство. Эти различные взаимоотношения между обоими рядами явлений были и в прежние времена – а в настоящее время снова – излюбленной темой врачей...

Относительно этиологического и клинического взаимоотношения между сновидениями и психозами я, в качестве предпосылки, приведу следующее наблюдение. Гонбаум считает (у Краусса), что первая вспышка безумия проявляется зачастую в страшном кошмарном сновидении, и что

главенствующая мысль находится в связи с этим сновидением. **Сант-де-Санкти** приводит аналогичные наблюдения над параноиками и считает сновидение для некоторых из них «настоящей определяющей причиной безумия». Психоз может проявиться сразу после сновидения, содержащего бредовую идею, или же медленно развиться, благодаря дальнейшим сновидениям, борющимся ещё с сомнениями. В одном из случаев **де-Санкти** к этим возбуждающим сновидениям присоединяются легкие истерические припадки, а затем и боязливо-меланхолическое состояние».

Мне известны некоторые случаи, когда при психозе полностью нарушается сама функция сна, – один мой знакомый в какой-то момент перестал полноценно спать, в результате чего у него постепенно развился психоз, – мне пока сказать сложно: что именно было причиной чего. В основном он вел себя в обществе более или менее нормально, но при этом был иногда способен на нечто такое, на что в нормальном состоянии мало кто бывает способен. В отсутствии сна некоторые люди частично или полностью теряют контроль над собой, не будучи в состоянии в достаточной мере ограничивать себя даже в самых незначительных желаниях, которые противоречат культурным требованиям, моральным нормам или закону. Их самоконтроль в некоторых случаях просто не действует; иногда создается впечатление того, что в психотическом состоянии он у них просто полностью отсутствует.

При неврозах люди в большинстве случаев также не могут похвастаться хорошим, здоровым, полноценным сном, хотя слово «здоровый» в применении к душевнобольному человеку, звучит как то не совсем корректно. Таких людей иногда в сновидениях мучают сильные кошмары; иногда же они в своих сновидениях регулярно но всё так же безуспешно пытаются чего-то достичь, что-то преодолеть, будучи не в состоянии каким-либо образом предотвратить все эти свои бесполезные, бесплодные и бессмысленные, с их точки зрения, систематически повторяющиеся однотипные и однообразные действия.

Нормальный сон прежде всего и есть один из основных признаков душевного здоровья человека. Любые нарушения в области душевной деятельности или какое-либо её перенапряжение в первую очередь отражаются на качестве и продолжительности нашего сна. Невозможно полностью и полноценно забыться и расслабиться тогда, когда душа бывает чем-либо травмирована, обеспокоена или озабочена.

II. Метод толкования сновидений. Образцы анализа сновидений

*«...» В глубоком сне, говорят также верующие этой глубочайшей из трех великих религий, душа подымается из этого тела, погружается в высочайший свет и благодаря этому проявляется в собственном виде: тут она есть высший дух, который бродит кругом, шутя и играя, и забавляясь с женщинами ли или колесницами, или с друзьями, и не думает о своем придатке – теле, в которое, точно вьючное животное в телегу, запряжена **prana**(дыхание жизни) "...»*

Фридрих Ницше «Генеалогия морали»

В предыдущей главе я не стал подробно рассматривать теорию Зигмунда Фрейда и его подход к толкованию сновидений с позиции психоанализа, хотя его собственную теорию уже давно можно отнести к истории, хотя и не такой давней. Моё понимание природы сновидений изначально было сформировано в результате изучения произведений основоположников психоанализа – З. Фрейда и К.Г. Юнга, а также известных психоаналитиков – В. Райха, А. Адлера, Р. Гринсона, Д. Винникотта и других. Я уже упоминал ранее, что данное исследование имеет своей основной целью не создание чего-то совершенно нового и полностью отличного от общепринятого, а старается где-то дополнить и в чем-то расширить существующий взгляд на природу сновидения с точки зрения психоанализа. По-возможности, я постараюсь воздержаться от какой-либо значительной критики в адрес её основоположников, и прежде всего буду стараться сосредоточить максимум своих усилий и внимания на всех тех необходимых дополнениях и уточнениях, которые я считаю нужным внести в существующую в настоящее время теорию природы сновидения.

Я целиком и полностью воспринимаю функцию сновидения, как необходимое, разумное и достаточно важное явление нашей душевной деятельности. В некоторых моментах моя точка зрения возможно всё-таки будет расходиться с психоаналитической теорией, и я тогда буду на этом акцентировать своё внимание и буду как-то пытаться объяснить то, в чем именно состоит это различие, или почему у меня возникли такие расхождения. Моё исследование будет и в дальнейшем наполнено большим количеством цитат из произведения Зигмунда Фрейда «Толкование сновидений», так как рассчитывать на то, что всем читателям уже приходилось читать это его подробное исследование функции сновидения мне не приходится. А при отсутствии такого подробного цитирования, изложение материала будет большинству читателей не вполне понятным. Помимо всего прочего, используя в своем исследовании цитирование в таком значительном объёме, я таким образом отдаю должное Зигмунду Фрейду и его произведению «Толкование сновидений», как чему-то фундаментальному, краеугольному, основополагающему и наиболее существенному, без чего не было бы и моего собственного исследования, которое является естественным и логическим продолжением его собственных исследований природы сновидения.

Изначально я предполагаю как основной смысл любого нашего сновидения – осуществление желаний; в подавляющем большинстве случаев – как минимум двух различных, возможно даже между собой и не знакомых людей. Вопрос о наших домашних животных и вообще о каком-либо животном, как о некоем возможном дополнительном инициаторе или источнике материала нашего сновидения, будет рассмотрен несколько позднее в ходе исследования. Иногда оказывается вполне достаточно для формирования сновидения сильного желания одного человека, когда он желает чего-либо «всей душой». Но всё же, для того чтобы только лишь наши собственные желания, без чьей-либо внешней, дополнительной поддержки, воплотились в сновидение, им чаще всего будет недостаточно собственной психической энергии, их энергетического потенциала. Также при недостаточном энергетическом наполнении желаний, использованных при создании сновидений, мы в основном и получаем сновидение слабой интенсивности, плохо-вспоминаемое, достаточно сильно фрагментированное, в основе которого находятся все те желания, которые по своей сути часто бывают похожи на простые глубокие размышления.

Одним из наиболее важных и, как мне кажется, обязательных условий для восприятия нашего желания душевной деятельностью как чего-либо значительного и существенного для нас в тот момент, является необходимость внутренней фиксации его в форме представления в нашем воображении в виде чего-то уже свершившегося. Необходимо в виде собственной визуальной фантазии как бы зафиксировать его у себя в душе хотя бы на незначительный промежуток времени. Нужно попытаться пережить его воплощение и реализацию в своём собственном воображении, и попробовать насладиться в некоторой мере конечным его результатом, пытаюсь при этом понять то, насколько нами предполагаемое и ожидаемое является возможным, и насколько предполагаемое окажется соответствующим желаемому.

В данном исследовании прежде всего рассматриваются душевные способности психически и физически нормального, среднестатистического человека – субъекта сновидений, у которого отсутствуют потребности, способности и возможности концентрировать всё свое внимание и энергию на одной лишь мысли в течение длительного времени. Обо всех субъектах рассматриваемых в качестве примеров желаний точного и правильного мнения составить не представляется никакой возможности, поэтому об этой значительной и существенной части исследуемого вопроса пока речи не идет. Постоянно одержимого какой-то идеей субъекта сновидения, сконцентрировавшего таким образом весь свой психический энергетический потенциал на своем единственном желании, нужно прежде всего оценивать с точки зрения некоторой патологии душевной жизни и, как следствие, патологии сновидений. Изначально предполагается, что в таком состоянии – состоянии сильной одержимости какой-либо идеей – человек вполне может быть подвержен различного рода галлюцинациям и видениям наяву. Если же объектом его желания является тот же человек, который одновременно вместе с ним испытывает по отношению к нему подобное, возможно даже и менее интенсивное чувство, тогда его сон скорее всего становится похожим или на «сон наяву», или на полностью захватившую, и поглотившую его самого, продолжительную галлюцинацию.

Содержание самого сновидения будет тем более ясно и понятно, чем в большей мере будут совпадать все желания различных людей, объектом которых является субъект сновидения (сновидец); для наибольшей ясности представления также должны совпадать и сами механизмы удовлетворения схожих желаний, так называемая «дорожная карта реализации задуманного». Каждое желание должно получить достаточную поддержку в душе индивида; оно обязательно должно быть насыщено необходимой ему и соответствующей его конечным целям энергией. Иногда так случается, что мы под одним и тем же понятием понимаем и подразумеваем совершенно различные вещи – это будет более подробно обсуждаться в главе о «символике сновидений»; также иногда происходит и совсем наоборот – мы говорим совершенно по-разному об одном и том же.

Чем больше оказывается участников, субъектов, чьи желания были использованы душевной деятельностью при создании сновидения – тем более запутанным может оказаться его содержание и тем труднее в конечном итоге будет понять его действительный смысл. Иногда для формирования сновидения, – при отсутствии каких-либо сильных актуальных желаний у самого субъекта

сновидения, – бывает вполне достаточно желаний двух каких-либо людей, задумавших по отношению к субъекту сновидения что-либо. И не так уже и важно что именно – что-либо хорошее или что-либо плохое. Субъект сновидения необходимо представляется объектом всех тех желаний, которые используются при создании его сновидений.

Возможно также и такое, что для формирования сновидения достаточно каких-либо собственных интенсивных воспоминаний, явившихся следствием чрезмерно длительного напряжения своей собственной памяти, своего воображения, какого-либо продолжительного размышления о том, как это когда-то было, или как это могло бы когда-нибудь быть. Таким образом, полное толкование сновидения не всегда бывает под силу до конца осуществить в силу отсутствия достаточной возможности достоверно понять все действительные намерения всех третьих лиц в отношении субъекта сновидения, который при этом является объектом всех этих желаний или намерений. Именно это и является основной объединяющей причиной того, что все эти желания или намерения и были использованы душевной деятельностью субъекта сновидения при формировании его сновидения.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Первый шаг при применении этого метода учит, что в качестве объекта внимания следует брать не сновидение во всем его целом, а лишь отдельные элементы его содержания. Если я спрошу неопытного пациента: «Что вызвало у Вас сновидение?», то он обычно не может найти ничего в своем умственном кругозоре; мне приходится разложить сновидение на отдельные части, и тогда он к каждой такой части приводит целый ряд мыслей, которые можно назвать «задними мыслями» этих элементов сновидения. В этом первом важном условии мой метод толкования сновидений отличается уже от популярного исторического и легендарного метода толкования при помощи символизации и приближается ко второму методу «расшифровывания»».*

С учетом того, что не всегда мы вспоминаем сновидение полностью, а в большинстве случаев всего лишь частично и фрагментарно, нам чаще всего и приходится анализировать его не в целом, а разделив на отдельные смысловые фрагменты и элементы, как это и делает при своём анализе сновидений Зигмунд Фрейд в своём произведении «Толкование сновидений». В нашей памяти чаще всего и сохраняются все эти обрывки, остатки и обломки, они же фрагменты и образы сновидения, а все связующие их менее значимые элементы оказываются в какой-то момент частично недоступными или же полностью утраченными для нас.

При анализе сновидения с использованием метода деления его на отдельные элементы и образы, для того чтобы понять весь его смысл, необходимо постараться припомнить все недостающие элементы сновидения для более полного понимания всего заложенного в его смысл действия, так как конечным итогом всякого желания всегда есть вполне определенный, конечный результат, предполагающий совершение каких-либо конкретных действий всеми участниками. При понимании только лишь одного результата – конечной цели всех этих желаний – мы получаем лишь частичное толкование и неполное понимание смысла всего сновидения. При понимании и цели, и средств, и механизма реализации – мы уже можем рассчитывать на более полное понимание всего смысла сновидения. К нашему величайшему сожалению, не

всякое сновидение бывает доступно для исчерпывающего толкования.

Теперь необходимо определить основные этапы толкования сновидения:

1. При анализе сновидения мы начинаем с того, что пытаемся наиболее достоверно установить всех его участников, всех тех индивидов, которые вполне возможно заинтересованы в его конечном результате. Далее необходимо постараться определить всех или некоторых из так называемых идеологов желаний и/или намерений, если таковые имеются и не присутствуют непосредственно среди участников. Их нам иногда также представляется возможным узнать, о чем будет говориться впоследствии.
2. По финалу и эмоциям сновидения постараемся определить его конечную цель. Часто так бывает, что само сновидение содержит в себе сразу несколько никак между собой не связанных, совершенно различных целей – маловероятно, чтобы воображение каждого отдельного человека не примешивало к себе дополнительных, свойственных лишь самому себе, элементов желаний.
3. В случае анализа сновидения доступного после пробуждении в целом, а не фрагментами, – если сновидение носит вполне осмысленный характер, – можно попытаться понять все использованные механизмы реализации предполагаемых намерений всеми участниками сновидения.
4. Если в сновидении один из его участников спустя некоторое время превращается в другого, то под этим следует понимать то, что первый из представших в сновидении действует под непосредственным воздействием и контролем последнего.
5. В большинстве случаев при создании сновидения используются и наши собственные желания. Необходимо постоянно помнить о том, что мы очень часто, будучи не совсем собой довольны, склонны приписывать себе несуществующие, отсутствующие у нас в действительности качества или способности или какие-либо другие совершенства. Собственное представление о самом себе в сновидении иногда может в значительной мере отличаться от актуального и действительного нашего положения и состояния: будучи больным, мы представляем себя совершенно здоровыми и так далее. Также необходимо всегда помнить и о том, что внутреннее представление о нас в воображении даже кого-либо из хорошо нам знакомых и неплохо нас знающих людей может существенно отличаться от такового в действительности. Что уже тогда говорить обо всех тех, кто нас толком и не знает или относится к нам с предубеждением... Выдавать в своих мечтах и фантазиях нечто сильно желаемое за действительное случается не так уже и редко...

Зигмунд Фрейд пишет: *«...Благодаря всему этому, стараюсь использовать мои собственные сновидения как наиболее обильный и удобный материал, протекающий, во-первых, от довольно нормальной личности, а во-вторых, касающийся самых различных пунктов повседневной жизни. Читатели могут усомниться в надежности такого «самоанализа». Произвол при этом, конечно, не исключен. Однако самонаблюдение, на мой взгляд, значительно удобнее и целесообразнее, чем наблюдение над другими; во*

всяком случае, можно попытаться установить, какую роль играет самоанализ в толковании сновидений. Другую, значительно большую трудность, мне пришлось преодолеть внутри самого себя. Человек испытывает понятную боязнь раскрывать интимные подробности своей душевной жизни: он всегда рискует встретить непонимание окружающих. Но боязнь эту необходимо подавлять. «Всякой психолог – пишет **Дебельф**, – должен признаться в своей слабости, если это признание позволит ему осветить ранее закрытую проблему». И у читателя, как мне кажется, начальный интерес к интимным подробностям должен скоро уступить место исключительному углублению в освещаемую этим проблему».

Мне также пришлось использовать в ходе исследования в значительном количестве свои собственные сновидения, которые иногда, при своём толковании, были мною не всегда до конца раскрыты читателям, что иногда в некоторой мере негативно отражается на их итоговом представлении и понимании. Для полного толкования чаще всего бывает необходимо приводить слишком длинное предисловие, состоящее из массы иногда просто неудобных для печати, а иногда и интимных моментов. Полностью раскрывать свою душу без необходимости мне бы не также хотелось, поэтому я постараюсь оказаться максимально понятным при необходимом и достаточном минимуме откровенности со своей стороны.

Чужие сновидения я буду использовать лишь в том случае, когда я в полной мере могу полагаться на их достоверное изложение и своё понимание их источников, основанном либо на своих собственных познаниях, либо на комментариях субъектов этих сновидений. Это прежде всего необходимо для того, чтобы не смешивать чьи-то сновидения и их же собственные фантазии, хотя иногда граница между ними и стирается. Во всех таких случаях обязательным условием является моя предварительная, и как можно более полная информированность из различных источников об наиболее значимых обстоятельствах или чем-либо непосредственно связанным с этим сновидением. Иногда это будут сновидения каких-либо из моих родственников или хороших знакомых, для толкования которых у меня будет вся достаточная для этого необходимая информация.

Начну я со своего собственного сновидения, которое мне приснилось летом, когда у меня, по независящим от меня причинам, было сравнительно мало работы, и я тратил всё своё свободное время на чтение различных книг. Практически всё время я проводил дома, на работу ездил один или два раза в неделю и проводил там каждый раз около часа своего времени. Таким образом, все мои мысли тогда в значительной мере были свободны от повседневных, трудовых, рутинных забот и сопутствующих им размышлений, и я имел прекрасную возможность полностью сосредоточить всё своё внимание на некоторых своих внутренних ощущениях и внешних «проблемах».

Сновидение №1 (поездка к давнему знакомому)

Я сижу на своём мотоцикле у трамвайной остановки «Спуск пассионарии». Мотоцикл, на котором я сижу – это одиночка, без коляски. Рядом с этой остановкой находится школа, в которой я когда-то недолго учился. Мотоцикл, на котором я сижу – ИЖ Планета (у меня когда-то был мотоцикл Иж-Планета спорт). Я рассматриваю свой мотоцикл и обращаю своё внимание на его

покрышки – они в отличном состоянии, резина с хорошим протектором, не лысая, практически новая. Весь мой мотоцикл практически новый. К остановке подъезжает трамвай. Из трамвая выходит мой давний школьный знакомый. Он спросил меня что-то о мотоцикле (я не мог вспомнить, что именно он у меня спросил). Я ему что-то ответил (не смог вспомнить я и того, что я ему ответил). Он садится ко мне на мотоцикл, и мы вместе с ним едем к нему домой или к кому-то из его знакомых. Приехав, я проверяю давление в колесах мотоцикла – оно слабоватое. Я понимаю, что для того чтобы ехать дальше, мне необходимо накачать колеса. При попытке накачать колеса оказалось, что они пропускают воздух. Нужно либо ехать на шиномонтаж для заклейки дырок либо менять камеру/покрышку на запасную. Шиномонтажа поблизости нет, запаски у меня с собой также нет. Исходя из этого, я понимаю то, что уехать я никуда не могу. Мне нужно будет остаться...

Толкование:

Я с этим своим давним школьным знакомым в подростковом возрасте непродолжительное время довольно часто общался. В юности мы как-то раз покатались по городу вместе с ним и со знакомой девушкой на мотоцикле. Это было в какой-то мере и использовано при формировании сновидения – мы ощутили тогда массу различных, очень сильных эмоций и сохранили о том происшествии очень яркие воспоминания.

Вечером, накануне этого сна, мне позвонил этот знакомый, с которым мы вместе тогда покатались, и пригласил заехать как-нибудь к нему в гости. Мы с ним последнее время практически не общались; я его последний раз видел за пару лет до этого момента, а звонил он мне перед этим около года тому назад. Никаких общих интересов у нас в то время не было. Его звонок был для меня в какой-то мере неожиданным. Я во время разговора под каким-то незначительным предлогом вежливо отказался от его приглашения: у меня не было ни особого желания, ни подходящей возможности для такой поездки. Скорее всего, где-то в глубине души, я может быть и не возражал бы против того, чтобы мы с ним как-нибудь так, как когда-то в нашей юности, вместе куда-нибудь прокатились с ветерком. Но, так как всё это в тот момент было совершенно невозможно, я в действительности от этого совершенно сознательно отказался и, видимо, предпочел лишь в своем собственном сновидении некоторым образом компенсировать своё вдруг возникшее, ностальгическое, и в тот момент совершенно невыполнимое желание.

Вдобавок ко всему, точно зная и помня о том, что этот мой давний знакомый с годами очень сильно изменился и, к моему большому сожалению, не в лучшую сторону, – как в основном и происходит с большинством людей, – для меня в тот момент ни о какой поездке к нему в гости не могло быть и речи. Поэтому, мы с ним поговорили некоторое время о своих нынешних заботах, своих машинах, стиле вождения и прочем – в общем, обо всём и ни о чем, пожелали друг другу удачи и попрощались...

Я, где-то в глубине души помня о нашем тогдашнем приключении, наверное, не возражал бы тогда съездить к нему в гости. С учетом того, что в то время я в основном постоянно находился дома, я был бы наверное и не против того, чтобы немного отвлечься и развеяться. Возможно, что иногда ностальгируя по прошлому, я также не возражал бы и против какого-либо

подобного приключения в будущем, но всё же в реальной жизни, осознавая все возможные последствия от подобных проступков для взрослого человека, я предпочел осуществить подобную поездку в своём сновидении, а в реальности остаться у себя дома.

Мой давний знакомый, судя по всему, хотел не только того, чтобы я к нему ненадолго заехал в гости – видимо он хотел также и того, чтобы я у него при этом и задержался на некоторое время, вполне возможно, что даже и с ночевкой. Основной вопрос состоит в том, каким образом всё это предполагалось организовать, – полностью добровольно, или в силу сложившихся, при помощи извне, обстоятельств, мне пришлось бы у него остаться, – так остался мною до конца нерешенным. В самом сновидении осталось не понятно – что явилось действительной причиной того, что колеса моего мотоцикла оказались негодными к дальнейшей эксплуатации. Я у него об этом не спрашивал, да и мне представляется маловероятным то, чтобы он откровенно признался мне в своих каких-либо не совсем добрых намерениях, если таковые в действительности у него имелись по отношению ко мне. А именно это и представлялось мне в виде конечной цели самого сновидения, так как в последнее время этот мой знакомый не отличался чрезмерной сентиментальностью, и был не так давно неоднократно уличен в некоторых не совсем хороших поступках, которые он либо совершал, либо пытался совершить, скрывая при этом свои первоначальные, действительные замыслы и намерения. Вдобавок ко всему, это всё-таки не совсем то, в чем люди способны просто так признаться, и о чем они повсеместно распространяются; к счастью, в нашем обществе это пока ещё относится к разряду всех тех вещей, о которых люди предпочитают стыдливо помалкивать в том случае, если им всё же когда-то приходится задумывать или совершать нечто подобное.

Это была предыстория и беглое, поверхностное толкование сновидения исходя из его общего смысла, которого в этом случае оказалось вполне достаточно даже для понимания общего смысла сновидения. Теперь проанализируем сновидение, разделив его на фрагменты, и посмотрим, что из этого получится.

1. *Я сижу на мотоцикле у трамвайной остановки «Спуск пассиварики».* – Возле этой трамвайной остановки раньше проживало много моих школьных одноклассников и знакомых. Мы довольно часто в то время друг с другом общались и проводили много времени вместе. Я одно время у одного из них оставлял на хранение свой мотоцикл. Также рядом находится школа, в которой я некоторое время учился. С этим местом связано много различных воспоминаний моего детства и юности, имеющих прямое отношение к мотоциклам, к моим одноклассникам и школьным знакомым.
2. *Мотоцикл, на котором я сижу – ИЖ Планета (у меня когда-то был мотоцикл Иж- Планета спорт).* Я рассматриваю свой мотоцикл и обращаю своё внимание на его крышки – они в отличном состоянии, резина с хорошим протектором, не лысая, практически новая. Весь мой мотоцикл практически новый. – Я всегда хотел купить себе новый мотоцикл и так его, к счастью, и не купил; будучи новым, мотоцикл и внешне хорошо выглядит, и практически не ломается; его технические характеристики находятся на своём возможном максимуме. При

минимуме затрат присутствует максимальная отдача. Я в детстве и юности часто просил своего отца купить себе новый мотоцикл. Я водил его в магазин и показывал его ему. Он мне новый мотоцикл так и не купил, а дал в итоге мне денег на недорогой, подержанный мотоцикл. Но я в то время всегда мечтал именно о новом мотоцикле и, всякий раз, когда бывал в том магазине, я на него подолгу засматривался. Впоследствии, у меня был старенький мотоцикл Иж- Планета спорт – правда, я его чаще ремонтировал, чем на нем ездил.

Мотоцикл ИЖ Планета, помимо всего прочего, имеет одну неприятную особенность: когда он бывает плохо отрегулирован, при попытке завести его двигатель, ножка кик-стартера иногда очень сильно отдает в ногу, так сказать, бьет по ноге. Можно так сказать, что я был на таком мотоцикле, который может кого-нибудь «ударить», что таким образом прямо свидетельствует о моей предварительной осведомленности о том, что меня в итоге может ожидать нечто нехорошее и я к этому морально и не только в какой-то мере уже подготовлен.

3. *К остановке подъезжает трамвай. Из трамвая выходит мой давний знакомый.* – Когда я последний раз встречался с этим своим знакомым, его машина, – по его словам, – была неисправна. Он тогда сказал мне, что она у него старенькая и поэтому постоянно нуждается в каком-либо ремонте. У меня в то время был автомобиль с бензиновым двигателем, а у него с дизельным двигателем. Он тогда жаловался, что ему известно очень мало специалистов, которые в состоянии нормально отремонтировать машину с таким двигателем как у его машины, а я ему тогда в ответ на это говорил, что она уже просто очень старенькая и ей видимо давно уже «пора на пенсию». Я сказал ему, что желательно всё-таки было бы стараться приобретать новые машины, так как в конечном счете почти так же это и обходится по финансовым расходам в течение нескольких лет. Одно дорого покупаешь и дешево содержать, а другое дешево покупаешь и дорого содержать. Итоговая сумма практически одинаковая за минусом потерянного времени на ремонты и сопровождающих всё это собственных негативных эмоциях.
4. *Он спросил меня что-то о мотоцикле (я не мог вспомнить, что именно он у меня спросил). Я ему что-то ответил (не смог вспомнить я и того, что я ему ответил).* – Наши разговоры о технике обыкновенно носили поверхностный характер – я, в свое время, очень часто разбирал, собирал мотоциклы, много времени тратил на всяческие ремонты и поездки. Знакомый был к этому более равнодушен. Слишком подробно он во все эти вопросы при мне никогда не вникал и со значительным интересом он ко всему этому тогда не относился.
5. *Он садится ко мне на мотоцикл, и мы вместе с ним едем к нему домой или к кому-то из его знакомых.* – В основном, я сам лично предпочитаю управлять транспортным средством, а своим собственным – исключительно. Так что во сне всё произошло точно также, как и в реальности – я был за рулем своего мотоцикла. В дополнение ко всему, у меня была прекрасная возможность перед ним немного похвастаться – продемонстрировать ему свои способности в управлении и технические возможности своего мотоцикла, прокатив его «с ветерком».

6. *Я проверяю давление в колесах – оно слабоватое. Нужно накачать колеса. При накачивании колес оказалось, что они пропускают воздух. Нужно либо ехать на шиномонтаж для заклейки дырок или менять камеру/покрышку на запасную.* – Как правило, перед поездкой я всегда проверяю давление в колесах своего мотоцикла. Иногда, если этого своевременно не сделать, во время поездки бывает так, что с опозданием, но всё-таки понимаешь – что надо обязательно было проверить давление и подкачать колеса, так как обод колеса на ямах ударяется и разбивается об дорогу; в таком случае иногда можно повредить и резину. В своей молодости мы этот момент плохо контролировали, в результате чего в конечном итоге иногда повреждали само колесо или покрышку с камерой. Я все-таки проверил колеса, так как, вполне возможно, что что-то с нами случилось по дороге. Могло так случиться, что мы по дороге прокололи колеса или же они были каким-либо образом повреждены намеренно кем-либо посторонним совершенно сознательно.
7. *Шиномонтажа поблизости нет, запаски тоже. Я понимаю, что уехать я не могу. Мне нужно будет остаться...* – Здесь в самом конце сновидения мы естественным образом и приходим к пониманию окончательного его смысла – «Я должен приехать в гости к своему знакомому или к кому-то из его знакомых и там в итоге остаться, или, как минимум, оставить там свой собственный транспорт». Зачем мне там было необходимо остаться с точки зрения моего знакомого, я могу лишь предполагать и догадываться...

Таким образом, при анализе этого сновидения с использованием его отдельных элементов, результат остается практически тем же, что и не удивительно, ведь ассоциации образуются точно такие же, и связь между нами остается той же: **«Мой знакомый хотел того, чтобы я приехал к нему домой (или вместе с ним поехал к кому-то из его знакомых) на своём транспортном средстве и там впоследствии остался или как минимум там осталось мое, ставшее в какой-то момент по какой-то причине неисправным, транспортное средство»**. При толковании сновидения я не стал углубляться далее; я не стал задаваться вопросом: зачем именно мой знакомый захотел того, чтобы я там остался, так как и без этого всё было достаточно хорошо понятно. Данное сновидение имеет вполне определенный смысл, и этот его смысл достаточно ясен для моего, и, как я надеюсь, что и для общего понимания. При более углубленном исследовании становится ещё более понятен весь его смысл, и все те изначальные недобрые намерения, которыми в тот момент руководствовался мой знакомый, приглашая меня приехать к себе в гости.

К сожалению, не всегда нас приглашают в гости только лишь ради нашего развлечения и удовольствия; изначально декларируемые намерения иногда не просто не совпадают с намерениями действительными, а в значительной мере, существенно от них отличаются. Но всё-таки я не буду ни кого и ни в чём обвинять; у каждого из нас своя жизнь и не всем в итоге удастся избежать или, – в случае если полностью избежать не удалось, – когда-нибудь совершенно избавиться от влияния на самих себя каких-либо нехороших, недобросовестных и злонамеренных людей, а они вокруг нас всегда есть, и в свои сети для совершения своих темных дел очень часто увлекают слишком

неосмотрительных, доверчивых, глупых или запуганных ими людей. Но это уже вопрос к другой категории исследования...

Все видимые и понятные для меня предполагаемые источники желаний, которые были использованы при создании вышеприведенного сновидения, можно сгруппировать таким образом:

1. Моё детское/подростковое желание иметь новый мотоцикл; моё нынешнее желание прокатиться с кем-либо из давних знакомых по городу на мотоцикле так, как это прежде уже случалось делать в юности;
2. Желание моего знакомого прокатиться по городу на мотоцикле так, как нам это случалось уже делать в нашей юности; желание моего знакомого, чтобы я приехал к нему или к его знакомым в гости, и там на некоторое время остался или оставил там своё транспортное средство;
3. Желание кого-либо из нынешних друзей или советников моего знакомого, чтобы я к нему или к ним приехал, и принудительно, возможно что при помощи некоторых искусственно ими созданных обстоятельств, у него или у них на некоторое время остался, или оставил у него или у них свой личный транспорт.

Сновидение №2 (в гостях у молодых женщин)

Я прихожу к своим знакомым двум молодым женщинам. Они живут в старом многоквартирном доме в большой квартире, состоящей из нескольких комнат; в сновидении создается такое впечатление, что они занимают весь этаж. Я этих молодых женщин, судя по ощущению в сновидении, достаточно хорошо знаю. Я пришел по просьбе одной из молодых женщин и что-то им принес – или деньги или что-то из еды, или и то и другое, в точности я не помню. Молодые женщины являются сестрами. Просила приехать и что-то привезти та из сестер, с которой у меня не было близких отношений. А та сестра, с которой я когда-то был близок, просить меня ни о чем не захотела и на протяжении всего сновидения старалась находиться в стороне, и не хотела особо показываться мне на глаза, как будто ей было за что-то стыдно передо мной. Та же сестра, которая меня попросила, говорила с недоумением: «Не знаю, почему она сама не хочет к тебе обращаться?»

Толкование:

Спустя некоторое время после того, как мне приснилось это сновидение, я достоверно узнал о том, что у той молодой женщины, которая мне приснилась и которая не захотела обратиться ко мне за помощью в сновидении, возникли финансовые трудности, но ко мне она так тогда и не обратилась. Видимо, это произошло по причине того, что она сама когда-то принимала непосредственное, активное участие в нескольких интригах, направленных против меня лично, и она точно знала, что мне всё это стало известно. Эти интриги так и не имели значительного успеха, но некоторый вред, в основном всё-таки моральный, в результате был мне причинен и неприятный осадок, как всегда и происходит в подобных ситуациях, в конечном итоге всё-таки остался.

В большинстве случаев, для того чтобы принимать непосредственное участие

в каких-либо интригах, имеющих своей конечной целью причинение какого-либо ощутимого вреда, физического или материального какому-нибудь человеку, необходимо и/или желательно при этом ощущать в себе отрицательные чувства по отношению к этому человеку. Следовательно, в ней в тот момент преобладали по отношению ко мне именно негативные эмоции и чувства, что и помешало ей в тот момент обратиться ко мне за помощью. Судя по всему, она в разговоре со своей сестрой пожаловалась на свои финансовые затруднения, на что сестра ей посоветовала обратиться ко мне. Но ко мне она обратиться не захотела по причине того, что так и не преодолела своего негативного ко мне отношения.

Это была предыстория моих взаимоотношений с этими молодыми женщинами из сновидения и поверхностное толкование сновидения исходя из его общего смысла. Всё изначально оказалось и так хорошо понятно. Ясны основные действующие лица – я и мои знакомые молодые женщины-сестры. Теперь проанализируем сновидение, разделив его на фрагменты, и посмотрим, что из этого получится.

1. *Я прихожу к своим знакомым двум молодым женщинам. Они живут в старом многоквартирном доме в большой квартире, состоящей из нескольких комнат; в сновидении создается такое впечатление, что они занимают весь этаж.* – Те, мне знакомые, две сестры, в свое время, проживали с родителями именно в доме такого типа, хотя весь этаж они там и не занимали, но видимо они об этом постоянно мечтали, как и все жители коммунальных квартир. Я там несколько раз бывал, поэтому обстановка сновидения дает мне достаточно четкое и однозначное понимание самого первоисточника, хотя эти молодые женщины внешне в сновидении и не были сильно похожи на тех сестёр. Видимо, в данный момент они себя представляют несколько по-другому, чем они выглядят в действительности, либо в сновидении были использованы какие-либо их более ранние желания, что в некоторой мере и повлияло впоследствии на их представление в сновидении. С возрастом всем хотелось бы выглядеть помоложе и попривлекательнее, в особенности женщинам. В общем, их внешность я вспомнил не очень отчетливо – ясно было лишь то, что обе они были молоды и довольно-таки привлекательны.
2. *Я пришел по просьбе одной из молодых женщин и что-то им принес – или деньги или что-то из еды, или и то и другое, в точности я не помню.* – В последнее время между нами установились такого рода отношения, что одна из сестер ко мне от себя и для себя лично напрямую никогда не обращалась, а со второй сестрой я вообще не общался последние несколько лет. Практически всегда она старалась сделать так, чтобы какая-либо инициатива исходила с моей стороны. Возможно, что она просто понимала, что если я не пожелаю или не смогу что-либо сделать – просить меня об этом просто бесполезно; либо же причиной этому был какой-либо более ранний мой отказ в какой-то её просьбе, и её стойкое нежелание услышать нечто подобное снова. Вполне возможно, что в данном случае сыграли роль оба этих фактора.
3. *Молодые женщины являются сестрами.* – У меня есть две родные сестры, но они в моей материальной поддержке в этот момент точно не нуждаются. Вполне возможно, что иногда они нуждаются в некоторой моей моральной поддержке, но пока так складываются жизненные обстоятельства, что мы общаемся друг с другом не очень часто. Две другие хорошо мне известные сестры, – с одной из которых у меня ранее непродолжительное время были

близкие отношения, – всё-таки гораздо более подходят под контекст этого сновидения. С высокой долей вероятности, именно одна из этих давно знакомых мне сестер и нуждается в той материальной помощи, о которой в сновидении она не желает меня попросить лично.

4. *Просила приехать и что-то привезти та из сестер, с которой у меня не было близких отношений. А та сестра, с которой я когда-то был близок, просить меня ни о чем не захотела и на протяжении всего сновидения старалась находиться в стороне, и не хотела особо показываться мне на глаза, как будто ей было за что-то стыдно передо мной.* – Обсуждать особенности женской психологии в данный момент я не буду. Просто я буду исходить из того факта, что мы с ней когда-то давно непродолжительное время были очень близки и спустя некоторое время расстались. Естественно, между нами в то время иногда возникали различные конфликты; вполне возможно, что в конечном итоге и остались какие-то взаимные претензии и обиды. Несколько раз мы пытались восстановить наши прежние отношения, однако ничего из этого в конечном итоге так и не получилось, и тогда мы с ней уже окончательно расстались. Видимо, осознав в какой-то момент полную невозможность восстановления наших прежних близких отношений, она почему-то решила принять активное участие в деятельности, направленной мне во вред. Я это своевременно понял и принял к сведению, и после этого просто стал относиться к ней с большей холодностью и прочими необходимыми в таких случаях предосторожностями. Отношения я с ней полностью не прервал, а просто время от времени делал «терапевтические» перерывы и паузы различной продолжительности в нашем общении, и в оказываемой мною материальной поддержке, давая ей таким образом понять то, что её негативная по отношению ко мне деятельность достоверно мне известна, и что она от неё ничего не выигрывает. Но, к большому моему сожалению, на неё это положительно так и не подействовало, и она с усиленной энергией и настойчивостью продолжила своё активное участие в различных интригах. Её сестра, в отличие от неё, в такого рода деятельности по отношению ко мне замечена никогда не была, и всегда на меня производила очень хорошее впечатление; она выглядела гораздо более предусмотрительной, разумной, воспитанной и здравомыслящей женщиной.
5. *Та же сестра, которая меня попросила, говорила с недоумением: «Не знаю, почему она сама не хочет к тебе обратиться?»* – Когда у нас есть что-то в избытке, тогда мы и сами при необходимости охотно и без дополнительного приглашения всем этим делимся со своими близкими и знакомыми. Когда же у нас избыток вовсе не ощущается, то в случае острой необходимости, по просьбе кого-либо из близких нам людей, мы всё же готовы с ними поделиться и последним, при этом отказав в какой-то мере в чем-либо самим себе. Когда у меня была возможность, я старался как мог оказывать ей посильную материальную поддержку, за исключением некоторых вынужденных и необходимых воспитательных моментов, являющихся прямым следствием наших актуальных на тот момент конфликтов. В последнее время, в силу сложившихся не по моей вине неприятных обстоятельств, такой возможности у меня не было; к этому также добавились и наши не слишком хорошие взаимоотношения, но, в случае её ко мне обращения, вполне возможно, что я смог бы всем этим пренебречь, что и было в некотором роде показано в сновидении. В своей душе я пока не порвал с ней отношения полностью, и, при необходимости и наличии у меня такой возможности, был готов оказать ей посильную материальную помощь.

Данное сновидение является вполне понятным и в достаточной мере эмоционально насыщенным. Мои отношения с этими молодыми женщинами остались уже в далеком прошлом, и я с ними длительное время совершенно не общался. Наши жизненные пути практически полностью разошлись. Хотя, пока ещё есть некоторые обстоятельства, которые я не буду описывать, связующие нас довольно-таки сильно, несмотря на то, что мы остаемся так далеки друг от друга во всех остальных отношениях. И в нашей душевной жизни, судя по всему, мы до сих пор так и остались в какой-то мере в чем-то и чем-то неразрывно связанными. Взаимоотношения между людьми изначально в течение некоторого времени строятся, и для полного их разрушения часто бывает необходимо гораздо более значительное по своей продолжительности количество времени.

Все видимые и понятные для меня предполагаемые источники желаний, которые были использованы при создании этого сновидения, можно сгруппировать таким образом:

1. Моё более раннее желание съездить в гости к этим молодым женщинам; моё старое желание в чем-либо помочь молодым женщинам тогда, когда они нуждались в материальной поддержке, а у меня не было никакой возможности им помочь;
2. Желание одной молодой женщины, – той, с которой у меня ранее были близкие отношения, – непосредственно основанное на более раннем её желании, так и нереализованное в полной мере в своё время, чтобы я оказал ей материальную помощь любым возможным и доступным для меня способом, и при этом чтобы инициатива обязательно исходила исключительно от меня самого;
3. Желание второй молодой женщины, её родной сестры, чтобы я оказал её сестре необходимую материальную помощь, и при этом совершенно не важно, от кого в том случае будет исходить инициатива.

Сновидение №3 (покупка машины)

Я иду с моим старым знакомым Г. по какому-то гаражному кооперативу. Я собираюсь купить себе машину. Деньги для покупки машины почему-то находятся у моего знакомого. Я испытываю некоторое беспокойство и неуверенность от этого обстоятельства, но не прошу их у него или не могу у него их попросить себе обратно, поэтому стараюсь себя успокоить тем, что в конечном итоге «Всё будет хорошо». Знакомый меня уговаривает купить какую-то другую машину, типа универсала – следовательно я хочу купить себе не такую машину как он мне советует. Он говорит, что они очень надежные. Я стараюсь остаться при своем выборе, и мы идем дальше, хотя моё беспокойство постепенно всё возрастает. Я вижу выход из кооператива, и с некоторым облегчением направляюсь по направлению к нему.

Толкование:

С этим моим знакомым Г. я учился в школе с десяти лет и когда-то, очень давно, некоторое время я с ним дружил. Спустя некоторое время мы с ним полностью перестали общаться. Будучи уже взрослыми, мы с ним как-то совершенно случайно встретились и начали опять поддерживать друг с другом

отношения. У него в то время была старенькая машина, а у меня в то время никакого автомобиля не было. Он зарабатывал на своей машине частным извозом. Я тогда довольно-таки неплохо зарабатывал, и мой знакомый хотел со мной тоже работать, но я его к себе устроить не мог никаким образом. Специфика моей работы ему совершенно не подходила. Мы опять сдружились, и он как-то раз, – когда у нас совершенно не было денег, а они, как назло, тогда нам очень были нужны, – вдруг совершенно спонтанно взял и продал свою собственную машину, и мы эти деньги вместе с ним и с нашими девушками прогуляли. Наверное, он тогда подумал, что это каким-либо образом всё-таки вынудит меня как-то помочь ему с работой. Я ему с работой в тот момент не помог да и не мог помочь, что, однако, не помешало ему со временем в другом месте неплохо устроиться и достаточно хорошо зарабатывать. Хотя он, видимо, всё-таки был немного разочарован, и наши отношения постепенно охладелись; мы постепенно полностью перестали общаться.

Спустя продолжительное время, мы с ним опять как-то случайно встретились и немного пообщались. Наша жизнь после того сложилась совершенно по-разному. У меня есть постоянная работа, а у него постоянной работы в то время не было. Он при встрече сказал мне, что очень нуждается в деньгах и ищет работу, а я ему снова ничем помочь не мог. Он так себе машину после того и не купил, а я со временем купил себе сначала подержанную, а спустя несколько лет приобрел новую. Видимо, он до нынешнего времени всё также и считал, что я ему чем-то обязан или что-то остался ему должен. Вполне возможно, что всё это в общем и произвело на него определенное впечатление, и натолкнуло его на мысль попытаться на мне подзаработать немного, что и имело своим следствием вышеприведённое сновидение.

Некоторое время спустя произошли определенные и достаточно-таки неприятные для меня события, которые окончательно убедили меня в том, что он так и не оставил мыслей о том, что я ему чем-то обязан, и он по этой причине имеет некоторое моральное право каким-то образом у меня позаимствовать нечто из моего личного имущества. Как показывает юридическая практика, перед совершением большинства преступлений, – когда это касается не чего-либо спонтанного, а имеет прямое отношение к чему-то хорошо продуманному и достаточно выверенному, – злоумышленники всё-таки стараются как-то оправдаться хотя бы перед самими собой и перед своим окружением, пытаются найти некоторые «достаточные основания», дающие им какое-то моральное право у кого-то что-то отнять. Машину свою в тот момент я продавать не собирался и себе другую покупать также не имел никакого намерения. Подобного рода мыслей у меня не было и близко.

Это была предыстория наших взаимоотношений с моим знакомым Г. и поверхностное толкование сновидения исходя из его общего смысла. В общем, для меня всё сразу было и так в достаточной степени понятно; мне были известны основные действующие лица – я и мой старый знакомый; мне были понятны основные предполагаемые цели и средства, а точнее, изъятие этих моих средств – или финансовых или транспортных – моим знакомым у меня лично. Теперь проанализируем данное сновидение, разделив его на смысловые фрагменты, и посмотрим, что из этого получится.

1. *Я иду с моим старым знакомым Г. по какому-то гаражному кооперативу. Я собираюсь купить себе машину. – У меня никогда в*

городе не было своего собственного гаража. Одно время я хотел его для себя приобрести, но потом решил, что и без него могу прекрасно обойтись. Таким образом, по гаражным кооперативам я прогуливался достаточно редко. Гаражные кооперативы, как правило, это места достаточно малолюдные – человек приехал, оставил свой автомобиль, и ушел, поэтому, если имелось желание либо присвоить деньги, либо вынудить купить что-то не совсем стоящее – лучшего места казалось бы и не найти. У моего знакомого Г. собственного гаража тоже никогда не было; одно время он снимал его у одного нашего общего школьного знакомого.

2. *Деньги для покупки машины почему-то находятся у моего знакомого Г.. Я испытываю некоторое беспокойство и неуверенность от этого обстоятельства, но не прошу их у него или не могу у него их попросить себе обратно, поэтому стараюсь себя успокоить тем, что в конечном итоге «Всё будет хорошо».* – Тогда, давно, когда знакомый продал свою машину, деньги от продажи машины конечно же остались у него. Сновидение в некотором роде повторяет собой те прошлые события, только машина была предварительно продана не его, а уже моя собственная. Тот факт, что все мои деньги в сновидении уже находятся у моего знакомого, достаточно ясно свидетельствует о его конечных намерениях – чтобы у меня не было машины, и чтобы мои деньги в конечном итоге оказались у него. Вполне естественно, что данный факт не может не беспокоить меня даже в сновидении: с одной стороны – ни машины ни денег у меня уже нет, с другой стороны – мы находимся в довольно-таки безлюдном месте, и я, поневоле, должен начинать опасаться за себя и за свои деньги. Но я себя успокаиваю тем, что мой знакомый не пытается никуда сбежать с моими деньгами, и поблизости от нас никого из незнакомых мне людей с неблагоприятными намерениями нет, поэтому в сновидении страх мною и не ощущается. Присутствует даже какой-то здоровый интерес или азарт: «Ну, давай посмотрим, что из всего этого в итоге получится».
3. *Знакомый меня уговаривает купить какую-то другую машину, типа **универсала** – следовательно я хочу купить себе не такую машину как он мне советует. Он говорит, что они очень надежные.* – Скорее всего, в данном фрагменте проявляется одно из его личных предпочтений, касающихся типов автомобилей. Ему, наверное, больше всего нравятся автомобили данного типа. Я с ним не обсуждал наши вкусы по этой теме, и мне достоверно не известны его предпочтения. У меня автомобиль в кузове **хэтчбэк**, а у знакомого машина была в кузове седан.

Здесь также присутствует ещё одно достаточно интересное и очень перспективное направление в ассоциациях, – это сновидение можно было бы рассмотреть в разделе о символике сновидений, – одна достаточно известная украинская спортивная телеведущая, жена украинского футболиста, имеет фамилию «Седан». Может быть мой знакомый также хотел немного заняться сводничеством, и каким-то образом на меня рассчитывал в этом вопросе?

Интересное направление, которое имеет полное право на жизнь – между прочим, он мне во время нашей последней встречи очень красочно описывал и расхваливал одну свою знакомую, но я тогда не придавал этому особого значения.

Если действительно в сновидении он под «универсалом» имел в виду женщину, и деньги предназначались именно для неё, и говоря о машине в кузове «универсал» (универсальная – легкодоступная?) как о чем-то общедоступном в автосмысле, он просто не хотел в этом признаться открыто, тогда становится вполне понятным то, почему всё так было показано в сновидении. Вполне возможно, что он хотел бы потратить деньги от продажи моей машины на доступных женщин – чтобы я вместе с ним эти деньги попросту прогулял вместе с какими-то легкодоступными женщинами. Скорее всего, всё предполагалось организовать именно таким образом: так как территория, по которой мы проходим в сновидении – это то место, где одновременно находится много машин, тогда, вполне возможно, что то место, в котором хотел бы оказаться мой знакомый Г. вместе со мной и моими деньгами, предназначенными для покупки машины, – это такое место, где находится много доступных женщин, что-то типа борделя или дома терпимости, в котором всё и предполагалось проделать. Принимать решения и всем распоряжаться, судя по всему, хотелось именно ему. Для меня была приготовлена роль статиста или жертвы – в зависимости от того, как будет складываться всё в дальнейшем. Всё в итоге зависело бы от того, на что он со своими компаньонами сможет решиться.

4. *Я стараюсь остаться при своем выборе, и мы идем дальше, хотя моё беспокойство постепенно всё возрастает.* – Вот тут ко мне уже постепенно начинает приходить понимание того, что в этом деле что-то не совсем чисто. Никаких машин на продажу мы тут снаружи не видим, значит, видимо, необходимо будет зайти куда-то вовнутрь. Вполне возможно, что мой знакомый тут замышляет что-то не совсем хорошее – и это в некоторой мере ощущается мною даже и в самом сновидении. Я с этим знакомым в свое время и перестал общаться именно потому, что он был иногда не слишком разборчив в средствах для достижения некоторых из своих целей. Его многие взгляды на вещи и некоторые его жизненные принципы были для меня не совсем приемлемы, а некоторые из них – абсолютно неприемлемыми. И это общее не очень приятное внутреннее ощущение от прошлого общения с ним имело своим прямым следствием моё тогдашнее охлаждение по отношению к нему. Всё было уже в достаточной мере мною тогда предопределено: именно поэтому я стал со временем относиться к нему с некоторой холодностью, предусмотрительностью и предосторожностью.
5. *Я вижу выход, и с некоторым облегчением направляюсь по направлению к нему.* – Даже в сновидении в результате всё произошло так, что все остались в конечном итоге при своём. Знакомый остался с моими деньгами, а я увидел выход из создавшейся напряжённой ситуации. Только деньги у знакомого оказались виртуальные, а выход из создавшейся ситуации оказался для меня вполне реальным.

После анализа этого сновидения с использованием его отдельных элементов приходит более полное понимание общего смысла сновидения, которое в значительной мере не отличается от его предварительного толкования. Смысл сновидения остался практически тот же, и единственное отличие – больше различных деталей и большая глубина анализа. Меня до конца так и не покидает внутреннее ощущение того, что некоторые действующие лица этого сновидения так и остались до конца невыясненными, но сновидение мне их так и не показало,

следовательно, я и не могу никак достоверно понять того, кто они такие и какова их действительная роль во всём этом. Вполне возможно, что я просто не до конца вспомнил своё сновидение и в дальнейшем они уже были мне каким-либо образом представлены и показаны.

Все видимые и понятные для меня предполагаемые желания, которые были использованы при создании сновидения, можно сгруппировать следующим образом:

1. Моё желание хорошо провести время со своим давним знакомым так, как мы некогда это сделали в компании знакомых женщин после продажи его машины;
2. Желание моего знакомого Г., чтобы я подал свою машину и деньги отдал ему; желание моего знакомого Г. под любым предлогом заманить меня в дом терпимости или подобное место;
3. Предполагаемое желание нынешних друзей моего знакомого Г., чтобы я остался и без машины и без денег, и чтобы они при этом оказались и при деньгах, и не принимали во всем происходящем видимого для меня участия. Они, судя по всему, захотели сохранить своё участие во всём предполагаемом ими действии в полной тайне, но инициатива в данном случае, и это несомненно, в первую очередь исходила от моего знакомого Г..

Нижеприведенное сновидение интересно в первую очередь тем, что оно мне показало в своём действительном содержании совершенно незнакомую мне молодую женщину, которую я уже на следующий день встретил, и, судя по всему, совершенно не случайно. С утра я с некоторым удовольствием всё ещё вспоминал это своё сновидение, а уже после обеда, во время прогулки, я два раза встретил за очень короткий промежуток времени одну совершенно мне незнакомую молодую женщину, очень сильно напоминавшую мне и своей внешностью и по своей одежде приснившуюся мне накануне.

*«Для дочерей, племянниц и сестёр
Обдумывать прически, шляпки, платья,
Подстроить встречу, тайный разговор –
Вот милых дам любимое занятие!
Они привыкли сватать с давних пор
Всех братьев и кузенов без изъятья.
Греха в том нету, ибо всякий брак
Воздействует на нравы как-никак.
Все женщины, влюблявшиеся рано,
За исключением дев и старых вдов,
Охотно строят каверзные планы
По части уловленья женихов.
Необычайный замысел романа
У них всегда заранее готов,
Хотя порой действительность упрямо
Его преображает в мелодраму...»³⁹*

Сновидение №4 (незнакомая молодая женщина)

Я нахожусь в какой-то комнате с незнакомой мне в моей бодрственной жизни, но знакомой судя по контексту сновидения, молодой женщиной. Мы с ней вначале просто общаемся. Я ощущаю к ней симпатию и очень сильное влечение и чувствую, что она также испытывает подобное влечение ко мне. Она уже частично раздета. Я её ласкаю, и судя по её реакции – ей это также очень нравится, однако выглядит она при всём этом несколько скованной. Видимо, ей что-то всё-таки мешает или её как-то отвлекает. Так всё продолжается в течение некоторого времени. Потом мы с ней вместе оказываемся уже на каком-то диване. Она в этот момент уже полностью одета. Чувствуется некоторая холодность, исходящая от неё. Создается такое ощущение, что никаких взаимных ласк перед этим между нами не было. На ней в этот момент, помимо всего прочего, одеты джинсовые брюки из плотной джинсовой ткани. В комнату внезапно заходит какая-то пожилая женщина. Она нам что-то говорит. Видимо, это чья-то мать – или её или моя. Скорее всего, что это её мать, так как мы в тот момент были не у меня дома; всё действие видимо происходило у неё в доме.

Толкование:

Что меня достаточно сильно поразило впоследствии – уже на следующий день после сновидения я встретил на улице во время прогулки очень сильно похожую на приснившуюся мне накануне незнакомую молодую женщину, и одеты на ней были как раз те самые, обратившие на себя во сне моё внимание, брюки из плотной джинсовой ткани. Сложившаяся ситуация и её поведение показались мне в тот момент несколько искусственными. Район, где всё это произошло, является достаточно малолюдным, и привлекательные молодые женщины там «табунами не бегают». Но то поразительное сходство и во внешности и в её одежде, и тот примечательный факт, что всё это произошло уже после обеда, в тот же самый день – не мог не обратить на себя моего пристального внимания. Смею предположить, – а в глубине души я ощущаю даже некоторую уверенность этом, – что эта молодая женщина, видимо, каким-то образом была уже знакома со мной, так сказать, заочно и без моего участия. Вполне возможно, – что однако маловероятно, – что эта молодая женщина сама почему то вдруг решила со мной познакомиться, однако всё же здесь скорее всего прослеживаются следы деятельности какой-либо сводни, но это для меня не так уже и важно. Наиболее существенным для меня во всем этом является то, что я до этого сновидения о ней «ни сном, ни духом», а тут вдруг такая интересная презентация в сновидении и уже через несколько часов, вуаля⁴⁰, встречайте нас лично в модных штанишках; мы уже целиком и полностью готовы к встрече с вами. От анализа с использованием отдельных фрагментов я на этот раз воздержусь. Это сновидение является одним из таких, для полного понимания которого нет никакой необходимости очень глубоко погружаться в свои собственные воспоминания, так как оно в наибольшей степени является прямым следствием чужих желаний и намерений.

Все видимые, понятные и предполагаемые мной источники желаний, которые были использованы при создании этого сновидения, можно сгруппировать

селдующим образом:

1. Моё актуальное – не слишком сильное, являющееся следствием соответствующей естественной потребности – желание хорошо провести время с какой-то привлекательной молодой женщиной;
2. Желание некоей привлекательной молодой женщины, чтобы я с ней познакомился и оказался при этом вместе с ней у неё дома; желание этой молодой женщины, чтобы нас в какой-то момент застали во время активной фазы нашего интимного общения на свидании; желание этой женщины одеть на себя для наиболее эффектного внешнего вида во время знакомства со мной брюки вполне определенного фасона.
3. Возможное желание сводников, чтобы мы с этой молодой женщиной познакомились и на некоторое время уединились, а они, впоследствии, каким-то образом во всё это вмешались и далее реализовали каким-то способом свои изначальные намерения, о которых сейчас я могу только лишь догадываться.

Это сновидение было очень интересным по-своему общему смыслу, а ещё гораздо более интересным оказалось его продолжение уже в бодрственной жизни. Но я с этой молодой женщиной в конечном счёте так и не познакомился, поэтому и до полного повторения увиденного в сновидении дело так и не дошло. Не знаю: к сожалению это или к счастью... Иногда нас в жизни что-то подталкивает к определенным поступкам, иногда же происходит всё совершенно наоборот, и нас что-то от них удерживает. В этот раз я на всё происходящее посмотрел достаточно равнодушно, несмотря на достаточно сильную в тот момент в этом внутреннюю потребность, и внешнее соответствие действительного желаемому. Всё-таки внутреннее соответствие в таких случаях также является достаточно важным. Видимо, меня почему-то «презентация» в сновидении не слишком сильно впечатлила или чем-то насторожила, особенно это касается финальной сцены с мамой...

Интересным иногда представляется выбор нашей душевной деятельностью конечного образа в таких сновидениях, когда мы перед этим никогда не видели самого субъекта желания. Судя по всему, в каждом таком случае просто подбирается из нашей памяти какой-то случайный образ, наиболее подходящий под внешние и внутренние характеристики и представление в своём воображении субъектом желания самого себя. Насколько это возможно и каким образом можно распознать в таких случаях присутствие сложных, объединенных образов – достаточно трудноразрешимая задача. Скорее всего, в подобных случаях следует ожидать практически всегда какого-то смешанного, сложного образа. В вышеприведенном сновидении в образе вошедшей пожилой женщины видимо и воплотились все те, кто изначально стоял за всеми ранее задуманными и спланированными действиями. Хотя нельзя полностью исключать и того, что в некоторой мере и образ самой молодой женщины, которой по моему предположению в этом случае манипулировали, также претерпел некоторые изменения. Всё-таки в сновидении её поведение было достаточно скованным и в некоторые моменты показалось мне не совсем естественным. Для образования простого образа в сновидении как правило необходимо полностью исключить какой-либо предварительный сговор и любые манипуляции, а в таких случаях, как вышеприведённый, без предварительного знакомства участников и каких-либо

взаимных чувств, представляется маловероятным достаточность начального энергетического потенциала лишь одного желания одного из участников, исходящего не от самого субъекта сновидения, для формирования на его основе яркого и полноценного сновидения.

Такого рода сновидений плавно перетекающих в события повседневной жизни у меня было достаточно много, поэтому я могу себе позволить не считать их как нечто совершенно случайное или из ряда вон выходящее. Всё в них бывает вполне ясно и понятно. Иногда всё увиденное в сновидении происходит практически сразу, в тот же день, а иногда – через несколько дней, а иногда бывает проходит и не одна неделя, прежде чем произойдет нечто из увиденного ранее в сновидении. Но, удивительным образом, несмотря на такую значительную в некоторых случаях временную задержку, само сновидение до какого-то момента достаточно ясно сохраняется в памяти как нечто актуальное. Видимо, что-то поддерживает в нас каким-то образом его жизнеспособность.

Все такие сновидения представляют собой отдельную группу сновидений, при создании которых были использованы в значительной мере именно желания и намерения посторонних для субъекта сновидения людей. Объектом всех этих желаний является сам сновидец – субъект сновидения, не будучи при этом каким-либо образом к этому причастным.

Иногда в качестве дополнительного источника используется какое-то из актуальных, несвязанных непосредственно с кем-либо лично, не слишком интенсивных желаний самого субъекта сновидения, неспособных в значительной степени изменить содержание сновидения, и оказывающих в таких случаях скорее энергетическую чем смысловую поддержку. В том редком случае, когда действие в бодрствующей жизни практически полностью повторяет нечто ранее увиденное нами в сновидении, можно говорить о принадлежности такого сновидения к группе **«сновидений, предсказывающих наше будущее»**, так называемых **«вещих снов»**. Подведем некоторые предварительные итоги анализа этих сновидений: два из четырех сновидений **№1** и **№3** явились прямым следствием недавнего моего общения с «недобропорядочными и корыстолюбивыми» (по моему мнению) давними знакомыми. В обоих случаях я незадолго до сновидения имел с ними какие-то дела: с одним непосредственно общался, а со вторым не захотел разговаривать по телефону, но подумать о нём мне всё-таки пришлось. С ними обоими, таким образом, у меня были связаны некоторые собственные непродолжительные размышления накануне, и, как прямое следствие, вполне возможно, впоследствии у меня и возникли какие-то желания или нежелания по отношению к ним лично или к чему-то непосредственно с ними связанному.

Сновидения **№2** и **№4** представились мне неким сюрпризом и оказались для меня полной неожиданностью. Я ни о чём подобном накануне этих сновидений не раздумывал и все мои собственные желания, – если таковые действительно были использованы при создании этих сновидений, – могли быть каким-то образом возбуждены, можно так сказать, только лишь в обход моего сознательного мышления, полностью автоматически. Никаких волевых усилий с моей стороны в обоих этих случаях совершенно не было приложено. Мои действия в этих сновидениях мною не были никаким образом заранее спланированы или накануне предполагаемы.

Можно с полной уверенностью сказать то, что иногда наши сновидения находятся в полной независимости от каких-либо из наших собственных актуальных мыслей или незначительной силы желаний. Мы в течение предшествующего дня можем думать об одном, а присниться нам может нечто совершенно от этого отличное и никаким образом со всеми нашими размышлениями не связанное. Не мы одни, единолично управляем сферой своих собственных сновидений. Пропуском в неё служит всё то, что имеет своим объектом нашу собственную персону и ничего более того, вне зависимости от того – хотелось бы нам этого или нет. Всё то, что нас каким-либо образом непосредственно касается, в какой-то момент становится нам доступным в какой-то форме в наших сновидениях.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Я мог бы продолжать этот анализ и разъяснять ещё много различных деталей. Мне известны даже те пункты, из которых можно проследить различные ассоциации; многие соображения, неизбежные при всяком анализе своего собственного сновидения, мешают, однако, мне это сделать. Кто хотел бы упрекнуть меня в скрытности, тому я рекомендую самому попробовать быть откровенным до конца. Я удовольствуюсь, поэтому, установлением делаемого мною отсюда вывода: если проследить указанный здесь метод толкования сновидений, то оказывается, что сновидение действительно имеет смысл и ни в коем случае не является выражением ослабленной мозговой деятельности, как говорят различные авторы. Согласно произведенному нами толкованию, сновидение является осуществлением желания».*

Я целиком и полностью согласен с Зигмундом Фрейдом в том, что сновидение выполняет вполне определенную и совершенно осмысленную функцию в нашей душевной жизни. Согласно произведенным мною толкованиям четырех вышеизложенных сновидений, я пришел к выводу, что всякое **сновидение является осуществлением желаний**. Но, в отличие от психоаналитического понимания природы сновидения, видящем в качестве источника сновидения и его основной и единственной движущей силы лишь желания самого субъекта сновидения, я пришел к тому выводу, что в качестве источника сновидения, как его основным формирующим фактором и основной движущей силой в большинстве случаев выступают желания нескольких – двух, трех, четырех и так далее... различных, возможно даже между собой никоим образом не связанных и незнакомых, индивидов.

Мне пока представляется маловероятной достаточность единственного желания самого субъекта сновидения для формирования длительного, полноценного сложного сновидения с участием нескольких человек. Вполне возможно, что для формирования простейших сновидений, имеющих своей конечной целью только лишь удовлетворение наших естественных потребностей, иногда этого будет вполне достаточно. При длительном отсутствии их удовлетворения – что касается половой потребности – или при возникновении сильного чувства голода, холода, жара с целью сохранения состояния сна и дальнейшего ощущения относительного комфорта, наша душевная деятельность может создать полноценное сновидение с использованием исключительно только лишь нашего собственного желания. Но тогда мы имеем в конечном итоге только лишь простейшие сновидения, которые не нуждаются ни в каком более сложном и углубленном толковании, потому что их смысл оказывается изначально слишком

хорошо понятен и очевиден сам по себе. В большинстве случаев, при возникновении в состоянии сна подобных естественных потребностей, наша душевная деятельность просто добавляет что-либо по-своему усмотрению к уже ранее сформированному сновидению в процессе его представления. В случае наиболее острой необходимости, текущее сновидение может быть в какой-то момент прервано, и вместо него будет создано совершенно новое, совсем другое сновидение, наиболее соответствующее текущим потребностям и сложившимся обстоятельствам.

Я немного проиллюстрирую вышесказанное небольшим, но достаточно выразительным примером. Как-то в молодости, я поехал в гости к своему другу и мы вместе с ним очень хорошо выпили. Несмотря на очень сильное состояние алкогольного опьянения, я, не обращая внимания на его настойчивые просьбы остаться и никуда в таком состоянии не ехать, не захотел остаться у него дома ночевать, и выразил желание несмотря ни на что всё же поехать домой. Ехать домой было необходимо на электричке. Меня до станции довели на мотоцикле и в электричку посадили. Дело было поздно вечером. На улице была зима и стоял очень сильный мороз. Я кое-как у себя на остановке вышел, и с большим трудом пошел в сторону своего дома. В какой-то момент в малолюдном месте я поскользнулся, упал и там же на снегу и заснул. И приснился мне следующий сон:

«Я нахожусь на берегу реки или пруда. Вода там настолько теплая, что сильно парит. Я медленно захожу в эту теплую воду и мне это очень приятно».

В этот момент я внезапно проснулся и понял то, что очень сильно замерз; я кое-как поднялся и медленно пошел в сторону дома. Придя домой, я укутался в теплое одеяло и лёг спать на диван около тёплой батареи. В данном случае моя душевная деятельность попыталась компенсировать испытываемое мною в тот момент неудовольствие, но в конечном итоге всё-таки решила отказаться от этой опасной затеи, и прервать компенсирующее сновидение для моего же блага. Пробуждение ото сна в этом случае оказалось самым разумным и целесообразным решением.

Для наиболее успешного толкования своих сновидений и полного понимания всех источников сновидений важна хорошо развитая собственная интуиция; также не помешает и хорошее знание своих родственников, друзей, знакомых, коллег и всех тех людей, с которыми возможно у нас возникает взаимное пересечение каких-либо интересов. Люди – в том случае, когда мы сами от них ничего не желаем и о них не думали и не думаем ни в каком контексте – совершенно не знающие нас и о нас совершенно не думающие, и в нашем отношении ни о чем не помышляющие, не способны никаким образом оказывать влияние на формирование наших сновидений. Люди, лично нас совершенно не знающие, но при этом о нас думающие, и в нашем отношении о чем-либо помышляющие, способны оказывать прямое влияние и воздействие на формирование наших сновидений.

Кто в чем может быть заинтересован? Кому это может быть интересно? Кому это может быть выгодно? Кто мог бы пожелать мне такого счастья или несчастья? Такого рода вопросы нам необходимо поставить себе в процессе поиска возможного смысла и действительных источников своих сновидений. Если мы не находимся в сфере чьих-то интересов или не являемся объектом чьих-то

желаний, что случается достаточно редко, тогда для нашей душевной деятельности при создании сновидения не будут доступны какие-либо другие желания, кроме наших собственных, объектом которых мы в различной степени являемся всегда. Всё то, что нами желается для других без какого-либо нашего прямого, непосредственного участия – не может быть использовано в качестве исходного материала при создании наших собственных сновидений.⁴¹

Иногда сновидение совершенно не поддается толкованию, но при этом и не забывается полностью, и при определенных событиях, происходящих с нами в недалеком будущем, к нам внезапно приходит понимание смысла ранее приснившегося и так и не забытого нами по каким-то причинам сновидения. Именно никуда не девшаяся до тех самых пор актуальность затронутого в сновидении вопроса не позволила этому сновидению быть нами полностью забытым и сохраняла его всё это время в нашей памяти. Каким образом это оказалось возможным – сказать сложно. Видимо, всё-таки существует прямая зависимость между чьими-то актуальными желаниями, объектами которых мы являемся, и некоторыми нашими мыслями, внутренними ощущениями и спецификой работы нашей памяти.

III. Сновидение – осуществление желаний

«Истина – не то, что доказуемо, истина – это простота...»

Антуан де Сент-Экзюпери «Планета людей»

«...Дю Круазье подготовил своё мщение с той расчетливостью, с какой истый провинциал рассчитывает всё. Только дикари, крестьяне и жители провинции способны так хитро и всесторонне обдумать свои дела; поэтому, когда они от мысли переходят к делу, они действуют наверняка. Дипломаты – просто младенцы в сравнении с этими тремя классами «млекопитающих», у которых времени хоть отбавляй, тогда как его совершенно не хватает людям, вынужденным думать сразу о множестве вещей, все направлять и все предвидеть в великих деяниях человеческих».

Оноре Бальзак «Музей древностей»

Вся наша жизнедеятельность основана на практически непрерывном удовлетворении своих постоянно возникающих более или менее значительных потребностей, количество и интенсивность которых иногда с возрастом в какой-то мере изменяется. Есть такие жизненно важные, естественные потребности, удовлетворение которых является обязательным для нашего полноценного существования. При этом есть и масса таких потребностей, удовлетворение которых не является обязательным условием нашего существования. Но, в любом случае, если мы для себя лично определяем что-то в какой-то момент существенным и значимым, это автоматически приобретает необходимую

⁴¹ Дальнейшее развитие этого направления в исследовании душевной деятельности в состоянии сна производится мною в моей книге **«Анатомия Души»**. Иногда, видимо, допустимо в состоянии сна оказаться в качестве зрителя в той ситуации, когда с кем-то небезосновательно и целиком им заслуженно происходит нечто для нас значимое, что может рассматриваться как нечто имеющее к нам какое-то отношение. Нечто такое, что сделано не нами самими, но кем-то или чем-то также и для нас, или из-за нас, или для нас.

значимость для нас в этот конкретный момент, которая, спустя некоторое время, может быть несколько приуменьшена или же аннулирована полностью. Есть масса различного рода, в данный момент уже совершенно неактуальных, наших прошлых потребностей, на которые мы иногда смотрим с полным недоумением, и не можем понять того, почему они так сильно нами некогда владели.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Нас поражает ясность неожиданной истины. Сновидение не похоже на неправильную игру музыкального инструмента, которого коснулась не рука музыканта, а какая-то внешняя сила; оно не бессмысленно, не абсурдно, оно не предполагает, что часть нашей души спит, а другая начинает пробуждаться. Сновидение – полноценное психическое явление. Оно осуществление желания. Оно может быть включено в общую цепь понятных нам душевных явлений бодрственной жизни. Оно было построено с помощью чрезвычайно сложной интеллектуальной деятельности».*

Во всей работе нашего интеллекта, если при этом рассматривать его работу в состоянии психической нормы, нет абсолютно ничего бессмысленного и неоправданного внутренней необходимостью; однако всё же возможно некоторое количество чего-то для нас непонятного. Сновидения были окончательно перенесены именно Зигмундом Фрейдом из категории «бессмысленного или малопонятного», в категорию «ясного, существенного и важного».

Сновидение является осуществлением или собственным очень сильного желания субъекта сновидения, или какого-то общего желания нескольких людей, или совершенно различных желаний различных людей, субъектов желаний, объектом которых является субъект сновидения.

**«я хочу» + «мне хочется» + «от меня хотят»
+ «для меня хотят» = моё сновидение**

Самая существенная деталь, объединяющая все исходные желания, состоит в том, что объектом всех желаний, использованных при создании сновидения, является субъект сновидения. Если все основные желания в общих деталях совпадают, а также в значительной мере совпадает и весь механизм реализации желаний – в результате получается ясное и вполне понятное, осмысленное сновидение. Если же желания сильно между собой различаются, или же при полном совпадении всех основных целей желаний в значительной мере различаются способы их удовлетворения – в результате получается сновидение гораздо более запутанное и менее понятное, нуждающееся в углубленном анализе и по этой причине не всегда доступное для полного понимания. В достаточно редких случаях, – что касается тех сновидений, участником которых является только сам субъект сновидения, – возможна такая исходная ситуация, что в качестве материала при создании сновидения душевная деятельность субъекта сновидения использует только собственное желание субъекта сновидения. Это может быть какое-либо очень сильное, актуальное желание субъекта сновидения, возникающее на основе очень сильной его естественной потребности! В некоторых, достаточно редких случаях, при формировании сновидений, в которых лишь сам субъект сновидения принимает активное участие во всем происходящем, используются различные желания нескольких

людей, субъектов этих желаний. В таких случаях создание сновидения оказывается возможным даже без использования желаний субъекта сновидения, однако в самом сновидении чаще всего присутствует ощущение чьего-то постороннего присутствия.

«Когда злой рок начинает выполнять своё дурное намерение, то очень редко бывает, чтобы он великодушно не предупредил свою жертву, подобно забияке, предупреждающему свою противника, чтобы дать тому время принять меры предосторожности.

Почти всегда с этими предупреждениями, воспринимаемыми человеком инстинктивно или при посредстве неодушевлённых предметов, – почти всегда, говорим мы, с этими предупреждениями не считаются...»⁴²

Сила веры субъекта желания или его внутренняя, искренняя, – и не обязательно вполне объективно обоснованная, так как в таком случае будет вполне достаточно и субъективной обоснованности и уверенности, – собственная уверенность в осуществимости желаемого в ближайшем, вполне определенном будущем играет в каждом случае наиболее значительную, определяющую роль. Если нечто просто мыслится и о реализации никакой речи не идёт, тогда подобные желания как правило имеют в себе недостаточно энергетического потенциала для использования их в качестве материала при создании сновидений.

В дальнейшем мы постараемся понять то, насколько важным для нас является понимание хотя бы некоторой части своих собственных сновидений. Насколько более осмысленным, ясным, полноценным и предсказуемым становится наше дальнейшее существование. Конечно же, нам нет никакой необходимости постоянно только и думать о том, что же нам сегодня ночью приснилось. Но нам также не стоит и совершенно отгораживаться или отмахиваться от некоторых сновидений, которые нам вспоминаются достаточно ясно и длительное время не покидают нашу память, пытаясь таким образом нас о чем-либо проинформировать, предостеречь или предупредить. Следует во всех таких случаях обязательно попытаться понять то, о чем именно попыталось нам рассказать наше сновидение; на что именно нам необходимо обратить свое усиленное внимание. *«Предупрежден – значит вооружен»*, поэтому нужно постараться хоть иногда обращать своё внимание хоть на что-нибудь из того, что нам снится.

«Божество любит являться нам ночью и приоткрывать завесу над нашим будущим, не для того, однако, чтобы мы сумели уберечь себя от него (ведь людям не под силу справиться с роком), но для того, чтобы с большим смирением мы к нему отнеслись. Ведь всё, что обрушивается на человека неожиданно, ошеломляет его душу своей внезапностью и погружает её в безысходность, если же люди исподволь готовят себя к страданию, пусть даже не испытанному, то острота его понемногу притупляется...»⁴³

Что снится тому человеку, который снится нам? В том случае, когда он не представлен в качестве объекта какого-либо из наших желаний, скорее всего наше присутствие в его собственном сновидении является маловероятным.

42 А. Дюма «Чёрный тюльпан»

43 Ахилл Татий «Левкиппа и Клитопонт»

Содержимое его сновидений формируется по тем же самым, общим для всех без исключения, правилам; оно составляется на основе всех тех желаний, объектом которых является он сам лично, как субъект сновидения. Какие это будут желания – всё зависит от вовлеченности субъекта сновидения в интересы его друзей, знакомых, родственников и так далее.

Снимся ли ему мы одновременно с тем, когда он снится нам? В том случае, когда имеет место наше взаимное, встречное, подобное или схожее желание, наше присутствие в его сновидении является обязательным. Наше представление в сновидении непосредственно зависит также и от всех остальных актуальных желаний, объектом которых является в тот момент субъект сновидения. Но наше присутствие в таком сновидении в каком-либо виде является обязательным, а степень нашей вовлеченности и значимости в контексте сновидения будет напрямую зависеть от силы нашего желания и уровня противодействия по отношению к нам со стороны субъектов остальных желаний, которые использовались при создании этого сновидения, если таковые имеются, а также от степени сопротивления самого субъекта сновидения по отношению к каким-либо из наших намерений в его отношении.

И всё же этот вопрос является достаточно сложным для исследования ввиду недоступности полной и достоверной информации в каждом конкретном случае. Если даже кто-либо не помнит своего сновидения вообще, или же вспоминает его лишь фрагментами – нельзя с полной уверенностью утверждать о том, кто или что ему в действительности приснилось либо не приснилось. С высокой долей вероятности бывает возможно лишь утверждать то, что содержание таких сновидений, – в том редком случае, когда это происходит, – при общем своем значительном сходстве, будет хоть в чем-то, но немного друг от друга отличаться.

Мы содержание своих желаний без необходимости не готовы и не хотим делать достоянием всеобщего внимания. Это для большинства из нас всё же остается закрытой частью нашей личной душевной жизни. Мы стараемся по возможности защищать свою собственную личную жизнь от всяких посторонних глаз, равно как и свои желания от домыслов и размышлений посторонних людей. Не перед каждым и не всегда мы готовы «открыть свою душу», а иным способом достоверно узнать содержание чьих-либо желаний достаточно редко представляется возможным.

При анализе сновидений чаще всего приходится использовать свои собственные искусственные умозрительные построения, основанные на своём знании этих людей, на их повседневном поведении и прочих прямых или косвенных, подтверждающих либо опровергающих факторах. Для наиболее успешного толкования сновидения необходимо как можно более полное понимание всех возможных мотивов всех изначально предполагаемых в участии индивидов, субъектов желаний, возможно как-то заинтересованных в происходящем с нами в сновидении.

Как можно отличить наши вполне определенные, полностью сформированные намерения от наших собственных желаний? В чем их существенное друг от друга отличие – в самом качестве или же в эмоциональной насыщенности?

*«И в самом деле, обладай наше зрение способностью видеть
внутренний мир нашего ближнего, можно было бы гораздо вернее судить о*

человеке по его мечтам, нежели по его мыслям. В мыслях наличествует волевое начало, в мечтах его нет.

Мечты, возникающие произвольно, всегда воспроизводят и сохраняют, даже если их предмет служит нечто грандиозное и идеальное, наш собственный духовный облик. Нет ничего более непосредственно исходящего из сокровенных глубин нашей души, чем наши безотчетные и безудержные стремления к великому жребию. В этих стремлениях гораздо больше, чем в связанных, продуманных, стройных мыслях, виден подлинный характер человека. Больше всего походят на нас наши фантазии. Каждому мечта о неведомом и невозможном рисуется соответственно его натуре...»⁴⁴

Намерение имеет в себе значительно более конкретные и четкие основные очертания и признаки – начиная от самих сроков и заканчивая всеми допустимыми, предполагаемыми средствами и методами, которые мы намерены использовать при его реализации. В большинстве своем, намерениями мы считаем всё то, что для нас является чем-то повседневным и обыденным, и для нас не представляет особого труда их реализовать. Хочу, могу и завтра или несколько позднее без каких-либо проблем обязательно сделаю – такова краткая формула простого намерения. Если мы имеем четкое, вполне сформированное и достаточно определенное намерение сделать что-то, тогда мы уже более или менее ясно представляем себе то, что именно и как именно мы будем делать в нужный момент, и какой итоговый результат мы ожидаем от всей нашей предполагаемой деятельности. Вполне сформированное намерение также может быть выражено как **«реалистическое ожидание»**⁴⁵ предстоящего, запланированного, предопределенного действия.

Желание – это всё же нечто, в какой-то степени, неопределенное в сроках и методах своей конечной реализации, отдаленное, и не всегда возможное; нечто такое, что не ожидает своей реализации в ближайшей краткосрочной перспективе; для них мы очень часто не устанавливаем никаких конкретных сроков, мы просто иногда чего-то желаем. В некоторых случаях, при достаточном его энергетическом насыщении, такого желания оказывается вполне достаточно для того, чтобы наша душевная деятельность им заинтересовалась и использовала его при создании сновидения. Это касается также и всех тех желаний, объектами которых мы являемся, вне зависимости от степени их фантастичности и потенциальной возможности их реализации.

Видимо, как раз в этом, на первый взгляд несущественном различии определений и может просматриваться значительная изначальная мотивационная разница между своим собственным, и чем-то, навязанным индивиду извне. **«Я хочу»** – всегда несколько отличается от **«Мне хочется»**, и в ещё большей степени отличается от **«От меня хотят»**.

«Я хочу» – совершенно осознанное, естественное желание индивида, принимаемое и в значительной мере поддерживаемое его душой;

«Мне хочется» – навязанное или подсказанное индивиду изнутри, кем-то значимым для него извне; нечто для него приемлемое и принятое им, как минимум, на уровне некоторой части его души, обладающее какой-то частью его

44 Виктор Гюго «Отверженные»

45 Хайнц Хекхаузен «Мотивация и деятельность»

душевной поддержки;

«От меня хотят» – нечто прямо или косвенно навязываемое извне силой, нежеланное и нежелаемое, чаще всего, нечто неприятное и неприемлемое – вообще или в данном, конкретном случае – для индивида.

Существенное различие заключается также и в личной уверенности в выполнимости всего задуманного. Когда нечто мыслится как желаемое но маловероятное, тогда видимо и эта составляющая всего предполагаемого является незначительной, что и отражается в какой-то мере на энергетическом наполнении соответствующего желания. Сила веры или уверенность в осуществимости желаемого в ближайшем, вполне определенном будущем, всегда непременно играет значительную роль.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Легко показать, что сновидения зачастую носят настолько ясный характер осуществления желания, что приходится удивляться, почему язык сновидения до сих пор казался таким непонятным».*

При исследовании некоторых категорий сновидений, наименее запутанных, и поэтому гораздо более легкодоступных для быстрого понимания и точного толкования, нежели более запутанные, обычно сразу же становится понятен их общий смысл, и при этом у нас отсутствуют какие-либо предположения об их чуждости для нас в тот конкретный момент. Именно тогда нас и наполняет абсолютная уверенность в полной осмысленности этого феномена нашей душевной деятельности. В такие моменты вся деятельность нашей душевной организации приобретает некую завершенность и полную осмысленность. Так происходит до тех самых пор, пока нам как-нибудь не приснится нечто трудно описываемое и сложно понимаемое – тогда мы снова возвращаемся к ощущению того, что не всё и не всегда нам под силу понять в своей собственной душевной деятельности.

Зигмунд Фрейд пишет: *«...очень часто при всевозможных условиях можно найти сновидения с чрезвычайно ярко выраженным осуществлением желаний, которые выявляют свое содержание в незамаскированном виде. Это по большей части короткие и простые сновидения, резко отличающиеся от спутанных и продолжительных, главным образом обращающих на себя внимание исследователей».*

Таким образом, именно короткие и простые сновидения чаще всего являются исполнением исключительно лишь наших собственных желаний, направленных либо на удовлетворение наших физиологических потребностей, либо же на сохранение состояния сна при воздействии на нас каких-либо посторонних раздражителей. А для создания спутанных и продолжительных сновидений всегда бывают необходимы желания как минимум двух человек. Иногда бывает достаточно совпадения по некоторым основным признакам взаимных желаний субъекта сновидения и объекта сновидения/субъекта желания; либо предполагается взаимный интерес двух и более отдельных индивидуумов по отношению к субъекту сновидения – в таком случае все эти их желания и будут использоваться душевной деятельностью субъекта сновидения при формировании сновидения.

Если воспринимать всякое сложное, чрезвычайно спутанное и продолжительное сновидение, как **производную** от нескольких желаний

нескольких людей, тогда толкование сновидения можно понимать и должно нами восприниматься как поиск его **первообразной**, его первоисточника. Нахождение этой **первообразной** можно приравнять к открытию всех исходных желаний всех субъектов тех желаний, которые были использованы в качестве материала при создании сновидения.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Сновидения маленьких детей представляют собою очень часто явные осуществления желаний и поэтому в противоположность сновидениям взрослых почти совершенно неинтересны. Они не содержат никаких трудно разрешимых загадок, но, безусловно, чрезвычайно ценны, как доказательство того, что сновидение по самой своей сущности представляет осуществление желания...».*

Круг интересов и круг общения большинства детей значительно меньше круга интересов и круга общения психически полноценных, физически здоровых, социально активных взрослых людей. Их образ мыслей охватывает гораздо меньшее количество существующих понятий. Детские потребности значительно меньше потребностей взрослых, и в своем большинстве регулярно и в полной мере удовлетворяются при помощи взрослых или в условиях ими для этого созданных. Детям необходимо только об этом их попросить или этого настойчиво потребовать, а иногда взрослые просто не дают им об этом даже и заговорить – всё удовлетворяется полностью автоматически. У детей, как правило, еще отсутствуют в полной мере развитые способности к созданию и построению очень сложных механизмов для планирования предполагаемого ими удовлетворения своих собственных потребностей, поэтому и их сновидения представляются значительно более простыми и понятными. Но всё-таки основной причиной этой простоты детских сновидений является меньшая вовлеченность самих детей в круг чьих-либо интересов.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Во время этой прогулки и у моей восьмилетней дочери появилось желание, которое тоже было удовлетворено сновидением. Мы взяли с собой в Галльштатт двенадцатилетнего сына наших соседей, совершенного рыцаря, завоевавшего, как мне казалось, все симпатии маленькой девочки. На следующее утро она мне рассказала следующее сновидение: Представь себе, мне снилось, что Эмиль – мой брат, что он говорит вам «папа» и «мама» и спит вместе с нами в большой комнате. В комнату вдруг вошла мама и бросила нам под постели целую горсть шоколадных конфет в синих и зеленых бумажках».*

В вышеуказанном сновидении очень явно проявляется в качестве исходного материала при формировании сновидения осуществление желаний обоих детей, участвовавших в этой прогулке. Их общее желание можно выразить так, как будто они хотели жить вместе и они хотели бы спать в одной комнате, что и было реализовано в сновидении. Желание о конфетах, которое так же было исполнено в чистом виде, скорее всего, по форме своего исполнения, является индивидуальным желанием маленькой девочки, в осуществлении которого второй ребенок, скорее всего, – как и все дети которые любят конфеты, – был также заинтересован, а форма его представления была predetermined именно желанием девочки, так как видимо именно таким образом конфеты детям в комнате обычно выдавала мать.

IV. Искажающая деятельность сновидения

*«...Будучи матерью ребенка женского пола, а стало быть, одним из учредителей **Древнего Ордена Мышеловки**, она с восторгом принялась убирать Панчиту для жертвоприношения...»*

О. Генри «Бабье лето Джонсона Сухого Лога»

Исходя из моего понимания природы сновидения, деятельность сновидения произвольно и самостоятельно не производит никаких преднамеренных и предумышленных искажений, а только лишь занимается соединением каких-либо, с её точки зрения, сходных понятий при создании чего-то осмысленного и допустимого для представления в качестве образов сновидения. Обыкновенно, всегда происходит большее или меньшее количество сгущений и смещений изначальных образов, в результате которых иногда и получаются такие, на первый взгляд, непонятные для нашего сознательного мышления образы.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Но и менее недовольные наблюдатели заметили, что сновидение чаще изображает недовольство, чем удовлетворение... Даже женщины, **Сара Уид** и **Флорас Галлам**, дали цифровое выражение преобладанию в сновидениях чувства недовольства. **58%** сновидений они называют неприятными и лишь **28,6%** – приятными. Помимо сновидений, воспроизводящих продолжение разных неприятных ощущений бодрственной жизни, есть сновидения страха, в которых нас преисполняет это самое тяжелое из всех неприятных ощущений; таким сновидениям страха особенно подвержены дети, у которых мы утверждаем преобладающую наличность сновидений о желаниях.*

Сновидения страха, как будто, действительно исключают возможность обобщения того заключения, которое мы вывели из примера предыдущей главы, что сновидение является осуществлением желания; утверждение это кажется чуть ли не абсурдом».

«Подумай, сколько вокруг тебя зла; взгляни, – нет такого нечестья, которому нельзя сыскать примера; гнусность заходит с каждым днём всё дальше, безобразия творятся и в государстве, и в каждом доме; и ты поймёшь, что мы многого достигли, не значась в числе худших...»⁴⁶

Не все из наших знакомых и нам не знакомых, к нашему величайшему сожалению, в силу своей естественной человеческой природы и/или некоторых недостатков воспитания, помноженных на возможность и нежелание себя сдерживать в некоторых ситуациях, в основном «думают о чем-то хорошем» по отношению к нам. Человеческая природа такова и человеческое общество так устроено, что достаточно часто приходится пренебрегать общепринятыми моральными нормами в борьбе за своё собственное существование; так полагает значительная часть человеческого общества. Когда, где и насколько можно будет преступить общепринятые рамки – каждый отдельный человек чаще всего сам для себя определяет эти допустимые рамки и устанавливает для себя границы

себе дозволенного; это вопрос индивидуальных возможностей и нравственных особенностей и, прежде всего, воспитания. «**Homo homini lupus est**⁴⁷ – человек человеку волк» – этот жизненный принцип до сих пор всё ещё достаточно живуч, востребован и активно используется многими цивилизованными людьми, как нам не было бы неприятно самим себе в этом признаться.

Выражение «**без задних мыслей**» как раз и говорит о том, что индивид в достаточной мере откровенен, полностью искренен и совершенно открыт, и ничего другого, даже противоправного и противозаконного – кроме высказываемого и демонстрируемого – не замышляет и не планирует. «Задние мысли» чаще всего присутствуют, нежели отсутствуют во взаимоотношениях между индивидами в современном обществе. Это является прямым следствием того, что основной действительной, а не декларируемой и лицемерно почитаемой, ценностью существующего общества является **не истина, а ложь** во всех её многообразных проявлениях! «**С волками жить – по волчьему жить!**» По-иному оказывается сложно выдерживать конкуренцию и добиваться успеха, поэтому большинству индивидов и приходится принимать такие бесчеловечные, антигуманные, неприглядные и неприятные правила существования, установленные, – а скорее навязанные, – недобросовестными и недалёковидными нелучшими представителями рода человеческого.

«...когда ты видишь битком набитый форум или переполненную площадку народного собрания, или цирк, в котором народ являет большую свою часть, – знай, что здесь столько же пороков, сколько людей...за самое скромное вознаграждение каждый согласится погубить другого. Прибыль любого из них достигается только обидой и несправедливым убытком другого. Счастливого они ненавидят, несчастного

– презирают; они не выносят тех, кто больше их, и сами невыносимы для тех, кто меньше. Они мечутся, подстрекаемые противоречивыми вожделениями, и ради малейшего удовольствия или пустяковой наживы согласятся, чтобы погиб хоть целый мир. Они живут, точно в гладиаторской школе: с кем сегодня пили, с тем завтра дерутся. Это сборище диких зверей, только звери не кусают себе подобных и со своими живут в мире, а эти насыщаются, терзая друг друга. От бессловесных животных они отличаются одним: животные приручаются и становятся ласковыми к тем, кто их кормит; люди же в своем бешенстве пожирают и тех, кто вскормил их...»⁴⁸

Некоторые люди довольно-таки часто, – а некоторые на регулярной основе, – плетут какие-либо интриги, расставляют для людей сети и ловушки, составляют сами заговоры или же с радостью принимают в них активное участие – иногда преследуя свои интересы, а иногда и просто ради борьбы со скукой, в виде развлечения – и это не является секретом ни для кого. Предполагаемые цели и используемые средства всех подобных заговоров и интриг часто являются довольно-таки неприглядными – всё, что имеет достаточно привлекательный с точки зрения морали и закона вид, люди делают открыто и не скрывают при этом ни от кого своих действительных намерений и собственного авторства, а совершенно наоборот, стараются это афишировать при всякой удобной для этого возможности.

47 *Человек человеку волк* – лат.

48 Луций Анней Сенека «О гневе»

*«...Дрожит хозяин перед гостем,
Тесть перед зятем, и братья с опаской глядят друг на друга
Муж – угроза жене, жена – гибель для мужа;
Яд смертоносный с вином мешают, бледнея невестки;
Сын до срока считает отцом прожитые годы...»⁴⁹*

Сновидения страха достаточно неплохо подходят под категорию «**осуществления желаний**» – в них мы действительно иногда узнаем и в какой-то мере ощущаем во сне всю силу «**дружеской ненависти**», «**сестринской злобы**», «**братской подлости**» и не только. Обыкновенно, нас это всегда пугает гораздо сильнее, так как потенциальные возможности причинить нам вред у близких к нам людей на порядок выше, нежели у кого-либо из посторонних. Вполне возможно, что именно по этой причине в сновидении у нас практически всегда и возникает некоторое недоумение – сказывается именно элемент неожиданности – мы с этой стороны не ожидали ничего подобного, и вследствие этого и возникает эффект неожиданности, вызывающий общее недоумение и ощущение незащищенности.

«**Амбивалентность**»⁵⁰ человеческих чувств, с точки зрения психоанализа, уже давно никого не удивляет. Резкие перепады нашего настроения и изменение при этом нашего первоначального отношения к чему-либо или к кому-либо в противоположную сторону обычно не вызывают у нас значительного недоумения. Тогда почему мы, изначально зная о наличии в нас самих таких душевных особенностей и способностей, не принимаем к сведению практическую возможность для их реализации и претворения в жизнь нами самими или кем-либо из других людей? То, что все мы обладаем такими «**душевыми особенностями**» нас совершенно не пугает и не удивляет, а то, что мы ими иногда, – кто-то чаще, а кто-то реже, – но все-таки пользуемся, часто вызывает неподдельное удивление. Видимо, мы всё-таки слишком плохо сами себя знаем или же просто не хотим себе в некоторых вещах откровенно и чистосердечно признаться, что однако никак не мешает дальнейшему сосуществованию всех этих качеств в нашей душе. Скорее всего, люди стараются думать так, как будто подобного рода противоположные чувства являются чем-то совершенно случайным, а не неотъемлемой частью и особенностью их душевной жизни. А ведь очень часто от желаемого до действительного путь бывает не слишком долгим, в особенности, когда вопрос касается сновидений.

Преобладание преимущественно у детей сновидений с аффектом страха является наиболее легко объяснимым элементом природы сновидения. Дети гораздо более слабы физически и интеллектуально, поэтому они и являются наиболее уязвимыми в отношении к физическому и психологическому воздействию. Они намного легче чего-либо пугаются в повседневной жизни. Им многое незнакомо в той мере, чтобы относиться ко всему этому безо всякого опасения. Многие вещи ими понимаются неправильно; некоторым вещам ими приписываются несуществующие свойства; некоторые из качеств в значительной

49 Овидий «Метаморфозы»

50 **Амбивалентность** – двойственность (расщепление) отношения к чему-либо, в особенности – двойственность переживания, выражающаяся в том, что один и тот же объект вызывает у человека одновременно два противоположных чувства (Википедия)

степени искажаются или масштабируются, а некоторые просто не замечаются или их значимость приуменьшается. Можно добавить ко всему этому также многочисленные страшные детские сказки и прочие элементы литературы, фольклора, кинематографа и искусства. Нужно также всегда учитывать и то, что они не только физически являются гораздо более чувствительными ко всякого рода физическому воздействию; они и психологически гораздо более восприимчивы, чувствительны и ранимы. Их душевная организация, наравне с физической, всё ещё находится на начальной стадии своего развития и формирования. Именно поэтому, они оказываются гораздо более чувствительными и восприимчивыми к различным видам внешнего воздействия, которые ими гораздо чаще чем взрослыми оцениваются, как опасные или угрожающие их существованию. Они пугаются, они боятся, они опасаются, они остерегаются, они изо всех сил стараются не погибнуть, и при всём этом суметь во всем происходящем вокруг них хоть немного разобраться, глядя по возможности на всё это со стороны, и пребывая где-нибудь в безопасности.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Оно, подобно смешанной фотографии Гальтона⁵¹, который приказал сфотографировать несколько лиц на одной и той же пластинке для того, чтобы установить семейные сходства».*

Таковым представляется нам основной рабочий механизм, которым пользуется наша душевная деятельность при создании всех без исключения образов в сновидении. Только при создании сновидений, в качестве лиц выступают непосредственно сами желания, объектами которых мы являемся. В случае плохой совместимости желаний между собой, число таких итоговых, результирующих сложных фотографий-желаний, представляющих собой отдельные фрагменты сновидений, увеличивается. А уже в процессе создания сновидения, окружающая обстановка, предполагаемые действия и сами лица при необходимости могут совмещаться подобным образом в единый, результирующий, общий образ, если таковая потребность возникнет для наиболее ясного представления существующей связи между некоторыми участниками сновидения. Более подробно данный механизм образования образов при создании сновидений будет рассмотрен в главе **«Работа сновидения»**.

Зигмунд Фрейд пишет: *«В аналогичном положении находится и политический писатель, желающий говорить в лицо сильным мира сего горькие истины. Если он их высказывает, то власть имущий подавит его мнение: если речь идет об устном выступлении, то возмездие последует после него, если же речь идет о печатном выступлении, то мнение политического писателя будет подавлено предварительно. Писателю приходится бояться цензуры, он умеряет и искажает поэтому выражение своего мнения. Смотря по силе и чувствительности этой цензуры, он бывает вынужден либо сохранять лишь известные формы нападок, либо же выражаться намеками, либо же, наконец, скрывать свои нападки под какой-либо невинной маской... Поразительное совпадение феноменов цензуры и феноменов искажения в сновидении дает нам право предполагать для тех и других одни и те же условия. Мы имеем основание, таким образом,*

⁵¹ **Сэр Фрэнсис Гальтон** – английский исследователь, географ, антрополог, психолог, статистик, основатель дифференциальной психологии и психометрики, а также основоположник учения евгеники, которое было призвано бороться с явлениями вырождения в человеческом генофонде (Википедия)

предполагать, что в сновидении играют наиболее видную роль две психические силы (течения, системы), из которых одна образует желания, проявляющиеся в сновидении, другая же выполняет функцию цензуры и, благодаря этой цензуре, способствует искажению этого желания».

Цензура оказывает наибольшее влияние не столько на формирование нашего желания, сколько на формирование на его основании уже более определенного конечного намерения, демонстрирующего четкий механизм предполагаемой его реализации. На начальной стадии, – пока ещё идет процесс формирования желания, когда ещё не обсуждается потенциальная, теоретическая возможность его осуществления, и его соответствие общепринятым моральным нормам, личным принципам, финансовым или физическим возможностям, – всё происходит без значительного и существенного давления со стороны цензуры. Это то, что называется нами **«свобода мысли»**, где цензура в тот момент нами чаще всего не допускается. Здесь мы пока ещё просто рассуждаем, обсуждаем и размышляем и при этом требуем полного и беспрепятственного доступа ко всем необходимым, доступным данным и всем возможным средствам и механизмам. Требования своей цензуры на данном этапе мы лишь осознаем и признаем, зная и помня о том, что, при сильном на то желании, мы иногда можем ими и пренебречь.

На выходе, в результате всестороннего рассмотрения и обсуждения возможности реализации желания, мы имеем уже готовое намерение, где при рассмотрении его методов осуществления нами учитываются все доступные нашему пониманию потенциальные возможности, риски и угрозы. Иногда наше желание чего-либо является слишком сильным и оценивается нами в тот момент как жизненно важное, вследствие чего мы определяем его, как нечто такое, что необходимо выполнить «несмотря ни на что» – никакие внутренние и внешние препятствия, ограничения и запреты не играют в таком исключительном случае совершенно никакой роли.

Когда же вопрос непосредственно касается желаний кого-либо из посторонних, то в том случае, когда наша сознательная цензура имела бы возможность что-либо в них удалить или видоизменить, мы рисковали бы либо получить искаженные и неточные сведения, либо же могли вообще не узнать о том, что для нас было бы очень важно своевременно узнать. Именно поэтому наша душевная деятельность при создании сновидения и не имеет никакой возможности производить какого-либо рода ограничивающие оценки, способные в какой-то мере исказить содержание наших сновидений.

Я склоняюсь к мнению о том, что наше готовое, сформированное желание чаще всего уже и есть результат определенного компромисса с нашей цензурой. Мы уже приблизительно понимаем действительную цену его удовлетворения, – конечно же, пока лишь только предварительную, – которая вполне может в какой-то мере измениться. Таким образом, я прихожу к конечному выводу о том, что цензура является исключительно нашим сознательным механизмом, доступным и используемым нами только при сознательной интеллектуальной деятельности. При формировании самого сновидения, или уже в состоянии сна, она не может быть нами как-либо задействована и полноценно использована, а в качестве исходного материала используется уже вполне готовое на тот момент, сформированное в процессе сознательной деятельности желание или намерение с учетом всех предварительных замечаний и требований нашей цензуры.

Один из признаков проявления деятельности и воздействия нашей и не только цензуры, который может в некоторой мере ощущаться уже при формировании наших желаний, заключается в существовании какого-нибудь дополнительного, отдельного, сопутствующего желания, как одного из неизменных условий для реализации нашего основного желания, например: сильное желание остаться неузнанным в некоторых или во всех аспектах в процессе реализации этого желания. Это дополнительное желание может быть полностью и не объединено с основным желанием, и, в конечном итоге, остаться совершенно невыполнимым дополнительным условием при реализации основного желания. Более подробно воздействие цензуры на формирование сновидения, если таковое будет нами определено, будет рассматриваться в последующих разделах.

Зигмунд Фрейд пишет: «*«Вы говорите всегда, что сновидение – осуществление желания», – говорит одна остроумная пациентка. – «Я вам расскажу сейчас одно сновидение, которое, наоборот, доказывает, что мое желание не осуществилось. Как согласуете вы его со своей теорией? Мне приснилось следующее:*

Я хочу устроить для гостей ужин, но у меня в доме нет ничего, кроме копченой лососины. Я собираюсь пойти купить что-нибудь, но вспоминаю, что сегодня воскресенье, и все магазины закрыты. Я звоню по телефону к знакомому поставщику, но телефон, как на грех, испорчен. Мне приходится отказаться от желания устроить ужин...»

Анализ: Муж пациентки, добросовестный и староватый оптовый торговец мясом, заявил ей накануне, что он слишком пополнил и хочет поэтому начать лечиться от тучности. Он будет рано вставать, делать моцион, держать строгую диету и, прежде всего, не будет никогда принимать приглашения на ужины».

В данном сновидении как нельзя более точно и четко подтверждается взгляд на сновидение, как на результат исполнения желаний нескольких человек; в этом случае, как минимум мужа и жены, где доминирующим желанием скорее всего выступает все-таки желание жены. Если обратить внимание на «копченую лососину», которая является любимым блюдом дамы, которая часто приходит к ним в гости и которой её муж сильно симпатизирует, её муж готов пойти на любые лишения, чтобы хоть в ограниченном виде, но регулярные ужины всё-таки проводились. В сновидении у его жены нет никакой возможности покормить его самого, и это означает то, что он будет постепенно худеть, и в результате вскоре будет выглядеть более привлекательно, но для ужина есть лососина, значит можно будет пригласить в гости знакомую даму – её-то есть чем угостить. Муж получает в результате ужин с интересной ему дамой, во время которого ему не придется ничего есть, что и позволит ему поддерживать свою вынужденную диету.

Исходные мотивы в желаниях его жены выглядят примерно так: её муж будет худеть, следовательно он будет выглядеть более привлекательно и будет себя чувствовать себя лучше, будучи здоровее физически. Каждый устраиваемый ими ужин для неё это, в первую очередь, большая физическая и эмоциональная нагрузка – она готовит еду, она всем руководит во время ужина, она в конце всё приводит в порядок. Следовательно, если ужина не будет, тогда ей не нужно

будет много времени проводить на кухне, что позволит ей потратить гораздо больше своего свободного времени на то, что ей больше нравится. Желание что-то не делать иногда также бывает достаточно сильным, особенно если это касается чего-то систематического, регулярного и сильно поднадоевшего, чего-то такого, что является рутинным, давно устоявшимся, но при этом давно уже не доставляющим прежнего, ранее регулярно испытываемого удовольствия. Примерно так чаще всего и выглядит взаимное, компромиссное исполнение желаний в сновидении.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Здесь может возникнуть мысль, что толкование сновидения способно дать нам разъяснение относительно структуры нашего душевного аппарата, которого мы тщетно ждали от философии».*

Все одушевленные существа в какой-то мере бессознательно взаимодействуют друг с другом в процессе своей жизнедеятельности. Толкование сновидения действительно дает нам возможность лучше понять то, как устроен наш психический аппарат, а также позволяет увидеть и ощутить то, насколько сильно наше ни на секунду не прекращающееся, невольное и непроизвольное взаимодействие с другими окружающими нас людьми и не только...

Многие из философов были достаточно близки к пониманию его структуры, просто конечной целью своих исследований они обыкновенно ставили общее понимание множества глобальных процессов, происходящих во Вселенной, и её общих законов, а для понимания законов сосуществования в человеческом обществе, и для понимания природы души человека, как индивидуума, очень часто оставалось не так уж много возможностей, времени и места. И всё же, несмотря на всё это, ими было сделано довольно-таки много открытий в этой области, и именно благодаря этим открытиям в какой-то момент стало возможным отделение в самостоятельную дисциплину психологии и всех прочих наук, базирующихся на её основных принципах и законах. Практически всем первым и основным открытиям в природе человека мы обязаны именно философии.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Неприятное чувство, побуждаемое такими сновидениями, наверное, попросту, идентично с неприятным чувством, которое удерживает нас – в большинстве случаев успешно – от обсуждения этих вопросов и даже от размышления над ними, и которое должно быть преодолено каждым из нас, если мы все-таки должны коснуться их. Это повторяющееся таким образом в сновидении неприятное чувство не исключает, однако, наличности желаний; у каждого человека есть желания, которые он не сообщает другим, и желания, в которых он не сознается даже себе самому.*

С другой стороны, мы имеем полное основание привести в связь неприятный характер всех этих сновидений с фактом искажающей деятельности последних и заключить отсюда, что эти сновидения так искажены, и исполнение желания потому так глубоко в них скрыто, что в них заложено недовольство вопросом, трактуемым в сновидениях, и желаниями, изображенными в них. Искажающая деятельность сновидения оказывается в действительности деятельностью цензуры. Мы учтем все, что дал нам анализ неприятных сновидений, если следующим образом изменим нашу формулу, выражающую сущность сновидения: **Сновидение представляет**

собой (скрытое) осуществление (подавленного, вытесненного) желания».

Вопрос влияния на формирование сновидения нашей цензуры мною был уже немного разобран ранее, поэтому у меня нет никакой необходимости, в связи с вышеприведенным незначительным изменением взгляда Зигмунда Фрейда на природу сновидения, изменять свою предыдущую формулировку. Она как была, так и остается прежней: **сновидение является осуществлением всех тех желаний, объектом которых является субъект сновидения**. Сами желания при этом могут быть не только лишь недавно возникшими и сформированными, свежими; они могут быть и гораздо ранее сформированными, но при всём этом все они непременно и обязательно должны быть актуальными. Вполне возможным мне представляется и так называемое подсознательное «оживление» прошлого желания, ранее полностью сформированного, но так в своё время в полной мере и неудовлетворенного, либо же регулярно, через определенные промежутки времени удовлетворяемого. Но для полной ясности сновидения, созданного на основе такого желания из прошлого, всё же необходим ещё как минимум один участник со встречным или подобным желанием. Всё это касается как наших собственных желаний, так и всех тех желаний, объектом которых мы являемся.

Я полагаю, что в качестве источников сновидения, – как его основным формирующим фактором и главной движущей силой, – выступают желания нескольких – двух, трех, четырех и более индивидуумов, предполагающих в качестве объекта своих желаний субъекта сновидения. Какого-то желания субъекта сновидения бывает достаточно лишь для формирования простейших сновидений, имеющих своей конечной целью удовлетворение его текущих, естественных потребностей, или, если это касается половой потребности, тогда только лишь при длительном отсутствии её удовлетворения. Также такое оказывается возможным при возникновении во время сна острого и неприятного ощущения от сильного холода, жары, жажды или голода для сохранения состояния сна и общего ощущения комфорта. В случае возникновения в состоянии сна какого-либо ощущения внешнего или внутреннего беспокойства, работа сновидения старается по возможности интегрировать все эти вновь возникшие раздражения в содержимое сновидения с целью сохранения состояния сна.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Нам остаются ещё сновидения страха; они представляют собою особую разновидность сновидений с неприятным содержанием, и наличность в них осуществления желаний должна встретить наибольшее сопротивление со стороны многих противников. Однако сновидения страха разъясняются чрезвычайно легко, они не образуют собою новой стороны проблемы сновидения, которая проявлялась бы в них: идет попросту речь о понимании невротических страхов. Страх, ощущаемый нами в сновидении, лишь мнимо объясняется содержанием последнего. Когда мы подвергаем толкованию это содержание, то замечаем, что страх при какой-либо фобии⁵² чрезвычайно мало объясняется представлением, с которым связана эта фобия... Одно и то же объяснение оказывается верным как для*

⁵² **Фобия** (боязнь, страх) – симптом, сутью которого является иррациональный, неконтролируемый страх или устойчивое переживание излишней тревоги в определенных ситуациях или в присутствии (ожидании) некоего известного объекта (Википедия)

фобий, так и для сновидений страха.

Страх и тут и там лишь присоединяется к сопутствующему представлению и проистекает из совершенно иных источников».

Использование только лишь своих собственных желаний в качестве исходного материала в сновидениях с аффектом страха у психически нормальных людей может быть нами исключено практически полностью. Зато присутствие в качестве материала при создании сновидений с аффектом страха желаний наших недоброжелателей или просто кого-то из друзей или родственников, – которые в данный конкретный момент испытывают по отношению к нам по каким-то причинам негативные чувства, и чье воображение продуцирует не совсем корректные по отношению к нам желания – вполне допустимо и понятно, и иногда бывает вполне оправданно, хотя и не особо для нас приятно. Я полностью далек от того, чтобы связывать ощущение страха в сновидении с воздействием нашей цензуры. Страх любого наказания и всевозможных мнимых, предполагаемых последствий представляется мне как исключительная прерогатива сознательной, бодрственной части нашей душевной деятельности.

Всевозможные фобии в действительности не являются чем-то абсолютно фантастическим и не имеющим под собой никакого реального и существенного основания. Они в какой-то мере всегда оправданы, в чем-то возможно иногда сильно преувеличены, и во многом – при постороннем, беглом взгляде – бывают не совсем актуальны. Но в их основании всегда непременно лежит какая-либо действительная или потенциальная угроза, которая была воспринята индивидуумом в своё время как вполне реальная, и в виде ответной реакции на неё и был получен такой психологический результат. Он был в своё время зафиксирован, и добиться его быстрого пересмотра не так уже и просто. В какой-то момент он мог быть даже и усилен, в связи с чем и приобрел впоследствии патологическую интенсивность и аномальную значимость. Укрепление дальше строилось, хотя нужды в нем в тот момент уже никакой не было; оно строилось уже без оглядки на происходящее вокруг, по инерции, с перепугу, уже не думая о причинах его побудивших, и обо всех тех конечных целях, которые изначально ставились и преследовались. В какой-то момент прошлого индивиду просто нужно было вовремя остановиться, а когда это «вовремя» было – это не всегда бывает ясно, понятно и ощутимо. Такие построения в подобных травматических ситуациях осуществляются лихорадочно, без какого-либо отвлечения, и без учета чьих-либо указаний, советов и предостережений.

В основании наших сновидений страха могут присутствовать иногда и наши собственные желания, возможно даже и такие желания, которые мы не совсем одобряем и в своей бодрственной жизни никогда не будем пытаться добиваться их удовлетворения. Но источником страха в самом сновидении тогда будет являться чье-либо действительное а не нами предполагаемое, вымышленное, полностью надуманное и ничем необоснованное противодействие, на которое будет наталкиваться наше собственное желание при попытке реализации. Можно сказать, что в каждом подобном случае будет возникать, так называемый, «конфликт интересов». Не мы сами будем себя запугивать в своём сновидении. Нам это совершенно ни к чему. Более подробно сновидения страха будут рассмотрены в соответствующем разделе, а также при исследовании существующей связи между душевными расстройствами и нарушением функции сна. Влияние душевных расстройств на функцию сновидения является вполне

естественным, понятным и общепризнанным фактом. Насколько в количественном и качественном отношении при различных психических расстройствах преобладают сновидения страха – мы будем пытаться разобраться в дальнейшем.

V. Материал и источники сновидения

«...здесь постоянно ткется сеть самого злого заговора – заговора немощных против удачных и победоносных, здесь ненавистен сам вид победителя. И сколько лживости нужно, чтобы эту ненависть не признавать ненавистью! ...»

Фридрих Ницше «Генеалогия морали»

«...Твой сон должен выдать тебе то, что твой друг делает во время бодрствования...»

Фридрих Ницше «Так говорил Заратустра»

«...я почувал опасность, как дикарь чутьём, по едва уловимым приметам, угадывает, что сулит завтрашний день; с полуслова я понял тайный язык пустыни, прочёл её нарастающую ярость в трепетных крылышках стрекозы»

Антуан де Сент-Экзюпери «Планета людей»

В качестве источников сновидения наша душевная деятельность использует исключительно только лишь актуальные в данный момент желания, объектами которых мы являемся. Всё остальное не оказывает существенного влияния и воздействия на процесс формирования сновидения. В качестве исходного материала работа сновидения использует любую, с её точки зрения, наиболее подходящую для реализации всех целей в сновидении, доступную информацию. Все образы сновидения, – как естественные, так и искусственно созданные, которые находятся в нашей памяти, – могут быть использованы нашей душевной деятельностью при создании сновидения без каких-либо наших сознательных требований, предпочтений или ограничений.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Мнение ученых относительно взаимоотношения материала сновидения и бодрственной жизни, а также и относительно материала сновидения, подробно изложены нами в первой главе. Вспомним же те три главных особенности памяти в сновидении, о которых мы так много говорили, но которые остались для нас непонятными:*

- 1. То, что сновидение отдает предпочтение впечатлениям предыдущих дней...*
- 2. То, что оно производит подбор на основании других принципов, нежели бодрствующая память, оно вспоминает не существенное и важное, а второстепенное и незначительное;*
- 3. То, что в его распоряжении находятся наши ранние воспоминания*

детства; оно воспроизводит даже детали из этого периода, которые нам кажутся тривиальными и которые в бодрственной жизни, как нам кажется, нами давно уже позабыты.

Эти особенности в подборе материала сновидения подмечены исследователями, разумеется, в явном его содержании».

По первому пункту я немного уточню: сновидение исключительно основывается на впечатлениях, материалах и, – самое главное и основное, – актуальных желаниях дня, предшествующего сновидению. На следующий день все прежние желания свою актуальность чаще всего уже постепенно теряют, и свою актуальность часто приобретают совершенно другие мысли, потребности, эмоции, желания, следовательно, и исходный материал в форме желаний будет, как минимум, хоть в чем-либо, но отличен от исходного материала сновидения предшествующего дня. У людей с душевными расстройствами, – с учетом того, что их жизнь более бедна различными ощущениями и впечатлениями, и они гораздо более сконцентрированы на чем-либо одном, что является прямым следствием их душевного расстройства, – источники сновидений часто имеют более сходный исходный материал в силу их постоянной одержимости определенного рода сходными по своей сути идеями и желаниями.

По второму пункту: сновидения основаны не на каких-то фрагментах воспоминаний, которые в течение дня всплывают в нашей памяти; **сновидения являются прямым и естественным следствием желаний и/или намерений – наших собственных и/или всех тех, объектом которых мы являемся.** Для реализации в сновидении всех этих желаний наша память может предоставлять какие угодно, по мере возникающей надобности, образы, окружающую обстановку, диалоги и прочие необходимые воспоминания и их отдельные фрагменты. Вполне возможно, что при использовании в качестве исходного материала для создания сновидения не наших собственных желаний, для представлений образов в сновидении наиболее подходящими являются именно какие-то второстепенные и незначительные воспоминания, по причине своей эмоциональной ненасыщенности и большей нейтральности. Их тогда работе сновидения удастся намного легче группировать и согласовывать со всеми остальными элементами сновидения. Для реализации своих собственных желаний этот принцип, как мне кажется, является совершенно необязательным, чрезмерным и излишним. Наши собственные желания никогда не могут быть для нас второстепенными и незначительными, следовательно, и их исходный материал должен соответствовать им целиком и полностью.

По третьему пункту: работа сновидения имеет полный и ничем неограниченный доступ абсолютно ко всем существующим у нас воспоминаниям; ночью нашу память никто, никак, и ни то кого не сторожит, и работа сновидения всегда выбирает себе всё необходимое и наиболее подходящее в зависимости от контекста формируемого сновидения. Если в сновидении воспроизводится что-то связанное с нашим детством или с какими-то воспоминаниями детства, тогда и материал будет соответствующим. В бодрственной жизни психически здорового, взрослого человека остается слишком мало места для каких-либо ярких и значительных воспоминаний детства, за исключением всего того, что иногда пробуждается в памяти при встрече с друзьями детства или какими-либо иными событиями, которые иногда оказываются способными возбудить в его памяти эти самые воспоминания о каких-то событиях, предметах и людях из далекого

прошлого.

а) Свежее и безразличное в сновидении

Учитывая тот факт, что все свежие воспоминания чаще всего лежат как бы на самой поверхности нашей памяти, и получить к ним доступ при создании сновидения бывает проще всего, то нас никогда не должно сильно удивлять то, что наша душевная деятельность их чаще всего и использует при создании сновидения. В первую очередь всегда используется всё то, что находится ближе всего, так сказать, «под рукою», в случае полного соответствия его поставленным целям и выполняемым задачам. Также, вполне возможно, играет значительную роль и тот факт, что именно вследствие некоторых подобного рода, на первый взгляд незначительных, впечатлений дня предшествующего и могли возникнуть вполне определенные, непосредственно с ними связанные желания, реализация которых и была осуществлена в сновидении.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Если теперь относительно происхождения элементов содержания сновидения я привлеку на помощь собственный опыт, то, прежде всего, должен буду выставить утверждение, что в каждом сновидении можно найти связь с переживаниями предыдущего дня. Какое бы сновидение я ни брал – свое собственное или чужое, – всякий раз моё мнение находит себе подтверждение. Принимая во внимание это обстоятельство, я могу начинать толкование сновидения с исследования переживаний предыдущего дня, вызвавших это сновидение; для многих случаев это – даже наикратчайший путь».*

Всё именно так в большинстве случаев и происходит в том случае, когда вопрос касается сновидений, в качестве основных источников которых представлены и некоторые наши собственные желания, либо если сновидение является в значительной мере реализацией наших собственных желаний. В том же случае, когда в течение дня, предшествующего сновидению, у нас по каким-либо причинам не осталось ко времени сна актуальных, нереализованных сильных желаний, либо если мы в этот день особо сильно ничего не хотели, и по этой же причине какие-то из наших скрытых желаний в полной мере, достаточно сильно не возбуждались, – а такие дни далеко не редкость в жизни каждого человека, – у нас могут возникнуть некоторые трудности при использовании такого подхода при поиске основных, действительных, а не мнимых источников сновидения. Всё-таки необходимо в первую очередь отталкиваться непосредственно от самого содержания сновидения, предполагая при этом то, что мы иногда можем не иметь никакого отношения посредством своих собственных желаний к содержанию своего собственного сновидения.

Иногда так случается, что мы тщетно ищем в себе нечто такое, что могло бы явиться причиной нашего сновидения; мы просто ощущаем его полную чуждость нашей сущности и нашим актуальным потребностям и переживаниям. Мы ясно понимаем то, что в течение дня предшествующего сновидению даже и близко не хотели ничего подобного; вполне возможно, что даже и никогда не хотели ничего подобного! Хотя, при всей своей чуждости, сновидение при реализации вполне может использовать что-либо из того, что находилось в нашей памяти в день предшествующий сновидению в качестве подручного

материала для создания некоторых своих образов, а не в качестве своего источника в виде желания. Возможно также и такое, что у нас и было какое-то неясное, внутреннее предчувствие, возбудившее что-то связанное с ним в нашей памяти, что и было потом в какой-то мере реализовано в сновидении, но этот первоначальный бессознательный импульс совершенно точно исходил не от нас. Он к нам пришел откуда-то извне, каким-то образом минуя нашу сознательную систему восприятия, и возбудил в нашей душе какие-то непосредственно с собой связанные переживания и/или ощущения. Этот вопрос имеет прямое отношение к тому, в какой конкретный момент нашей душевной деятельностью начинается сбор всех тех исходных материалов, которые будут ею в итоге использованы для формирования сновидения, и какими нашими внутренними ощущениями и переживаниями этот процесс в большинстве случаев сопровождается.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Таким образом, я полагаю, что для каждого сновидения существует возбудитель сновидения, принадлежащий к числу тех переживаний, «с момента возникновения которых не прошло ещё ни одной ночи».*

Впечатления недавнего прошлого (за исключением дня предшествующего сновидению), не имеют, таким образом, иного отношения к содержанию сновидения, чем другие впечатления из любого далекого периода. Сновидение может избирать материал из всякого периода жизни лишь постольку, поскольку от впечатлений предыдущего дня (свежие впечатления) может быть протянута мысленная нить к этим более ранним».

Новый день всегда приносит с собой и новую пищу; новую пищу для тела и новую пищу для души; всё опять начинается с самого начала. Если какая-нибудь вчерашняя наша деятельность не получила своего логического завершения, тогда бывают необходимы дополнительные усилия для того, чтобы вновь актуализировать её самостоятельно, либо же это происходит под воздействием или давлением чего-либо извне, когда при этом используется существенное внешнее душевное/волевое усилие.

Какое влияние на формирование наших ночных сновидений оказывает наш дневной сон, если таковой имел место? Обычно в тот день, когда дневному сну было посвящено даже незначительное время, наша потребность в ночном сне становится несколько меньше. Нам тогда бывает несколько труднее заснуть в обычное время; сновидения, – если таковые имеются, – в большинстве случаев не отличаются значительной яркостью своих образов и чрезвычайной интенсивностью переживаний.

Меняет ли сон в течение дня количественный и качественный состав материала ночного сновидения? Скорее всего да, так как все те из наших и не только наших желаний, которые были использованы при формировании нашего дневного сновидения, как минимум, теряют в нашем представлении какую-то часть своего энергетического потенциала, что и может им не позволить пройти минимально допустимый порог необходимой интенсивности при подборе материала для ночного сновидения. Они, конечно же, могут быть использованы когда-либо в дальнейшем, но с гораздо более низким уровнем своего собственного приоритета.

Почему у нас иногда возникает сильная потребность в дневном сне, а иногда

таковой не возникает, и мы себя вполне комфортно чувствуем при всех остальных прочих равных обстоятельствах? Здесь наиболее важным является изначальное понимание самой природы нашей душевной деятельности; каким-образом она осуществляется, и в какой мере она зависит лишь от нас самих, а в какой мере от окружающих нас или интересующихся нами людей. Никто не будет полностью отрицать того, что на нас производит определенное впечатление даже те люди, которые на нас даже и не смотрят, а просто в это время рядом с нами находятся. А один лишь взгляд некоторых людей иногда способен довести некоторых индивидов до существенного изменения самосознания и чуть ли не до полной потери самообладания и самоконтроля. Разного рода гипнотические явления⁵³ и месмеризм⁵⁴ мы в данный момент обсуждать не будем, но и полностью забывать о них мы также себе не позволим. Видимо, именно поэтому, в силу нашей ограниченной способности сознательно определить весь тот громадный объём, постоянно обрушивающегося на нас, и нами не всегда осознаваемого внешнего эмоционального/психологического/духовного/волевого воздействия, нам не всегда бывает под силу самостоятельно определить все действительные его источники и понять все те причины, в результате которых мы в какой-то момент внезапно почувствовали очень сильный позыв ко сну.

Зигмунд Фрейд пишет: *«В содержании сновидения я нахожу намек на безразличное впечатление и поэтому могу утверждать, что сновидение преимущественно включает в свое содержание второстепенные впечатления. В толковании же сновидения все указывает на важные и значительные переживания. Если я определяю смысл сновидения по скрытому его содержанию, обнаруженному лишь при помощи анализа, то придду к новому чрезвычайно важному выводу. Разрешается загадка, будто сновидение занимается лишь ничтожными обломками бодрственной жизни; я должен восстать также против утверждения, будто душевная жизнь в бодрствующем состоянии не продолжается в сновидении и что сновидение тратит психическую деятельность на ничтожный материал. Я утверждаю наоборот: то, что занимает нас днем, владеет нашим мышлением и в сновидении, и мы видим во сне лишь такие вещи, которые дали нам днем повод к размышлению».*

Вполне возможно, что в первую очередь все зависит от того, насколько значительными и существенными были наши собственные дневные переживания и размышления. Насколько, при всём этом, более или менее важными для нашей душевной деятельности окажутся все те желания, объектом которых мы оказались, часто сами о том не подозревая, и этого даже не ощущая – сказать достаточно сложно. Уже при формировании сновидения всё это каким-то образом взвешивается и оценивается нашей душевной деятельностью, вследствие чего и определяется большая или меньшая значимость для нас в тот конкретный момент какого-то переживания, намерения или желания.

Не наша сознательная душевная деятельность определяет окончательную,

⁵³ **Гипноз** – временное состояние, характеризующееся резкой фокусировкой внимания и высокой подверженностью внушению; состояние гипноза вызывается воздействием гипнотизёра или целенаправленным самовнушением... (Википедия)

⁵⁴ **Месмеризм** – гипотеза немецкого врача и астролога эпохи просвещения Франца Месмера о том, что некоторые люди обладают «магическим магнетизмом» и способны излучать телепатическую энергию. До конца XIX в разных странах были выпущены сотни трактатов о животном магнетизме. Лица, практиковавшие месмеризм в медицинских и иных целях, именовались магнетизёрами... (Википедия)

итоговую значимость каких-либо из наших собственных переживаний, когда вопрос касается подбора материала, который используется для формирования сновидений. Сознательная деятельность обладает лишь некоторой частью от всей той общей информации, которая будет использована при формировании сновидения. Необходимо учитывать также ещё и тот фактор, что мы, будучи уже в состоянии сна, можем в любой момент оказаться объектом каких-либо размышлений, намерений и желаний кого-либо другого. Незначительное время спустя, всё это, как мне кажется, непременно проявится в форме некоторых испытываемых нами ощущений, и, в конечном итоге, будет в каком-либо виде и в какой-либо форме реализовано в нашем сновидении. Вполне возможно, что наш текущий сон в результате такого рода внешнего воздействия на некоторое время будет прерван; возможно также, что вся эта дополнительная информация будет каким-то образом безболезненно интегрирована в текущее сновидение нашей душевной деятельностью, что позволит сохранить в целостности состояние сна и приведет лишь к некоторому изменению на определенном этапе содержания исходного, первоначального сновидения.

Почему в течение дня мы иногда думаем о чем-либо? Первоисточники лишь некоторых, а не абсолютно всех наших мыслей, нам бывают достоверно известны. Когда вопрос касается каких-то наших текущих, повседневных забот, мы обыкновенно бываем в состоянии полностью определить все источники наших текущих мыслей – это наши актуальные потребности – и источники всех предполагаемых нами, доступных, возможных способов удовлетворения. Эти повседневные заботы обыкновенно не предоставляют нам никаких загадочных или труднопонимаемых мыслей. Есть мысли, первоисточник которых нам бывает не сложно проследить, однако, есть и такие мысли, иногда появляющиеся у нас в сознании, первоисточник которых и их связь с предшествующими им мыслями даже при значительном, сознательном усилии никоим образом нами не просматривается. И именно такие мысли, источник возникновения которых для нас представляется непонятным, иногда и вызывают у нас некоторое недоумение – кому или чему мы бываем обязаны их возникновением? Что за мыслительные процессы непрерывно происходят в нас самих?

Когда мы закрываем глаза, что-то мелькает или проплывает у нас перед глазами; мы видим какие-то отдельные, несвязанные образы, части образов; перед нами мелькают какие-то обрывки мыслей – каковы их первоисточники и чем они для нас определяются? Эти образы и мысли иногда настолько быстро сменяют друг друга, что мы просто не успеваем полностью осознать их смысл. Они к нам приходят лишь на короткий миг из ниоткуда, и практически сразу же от нас уходят в никуда. Оказывают ли они при этом на нас какое-то существенное воздействие или же мы совершенно к ним нечувствительны – сказать сложно, и, скорее всего, можно будет небезосновательно предположить то, что ничто не может пройти через нашу память таким образом, чтобы не оказать при этом на нас хотя бы минимального воздействия. Всё происходящее в нас непременно оказывает на нас некоторое воздействие, и имеет для нас вполне определенные, иногда и совершенно незначительные или сознательно неощущаемые последствия.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Психологический процесс, посредством которого, по нашему мнению, безразличное впечатление связывается с психически ценным, и, как бы, покрывает его, должен казаться нам все же довольно*

странным и непонятным. Впоследствии мы постараемся разъяснить особенности этой, по-видимому, нелогичной операции. Здесь же нас интересует лишь результат процесса, к допущению которого нас побуждают многочисленные, постоянно повторяющиеся наблюдения и анализы сновидений. Процесс же этот похож на то, будто совершается смещение – мы скажем: психического акцента – при помощи вышеупомянутых звеньев: слабо заряженные вначале интенсивностью представления, благодаря зарядению их со стороны первоначально более интенсивных, достигают силы, которая дает им возможность получить доступ в сознание».

Такой психологический процесс, устанавливающий связь чего-то безразличного с чем-то важным иногда используется нами в нашей повседневной жизни. Мы иногда говорим одно, а подразумеваем под этим нечто совершенно иное. Вполне себе обычное явление даже и для нашей повседневной сознательной душевной деятельности. Вполне возможно, что таким образом мы иногда можем видеть одно из проявлений деятельности нашей цензуры, либо сознательного и легального механизма обхода её предписаний, ограничений или запретов.

Этот сознательный прием детьми используется достаточно часто, в особенности тогда, когда они пытаются что-то от кого-то скрыть, говоря, что там нет совершенно ничего интересного, существенного и важного. Таким образом проявляется их маленькая хитрость, – что-то вполне себе невинное и простое в попытке детской сознательной деятельности возвести стену или поставить ширму, отделяющую что-то личное и поэтому для них значимое, от всех посторонних глаз. Вполне обычное проявление одного из стандартных защитных механизмов нашей сознательной душевной деятельности. Возможно, что таким образом у детей можно определить одно из начальных проявлений зарождающейся у них психической цензуры.

Несколько по-иному всё происходит в том случае, когда нечто не имеющее существенного значения для нас лично, при этом представляется довольно значимым для кого-либо другого, в чьем кругу интересов нас каким-то образом угораздило оказаться. И тогда в нашем сознании иногда достаточно настойчиво возникает нечто такое, что вызывает у нас полное и целиком оправданное недоумение – а зачем оно мне необходимо и почему я об этом постоянно думаю? А так ли сильно оно мне сейчас и вообще необходимо? Видимо, всё же не всегда только лишь мы сами являемся теми, кто полностью предопределяет все внутренние оценки и приоритеты содержимого нашей памяти и некоторых из наших мыслей.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Мы истолковываем то обстоятельство, что сновидение содержит в себе остатки второстепенных переживаний, как проявление искажающей деятельности сновидения (путем смешения); вспомним, что искажающая деятельность сновидения была приписана нами воздействию психической цензуры. Мы ожидаем при этом, что анализ сновидений должен открывать нам постоянно действительный психически ценный источник последнего, воспоминание о котором передвинуло его значение на более безразличное воспоминание».*

Использование незначительных переживаний в качестве подручного материала для формирования образов и окружающей обстановки сновидения

всегда вполне оправдано. Именно второстепенные переживания являются наиболее удобным и подходящим для этого подручным материалом. При использовании более значимого и энергетически насыщенного исходного материала возникает необходимость в более сложном подборе в полной мере согласующихся, и не конфликтующих между собой, образов. Намного проще получается сложить картину сновидения из тех относительно взаимно нейтральных элементов, которые не имеют у себя таких значительных энергетических полюсов, способных как к сильному притяжению, так и к отталкиванию образов.

Также, вполне возможно, что в зависимости от того, кем в данный момент для нас представляются субъекты всех тех актуальных желаний, объектами которых мы являемся, и каковы все их изначальные намерения в отношении нас, и их желания по отношению к нам – наша внутренняя защита, иногда представляющаяся и проявляющаяся в виде каких-либо наших контр-желаний, либо полностью отдыхает, – если по отношению к нам никакой агрессии не намечается и не проявляется, и мы можем тогда сильно не напрягаться, – либо задействуется пропорционально ощущаемой ею предполагаемой опасности для нашего благосостояния или существования, которую она в состоянии в тот момент самостоятельно определить. За счёт этого, что-то являющееся в тот момент наиболее важным для нас или наиболее чувствительным для нас иногда становится полностью недоступным при взаимодействии с нашими недоброжелателями даже в нашем сновидении. Даже в состоянии сна, при сильном на то желании, мы сохраняем достаточную способность скрывать от посторонних и защищать всё то, что считаем необходимым скрывать и защищать в своей бодрственной жизни от нежелательного внимания и несанкционированного нами воздействия.

Зигмунд Фрейд пишет: *«...работа сновидения повинуется необходимости соединить в одно целое все источники сновидения...»*.

Этот фактор является наиболее существенным и самым важным при формировании любого сновидения. Если работа сновидения оказывается не в состоянии соединить в единое целое все источники сновидения – мы либо не сможем заснуть, либо нам предстоит состояние очень беспокойного сна без сновидений, наполненного какими-то галлюцинациями или обрывками воспоминаний. Я пока здесь не могу утверждать с полной уверенностью то, насколько в какой ситуации наиболее вероятен какой-то результат. Хотя, все же я склоняюсь к тому мнению, что отсутствие действительно «стоящего» исходного материала для формирования сновидений имеет своим прямым следствием спокойный сон без сновидений. А наличие несоединяемых существенных источников при формировании сновидения приводит к невозможности не только сформировать полноценное сновидение, а и к невозможности заснуть. Хотя, иногда нашей душевной деятельности приходится изыскивать некоторые компромиссы, и у неё получается разделить сновидение на отдельные, небольшие, никак между собой не связанные по смыслу фрагменты.

В чем же именно выражается эта их несовместимость и необъединяемость источников сновидения – в диаметральной противоположности желаний или в чем-либо другом? Возможно, что в том случае, когда в качестве материала при создании сновидения нашей душевной деятельности нечто предоставляется для неё слишком неприятным или абсолютно неприемлемым, она вправе по

собственной инициативе весь этот материал полностью отклонить и совершенно не использовать. Когда же от исходного материала исходит какая-либо непосредственно ощущаемая душой опасность, наша душевная деятельность не может позволить себе это проигнорировать, и обязательно в какой-то форме уведомит нас об угрожающей нам или ожидающей нас неприятности. Мы же почему-то часто просыпаемся в том случае, когда нами во сне ощущается какая-то действительная опасность, угрожающая нашей жизни; и мы всегда просыпаемся в том случае, когда мы погибаем в своём сновидении.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Источником сновидения может быть:*

а) свежее и психически ценное переживание, непосредственно передаваемое в сновидении.

б) несколько свежих значительных переживаний, соединенных сновидением в одно целое.

в) одно или несколько свежих значительных переживаний, заступаемых в сновидении одновременным, но зато безразличным переживанием.

г) внутреннее значительное переживание (впечатление, мысль), которое затем замещается постоянно в сновидении свежим, но безразличным сновидением».

В вопросе касающемся того, что может явиться источником сновидений, я испытываю некоторое сомнение лишь в отношении того, насколько сильно наши намерения либо намерения тех, в круг интересов которых мы входим и объектом намерений которых мы выступаем, способны принимать участие в формировании сновидений. Имеют ли они такую же силу, как и желания? Что происходит в том случае, когда человек не поддерживает в своей душе им самим же запланированные и/или предпринимаемые действия? Или же они как раз, совершенно наоборот, и являются наиболее существенным и приоритетным материалом при создании сновидений? Насколько более существенное значение при формировании сновидения имеет всё то, что уже полностью определено в наших планах на завтра, или в чьих-то планах на нас на завтра? А если обсуждать в отдельности и по пунктам, то:

а) Простого свежего значительного переживания нам оказывается совершенно недостаточно для формирования полноценного сновидения. Оно должно обязательно иметь своим следствием возбуждения какого-либо связанного с собою сильного желания у субъекта сновидения, которое не будет в течение того же дня полностью удовлетворено.

б) То же самое можно сказать и касательно нескольких свежих и значительных переживаний, соединенных сновидением в одно целое – если они не способны у субъекта сновидения возбудить какое-то сильное желание, которое не будет в течение того же дня удовлетворено, значит и использование их в качестве источников сновидения не представляется возможным. Делать нужно что-то определенное, а сновидение – это прежде всего арена действия.

в) То же и касательно одного или нескольких значительных переживаний, заступаемых в сновидении одновременным, но зато безразличным переживанием – все они непременно должны иметь своим прямым следствием дальнейшее использование себя в качестве источника для возбуждения и последующего

формирования у субъекта сновидения какого-то желания, основанного на них, которое не будет в течение того же дня в достаточной мере удовлетворено.

г) Наше внутреннее переживание может иметь своим первоисточником, судя по всему, не только лишь наши собственные размышления и впечатления. Мы далеки от понимания всех доступных источников информации, используемых душевной деятельностью всякого человека в его повседневной жизни. Науке всё ещё предстоит сделать множество открытий в этой недостаточно исследованной области.

Зигмунд Фрейд пишет: *«То, что снится человеку, либо имеет очевидную психическую ценность, либо же представляется нам в искаженном виде и подлежит, поэтому толкованию, которое и раскрывает психическое значение содержания сновидения. Сновидение никогда не занимается пустяками; мы не позволяем, чтобы мелочи тревожили нас во сне. Мнимо невинные сновидения оказываются серьезными после их толкования; у них, если можно так выразиться, имеется «камень за пазухой»».*

В который раз мы снова приходим к пониманию того, что в нашей душевной деятельности нет абсолютно ничего бессмысленного; в ней есть лишь только для некоторых что-либо, а для кого-то – многое такое, что так и остается совершенно непонятным. И нам необходимо смириться с тем, что всегда будет некоторое количество такого, что так и останется для нас до конца непонятным. Всё в нашей повседневной деятельности вытекает из некоторых телесных или душевных внутренних потребностей. Всё подчинено определенным внутренним законам и имеет перед собой четкую цель. Даже то, что на первый взгляд иногда кажется нам совершенно безразличным и несущественным, при более углубленном анализе в чём-то оказывается значимым и важным.

Ввиду специфики всех источников информации, которая используется нашей душевной деятельностью при формировании сновидений, часто не представляется возможным полностью понять некоторые исходные мотивы: «А что же они от меня или для меня хотели?» Иногда так случается, что некоторые люди даже сами перед собой не в состоянии четко и доступно сформулировать свои собственные желания; бывают не в состоянии понять всю их абсурдность и явную противоречивость.

Бывает также и так, что разные люди под одним и тем же понятием подразумевают нечто совершенно друг от друга отличное, иногда не имеющее между собой совершенно ничего общего, вследствие чего и возникает конечное непонимание содержания сновидения. Например: при слове **пилка**, один в тот момент имеет в виду **пилку для ногтей**, другой **пилку по металлу**, третий **пилку для дерева**, четвертый **бензиновую пилку**, а пятый **электрическую пилку**, а шестой какую-то далёкую **лесопилку**. Таким образом, даже здесь возможность представления в сновидении этого отдельно взятого понятия у каждого индивидуума может в значительной мере отличаться. И понять то, что именно кто-то когда-то имел в виду в какой-то конкретный и вполне определенный момент будет не всегда так уже и просто. Наиболее важными для итогового понимания изначально вложенного значения чего-либо конкретного в контексте сновидения будут разного рода дополнительные познания о субъекте желания и его текущих заботах и проблемах.

Ощущение того, что сновидение имеет **«камень за пазухой»** чаще всего

возникают у нас в том случае, когда мы внутренне ощущаем существующую враждебность по отношению к нам, исходящую от кого-либо из участников/инициаторов сновидения. Когда кто-то из них желает нам что-то недоброе, и это внутреннее, неприятное ощущение нас некоторое время не покидает даже после пробуждения. Как говорится «**шила в мешке не утаить**», так же происходит и со сновидением, в основе которого лежат желания и намерения, которые имеют своей конечной целью причинение какого-либо вреда или ущерба субъекту сновидения.

b) Инфантильное, как источник сновидения

«Когда я был маленький... Я возвращаюсь к своему раннему детству. Детство, этот огромный край, откуда приходит каждый! Откуда я родом? Я родом из моего детства, словно из какой-то страны...»

Антуан де Сент-Экзюпери «Военный лётчик»

Если мы в своей жизни в данный момент находимся в вихре событий и нами при этом владеют какие-либо постоянно сменяющиеся актуальные желания и влечения, то для мыслей о каких-либо прошлых желаниях детства у нас просто не остается ни времени ни места. В некоторые моменты нашей жизни, под воздействием каких-либо вещей, событий или людей, вызывающих воспоминания и размышления ностальгического характера, – при отсутствии в тот момент достаточно сильных актуальных, повседневных желаний, – представляется возможным использование наших детских нереализованных желаний в качестве основного материала при создании сновидения.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Относительно третьей особенности содержания сновидения мы вместе со всеми другими авторами (вплоть до Роберта) высказывали, что в сновидении могут найти себе выражение впечатления ранних периодов жизни, относительно которых память в бодрствующем состоянии оказывается бессильной. Насколько часто наблюдается это, сказать, конечно, трудно, так как распознать происхождение этих элементов сновидения при пробуждении не представляется возможным. Доказательство, что речь идет здесь о впечатлениях детства необходимо должно быть приведено объективным путем, для чего лишь в редких случаях бывают налицо необходимые условия».*

Наши детские воспоминания и переживания являются неотъемлемой частью нашей душевной жизни. Это тот естественный фундамент, на котором было выстроено здание наших психологических способностей и особенностей, была сформирована видимая часть структуры всего нашего характера. Не учитывать их влияние на нашу душевную жизнь представляется чем-то неразумным и недальновидным. Многие из наших взрослых зависимостей, привязанностей, отношений и привычек имеют свои корни в наших детских привычках, привязанностях и отношениях; все они из них в своём роде и в какой-то мере развились и выросли. Кого-то мы знаем с детства, что-то мы привыкли делать с детства, кто-то нам напоминает друга детства и т.д., таким образом, практически всегда можно проследить истоки большинства наших привычек и привязанностей вплоть до каких-то воспоминаний детства.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Ещё в другом случае можно с уверенностью, даже без помощи толкования констатировать, что сновидение содержит в себе элементы детства, именно в том случае, когда сновидение носит повторяющийся характер, когда то, что снилось человеку в детстве, снится ему время от времени и впоследствии».*

В абсолютном большинстве случаев, – при отсутствии у индивида каких-либо задержек развития, – регулярно повторяющиеся сновидения детства с возрастом либо полностью проходят, либо же постепенно трансформируются в сновидения с подобным содержанием и менее сильным эмоциональным насыщением. Эти сновидения иногда поражают нас своим внутренним сходством, несмотря их на значительное внешнее различие. Они, как правило, являются последствиями каких-либо психологических/душевных травм раннего детства. Иногда они являются неизбежными сопутствующими факторами индивидуального развития и борьбы за своё существование. В основе таких сновидений лежит так называемое **«навязчивое повторение»**⁵⁵, которое представляет из себя непрекращающиеся попытки нашей психики справиться с какой-то, с её точки зрения, актуальной травматической ситуацией, овладеть ею, и полностью понять и принять её. Видимо, нам в таких случаях необходимо вполне сознательно постараться понять все возможные причины возникновения этой травматической ситуации, все её действительные источники, и то, каким образом мы можем с этим справиться в настоящем или избегать чего-либо подобного в будущем. В большинстве случаев, нам этого не удастся добиться без посторонней помощи. Поначалу нам бывает необходима некоторая моральная, психологическая, духовная поддержка и корректировка наших только лишь формирующихся взглядов, исходящая от наших родителей и воспитателей. Мы на этом этапе всё ещё остро нуждаемся во внешней помощи во время познавания и понимания особенностей окружающего нас физического мира, в процессе развития своих собственных психологических и физических способностей.

Мне в раннем детстве иногда снился один и тот же сон, в котором всё происходило с точностью до малейшей детали. В том сновидении я падал вниз с огромной высоты с большой, постоянно увеличивающейся скоростью, испытывая при этом очень сильный страх, в результате чего я в какой-то момент и просыпался. Со временем это сновидение стало сниться мне всё реже и реже, и уже к школьному возрасту оно совсем перестало мне сниться. Таким образом, эта систематичность пришлась лишь на раннее детство и дошкольный период.

Даже и сейчас с некоторой периодичностью – иногда два раза в месяц, иногда два раза в год, а иногда и раз в три года – мне снятся подобного рода сны. В этих изменившихся сновидениях мне бывает необходимо на конечном этапе сновидения предпринять вполне predeterminedенные, чаще всего опасные для жизни или здоровья действия. Иногда мне бывает нужно в таком сновидении спрыгнуть откуда-то с большой высоты, иногда бывает необходимо спуститься с очень крутой горы, иногда нужно съехать с длинной и крутой горки, иногда я оказываюсь на какой-то значительной высоте, и вообще не имею никакой возможности оттуда спуститься на землю. Никакого пути назад у меня в таких сновидениях чаще всего нет – только вперед или только вниз. Таким образом я

⁵⁵ **Персеверация** – навязчивое повторение какой-либо фразы, деятельности, эмоции, ощущения (в зависимости от этого выделяют **персеверации** мышления, моторные, эмоциональные, сенсорные **персеверации**). Например, упорное повторение какого-либо слова, мелодии или навязчивое выполнение уже неактуальной, не приносящей успеха деятельности, модели поведения... (Википедия)

оказываюсь в сновидении перед достаточно сложным выбором: с одной стороны – мне жизненно важно спуститься вниз или двигаться дальше, а с другой стороны – все мои дальнейшие действия угрожают мне самому смертельной опасностью, и каких-либо иных возможностей преодолеть возникшее передо мной препятствие у меня в тот момент нет.

«...вижу я, что лежу на постели. И мне ни хорошо, ни дурно, я лежу на спине. Но я начинаю думать о том, хорошо ли мне лежать; и что-то, мне кажется, неловко ногам: коротко ли, неровно ли, но неловко что-то; я пошевеливаю ногами и вместе с тем начинаю обдумывать, как и на чём я лежу, что мне до тех пор не приходило в голову. И, наблюдая свою постель, я вижу, что лежу на плетеных веревочных помочах⁵⁶, прикрепленных к бочинам кровати. Ступни мои лежат на одной такой помочи, голени на другой, ногам неловко. Я почему-то знаю, что помочи эти можно передвигать. И движением ног отталкиваю крайнюю помочу под ногами. Мне кажется, что так будет покойнее. Но я оттолкнул её слишком далеко, хочу захватить её ногами, но с этим движением выскальзывает из-под голеней и другая помоча, и ноги мои свешиваются. Я делаю движение всем телом, чтобы справиться, вполне уверенный, что я сейчас устроюсь; но с этим движением выскальзывают и перемещаются подо мной ещё и другие помочи, и я вижу, что дело совсем портится: весь низ моего тела спускается и висит, ноги не достают до земли. Я держусь только верхом спины, и мне становится не только неловко, но и отчего-то жутко.

Тут только я спрашиваю себя то, чего мне прежде и не приходило в голову. Я спрашиваю себя: где я и на чём лежу? Я начинаю оглядываться и прежде всего гляжу вниз, туда, куда свисло моё тело и куда, я чувствую, что должен упасть сейчас. Я гляжу вниз и не верю своим глазам. Не то что я на высоте, подобной высоте высочайшей башни или горы, а я на такой высоте, какую я не мог никогда вообразить себе.

Я не могу даже разобрать – вижу ли я что-нибудь там, внизу, той бездонной пропасти, над которой я вишу и куда меня тянет. Сердце сжимается, и я испытываю ужас. Смотреть туда ужасно. Если я буду смотреть туда, я чувствую, что я сейчас соскользну с последних помочей и погибну. Я не смотрю, но не смотреть ещё хуже, потому что я думаю о том, что будет со мной сейчас, когда я сорвусь с последних помочей. И я чувствую, что от ужаса я теряю последнюю державу и медленно скольжу по спине ниже и ниже. Ещё мгновение, и я оторвусь. И тогда приходит мне мысль: не может это быть правда. Это сон. Проснись. Я пытаюсь проснуться и не могу. Что же делать, что же делать? – спрашиваю я себя и взглядываю вверх. Вверху тоже бездна. Я смотрю в эту бездну неба и стараюсь забыть о бездне внизу, и, действительно, я забываю. Бесконечность внизу отталкивает и ужасает меня; бесконечность вверху притягивает и утверждает меня. Я также вишу на последних, не выскочивших ещё из-под меня помочах над пропастью; я знаю, что вишу, но я смотрю только вверх, и страх мой проходит...»⁵⁷

Что в какой-то конкретный момент явилось источником такого сновидения – мне иногда бывает сказать сложно. Может быть в его основе лежало внутреннее ощущение детской незащитности и полной неспособности контролировать и

⁵⁶ Помочи, подтяжки – тканевые либо кожаные ленты, предназначенные для поддержания... (Википедия)

⁵⁷ Л.Н. Толстой «Исповедь»

понимать всё происходящее. В детстве это также может быть ответной реакцией на всякого рода подбрасывания ребёнка, которые его не могут в какой-то степени не пугать. Это могло быть и так называемое «родовое» воспоминание – ведь при родах мы принудительно покидаем наше теплое и уютное жилище и «выпадаем» наружу и никакого выбора у нас при этом нет. Возможно, что меня в раннем детстве когда-то уронили, что и имело своим следствием данное сновидение. Может быть, что это было ответной реакцией на собственную беспомощность при нахождении в течение длительного времени на большом расстоянии от земли или от пола, когда меня в раннем детстве носили на руках и возили на коляске. В любом случае, для меня это сновидение не носило патологического и травматического характера, и оно не оказывало существенного влияния на меня в повседневной жизни; я не думал постоянно о происшедшем со мной во сне долгое время после пробуждения, и быстро забывал обо всём сразу после пробуждения. Жизнь брала своё, и я естественным образом отвлекался от всего мне приснившегося в своей, для других незначительной, но такой для меня существенной и важной повседневной деятельности.

Единственное, где я мог заметить какие-либо признаки его позднего влияния, так это в том случае, когда мне в детстве бывало необходимо прыгнуть со значительной высоты; но даже и тогда это не могло заставить меня отказаться от своих первоначальных намерений. Иногда была возможна лишь некоторая небольшая, дополнительная задержка для продумывания каких-либо других, доступных в тот момент, альтернативных вариантов для достижения своих целей. Иногда я раздумывал над тем: а нет ли случайно какого-нибудь иного, менее опасного и более удобного пути? А иногда всё происходило с точностью до наоборот – я не раздумывая мог спрыгнуть вниз или начать преодолевать возникшее препятствие. Но такого рода страх, как я полагаю, необходимо должен присутствовать у каждого в нашей повседневной жизни при возникновении угрожающих нашей жизни ситуаций хотя бы в целях нашего самосохранения.

Также некоторое дополнительное влияние этого своего внутреннего ощущения необходимости преодолеть «непреодолимое» препятствие, прослеживается в моем постоянном интересе ко всевозможным экстремальным аттракционам, прыжкам с большой высоты в воду, езде на большой скорости и т.д. Вполне возможно, что это является естественным, стабилизирующим механизмом, позволяющим постоянно владеть своими потенциально возможными или действительно существующими, внутренними страхами и опасениями, и получать необходимую и/или дополнительную уверенность в том, что при возникновении подобной ситуации никаких психологических проблем у меня точно не возникнет. Либо же это представляет из себя некоторую полусознательную деятельность, направленную на поддержку желаемого и жизненно важного, с моей точки зрения, уровня самооценки и собственной значимости в глазах и мыслях окружающих.

Ниже я приведу фрагмент такого сновидения, которое, по моему мнению, является «наследником» моего страшного детского сновидения о падении, которое мне приснилось в уже достаточно зрелом возрасте, воспоминание о котором меня не покидало длительное время. Я так и не смог сразу позабыть о нём.

Фрагмент сновидения: *«Я нахожусь на горе, с которой мне необходимо спуститься, съехав вниз. Я на горе нахожусь не один. С кем я там нахожусь – я*

не понимаю и об этом в тот момент совершенно не задумываюсь, но присутствие ещё кого-то, помимо меня, мною достоверно ощущается. Никакого намека на то, кто именно находится рядом со мной, в сновидении не присутствует, и я как-то не обращаю на это внимания. Гора эта достаточно длинная и довольно-таки крутая. Я понимаю, что на такой скорости, которая будет в итоге развита во время спуска, я могу разбиться насмерть или переломать себе все кости. Понимание всего этого внушает мне некоторую неуверенность, а спускаться вниз мне надо обязательно и только таким образом. В какой-то момент я замечаю справа от себя низко опускающиеся практически до самой земли ветви каких-то деревьев. Я решаю попытаться спуститься вниз не слева по более опасному пути, а справа, придерживаясь как-нибудь за ветви деревьев. Я начинаю потихоньку спускаться вниз, хватаясь при этом за ветки этих деревьев, и, в результате, оказываюсь в каком-то совершенно незнакомом мне дворе дома, которого я вначале совершенно не видел и где оказаться изначально не планировал ».

Толкование фрагмента сновидения:

Это было одно из тех редких сновидений такого типа, когда у меня в конечном итоге всё-таки возник какой-то, хоть и не слишком удачный, альтернативный выбор, который мне позволил не разбиться во время спуска, но и не привел всё же при этом меня и к достижению необходимого и ожидаемого мною в самом начале сновидения результата. Кем для меня планировался такой результат – сказать сложно. Практически всегда подобные сновидения меня ставят в тупик. Они чаще всего представляются мне непонятными в смысле моего собственного, прямого влияния на их содержание. Я в таких случаях не могу найти в самом себе то исходное желание, которое могло оказаться источником для возникновения подобного сновидения. Исходя из всего этого, мне и приходится признать, что я сам, скорее всего, не являюсь его основным источником. Не мои желания и намерения являются основными возбудителями подобных сновидений. И лишь какие-то последующие события в моей жизни иногда бывают в состоянии несколько приоткрыть завесу, покрывающую тайной происхождение таких сновидений, и хоть что-нибудь немного для меня прояснить. Вполне возможно, что они являются предвестником определенного рода искусственно создаваемых для меня моими «доброжелателями» препятствий, сложностей или неприятностей, которые меня потенциально ожидают в недалеком будущем, и это моё внутреннее ощущение в сновидении не является моим собственным ощущением ожидания предполагаемых событий. Для меня всё это всегда бывает совершенно неожиданным. С моей стороны это вынужденная, обратная реакция и вынужденные, спровоцированные, ответные действия.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Анализ других сновидений показывает, что желание, послужившее поводом к образованию сновидения и осуществление которого образует последнее, происходит из воспоминаний детства, так что субъект, к удивлению своему, замечает, что в сновидении он якобы продолжает свою жизнь ребенка с его желаниями и импульсами».*

Для взрослого человека большая часть его детских желаний и влечений в их первоначальном виде не возможна для удовлетворения, поэтому и не воспринимается его сознательной деятельностью как нечто вполне подходящее, достаточно приемлемое и реально осуществимое. Если же всё обстоит обратным образом, тогда мы имеем дело с психически недостаточно развитым

индивидуумом, что является признаком патологии развития, и сновидения таких людей должны рассматриваться в разделе «психопатология сновидений».

Конечно же, всё происходящее в душевной жизни взрослого человека имеет в своём основном, первоначальном опыте различного рода детские переживания, желания и тот собственный, незначительный, и не всегда разумно в своё время оцененный, детский опыт. Но, в своей бодрственной жизни мы предпочитаем руководствоваться совсем другими предписаниями, законами и моральными нормами при оценке адекватности желания и при выборе методов и механизмов для удовлетворения своих потребностей. При всём этом, иногда мы и вспоминаем о том, что, в более раннем возрасте, некоторые им подобные потребности нами удовлетворялись несколько по-другому, либо же они у нас совершенно отсутствовали, либо, наоборот, сейчас отсутствуют, а некогда ранее присутствовали в нашей жизни, и играли в ней значительную роль.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Чем глубже мы проникаем в анализ сновидений, тем чаще мы нападаем на следы переживаний детства, которые в скрытом содержании сновидений играют роль источников последних».*

По моему мнению, для того, чтобы источником сновидения выступило непосредственно какое-либо переживание или желание нашего детства, в нашей бодрственной жизни должно произойти нечто такое, что было бы способно извлечь это желание из своего текущего небытия. Нечто такое, что в достаточной мере наполнит его современным смыслом, сделает его для нас актуальным и приемлемым для текущего состояния нашей душевной организации. Простой ностальгии для использования такого желания в качестве источника сновидения явно будет недостаточно. Вполне возможно, что дополнительным и необходимым основанием для создания такого «инфантильного» сновидения является ответное, по отношению к нашему собственному желанию, встречное желание, исходящее непосредственно от самого объекта/объектов нашего сновидения.

Необходимо должно присутствовать актуальное желание, которое возникло у объекта нашего сновидения по каким-либо причинам в то же самое время, одновременно с нашим собственным желанием, в основание которого легло одно из его/их переживаний или желаний детства. Такое чаще всего бывает возможно в результате какой-либо неожиданной встречи, телефонного разговора, одновременного напоминания обоим участникам о чем-то таком, что может поспособствовать и подействовать им вновь ощутить какие-либо из своих детских, возможно, что так и до конца и нереализованных в свое время, давно забытых желаний.

Зигмунд Фрейд пишет: *«В моей коллекции чрезвычайно много таких сновидений, анализ которых приводит к смутным, а иногда и совершенно позабытым воспоминаниям детства, часто даже из возраста до трех лет. Не следует, однако, выводить из них заключения, имеющего какое-либо общее значение для теории сновидения. Во всех них речь идет о невротиках и даже об истериках, и роль детских воспоминаний в их сновидениях может быть обусловлена наличием у них невроза, а вовсе не сущностью самих сновидений. Однако при толковании моих собственных сновидений, предпринимаемых не из-за грубых симптомов болезни, я тоже очень часто наталкиваюсь неожиданно в скрытом содержании их на эпизоды из детства; иногда даже целый ряд сновидений допускает объяснение каким-либо детским*

переживанием».

У каждого из нас в памяти присутствуют какие-либо, пусть даже и незначительные и несущественные, воспоминания о своём детстве. Иногда, совершенно для нас неожиданно, в нашем сознании возникают какие-то наши забытые детские желания или ранние переживания того периода нашей жизни. Чем менее невротична душевная организация, тем меньшее влияние оказывают такие воспоминания и переживания на её деятельность, включая сюда также и все возможные, последующие, на этом основанные фантазии взрослого человека. Именно поэтому, основным источником для сновидений всякого взрослого, психически нормального человека являются именно актуальные, взрослые желания и влечения, которые, при глубоком анализе, в виде своих прямых предшественников, иногда имеют сходные им по форме и типу какие-либо более ранние детские желания и влечения. Но по своей форме и методам реализации все такие взрослые желания в какой-то степени отличаются от своих детских «прародителей», которые в своё время предполагали нечто подобное потенциально возможным, и это было зафиксировано и сохранено в форме этих детских желаний.

В душевной жизни невротиков, по причине более или менее значительной задержки развития в каких-либо частях их душевной организации, достаточно часто детские импульсы и желания значительно не изменились, и поэтому остаются для них актуальными, и легко доступными для непосредственного восприятия и использования в своем первоначальном виде. Увидеть и понять всё это представляется возможным даже без какого-то углубленного анализа их душевной деятельности. Они этими желаниями так и продолжают жить в своей современной, уже взрослой жизни, что и является основной причиной преобладания данного вида источников у них в сновидениях. Для всех них в чём-то, где-то, в каком-то смысле, «время остановилось», прогресс в необходимой мере в нужный момент оказался невозможен в силу каких-то внешних, а впоследствии уже и внутренних причин, установить которые представляется возможным лишь посредством глубокого анализа их ранней душевной жизни и, как очень важной составляющей её части, анализа их сновидений.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Опыт в анализе убедил меня в том, что даже в сновидениях, толкование которых кажется на первый взгляд исчерпывающим, так как источники их желания, лежащие в их основе, вполне доступны и очевидны, – что даже в этих сновидениях содержатся мысли, простирающиеся к далекому детству; в виду этого я должен задаться вопросом, не представляет ли собою эта особенность существенное условие всякого сновидения. Обобщая эту мысль, я говорю, что каждое сновидение в своем явном содержании связано со свежими переживаниями, скрытое же содержание его обнаруживает связь с более ранними переживаниями, которые, например, при анализе истерии остаются свежими до последнего дня».*

Наши более ранние переживания остаются нашими до конца наших дней. Других детских переживаний и воспоминаний у нас нет, никогда у нас не было и никогда у нас уже не будет. Они являются существенной, важной частью нашей памяти и нашей душевной жизни, и играют в нашей повседневной жизни немаловажную роль. Мы иногда можем о них даже и не думать, но они при этом не перестают в нас существовать и оказывать определенное воздействие на наше мышление и нашу повседневную деятельность и, как следствие, на

некоторые наши сновидения. Для сознательной деятельности взрослого, психически здорового человека они представляются прежде всего как «память о детстве»; для взрослого человека с какими-либо расстройствами душевной жизни они представляются несколько по-иному – они играют в их сознательной жизни более значительную роль и до их полного выздоровления роль и значимость для них их собственных детских переживаний скорее всего не будет значительно уменьшена. Психическая переоценка в лучшую сторону окажется возможной лишь при общем качественном изменении всей душевной жизни в сторону здоровья.

Что же касается того, что всегда можно в качестве источника сновидения найти некоторые отсылки к нашим детским переживаниям, то здесь нет абсолютно ничего из ряда вон выходящего, и в этом не просматривается никакого удивительного и экстраординарного феномена душевной деятельности. Всё это выглядит вполне естественно и натурально. Все наши детские воспоминания находятся на дне нашей памяти, у самого её основания, у её истоков. А всякий анализ предполагает постепенное погружение вниз и продвижение вглубь, в направлении дна, основания нашей памяти, что и имеет своим прямым следствием обнаружение на каком-то, чаще всего конечном этапе анализа сновидения, каких-либо из наших ранних детских воспоминаний, желаний и переживаний. Можно так сказать, что любой достаточно глубокий анализ сновидения в конечном счете будет закончен в области каких-то из наших ранних детских воспоминаний и переживаний.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Из трех рассмотренных нами особенностей памяти в сновидении одна – преобладание в сновидении элементов второстепенной важности – вполне удовлетворительно разъяснена нами искажающей деятельностью сновидения. Две другие особенности – наличность свежих впечатлений и переживаний детства – нами лишь констатированы, но не могут быть выведены из мотивов сновидения. Отметим же пока обе эти особенности, которые нам предстоит разъяснить; мы возвратимся к ним либо при психологическом объяснении состояния сна, либо при рассмотрении структуры душевного аппарата, когда мы увидим, что благодаря толкованию сновидения, как благодаря открытому окну, можно бросить взгляд в затаенные глубины нашей психики».*

Большая часть информации, содержащейся на самой поверхности нашей памяти – это вся та информация, которая проходит через неё в продолжение всего дня, и в большинстве своём является незначительной и маловажной. Учитывая всё это, не стоит слишком сильно удивляться тому, что при создании сновидения именно такая информация чаще всего и используется как подручный материал при создании его окружающей обстановки, элементов и образов. Наша душевная деятельность при создании сновидения не придает особого значения незначительности для нас всех этих поверхностных образов, переживаний и впечатлений. Ей даже гораздо удобнее работать именно с психически индифферентным материалом при создании сновидения.

Какой подручный материал в данный момент имеется в наличии – из такого вынужденно и создается сновидение. Что лежит на самой поверхности, то и оказывается под рукой в первую очередь, и если оно при этом оказывается чем-то вполне подходящим для создания сновидения с точки зрения нашей душевной деятельности, тогда оно берется и используется для этих целей. Зачем искать

что-то где-то в глубине, если уже есть что-то на самой поверхности, в достаточной мере подходящее для совершения необходимой деятельности. Всё это вполне оправдано, допустимо, осмысленно и практично с точки зрения разумного использования психических ресурсов.

Самые новые впечатления и самые свежие, и поэтому наиболее актуальные желания и намерения, – у субъектов желаний, использованных при создании сновидения, – являются такими же естественно необходимыми элементами. Вчерашнее, достаточно часто, сегодня уже становится не актуально. Наивысшую важность и значимость для нас получают только лишь свежие, сегодняшние переживания, впечатления, желания и намерения. Лишь они одни и будут использованы при создании сновидений; всё остальное будет либо ожидать более подходящего для себя времени, либо с течением времени будет нами забыто полностью.

Переживания детства лишь постольку могут оказаться в основе наших сновидений, поскольку они были доступны нашему сознательному мышлению накануне сновидения – в данном случае идет речь исключительно лишь о субъектах желаний, так как только лишь в таком случае всё именно так и произойдет. Но это окажется возможным лишь тогда, когда мы будем об этом предварительно некоторое время размышлять, и, в конечном счёте, не имеет существенного значения – самостоятельно ли мы к этому придем, или же это случится под каким-то или чьим-то воздействием. Если же такое происходит с нами не слишком часто, то в силу относительной своей «новизны», у них будет некоторое преимущество перед остальными нашими взрослыми, действительными впечатлениями, желаниями и намерениями.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Сновидение представляется, зачастую, многосмысленным; в нем могут не только объединяться, как показывают вышеприведенные примеры, несколько осуществлений желаний, но один смысл, одно осуществления желания может покрывать другое, покуда в самом последнем смысле мы не натолкнемся на осуществление желания раннего детства; здесь мы опять должны спросить себя, не правильнее ли будет заменить в этом предложении слово «зачастую» словом «всегда»».*

В силу доминирования у самого Зигмунда Фрейда, как практикующего врача-психоаналитика, в количественном отношении в качестве исходного материала сновидений, именно сновидений людей с расстройствами душевной деятельности, общая направленность его исследования и ориентация в основном на детские воспоминания и переживания, как на свой первоначальный источник, становится вполне обоснованной и совершенно понятной. **«Факты вещь упрямая»**. Когда у тебя на столе лежит количественное подтверждение чего-либо – этому сопротивляться достаточно сложно. Но большая часть его примеров такого рода всё же имеет непосредственное отношение к «психопатологии сновидения», а не к «психологии сновидения». Причина этого им самим понимается, принимается и признается. Он прекрасно осознает все существующие значительные и существенные отличия в источниках сновидений у психически здоровых людей, от таковых у лиц с какими-либо серьёзными душевными расстройствами. Просто имея годами выработанную привычку при анализе сновидений доискиваться и добираться до самого дна, – до всех предполагаемых, возможных, существующих и им мыслимых источников именно из самого детства, – он во всех остальных случаях также продолжает упорно и

настойчиво искать всё в том же направлении, и идёт при этом до самого конца, что и имеет своим конечным результатом такую тенденциозность и предвзятость его итоговых оценок. Можно с полной уверенностью утверждать, что всякий анализ любого сновидения у какого-угодно индивида, – при наличии у него на то желания и всяческого его этому содействия, – может быть окончен в области его детских воспоминаний или переживаний.

Что же касается «**многосмысленности**» сновидений – покрытия одного смысла другим – так большая часть наших желаний является по своей сущности «**многосмысленными**»; иногда даже простейшие наши желания об удовлетворении наших обыденных, повседневных естественных потребностей имеют в себе некоторый скрытый, двойной смысл – я сделаю то-то и то-то, но не там где попало, а только лишь в определенном месте и/или в определенное время, а заодно встречу там с кем-то или посмотрю там на что-то и т.д. Они изначально являются достаточно сложными, состоящими из менее значимых, существенных желаний, как вполне независимых, более мелких своих составляющих. Всё происходит точно также, как и в бодрствующей жизни, потому что все наши желания при своем формировании подчиняются тем же самым законам, и мыслятся той же самой инстанцией, и контролируются той же цензурой и т.д.

Мне хотелось бы здесь привести одно своё собственное сновидение, которое хоть и не имеет в своей основе видимых и ощущаемых детских переживаний, но всё же дает достаточно ясное понимание того, что очень часто именно некоторая детскость и недоразвитость каких-то укоренившихся намерений и желаний взрослого человека имеет своим прямым следствием дальнейший неразумный, недалёковидный, криминальный оттенок всего на них основанного, если смотреть на это с точки зрения взрослого мышления и уголовного законодательства. Дети чаще всего не знают законов взрослого мира; у них в их детском мире действуют несколько другие правила и предписания.

Очень часто то, что в отношении действий ребенка понимается и воспринимается окружающими как некая детская шалость, у взрослого уже оценивается в соответствии с криминальным кодексом, и впоследствии непременно подпадает под его действие. Поэтому, всех людей с подобными, плохо контролируемые, криминальными склонностями, я воспринимаю, в первую очередь, как тех, у кого желания и возможности для реализации своих текущих потребностей до сих пор всё ещё соответствуют по-своему уровню развития некоторым из их инфантильных способностей и потребностей, с точки зрения взрослого человека. Они так и не получили у них своевременного, должного, соответствующего развития и не приобрели в них того, в полной мере развитого, законченного вида, который причисляется иметь всякому взрослому, современному, культурному человеку. Что здесь в своё время сыграло наиболее важную роль: недостаток воспитания или же неправильное воспитание – это вопрос к другому рода исследователям и исследованиям, но что-то у них явно пошло не так. Видимо, здесь также играет значительную роль и то, насколько мы сами при необходимости, будучи уже достаточно взрослыми, в состоянии самостоятельно в чём-то изменить самих себя. Или же, в таких случаях играет наиболее важную роль наша индивидуальная способность подвергаться каким-либо изменениям посредством внешнего воспитательного воздействия. Также достаточно важным представляется и вопрос о нашей наследственности,

потенциальной возможности её преодоления, и нашей индивидуальной способности к этому.

Иногда создаётся такое впечатление, что все эти взрослые, вполне сформировавшиеся люди являются элементом старого прообраза человека-добытчика, человека-охотника, для которого единственной конечной целью и единственным смыслом жизни является добывание пропитания для самого себя и своей семьи. Для них не существуют нравственные и культурные ограничения; закон они соблюдают ровно настолько, насколько это бывает необходимо в данный конкретный момент для их собственной безопасности и неприкосновенности, стараясь его при любой возможности не соблюдать совсем, не испытывая при этом никаких угрызений совести; для них всегда и во всём всякая **«Цель оправдывает средства»**, и для них в их деятельности всегда и во всём **«Все средства хороши»** ровно настолько, насколько это позволяют им успешно решать свои текущие задачи. Их всегда и прежде всего заботят исключительно только лишь их собственные интересы; до всех остальных им совершенно нет никакого дела. Это высшая степень объективации животного эгоизма.

Они, как и на заре человечества, каждый день выходят как бы на охоту, чаще всего при этом произвольно группируясь в стаи, хотя иногда могут действовать и в одиночку; они непрестанно расставляют сети и силки, устраивают западни и ловушки, плетут паутины заговоров, сидят в засаде, терпеливо и настойчиво ожидая свою жертву, а иногда целыми днями бродят по улицам выискивая добычу. И если раньше люди охотились на зверей и ловили своими сетями рыбу, то теперь эти современные «дикари» и «охотники» уже распространяют свои аппетиты – помимо зверей и рыб – также и на всех без исключения людей. Их охота на людей в чём-то напоминает действия хитрого, наглого, неспособного к полноценной охоте представителя животного мира, который постоянно пытается забрать добычу у представителя своего вида. Они готовы даже, при необходимости и без какого-либо зазрения совести, употребить с пользой для себя и члена своей стаи. Это категория людей, живущих в современном, цивилизованном обществе, так полностью и не принявших правила и законы этого общества, которая не вполне соответствует также и законам общества дикого, первобытного, так как не способна в необходимой мере себя обеспечивать полноценной охотой и добычей, а способна лишь красть и отбирать добычу у других представителей своего же вида – эдакие современные внутривидовые паразиты-дегенераты. Они так до конца и не смогли взять под личный контроль свою животную сущность и продолжают привносить в жизнь современного человеческого общества элементы варварского, примитивного, дикого, иногда даже и доисторического безнравственного или донравственного поведения. Они внешне имитируют принятие правил и законов и притворяются законопослушными и нравственными, в действительности таковыми не являясь ни на йоту, ни на грамм.

Вернёмся к нашим сновидениям: в чем-то нижеприведенное сновидение является многосмысленным, в чем-то структурно сложным – в нем в достаточной мере прослеживается не просто лишь само основное, исходное желание, в нем в необходимой мере становится понятным и ясно просматривается весь предполагаемый механизм его удовлетворения.

Сновидение (прогулка с компанией)

Часть 1. Мне снится, что моя мать строит стену из кирпича, и при этом она делает это неправильно. Я делаю ей замечание и пытаюсь показать ей то, как это необходимо делать в соответствии с существующими правилами, но она не обращает на это никакого внимания.

Часть 2. Я с компанией ухожу из дома. Компания состоит из нескольких мужчин и нескольких молодых женщин. Мы, как мне кажется вначале, уходим из дома одной из молодых женщин находящейся с нами (чувствуй себя как дома), или из того дома, где она в этот момент проживает. Она, судя по всему, замужем. Её муж остается в этом доме/квартире. Она пытается закрыть двери в дом/квартиру, но у неё в итоге так ничего и не получается. Судя по всему, перед этим кем-то был сломан замок и дверь теперь имеет значительные повреждения, подобные тем, когда дверь просто выламывается. Я предлагаю ей свою помощь. Я чувствую к этой молодой женщине симпатию и влечение, и она отвечает мне взаимностью. Я пытаюсь как-нибудь справиться с этой дверью, но у меня ничего не получается. Она говорит мне то, что не так уже и важно как именно, но надо всё же постараться, чтобы дверь всё-таки была хотя бы просто прикрыта. Ей очень хочется сделать всё это незаметно от своего мужа, или она, по крайней мере передо мной, делает вид, что она от него пытается что-то скрыть. Я кое-как пытаюсь закрыть дверь и вставить внутрь части сломанного замка. В этот момент подходит к двери её муж и почему-то особо на всё это не обращает никакого внимания. Я кое-как в итоге всё-таки закрываю дверь, и мы со всей компанией уходим.

Толкование:

Данное сновидение является иллюстрацией такого случая, когда работа сновидения не смогла объединить вместе все существующие желания в одно сновидение. Судя по всему, они слишком сильно различались между собой по своим конечным целям и средствам достижения, поэтому другого варианта для работы сновидения просто не было доступно. Но все желания претендовали на то, чтобы в ту ночь в достаточно ясной форме быть представленными в форме сновидения. Поэтому, в виде компромисса, и были созданы два совершенно отличных друг от друга фрагмента сновидения.

Часть 1, предварительное рассуждение. В день, предшествовавший этому сновидению, я видел в интернете много различных фотографий сильно разрушенных в результате ракетных обстрелов многоэтажных, кирпичных зданий, построенных в начале или в середине прошлого века. Все эти разрушенные здания навели меня на мысли о нашей частично разрушенной даче, которую будет необходимо когда-то восстанавливать. Как прямое следствие, в основе этого сновидения и оказалось моё желание о том, чтобы все восстановительные работы в деревне проводились не мной лично, а кем-то непосредственно связанным в настоящее время с моей матерью. Я что-либо делать там в ближайшее время не планировал. Моя мать, судя по содержанию сновидения, всё-таки хотела того, чтобы я хотя бы минимально, но принимал участие в процессе восстановления.

Толкование: Наиболее существенным исходным желанием для этого фрагмента сновидения предполагается желание моей матери, чтобы я сам хоть в какой-то форме, но всё-таки поучаствовал в восстановлении нашей

повреждённой дачи. Я же всем своим поведением в сновидении стараюсь показать то, что максимум что я могу сделать, так это дать при необходимости какие-либо полезные советы или дельные подсказки касательно самого хода восстановления. С самого нашего детства, наши родители, – и мать в особенности, – привлекали всех нас, своих детей, к каким-либо хозяйственным работам на нашей даче в деревне. Вполне естественно, что нам, детям, всё это тогда не очень нравилось, и мы всегда мечтали о том, чтобы как-нибудь от всего этого отказаться, и полностью избежать всего этого. В данном случае сыграло свою роль также и моё старое детское желание как-то отказаться от родительского указания выполнять какую-либо работу в деревне, и при этом не быть за это наказанным. Таким образом, первая часть сновидения была создана из двух встречных желаний, непосредственно касающихся возможного разрешения одного и того же актуального вопроса – восстановление дачи и работа в деревне.

Часть 2, предварительное рассуждение. Среди моих знакомых и друзей детства есть некоторые такие, которые обладают неисправимой и неискоренимой криминальной направленностью своего мышления, – некоторые в большей степени, а некоторые в меньшей степени. И в соответствии со всем этим весь их круг общения состоит в значительной мере из лиц с подобными невысокими культурными ценностями и общим криминальным интеллектуальным уклоном. С одной стороны, я непосредственно ощущаю постоянно исходящую от них опасность, с другой стороны, я стараюсь во время какого-либо взаимодействия или общения с ними соблюдать необходимые и достаточные меры предосторожности, и придерживаться правил поведения вблизи криминально-ориентированных личностей.

В дополнение ко всему этому, меня очень часто не покидает такое ощущение, что если я буду полностью исключать из своего круга общения кого-либо только лишь в виду мною предполагаемых, и мною не одобряемых особенностей и склонностей, ближайший ко мне мир станет не совсем полноценным. Я таким образом как бы самостоятельно сам себя изолирую, что в конечном счете может как-то сказаться на всей последующей моей жизни, вполне возможно, что и не в лучшую сторону. От внешнего мира по-возможности не нужно отгораживаться или убегать; к нему необходимо стараться приспособливаться и пытаться понять его особенности и закономерности. А окружение с таким образом мысли и соответствующими ему склонностями представляется для меня, и в действительности является, неиссякаемым источником сновидений вполне определенной, криминальной направленности. Эти сновидения хоть и не предполагают значительного труда при их толковании, зато дают массу общего исходного материала для понимания самой природы сновидений и лежащих в их основании различного рода желаний и намерений определенных категорий людей. Одно мною было уже точно подмечено: каждый раз после моего непродолжительного общения с такими людьми, меня некоторое время не покидает внутреннее ощущение угрожающей мне близкой опасности, и мне обязательно, спустя непродолжительное время, приснится как минимум одно подобное сновидение. А потом всё постепенно возвращается в своё привычное русло.

Толкование: Один из моих давних детских знакомых обладает вышеописанными криминальными склонностями, и он постоянно окружен

соответствующими ему в полной мере людьми с такими же, или гораздо более запущенными способностями. Его примерные замыслы и намерения в достаточной мере и открывает фрагмент вышеприведенного сновидения. Судя по общему содержанию сновидения, у них, – у него и его знакомых, – был какой-то вполне определенный замысел, имеющий своей конечной целью:

1. Всей компанией побывать в квартире/доме вместе со мной; при этом так до конца осталось не ясно, в моей квартире или в чужой, хотя всё-таки скорее всего, что в моей, и при этом они хотят там себя чувствовать «как у себя дома»;
2. Чтобы дверь/замок в этом доме/квартире был(а) сломан(а), либо их проникновение туда должно быть совершено вопреки желанию хозяина; так как в свою квартиру сломать дверь мы обычно не мечтаем, значит речь идет о какой-то чужой для них квартире, либо предполагается проникновение в неё вопреки желанию хозяина;
3. Чтобы в этом доме/квартире потом остался кто-то из их компании, – в сновидении этим кем-то оказывается муж той молодой женщины, к которой я оказался равнодушен;
4. Её муж явно и видимо не возражает против того, что она уходит вместе со мной в одной компании, и он совершенно не против того, чтобы его жена откровенно флиртовала со мной и/или была в некотором роде близка со мной;

Все видимые и понятные для меня предполагаемые источники желаний, которые были использованы при создании вышеприведенного фрагмента сновидения, можно сгруппировать таким образом:

1. Моё незначительной интенсивности желание съездить в гости или познакомиться и пообщаться с какой-то привлекательной молодой женщиной;
2. Желание моего знакомого, чтобы я познакомился с его знакомой молодой женщиной, у которой при этом есть любовник или муж, чтобы это в итоге помогло ему и его знакомым добиться желаемого для них результата;
3. Желание конкретной молодой женщины, которая возможно меня где-то когда-то и видела, или знает меня по чьим-то рассказам, чтобы я с ней познакомился и... а там как получится.
4. Желания друзей моего знакомого, чтобы они смогли оказаться в какой-то квартире, скорее всего, что в моей собственной, и вне зависимости от желания хозяина, оставить там одного человека и чем-то там пожить.

Весь смысл этого сновидения, даже при достаточно поверхностном его исследовании, сразу же принимает вид чего-то не совсем законного. От явного ощущения, что его содержание имеет аморально-криминальное направление сложно, а точнее, практически невозможно избавиться.

В детстве, когда мы в достаточной степени ещё не знакомы с нормами уголовного и гражданского права, мы смотрим на всё происходящее и производимое с позиции – мама/папа разрешил(а)/не разрешил(а), накажет нас

впоследствии за это или не накажет. Ответственность перед кем-либо, кроме наших родителей, ближайших родственников или воспитателей нами не принимается, не воспринимается и достаточно сильно и глубоко нами не осознается. С годами кто-то принимает на себя всю тяжесть существующей гражданской ответственности, и старается в какой-то мере с ней согласовывать все свои дальнейшие действия, а кто-то так и продолжает дальше пытаться при любой возможности кого-то обхитрить, кого-то обмануть, так и не будучи при этом в состоянии понять того, что, в первую очередь, он непременно обманывает всякий раз и в первую очередь самого себя, не желая принимать существующие правила того общества, в котором он проживает и к которому он в тот момент принадлежит.

Вот и получается так, что кто-то думает о том, как честно заработать деньги, а кто-то другой, – при этом, будучи также в состоянии, но не имея при этом никакого желания зарабатывать их честно, – постоянно думает лишь о том, как их каким-либо незаконным способом отнять и присвоить себе. И от этого явления мы пока, и, судя по всему, вообще не в состоянии избавиться. Поэтому, будучи в необходимой мере предусмотрительными и взаимно вежливыми, постараемся по возможности не забывать о некоторых существующих действительных наклонностях и привычках нашего близкого и дальнего окружения. Это позволит нам в большинстве случаев, – помимо понимания множества своих собственных сновидений, – избегать в своей бодрственной жизни значительного числа потенциально опасных и неприятных ситуаций, что для относительно спокойной и сравнительно безопасной жизни оказывается очень важным.

У некоторых читателей в какой-то момент может создаться ошибочное впечатление о том, что весь мой образ мыслей постоянно вращается только лишь вокруг безнравственных людей криминальной направленности, и их предполагаемых только лишь мною, возможно что и совершенно безосновательно, преступных намерений по отношению ко мне или к моему имуществу. Но у меня такие сновидения естественным образом и вполне закономерно почему-то всегда случаются именно после общения с людьми с такими наклонностями.

«Истинных друзей он в тот вечер не встретил, хотя ему в изобилии попадались те гнусные и криводушные гарпии и мошенники, которые всегда рады заманить человека в пучину порока»⁵⁸.

К большому сожалению, содержание некоторых из наших сновидений имеет именно такое направление. Сновидения интимного характера мне выкладывать на всеобщее обозрение и подробно обсуждать как-то не очень хочется, с чем, я думаю, в полной мере согласятся практически все здравомыслящие люди. Безразличные и очень плохо понятные, смутные и нечеткие сновидения не представляют в контексте данного исследования значительного интереса. Именно поэтому в основном мне и приходится использовать подобные сновидения в качестве демонстрационного, подручного материала для подтверждения большинства своих выводов и умозаключений.

«Неисповедима и священна тайна равновесия весов твоих, о судьба!»⁵⁹

⁵⁸ Джон Стейнбек «Квартал Тортилья-Флэт»

⁵⁹ Виктор Гюго «Отверженные»

Скорее всего именно этот легко понятный и общеизвестный закон сосуществования в нашей вселенной, закон равновесия, и играет в подобных случаях определяющую роль. Когда случайно или намеренно встречаются два в значительной мере отличных друг от друга человека, они иногда даже и подсознательно, совершенно неосознанно стараются сравнить, сопоставить друг друга в основных им присущих качествах, и в каком-то смысле ощущают необходимость и изыскивают возможности в этом уравниваться. Человек более умный или богатый, после общения в подобных случаях выносит вполне обоснованное ощущение действительно существующего интеллектуального или материального превосходства, а иногда и превосходства в обоих этих качествах. Но никаких последующих деструктивных желаний и намерений у нравственно и интеллектуально превосходящего человека никогда не возникает. Скорее всего, что совершенно наоборот – его немного беспокоит то, что кто-то рядом с ним не понимает элементарных вещей, и иногда он самостоятельно старается, насколько это оказывается для него возможно, просветить своего оппонента и посылить ему помочь добиться больших успехов в своей деятельности.

«...И потому-то нам и кажется необыкновенным чем-то человек, любящий бескорыстно, человек истинно благородный. Мы, как на комету, смотрим на такого человека. И, насмотревшись досыта и чтобы наше грязное, себялюбивое существо не так резко самим нам бросалось в глаза, начинаем и его, чистого, пачкать, сначала скрытой клеветой, потом явной, а когда и эта не взяла, обрекаем его на нищету и страдания. Это ещё счастье, если заперём в дом умалишенных. А то просто вешаем, как самого гнусного злодея. Горькая, но, уввы, истина»⁶⁰

Несколько по-иному всё происходит у его оппонента. Иногда, даже в случае своего материального превосходства, но при существующем и ясно осознаваемом им значительном интеллектуальном неравенстве в худшую сторону, даже его состоятельность бывает не в состоянии в необходимой мере компенсировать его низкий интеллектуальный уровень развития. Он понимает и в достаточной мере осознает своё действительное, незавидное положение, и в том самом крайнем случае, когда к интеллектуальному несоответствию в худшую сторону добавляется ещё и материальное, – тогда у него в результате непродолжительных размышлений и возникают настойчивые мысли вроде следующих:

«Да что тут предлагать...Взять всё да и поделить...»⁶¹

И он тогда начинает лихорадочно искать для себя всевозможные обоснования и оправдания существующей с его точки зрения несправедливости, и **«закон равновесия»** в таком случае оказывает ему такую необходимую моральную поддержку. После этого его уже ничто не сдерживает, и он «с чистой совестью» начинает тщательно и настойчиво обдумывать то, каким образом ему в данном конкретном случае с минимальным для себя ущербом «восстановить справедливость».

«...Молва и Клевета – это два бедствия, которые состоят в кровном родстве между собой. Молва – дочь Клеветы. Клевета острее, чем меч,

60 Т.Г. Шевченко «Художник»

61 Михаил Булгаков «Собачье сердце»

неистовее, чем огонь, убедительнее, чем Сирена. Молва же быстротечнее волны, стремительнее ветра, быстрее птиц. Пущенное Клеветой слово летит, как стрела из лука, и ранит намеченную жертву, даже если она далеко. Только коснётся слово Клеветы чьего-нибудь уха, как мгновенно ему верят, начинают пылать гневом и разъяряются на раненого. Волны Молвы, порождённые стрелами Клеветы, обильными потоками затопляют уши слушателей; они с лёгкостью преодолевают огромные пространства, бушуют в вихре речей и мчатся на крыльях сплетен...»⁶²

Для интеллектуального и нравственного уравнивания обиженные превосходством и обделённые достоинствами и совершенством в подобных случаях чаще всего распускают всевозможные лживые, дурные слухи, возводят напраслину, сеют зёрна ненависти и семена раздора, или же прибегают к обыкновенному злословию. Что же может лучше, надежнее и быстрее, чем «старая, добрая» клевета, сплетня, или какой-нибудь гнусный навет понизить общий интеллектуальный и нравственный уровень оппонента до такого желанного и необходимого?

В материальном отношении «уравнивание» и «установление справедливости» происходит исходя из своих собственных текущих способностей и возможностей, а также из текущих способностей и возможностей существующего в тот момент окружения.

*«Вина открыта. О душа, что медлишь ты?
Ему припишем мы любовь нечистую.
Злодейством новым скрыть злодейство следует,
В опасности надежней наступление.
Дерзнули мы иль сами стали жертвами,
Кто будет знать, коль нет вины свидетелей?»⁶³*

Что же касается до интерпретации нашей душевной деятельностью всех доступных ей при создании сновидения желаний, – когда на одной чаше весов находится желание чего-то приятного, а на другой нечто обратное, – нашей душевной деятельностью при формировании сновидения чаще всего делается акцент на втором, как на чем-то более значимом в виду предполагаемой и ощущаемой оттуда угрозы. Вполне возможно, что именно поэтому и в своих сновидениях нам приходится в силу сложившихся обстоятельств, – иногда чаще, иногда реже, – иметь дело не с тем, с чем нам больше всего хотелось, а с тем, что в данный момент имеется в наличии. А что оказывается у нас под рукой в данный момент, мы узнаем из результирующей деятельности работы сновидения после создания сновидения. Здесь очень часто всё происходит приметно так, как в известной поговорке, когда

«Ложка дегтя портит бочку меда».

Поэтому, в первую очередь на себя обращает наше пристальное внимание именно какое-либо негативное содержание, даже не будучи при этом в значительной мере преобладающим в самом сновидении.

62 Ахилл Татий «Левкиппа и Клитофонт»

63 Луций Анней Сенека «Федра»

*«...А в аде первенство, известно, тот берёт,
Кто ближнему наделал больше бед.
Так в споре сем и жарком и немалом
Перед Змеёю Клеветник
Свой выставлял язык,
А перед ним Змея своим хвалилась жалом;
Шипела, что нельзя обиды ей снести,
И силилась его переползти.
Вот Клеветник было за ней уж очутился;
Но Вельзевул не потерпел того:
Он сам, спасибо, за него
Вступился
И осадил Змею,
Сказав: «Хоть я твои заслуги признаю,
Но первенство ему по правде отдаю;
Ты зла – твоё смертельно жало;
Опасна ты, когда близка;
Кусаешь без вины (и то не мало!),
Но можешь ли язвить ты так издалека,
Как злой язык Клеветника,
От коего нельзя спастись ни за горами,
Ни за морями?
Так, стало, он тебя вредней:
Ползи же ты за ним и будь вперёд смирней».
С тех пор клеветники в аду почётней змей.»⁶⁴*

А нечто положительное или вполне нейтральное очень часто остается обделенным должным и достаточным вниманием, так как хорошего опасаться нам не приходится, поэтому и можно вполне спокойно оставить его без предварительного, пристального внимания. Сновидения, полностью состоящие из одних только положительных моментов, в контексте нашего исследования также не представляют значительного интереса именно ввиду этой самой легкости их понимания и простоты их конструкции. Они представляют значительный интерес только лишь для статистики – в том, что они действительно существуют, и иногда нам снятся, и все остальные виды сновидений поэтому являются не единственно возможными и существующими.

с) Соматические источники сновидения

*«Когда мы спим, наша душа живет, действует
и проявляет все свои способности не в
меньшей мере, чем когда она бодрствует»*

Мишель Монтень «Опыты»

*«Плиний сообщает о случае, когда человек,
вообразив себя во сне слепым, на другой день
действительно ослеп, совершенно не болев до
этого»*

Мишель Монтень «Опыты»

В основном, большинство людей изначально предполагает то, что в сновидении имеется какой-то скрытый, внутренний смысл, а какой именно – им обычно некогда, да и незачем, и с их точки зрения, задумываться. Все в основном заняты своей повседневной жизнью, и лишь у некоторых из них толкование сновидений занимает незначительную часть времени, а у большинства людей собственные сновидения не вызывают вообще никакого интереса. Они просто не обращают на них своего пристального внимания – сновидения для них просто не существуют как нечто значимое и жизненно важное; когда же они в течение длительного времени всё-таки не выходят из их сознания, от них просто отмахиваются как от какого-то слишком назойливого насекомого. Физически больные люди как правило обращают своё пристальное внимание на всё то, что происходит непосредственно с ними, с их телом, либо как-то непосредственно, либо косвенно связано с их текущим состоянием здоровья. Они иногда обращают большее внимания на погоду, положение своего тела, а также на то, что они едят или пьют и т.д., пытаясь в этом найти какую-либо непосредственную связь всего этого с состоянием своего здоровья. Таким образом действует внутренний, естественный механизм поиска возможной причины заболевания, и подбора наиболее эффективного, быстрого, подходящего и удобного метода лечения.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Если спросить интеллигентного человека, несведущего в области психологии, но интересующегося проблемой сновидения, из каких источников, по его мнению, происходят сновидения, то в большинстве случаев можно заметить, что опрошенный будет убежден в неопровержимости своего разрешения, хотя бы части проблемы. Он упомянет тотчас же о влиянии, которое производит во время сна расстроенное пищеварение («сновидения происходят от желудка»), случайное положение тела, и другие незначительные переживания на образование сновидений; он не предполагает, однако, что помимо всех этих моментов остается ещё нечто, требующее особого разъяснения».*

Проблемы пищеварения являются не самыми видимыми и осязаемыми, оставаясь при этом одними из наиболее чувствительных и ощущаемых, чьё воздействие постоянно непосредственно сказывается на общем состоянии организма человека. Часто они нам не дают никакой возможности забыть об их существовании ни на секунду, что вполне оправдывает мнение тех, кто считает, что они иногда в значительной мере влияют на наши сновидения и их содержание. Естественным и основным желанием всякого больного человека есть желание не болеть вообще, и/или совершенно выздороветь, поэтому и не удивительно присутствие элементов такого рода в содержании сновидений физически больных людей. Всякое состояние болезни, – будь то психической или физической, – оказывает значительное влияние и на мышление и на всё то, что с ним как-либо связано. Таким образом, и функция сновидения является в значительной мере зависимой от общего состояния здоровья субъекта сновидения и, как следствие, от его текущих мыслей.

Однажды мне приснилось очень короткое сновидение следующего содержания: *«Я сам, целиком, либо будучи при этом очень маленьким нахожусь в каком-то обычного размера ухе глубоко внутри, либо же будучи в своем нормальном состоянии, нахожусь в каком-то огромном ухе, в котором*

чувствую себя вполне свободно. Внутренняя часть уха представляется мне именно такой, какой я видел её ранее на картинках в учебниках по анатомии и физиологии человека. Я с помощью лопаты или заступа очищаю его полость от накопившейся там серы, которая достаточно легко берется лопатой. У меня это неплохо получается. В одной полости уха было не очень много серы, а в полости другого уха мне пришлось изрядно потрудиться. Там скопилось её очень много, и я достаточно долго её оттуда вычищал».

На следующий день я не сразу после своего пробуждения достаточно четко вспомнил это коротенькое и незначительное сновидение, так как мне в ту ночь приснилось ещё одно значительно более занимательное и интересное по-своему содержанию сновидение, и я такому несущественному фрагменту сначала не придал никакого значения. Об этом сновидении я вспомнил лишь несколько часов спустя, когда у меня начало сильно зудеть и чесаться одно ухо, что обыкновенно происходит со мной тогда, когда приходит время немного очистить свои уши от излишков накопившейся там серы. Таким образом, моё сновидение было прямым следствием возникшего у меня во сне в ушной полости чувства сильного дискомфорта, которое я, не просыпаясь, попытался таким образом преодолеть. Моя душевная деятельность используя это сновидение позволила мне спокойно проспать до самого утра, продемонстрировав мне в содержании моего сновидения, что мои уши уже чистятся, и скоро будут полностью очищены, и беспокоиться мне абсолютно не о чем.

Спустя несколько часов после пробуждения, мне всё-таки пришлось почистить себе уши, так как я в своём сновидении, видимо, почистил чьи-то чужие уши. Чувство дискомфорта было слишком уж сильно, и никаким другим способом его преодолеть не представлялось возможным. В одном ухе, – в итоге, как это у меня обычно и бывает, – серы оказалось значительно больше, нежели в другом. В этом моё сновидение оказалось совершенно точным.

Зигмунд Фрейд пишет: «*«Нервные» и «соматические» раздражения – вот соматические источники сновидения, т.е. согласно большинству авторов, вообще единственные источники сновидений... Как ни уверены представители этой теории в своей непоколебимости и в своих фактических основаниях – особенно в отношении случайных и внешних нервных раздражений, которые нетрудно обнаружить в содержании сновидения, – все же никто не отрицает того, что обильный материал представлений, имеющийся налицо в сновидениях, не допускает исключительного сведения к внешним нервным раздражениям. Мисс **Мэри Уайтон Калькинс** в течение шести недель наблюдала свои собственные сновидения и сновидения другого лица именно с этой точки зрения и нашла всего лишь 13,2% у себя и 6,7% у другого лица, в которых можно проследить элементы внешнего чувственного восприятия; лишь два случая из её коллекции сводятся целиком к органическим ощущениям. Статистика подтверждает нам здесь то, в чем мы уже убедились из беглого обзора наших собственных наблюдений».*

Наше сновидение является общей, результирующей реакцией нашей душевной деятельности на всё то, что в то время имеет непосредственное отношение к нашему организму, и касается это как физической составляющей нашего организма, так и всей нашей душевной жизни. Одно без другого совершенно немыслимо для нашего полноценного существования. Именно поэтому наша душевная деятельность при создании сновидения обрабатывает

всё то, что, – по её мнению и с её точки зрения, – является наиболее важным для нашего существования. Учитывая тот факт, что «здоровый дух может существовать только лишь в здоровом теле», а возможно что и исключительно только лишь в здоровом, общее физическое состояние нашего организма оказывает влияние на все наши сновидения, – иногда в большей, а иногда и в меньшей степени. Мы в состоянии сна не всегда имеем возможность проигнорировать внутренние ощущения, и полностью пренебрегать внешними раздражениями.

В зависимости от того, насколько эмоционально насыщенным был весь день, предшествовавший сновидению, влияние душевных раздражителей иногда может подавить своей собственной значимостью влияние соматических, или же всё может произойти совершенно наоборот – все наши мысли будут исключительно только лишь о своём физическом состоянии. Всё будет в полной мере зависеть от того, каким образом расставит все качественные приоритеты наша душевная деятельность; что она для себя посчитает наиболее значимым и существенным в тот конкретный момент.

Соматические источники сновидений могут доминировать в содержании нашего сновидения при различных физических заболеваниях, фиксирующих наибольшее внимание на физическом состоянии нашего организма, либо же полностью отсутствовать при некоторых душевных расстройствах, при которых больные иногда полностью пренебрегают физическим состоянием своего организма. В повседневной жизни среднестатистического, физически здорового человека соматические источники не являются определяющим и наиболее существенным источником материала для формирования большинства сновидений.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Как ни популярна эта теория соматических раздражений и как ни подкупает она своей простотой, все же чрезвычайно легко подметить её слабые стороны. Всякое соматическое раздражение, побуждающее во сне душевный аппарат к толкованию через посредство образования иллюзий, может послужить поводом бесчисленного множества таких же толкований, т.е. выразиться в содержании сновидения в бесконечно разнообразных формах».*

У людей, постоянно озабоченных состоянием своего здоровья, либо страдающих какими-либо хроническими заболеваниями, либо имеющих слабую физическую организацию, вероятность доминирования подобного рода направленности материала при образовании сновидений гораздо выше, нежели у физически здоровых людей. **«У кого чего болит, тот о том и говорит»**, а я бы добавил ещё и «тот о том и постоянно думает», так как мы, прежде чем сказать что-то, должны об этом сначала подумать, а думая, мы занимаем своё сознание вполне конкретными, определенными мыслями, которые оказывают влияние на формирование желаний, которые впоследствии могут быть использованы при создании наших сновидений. Они думают о своем здоровье, они озабочены его состоянием, они хотят избавиться от физических страданий – следовательно, в основе большинства своих сновидений, – как один из доминирующих источников, – они будут иметь то множество своих собственных соматических ощущений и раздражений, постоянно лишаящих их покоя и доставляющих им неудовольствие, и связанных с этим желаний, направленных на облегчение своих страданий.

Зигмунд Фрейд пишет: «*Старый физиолог Бурдах показывает нам, что душа и во сне способна правильно реагировать на них [на чувственные раздражения] соответственно их правильному истолкованию; он доказывает, что некоторые кажущиеся важными индивидууму впечатления могут избежать пренебрежительного к ним отношения во время сна (няня и ребенок) и что субъект гораздо скорее пробуждается от произнесения его собственного имени, чем от безразличного слухового ощущения; это предполагает, однако, что душа и во сне различает между собою ощущения; Бурдах заключает из этих наблюдений, что во время сна существует не неспособность к толкованию чувственных впечатлений, а недостаток интереса к ним».*

Душа, как это не парадоксально звучит, во сне не спит. Это состояние сна для физической составляющей нашего организма, для нашего тела; душа же, в свою очередь, в это самое время занята решением массы других, достаточно важных с её точки зрения вопросов и задач, не теряя при этом своей связи с телом. И чем дольше приходится иногда будить ото сна человека, тем меньшей в тот момент оказывается связь этого человека с его душой. Сложно бывает сказать то, насколько сильна взаимозависимость между физической и душевной усталостью, насколько возможно существование одной на фоне отсутствия другой. Можно ли в полной мере сохранить все свои душевные силы при полном физическом изнеможении организма? Но тот факт, что наша душевная деятельность и в состоянии сна внимательно анализирует все соматические источники раздражений в нашем организме – отрицать не приходится. В ином случае, кое-кто мог бы в случае необходимости даже и не проснуться, а это для нас иногда является жизненно важным вопросом, и наша душа, – прежде всего заинтересованная в самосохранении и дальнейшем существовании организма, – не может игнорировать всё то, что по её мнению является для организма жизненно важным и необходимым.

Зигмунд Фрейд пишет: «*Сновидения оказываются, таким образом, реакцией на все то, что имеется в данный момент актуального в спящей душе... Сущность сновидения несколько не изменяется, когда к его психическому источнику прибавляется соматический материал; оно остается осуществлением желания, каким бы образом выражение его ни обуславливалось актуальным материалом.*

Я охотно уделю здесь место ряду особенностей, которые делают значение внешних раздражений для сновидения изменчивым. Я представляю себе, что взаимоотношение индивидуальных, физиологических и случайных моментов обусловлено тем, как в отдельных случаях воспринимает человек интенсивные объективные раздражения во время сна; обычная или случайная глубина сна в связи с интенсивностью раздражения дает иногда возможность подавить раздражение настолько, что оно совершенно не нарушает сна, в другой же раз то же самое раздражение может заставить проснуться или же, наконец, дать повод к включению раздражения в сновидение. Сообразно с этим внешние объективные раздражения у одного субъекта могут чаще или, наоборот, реже проявляться в сновидении, нежели у другого».

В состоянии сна наша душа довольно-таки активно действует и занята выполнением жизненно важной для неё и для тела работы. Если душа когда-либо

спит, тогда она в тот момент бездействует. А в состоянии бездействия, – исходя из самого исходного смысла отсутствия какой-либо деятельности, – ей абсолютно нет никакого дела до всего того, что происходит вокруг и около неё, так как в тот момент она совершенно бездействует. Всё окружающее для неё не существует и для неё ничего вокруг не происходит; всё это в тот момент находится за пределами её интересов и действующего порога восприятия и чувствительности, если таковой у неё имеется. Вполне возможно, что наша душа получает незначительный отдых при однообразных интенсивных физических нагрузках или во время какой-либо несложной, монотонной деятельности, которая производится полностью автоматически, без уделения нашего внимания; тогда, когда в её «услугах» по контролю и управлению наш организм не очень нуждается, так как всё происходит на элементарном, примитивном уровне. Я допускаю такое, что действительный сон без сновидений, когда у нас полностью отсутствует ощущение того, что нам что-то снилось, прямо свидетельствует об полноценном отдыхе нашей души.

В зависимости от того, что для нашей души является наиболее важным вообще и что представляется важным в данный, конкретный момент, она либо обращает на что-то свое внимание, либо полностью игнорирует это, считая это недостойным своего внимания. В соответствии с этим, мы либо получаем дополнительное содержание в своем сновидении, либо же сновидение довольствуется тем имеющимся материалом, который был ему доступен на начальном этапе формирования сновидения. Вполне возможно, что в зависимости от интенсивности и эмоциональной насыщенности контекста нашего сновидения, мы оказываемся в состоянии либо обратить своё внимание на какое-либо соматическое раздражение, либо проигнорировать его полностью.

Возможно, что определенная фаза сна – **фаза медленного сна**⁶⁵, **фаза быстрого сна**⁶⁶ – оказывает значительное влияние и на нашу чувствительность по отношению ко всем соматическим источникам раздражения. Можно предположить, что наша душа отдыхает в состоянии медленного сна, когда она не занята созданием сновидений. Наш организм является динамической структурой; его состояние постоянно изменяется; какие-либо потребности регулярно возникают или пропадают. Во время сна в какой-то степени постоянно изменяются восприимчивость и чувствительность организма – его пороговое

65 **Фаза медленного сна** (синоним: медленноволновой сон, ортодоксальный сон) – длится 80-90 минут. Наступает сразу после засыпания.

Первая стадия... Поведение: дремота с полусонными мечтаниями, абсурдными или галлюциногенными мыслями и иногда с гипнагогическими образами...Мышечная активность снижается, снижается частота дыхания и пульса...

Вторая стадия (неглубокий или легкий сон). Дальнейшее снижение тонической мышечной активности. Сердечный ритм замедляется, температура тела снижается, глаза неподвижны...

Третья стадия. Медленный сон...

Четвертая стадия. Самый глубокий медленный **дельта-сон**... Третью и четвертую стадии часто объединяют под названием **дельта-сна**. В это время человека разбудить очень сложно – именно на этой стадии возможны приступы лунатизма, ночные ужасы, разговоры во сне и энурез у детей. Однако человек почти ничего из этого не помнит. (Википедия)

66 **Фаза быстрого сна, БДГ-фаза, REM-фаза** (...«БДГ – быстрые движения глаз», фаза парадоксального сна...) – фаза сна, характеризующаяся повышенной активностью головного мозга. Одним из признаков этой фазы являются быстрые движения глазных яблок. Открытие фазы быстрого сна и её связи со сновидениями было признано за... (Википедия)

отношение для различных раздражений – поэтому то, чем в конечном итоге руководствуется наша душевная деятельность, – обращая на что-либо своё внимание либо что-то игнорируя, – понять на первый взгляд не так уже и просто; в каждом отдельном случае для этого необходимо длительное и тщательное исследование.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Душа, либо совершенно не считается с ощущениями во время сна, если только это возможно по отношению к интенсивности, и к сознаваемому ею значению этих раздражений, или же она пользуется сновидением, чтобы отрицать наличность этих раздражений, или же, в-третьих, будучи принуждена признать их, она старается истолковать их таким образом, чтобы актуальные ощущения стали составной частью желаемой и согласуемой со сновидением ситуации. Актуальное ощущение вплетается в сновидение и тем самым лишается своей реальности».*

Самым важным по отношению к телу, а, вполне возможно, что и для душевной деятельности в состоянии сна, является сохранение целостности сна, и получение при этом возможности полноценно выполнить свою функцию. Одна из известных для нас её функций в состоянии сна – исходя из наших неполных познаний в этой области – формирование сновидений из доступных ей в тот момент источников, и донесение до нас в доступной форме их содержания. Насколько какое из раздражений в какой-то конкретный момент является наиболее значимым, она каждый раз определяет и решает самостоятельно. В большинстве случаев, мы оказываемся не в состоянии сознательно предопределить конечную значимость элементов материала нашего будущего сновидения.

В бодрствующем состоянии мы не имеем доступа ко всему исходному материалу, на основании которого будет сформировано наше сновидение. Наша оценочная деятельность может носить лишь гипотетический, предварительный характер. В состоянии сна содержание сновидения иногда может претерпевать некоторые изменения, в зависимости от того, насколько значимыми будут считаться возникающие во время сна соматические раздражения. Что же касается до каких-либо других психологических, внутренних либо внешних, дополнительных источников, то так до конца и не понятно: обязательно ли нам бывает необходимо хоть на мгновение, но проснуться для того, чтобы всё вновь возникшее было воспринято должным образом нашей душевной деятельностью, или же всё может вполне комфортно интегрироваться в существующее сновидение и без нарушения целостности состояния сна?

Зигмунд Фрейд пишет: *«К наиболее влиятельным раздражениям внутреннего свойства относится, несомненно, общее самочувствие субъекта. Оно не обуславливает содержание сновидения, но побуждает последнее производить выбор из материала, который служит для образования сновидения, приближая одну часть этого материала, соответствующего его сущности, и отодвигая другую. Кроме того, это общее самочувствие предыдущего дня тесно связано с психическими остатками, играющими значительную роль в сновидении; причем самочувствие это может сохраниться в сновидении или же оно превращается в свою противоположность в том случае, если оно исполнено неудовольствия».*

В состоянии физической болезни организма самочувствие субъекта

сновидения чаще всего оказывает определяющее влияние на содержание его сновидений. Мысли больного постоянно вращаются вокруг да около всего того, что непосредственно связано с его болезнью. Вся душевная деятельность в первую очередь сосредоточивает свое внимание на восстановлении здоровья организма и его полноценного функционирования. Только лишь по этой причине что-либо может либо стать очень важным с её точки зрения, либо же оказаться в тот момент абсолютно незначительным и несущественным. Всё будет напрямую зависеть от того, насколько душевная деятельность оценит текущую важность чего-либо для организма в данный конкретный момент.

Состояние здоровья предопределяет потенциальные возможности организма человека, от которых напрямую зависят все его душевные способности, возможности и потребности. Весь человеческий организм является взаимосвязанным и взаимозависимым – душа зависит от тела, а тело ещё в большей степени зависит от души. Болезнь одной части непосредственно отражается в какой-то мере на другой, или же является прямой причиной болезни другой. Очень редко бывает так, чтобы человеку в состоянии физической болезни удалось сохранить в полной мере своё душевное равновесие.

Невозможно оставаться совершенно равнодушным к болезненному состоянию своего тела, оставаясь при этом психически совершенно здоровым. Многие тяжёлые физические заболевания часто сопровождаются нарушениями душевной деятельности. Однако, иногда, будучи сильно одержимым какой-либо идеей в течение длительного времени, можно на протяжении некоторого времени не замечать даже какое-то достаточно серьёзное физическое заболевание организма. В таких случаях бывает необходимо испытать какое-то сильное и осязаемое внешнее воздействие, способное вывести человека из этого состояния, и обратить его внимание на возникшие у него проблемы.

d) Типические сновидения

Понимание смысла большинства своих собственных сновидений позволяет в некоторых случаях, – даже и не зная субъекта сновидения, – со значительной долей вероятности угадывать смысл сновидений совершенно незнакомого нам человека, который при этом является членом того же самого общества, к которому принадлежим и мы сами. Чем лучше мы его знаем – тем большее количество сновидений мы оказываемся в состоянии безошибочно истолковать. Причины этого явления кроются в изначальной сходимости наших потребностей, а также в способах и механизмах их удовлетворения, что и имеет своим следствием значительное сходство сновидений в сходных жизненных ситуациях и обстоятельствах.

При существенных культурных различиях между субъектом сновидения и толкователем его сновидения, способности к такого рода успешному дистанционному толкованию значительно понижаются. Для более точного и четкого понимания смысла чужого сновидения, в первую очередь, необходимо в достаточной мере понимать все культурные особенности самого субъекта сновидения, той жизненной ситуации, в которой он в данный момент находится, и окружающего его в тот момент общества.

Зигмунд Фрейд пишет: *«В общем говоря, мы не можем истолковать*

сновидение другого человека, если он не желает выяснить нам бессознательные свои мысли, скрывающиеся позади сновидения; это наносит тяжелый ущерб практическому применению нашего метода толкования сновидений. Однако в противоположность свободной воле индивидуума создавать оригинальные сновидения и тем самым делать их недоступными пониманию других, существует довольно значительное количество сновидений, испытываемых почти каждым в совершенно одинаковой форме; мы привыкли предполагать даже, что они у каждого человека имеют одинаковое значение».

Многие из сновидений, – в том случае, когда они были нам рассказаны достаточно точно и своевременно, – самые свежие и наиболее яркие сновидения, при хорошем знании нами субъекта сновидения, его общего состояния здоровья, каких-либо его семейных проблем, повседневных дел и забот, – что осуществимо лишь в том редком случае, когда это касается каких-либо хорошо нам знакомых или близких к нам людей, – бывают вполне доступны для полного понимания и исчерпывающего толкования без их личного участия. Для успешного толкования нам бывает необходимо знать лишь как можно более полное и достоверное содержание самого сновидения. Если также оказывается, что мы находимся в тот момент в сходных жизненных условиях с субъектом сновидения, тогда со значительной долей вероятности можно утверждать то, что мы оказываемся в состоянии понять и какие-либо из его собственных мотивов и желаний, если таковые имеются среди исходного материала сновидения, исходя из наших собственных познаний о нем, об особенностях его характера и его окружении.

Типические сновидения бывают в состоянии нам рассказать не столько о каких-либо индивидуальных особенностях самого субъекта сновидения, сколько об его актуальных, общечеловеческих, стандартных текущих заботах и его бытовых проблемах. Многие жизненные ситуации, в которых мы оказываемся и которые нам приходится разрешать, в большинстве своем являются стандартными и типическими. Отсюда и проистекает постоянное наличие в нашей жизни некоторых видов однотипных сновидений. В большинстве из них всё происходит как по заранее написанному, стандартному, общечеловеческому сценарию.

К типическим сновидениям относятся также и все те сновидения, в которых мы куда-то спешим и, в большинстве случаев, так и не успеваем, будь то на поезд, автобус или на что-либо иное. Общим и объединяющим их фактором является присутствие во всех этих сновидениях нашего сильного внутреннего ощущения того, что мы очень стараемся и хотим не опоздать, но почему-то чаще всего так и не можем успеть ни при каких условиях и обстоятельствах. Всё в тот момент оказывается против нас. То наши ноги нам совершенно не подчиняются и мы не можем быстро бежать, то поезд движется слишком быстро... Когда же нам в виде исключения всё же удастся успеть вовремя, тогда, скорее всего, это сновидение можно будет отнести к какой-то другой группе типических сновидений.

е) Сновидения о наготе

Сновидения о наготе относятся к той группе сновидений, которые обыкновенно являются эмоционально насыщенными. Вне зависимости от того,

кто в содержании сновидения является не одетым – мы сами или же кто-либо другой, это не может нами восприниматься совершенно равнодушно даже в состоянии сна. Иногда нагота субъекта сновидения является конечной целью – сновидения эксгибиционизма или личного протеста против общепринятых правил и норм; а иногда нагота является лишь промежуточным этапом, всего лишь подручным средством, используемым для достижения вполне определённых, других целей, таких как вступление в интимную связь. Также иногда оказывается возможным и такое, когда нагота в сновидении представляет собой в некотором роде провокацию на ответные агрессивные действия сексуального характера, изначально не имеющую в виде своей конечной цели половой акт.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Сновидение о том, что человек, голый или дурно одетый, разгуливает в присутствии других, наблюдается и без всякого сопутствующего чувства стыдливости. Однако сновидение о наготы интересует нас лишь в том случае, когда вместе с тем субъект ощущает стыд и смущение и хочет убежать или спрятаться и вместе с тем испытывает своеобразное чувство связанности: он не может двинуться с места или изменить неприятную ситуацию. Лишь в этом смысле сновидение типично: ядро содержания его может представлять самые различные вариации и индивидуальные особенности. Речь идет, главным образом, о неприятном ощущении стыда, о том, что субъект хочет скрыть, в большинстве случаев, путем бегства, свою наготу, но не может».*

В качестве материала, который используется при формировании сновидения, где человек *«голый или дурно одетый, разгуливает в присутствии других»* и при этом абсолютно никого не стесняется, могут быть не только лишь желания самого субъекта сновидения, а также и желания кого-либо иного, не обязательно хорошо знакомого субъекту сновидения. Основным моментом такого рода сновидений является то, что субъект сновидения не возражает против таких своих действий, и делает это не в виде своего личного, сознательного протеста, а как нечто вполне обычное и естественное, как будто ему в какой-то момент просто так захотелось себя повести. Это внутреннее ощущение комфорта является основным признаком того, что ситуация, отображаемая в сновидении, не является для субъекта сновидения неприятной и нежелательной. Она чаще всего представляется в таком сновидении вполне желанной и достаточно приятной для него. В сновидении отсутствует явный, видимый и ощущаемый в форме чувства вины или чувства стыда конфликт.

Также в качестве материала, который используется при формировании сновидения, где человек *«голый или дурно одетый, разгуливает в присутствии других»* и при этом никого не стесняется, могут выступать в качестве исходного материала какие-то собственные желания эксгибиционистского характера. Такого рода сновидения чаще всего встречаются у детей в период усиления внешнего воздействия со стороны культурных требований по отношению к ним и, как следствие, возникновение и/или усиление сопровождающего подобные их действия в бодрствующей жизни чувства стыда или чувства вины, которые ранее отсутствовал в такого рода ситуациях.

В том случае, когда субъект сновидения испытывает очень сильное чувство стыда, можно предположить, что не он сам является инициатором возникновения той сцены, которая является источником неприятного для него чувства. Оно для

него является чуждым. Он по каким-либо не зависящим от него причинам просто вынужден терпеть его. Нагота субъекта сновидения в таком случае является вынужденной, и он оказывается не в состоянии оказать сопротивление тому, кто его к ней вынуждает. Ощущение же чувства стыда в сновидении обычно является явным признаком того, что он сам в какой-то мере не одобряет и осуждает свои подобные действия, и внутренне им противится.

Возможно также и такое, что в том случае, когда в сновидении полностью отсутствует чувство стыда, смысл самого сновидения в своей основе не имеет прямой отсылки именно к телесной наготе, а имеет своей конечной целью нечто совершенно иное, что по созвучию может быть чем-то подобным представленному – субъект сновидения захотел в чем-либо открыться или снять с чего-либо покровы и так далее. При наличии в самих размышлениях такого рода завуалированных форм выражения своих намерений и желаний, представляется вполне возможным возникновение внутреннего недопонимания или заблуждения, в котором в этом случае оказывается душевная деятельность при использовании такого исходного материала во время создания сновидения.

Также вполне возможно, что в сновидении такого типа иногда субъект сновидения таким образом выражает свой протест против навязывания ему какого-либо обязательного требования культурного характера по отношению к его гардеробу. Субъект сновидения хотел бы сам определять то, что именно и когда именно ему следует одевать, и какую из частей тела при этом прикрывать, а какую оставлять открытой всеобщему взору. Существующие безальтернативные и безапелляционные требования к гардеробу на улице, в школе, в университете и на работе обычно являются достаточно жесткими, и иногда способны заставить ощутить вынужденно подчиняющегося им индивида сильный внутренний протест.

Возможно, что этот тип сновидений является одним из основных представителей инфантильно обусловленных, типических сновидений, являющихся прямым следствием такого рода естественных культурных конфликтов современного взрослого человека. В основе таких сновидений явно прослеживается нечто похожее на родительско/воспитательно-детское противостояние раннего возраста, когда ребенка насильно приучали ходить одетым, что в то время не всегда было ему совсем удобно и совершенно понятно, а иногда и явно неприятно. Этот неразрешенный конфликт детства иногда так и остается в глубине души субъекта сновидения достаточно актуальным на протяжении всей его жизни. За чувством связанности, ощущаемым в сновидении, вполне возможно скрывается внутреннее нежелание субъекта сновидения подчиниться чьим-то требованиям, и в сновидении он проявляет таким образом свою настойчивость в его проявлении, наперекор всем существующим общественным правилам, требованиям и нормам.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Люди, которых стыдится спящий, по большей части, всегда чужие, с неясными, расплывчатыми лицами. Никогда в этих типических сновидениях не наблюдается, что дефекты туалета, вызывающие такого рода стыдливое чувство, не замечаются и не влекут за собою какие-нибудь последствия. Люди делают, наоборот, совершенно безразличные физиономии или, как я подметил в одном чрезвычайно отчетливом сновидении, носят как бы торжественно чопорные маски. Это наводит на размышление».*

Это скорее всего связано с тем фактом, что по отношению к этим людям, возможным инициаторам таких требований, все эти требования являются и для них самих не совсем удобными и не очень приятными, извне им навязанными, и в какой-то момент произвольно ставшими уже их собственными, внутренними. Эти, теперь уже их личные внутренние потребности, и вытекающие из них желания относиться исключительно таким образом к общепринятым требованиям общества касательно правил гардероба, были в своё время им также против их воли насильно навязаны; они им самим в глубине души неприятны, и они в полной мере так до конца и не идентифицируют себя с ними. Они просто повторяют их, делая это совершенно автоматически, чаще всего даже и не задумываясь над всеми теми конечными целями, которые они преследуют, и не принимая всё с ними связанное близко к своему сердцу. Просто, *«так принято в обществе»*, или *«так установлено в семье»*, или *«так приказано начальством»* на работе. Когда, кем и зачем – никому уже с какого-то момента нет до этого никакого дела. Будьте любезны, пожалуйста, исполняйте всё вам предписанное и нами озвученное без каких-либо возражений, обсуждений и рассуждений.

Именно такие запелляционные и безальтернативные требования чаще всего бывают способны возмутить человека до самой глубины души, и поэтому он до конца своей жизни никогда полностью так и не смиряется со всем этим. Иногда мужчина, находясь в общественном месте, якобы случайно, забудет застегнуть какую-то пуговицу, а женщина почему-то, по-рассеянности, оденет что-то полупрозрачное и так далее и тому подобное. А безразличные физиономии окружающих людей лишний раз подтверждают вышеприведенное предположение о том, что всем окружающим абсолютно всё равно то, каким именно образом кто-то одевается или раздевается в общественном месте. Просто, они со своей стороны не могут этого не требовать – им самим не под силу противиться существующим в обществе правилам или изменить действующие моральные требования и нормы.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Общая связь, в которой проявляются такие сновидения в моих анализах невротиков, не оставляет никакого сомнения по поводу того, что в основе сновидения лежит воспоминание раннего детства. Лишь в детстве было время, когда мы показывались перед нашими близкими, воспитателями, прислугой и гостями недостаточно одетыми и в то время не стыдились своей наготы»*.

В основе таких сновидений, как невротиков так и нормальных людей, лежат не столько воспоминания раннего детства, сколько конфликты раннего детства, непосредственно связанные с подавляющим их обществом вместе с его ограничивающими их личную свободу рамками, нормами и требованиями. Это общество обыкновенно представляется детям в лице их родителей, воспитателей и учителей. Простые воспоминания о том времени часто бывают не доступны в силу того, что в этой области на протяжении всего взросления было слишком много всевозможной борьбы, различных конфликтов и насильно навязанных изменений, которые с течением времени иногда просто заслонили собой весь предшествующий материал, либо его в какой-то мере собой подменили, или же в чём-то его исказили.

В том случае, если что-то просто происходило и при этом не встречало в тот момент перед собой значительных и ощутимых препятствий – мы на всё это тогда не обращали особого внимания, что и явилось причиной того, что в наших

воспоминаниях те события отсутствуют. До возникновения конфликта для нас это были повседневные, обыкновенные, обыденные, типовые действия, которые не заслуживали нашего повышенного внимания, и по этой причине не удостоились длительного хранения. А после возникновения и уже в процессе развития конфликта они приобретают свою значимость, благодаря тому внешнему вниманию, которое уделяется этому вопросу нашими родителями и/или воспитателями. Значимым что-либо становится лишь благодаря тем существенным усилиям общества, которые оно прилагает для достижения своих целей, и тому усиленному вниманию, которое оно уделяет этому важному только лишь для него вопросу. На самом начальном этапе семья, а впоследствии уже и само общество являются основными культурными и моральными корректировщиками и оценщиками, и именно они и устанавливают здесь свои, действующие в тот конкретный момент, правила и требования, и таким образом насильно навязывают ребенку существующую в тот момент в обществе систему моральных ценностей.

Зигмунд Фрейд пишет: *«В рассказах невротиков об их детстве раздевание перед детьми другого пола играет видную роль; с этим тесно связан бред параноиков, будто за ними наблюдают при одевании и раздевании. Среди извращенных личностей есть группа людей, у которой детский импульс превращается в своего рода навязчивую идею, – это эксгибиционисты... Сновидения о наготы суть, таким образом, эксгибиционистские сновидения».*

Вполне возможно, что в основе поведения эксгибиционистов лежит не только лишь эротический подтекст в форме: я покажу тебе своё, а ты покажи мне своё. Вполне возможно, что в их действиях дополнительно проявляется и их внутренний протест против навязываемых им внешних культурных правил поведения – скрывать в обществе свою наготу. Они в своё время так и не смогли полностью смириться с этими стандартными, естественными и обычными требованиями своих воспитателей. Почему это так у них получилось – вопрос к более углубленному анализу событий их детства. Скорее всего, их воспитатели в какой-то момент слишком переусердствовали в своих попытках навязать им эти культурные требования, необходимые для дальнейшего полноценного существования всякого индивида в современном человеческом обществе.

Если же они действительно слишком поспешили, – ведь для успешного изменения привычек необходима заранее разумно определенная скорость и интенсивность внешнего воспитательного воздействия, и эта скорость и интенсивность не являются для всех одинаковыми, – тогда в какой-то момент мог быть нанесен непоправимый урон воспитуемому. В таком случае, говоря образно, что-то могло либо «сломаться» либо «прорваться». Для достаточного успеха в деле привития и дальнейшего развития всевозможных новых общественно полезных навыков и привычек, воспитателю всегда обязательно необходимо обращать своё пристальное внимание на ответную реакцию воспитуемых по отношению к предъявляемым к ним требованиям; необходимо ощущать и своевременно и должным образом реагировать на сопротивление, восприимчивость и податливость подопечных ко всем применяемым по отношению к ним методам воспитательного воздействия.

f) Сновидения о смерти близких людей

*«Мой дядя самых честных правил, Когда
не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример другим наука;
Но, боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же чѐрт возьмет тебя!»*

А.С. Пушкин «Евгений Онегин»

Сновидения о чьей-либо смерти видимо имеют своим конечным смыслом пожелания от кого-то того, чтобы кто-либо «ушел из активной жизни»; иногда, выражаясь образно – просто «ушел из нашей жизни», а иногда так – так и вообще умер. В каком смысле в каждом отдельном случае субъектом сновидения или кем-либо другим предполагались подобного рода желания – необходимо всякий раз тщательно разбираться индивидуально. Но если изначально принять во внимание ту частоту использования некоторыми людьми в своей повседневной жизни в разговорной речи выражений типа «убил бы», «чтоб ты издох», «ты меня этим просто убиваешь», «я этого не переживу», «я погиб» и прочих подобного рода словосочетаний и выражений, не приходится сильно удивляться наличию в некоторых из сновидениях такого рода трагический ситуаций, представляемых субъекту сновидения в полном смысле использованных ранее выражений.

Чем в большей тесноте некоторым людям или семьям приходится проживать или работать, тем выше вероятность естественного, повседневного использования ими подобных выражений во время общения, чаще всего даже и без действительного пожелания и подразумевания наступления таких трагических последствий. Однако, как прямое и естественное следствие таких мыслей, оказывается вполне возможным возникновение подобных неприглядных и бесчеловечных желаний, являющихся основным источником сновидений такого рода. Не будем также забывать и о том, что редкий наследник, думая об ожидаемом его в будущем, потенциальном наследстве, не мечтает в глубине своей души о том, чтобы этот день наступил для него как можно скорее. А наступить такой день может лишь вследствие наступления чьей-то смерти – кого-то что-то ему завещающего. Можно найти массу таких достаточно часто естественным образом возникающих стандартных жизненных ситуаций, которые способны иногда вызывать в душе человека подобного рода деструктивные импульсы или пожелания.

*«Отраднo неожиданно узнать
О смерти старца, чье существованье
Нас, молодежь, заставило вздыхать
О преизрядной сумме завещанья:
Иные тянут лет по двадцать пять,*

*А мы – в долгах, в надеждах, в ожидание –
Даём под их кончину векселя,
Процентами еврея веселя»⁶⁷*

Зигмунд Фрейд пишет: *«Если кому-нибудь снится, что его отец, мать, брат или сестра умирают и если сновидение это сопровождается тяжелыми переживаниями, то я отнюдь не воспользуюсь этим сновидением в качестве доказательства того, что субъект этот именно теперь желает им смерти. Теория сновидения не требует теперь столько; она довольствуется констатированием того, что он желал, – когда-то в детстве – их смерти».*

Сложно сказать, насколько сильно люди в состоянии контролировать все свои желания и чувства. Свои слова и своё поведение поддаются контролю гораздо легче, чего нельзя сказать про свои собственные естественные, спонтанно возникающие желания. За желания нас пока не наказывают, по крайней мере в том случае, если мы ими не делимся ни с кем из своих недоброжелателей и/или потомственных доносчиков, наследников и продолжателей дела Иуды Искарриота, нищих духом, обладающих слабым умом и большим воображением; именно поэтому у нас изначально предполагается полная свобода мысли, но не слова или дела. Общество совершенно ошибочно, наивно предполагает или злонамеренно и преступно, вопреки существующим в своих учёных кругах, целиком оправданным и в необходимой и достаточной мере подтверждённым убеждениям, утверждает и на том настаивает, что мы своими собственными мыслями не в состоянии никому причинить значительного, ощутимого вреда.

А если добавить к этому то, что в своем большинстве люди полностью уверены в том, что их мысли могут быть известны только лишь им самим и никому более, – разве что ещё только Всевышнему, – то часто именно это и способствует тому, чтобы люди в своих собственных желаниях и фантазиях особо не церемонились, и гуманные, моральные и культурные требования общества на эту сферу жизни у них совершенно не распространялись. Это может оказаться «труднодоступной, но достижимой роскошью» только лишь для людей действительно искренне религиозных, если они абсолютно серьёзно относятся к пониманию того, что все без какого-либо исключения их помыслы, замыслы и намерения непременно становятся известны Всевышнему, и это является для них дополнительным сдерживающим и ограничивающим их образ мыслей фактором. О некоторых вещах они по этой причине совершенно не помышляют; они всегда гонят такие и им подобные мысли то себя прочь; они боятся о таком даже и подумать, не говоря уже об имеющих прямое отношение к чему-либо такому какого-либо рода собственных желаниях или намерениях.

Как многим нам уже давно и достоверно известно, иногда наши собственные желания всё-таки осуществляются, иногда даже и без нашего прямого участия. Наши собственные желания, даже те из них, над осуществлением которых в достаточной мере мы иногда и не задумываемся, непременно как-либо влияют на наши действия, пристрастия и оценки. А в состоянии сна они становятся в какой-то мере доступными и объектам наших желаний. И воспрепятствовать этому никому не под силу. Правила формирования сновидений не подчиняются нашим личным пожеланиям, требованиям и капризам. И в какой-то момент, совершенно неожиданно, внезапно, вдруг **«всё тайное становится явным»**, а иногда и общеизвестным. Вначале в сновидении, а потом, спустя какое-то время, если

субъект желаний такого рода не попытается изменить своих взглядов, отношений и намерений, они уже начинают более явно проглядывать в его действиях. Самое главное в жизни человеческого общества, чтобы всевозможные деструктивные пожелания, в случае их естественного возникновения у индивидов, не обретали в достаточной мере все признаки намерений, и они не начинали задумываться об их реализации.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Я не могу оставить рассмотрения типических сновидений и сновидений о смерти близких родных, не сказав несколько слов об их значении для теории сновидения вообще. Сновидения эти представляют собою довольно необычный случай того, что мысль сновидения, содержащая вытесненное желание, не претерпевает влияния цензуры и в неизменном виде переходит в сновидение. На это должны быть особые основания. Я полагаю, что решающую роль играют здесь два момента: во-первых, нет ни одного желания, от которого мы более далеки; мы полагаем, что эти желания «не могут прийти нам в голову даже во сне», и поэтому цензура не сопротивляется им в достаточной мере, все равно как законодательство Солона не выставляет определенного наказания за отцеубийство. Во-вторых, вытесненное и бессознательное желание особенно часто сталкивается с остатками впечатлений предыдущего дня в виду забот о жизни близкого лица. Эти заботы не могут быть включены в сновидение иначе, как через посредство одноименного желания; желание же может быть замаскировано заботой. Если думать, что все это происходит гораздо проще, что ночью в сновидении лишь продолжается то, что начато днем, то сновидения о смерти близких родных будут стоять совершенно особняком от какой бы то ни было теории сновидения, являясь совершенно неразрешимой загадкой».*

Если при взгляде на этот вопрос быть внимательным и объективным, и при этом не быть двуличным, криводушным лицемером или ханжой, не стараться выдать желаемое за действительное, а также иметь достаточно смелости для того, чтобы признать наличие в душе человека не только лишь «разумного, доброго, вечного», но и достаточного количества какой-либо «грязи», – которая с точки зрения некоторых мыслителей и является тем самым естественным и необходимым удобрением для всех действительных человеческих добродетелей, и своим видом и предполагаемыми последствиями в состоянии удерживать многих людей от совершения неблагоприятных поступков, – тогда будет гораздо проще понять мотивацию отдельных людей в некоторых жизненных ситуациях. В каждой семье естественным образом происходит довольно много различных бытовых конфликтов, во время которых иногда говорятся (а мыслятся почти всегда) подобного рода вещи без злого умысла, чувства стыда и особых угрызений совести, а также и без последующего раскаяния. В жизни всё происходит совершенно не так, «как это происходит в кино». Здесь в первую очередь действует не воображение автора, а непреложные и непреклонные законы жизни. И они таковы, что, как бы нам этого не хотелось избежать, но все наши душевные склонности развиваются исключительно в соответствии с ними и в predetermined ими направлении. Этот непреложный факт для некоторых является не очень приятным и приглядным, хотя, при этом, всё же и вполне понятным, но от этого он не может прекратить своего существования... разве что лишь только в их собственном воображении, и то не надолго.

Таким образом, всякому, кто достаточно хорошо знаком со всеми глубинными процессами, происходящими в человеческой душе, сновидения о смерти близких и родных не представляются непосильной, неразрешимой загадкой. У людей, длительное время проживающих вместе, постоянно сосуществующих рядом естественным образом возникают более или менее значительные конфликты интересов, которые разрешать в грубой форме запрещает закон и требования морали; иногда этому препятствуют действительные или предполагаемые негативные последствия, или же человека сдерживает сила оппонента а не прирожденная гуманность человеческой природы.

Человеческой естественной природе врожденная гуманность не свойственна – наполовину мы склонны к животным инстинктам, а на половину тяготеем к «разумному, доброму, вечному». Она в нас есть, но мы имеем возможность по своему выбору ею иногда или всегда не пользоваться. Конечным выбором оказывается за нами – главное не забывать при этом об общественном мнении и муках совести! Многим поначалу кажется, что гораздо проще ни в чем себя не сдерживать и ни в чём себе не отказывать. Но они так думают ровно до тех пор, пока кто-то когда-то почему-то в чём-то «не сдержит себя» по отношению к ним самим, и тогда они искренне и настойчиво начинают говорить о совершённой в их отношении несправедливости и задумываться о мести. Именно поэтому, всё наиболее культурное и цивилизованное в современном обществе происходит под постоянным родительским или общественным контролем. На индивидуальную нравственность пока полагаться не приходится...

г) Сновидения об экзамене

Основой для такого рода сновидений является боязнь возможного наказания, или, как предполагаемый нами конечный результат, неполучение выгоды в результате своего провала, что также является своего рода наказанием. Что именно является наиболее страшным в тот момент для испытуемого в сновидении – зависит от его жизненных обстоятельств, личных качеств и потребностей в то время. Также играет значительную роль и то, насколько в его детстве подготовка к каким-либо экзаменам или испытаниям принималась близко к сердцу окружающими его близкими и родными. Сколько смысла и какого качества требования вкладывались в предстоящее событие, и насколько от его результата зависела вся дальнейшая жизнь.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Каждый, кому приходилось держать экзамен на аттестат зрелости, жалуется на упорство, с которым его преследует сновидение, будто он провалился на экзамене, остался на второй год и т.д. Для обладателя академического диплома это типическое сновидение заменяется другим: ему снится, будто он держит экзамены и даже во сне тщетно восстает против них, говоря, что он уже давно практикует, состоит приват-доцентом или находится на службе».*

В основе некоторых из таких сновидений лежит, прежде всего, собственное противоречивое, двойственное, амбивалентное отношение субъекта сновидения к каким-то его собственным делам, происходящим вокруг него событиям, окружающим его вещам и так далее. С одной стороны, ему хочется чем-то обладать, а с другой стороны – не очень хочется нести существенные и

значительные издержки в виде длительной предварительной подготовки к испытаниям, а также сопутствующих затрат, волнений и переживаний. Все всегда имеет свою цену, и не всегда всякий оказывается готовым её платить. Сновидение в таком случае просто иллюстрирует внутренний, актуальный душевный конфликт субъекта сновидения, который таким образом предопределяет его собственное отношение к цели или объекту своего желания. Отношение его иногда является неоднородным и неоднозначным, следовательно и сам человек в некоторых случаях совершенно не возражает против своей неудачи. Он иногда, несмотря ни на какие сопутствующие потери, и сам не будет возражать против личного поражения, которое в таком случае возможно не так уже и сильно будет расходиться с его собственным желанием.

Нужно также всегда учитывать всю сложность взаимоотношений субъекта сновидения с лицами, прямо или косвенно заинтересованными в его предполагаемом, конечном успехе. Не являются ли именно они главными заинтересованными лицами, и теми, кто более самого субъекта сновидения заинтересован в успешном завершении его испытания? Некоторые люди, даже уже став полностью взрослыми, не становятся при этом в полной мере независимыми и самостоятельными. А быть полностью самодостаточным и независимым, конечно же, хочет каждый взрослый и в достаточной мере развитый человек. И всё же иногда, даже уже будучи достаточно взрослым, человеку приходится, несмотря на все свои собственные пожелания и предпочтения, подчиняться чьему-то выбору, требованиям, решениям, намерениям, часто непосредственно касающихся достаточно значимых и существенных для него вещей. К таким вещам в основном относятся: выбор профессии, проведение личного досуга, предметы личного гардероба, обстановка в доме, причёска и прочее. Всё это является достаточно важным и чувствительным для каждого полноценного и здорового индивида, и любому хотелось бы принимать решения касательно всего этого независимо и самостоятельно.

В детстве ребенок в вопросах личного образования в основном ничего не решет и не определяет. Всё для него изначально предопределено его родителями и воспитателями, и ему в дальнейшем в какой-то форме навязывается. Его мнение и его точка зрения при этом чаще всего совершенно не учитывается. Чаще всего именно родители, родственники и воспитатели являются истинными архитекторами воспитания и образования, а ребенок в их понимании является лишь бессловесным и податливым подручным материалом, не имеющим никакого права самостоятельно определять контуры своего будущего и выбора направления для своего развития. Испытанное в детстве насилие и давление, от последствий которого большинство индивидов в большинстве случаев так и не смогло полностью избавиться в течение всей своей жизни, загнало этот значительный и существенный личный протест глубоко вовнутрь. Поэтому, иногда в преддверии некоторых, по их мнению, навязанных им извне, проверок или испытаний скрытый внутренний протест и ложится в основание определенного рода желаний, которые и используются душевной деятельностью субъекта сновидения при создании сновидений такого типа.

Иногда же при формировании подобного сновидения может играть наиболее значимую роль очень сильное желание какого-нибудь недоброжелателя о том, чтобы субъекту сновидения не удалось справиться с испытанием. В таком

нередком случае собственное желание успеха может нивелироваться более сильным желанием недоброжелателя. Конкуренция и борьба за место под солнцем имеют разные обличья, и не все из них являются моральными, приятными и привлекательными.

Схожесть внутреннего состояния, сила эмоций – полная аналогия по состоянию волнения – также может сыграть в таких ситуациях определяющую роль. Такие сновидения представляются совершенно невыносимыми после спокойного и беззаботного дня. Проанализировав все свои текущие и возможные, предполагаемые, надвигающиеся проблемы и заботы, часто бывает несложно прийти к пониманию всех тех исходных желаний, которые легли в основу такого сновидения. Всё это касается как своих собственных желаний, так и всех тех желаний, объектом которых мы являемся, и предполагать о существовании и смысле которых мы в состоянии лишь благодаря содержанию собственных сновидений и различного рода внутренних, интуитивных ощущений.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Сновидение об экзамене, сопровождающееся страхом и наблюдающееся, как это неоднократно подтверждено, лишь тогда, когда субъекту предстоит на следующий день ответственный поступок или возможность какого-либо постыдного фиаско, избирает своим материалом какой-нибудь эпизод из прошлого, при котором наш страх оказался неосновательным и был опровергнут успешным результатом. Это действительно чрезвычайно яркий пример непонимания сновидения со стороны бодрствующей инстанции. Возражение, приводимое обычно с негодованием: Но я ведь уже доктор и т.д., – представляет собою в действительности утешение, которое приносит с собою сновидение и которое должно было бы гласить: Не бойся завтрашнего дня; подумай о том, как ты боялся выпускного экзамена и все-таки ведь его выдержал. Теперь же ты уже доктор и т.д. Страх же, который мы относим за счет сновидения, происходит из дневных остатков».*

Сновидение всё и всегда прекрасно понимает, что касается своей формы, объекта и намерений, используемых при реализации желания. Оно может ошибиться лишь в том, что кто-то другой иногда подразумевает под некоторыми, имеющими множество различных значений, понятиями – символика, двусмысленность, созвучие, синонимы, внешнее сходство и так далее. Именно это чаще всего и способно внести путаницу в содержание сновидения, и помешать его последующему ясному представлению и быстрому пониманию. Со своими же собственными понятиями никакой путаницы возникнуть не может, так как всё становится совершенно ясным для нас уже при поверхностном взгляде.

Вполне возможно, что в каком-то случае кто-то просто не хочет что-то делать под чьим-то давлением. Нас ведь в детстве часто никто не спрашивал – хотим ли мы чего-либо или нет? Вот и получается иногда так, что хоть и во сне, но проявляется в такой форме этот скрытый внутренний, подавленный, и чаще всего сознательно не ощущаемый протест. Мы в повседневной жизни иногда не смеем противиться и сопротивляться, и бываем вынуждены безоговорочно подчиниться. Во сне же ничто и никто не мешает нам, если нам это очень сильно хочется, реализовать это свое скрытое желание самостоятельно принимать решения и предпринимать предпочитаемые действия.

Действительно ли никто даже и во сне нам не сможет помешать реализовать

свои желания? Может ли кто-то даже во время нашего сна как-то вмешаться в реализацию нами своего желания? Это вопрос уже ранее немного обсуждался, и более подробно будет разбираться в ходе дальнейшего исследования.

Также в создании такого рода сновидений может принимать участие некоторая постоянная или внезапно возникшая внутренняя неуверенность в своей профессиональной пригодности, на которую кто-то когда-то ранее каким-либо образом обратил своё и наше внимание, в особенности, когда в содержании сновидения присутствуют наши оправдания, подтверждения, и дальнейшие указания на свои личные достижения и заслуги. Иногда так бывает, что и нас самих в какой-то момент вдруг посещает некоторое сомнение в своих профессиональных навыках и умениях, что является прямым следствием испытанных неудач в своей деятельности, которых в полной мере избежать не удастся никому и никогда. Здесь, как и во всем, что касается сновидений, важны события предшествующего дня и предстоящие, предполагаемые и мыслимые нами события дня грядущего. Также очень важно то, насколько успешной была наша деятельность в этот день, и что из себя в профессиональном отношении представляют все наиболее активные критики и усомнившиеся в нашей профессиональной пригодности. Не малозначимым представляется также и то, какую конечную цель преследовали всевозможные критики и недоброжелатели; в чём они могли бы быть заинтересованы, поднимая эту тему и придавая ей актуальность?

Зигмунд Фрейд пишет: *«Благодаря аналогичному впечатлению сновидение об опоздании на поезд может быть отнесено к этой же группе. Толкование его подтверждает эту мысль. Сновидения эти заключают в себе утешение в испытываемом во сне страхе: боязни умереть. «Отъезд» – один из наиболее употребительных и понятных символов смерти».*

В детстве мы очень часто не хотим куда-то ехать или откуда-то уезжать – материнскую утробу все новорожденные также покинули не имея на то своего собственного желания и не предпринимая для того своих собственных усилий. Почти все наши дальние поездки в раннем возрасте представляются для нас чем-то вынужденным и безрадостным, и редко вызывают в нас положительные эмоции на начальном этапе. А если они к тому же происходят рано утром либо поздно вечером или ночью, когда ребенку очень хочется спать, то нетрудно понять всю силу внутреннего неприятия и иногда внешне явно проявляемого сопротивления, которое присутствует у ребенка по отношению к таким поездкам.

Совершенно неудивительно то, что многие дети, даже уже став взрослыми, не перестают иногда подсознательно хотеть куда-либо опоздать и таким образом никуда не поехать. Не всегда, будучи уже взрослыми, мы с необходимой легкостью по утрам встаем и куда-либо направляемся, особенно в выходной день. В такой форме вполне возможно и проявляется наше нежелание покидать какое-то уютное место и куда-то ехать. Нам приходится в таком случае только лишь подчиняться внешней необходимости, но вот как-то совершенно случайно, произвольно мы бы скорее всего и не возражали против того, чтобы у нас что-то в конечном итоге не получилось.

Рассматривать как один из источников такого рода сновидений, пожелание или страх смерти я пока не готов. Дети, которые ещё не имеют достаточно четкого понятия о самой смерти, вполне возможно, таким образом и используют

подобную символику и способ представления своего видения, понимания и пожелания смерти кому-либо, что всё-таки слабо применимо, с моей точки зрения, к образу мыслей психически здорового, взрослого индивидуума. У взрослого человека простой отъезд – если это не отъезд на войну или нечто подобное – не вызывает подобных эмоций, ощущений и неприятных ассоциаций. Поэтому сновидения взрослых и сновидения детей, в силу достаточно сильно различающегося их уровня развития, понимания и восприятия иногда могут в значительной мере различаться в своих средствах изображения, используемых ими для выражения своих мыслей.

А возможен ли вообще страх смерти во сне? Скорее всего, именно страх смерти является единственно существенным для нас методом устрашения, способным нас в достаточной мере испугать в сновидении. Ведь иногда даже при боязни не сдать какой-либо экзамен ребенок может испытывать именно подобный этому страх, и в большинстве случаев не совсем безосновательно. Некоторые родители иногда обещают «разорвать», «прибить» или «удавить» своих детей в том случае, если они не будут соответствовать некоторым из мыслимых ими самими или выдвигаемыми обществом стандартам. Своё собственное неудовольствие и разочарование по этому поводу ими вполне может быть вымещено, и часто вымещается, на беззащитном ребенке, чего он очень часто совершенно небезосновательно и опасается.

Способны ли мы испытать какой-либо страх в полной мере, не имея возможности ощутить в тот момент действительную опасность для нас самих? Скорее всего, все наши внутренние ощущения, особенно когда это касается уже вполне взрослых людей, позволяют нам не иметь каких-либо иллюзий о возможных последствиях в случае своей неудачи. Взрослые, в отличие от детей, оказываются в состоянии более точно оценивать происходящее, и предвосхищать последствия от предполагаемой ситуации. Для присутствия внутренней предрасположенности к неполному пониманию или к некорректному пониманию всех потенциальных последствий, необходимо изначальное предположение о возможном благоприятном исходе даже в случае своей неудачи. Таким стимулом иногда выступает наша небезосновательная надежда на защиту, или же на то, что предварительные угрозы были лишь пустыми словами, которые в конечном счёте так и не будут иметь своего воплощения в действии.

Возможно ли в нашем сне проявление какого-либо аффекта, который никогда не был прежде испытан нами в бодрственной жизни? Такого рода аффекты вполне возможны по причине того, что не всё в нашем сновидении изначально предполагается для нас исключительно только лишь нами самостоятельно. В качестве источников сновидения вполне могут быть использованы такого рода желания, в которых мы мыслимся способными к некоторым несвойственным нам действиям, чувствам или эмоциям. В том же случае, когда наше сновидение основано исключительно лишь на наших собственных желаниях, такая возможность представляется маловероятной.

Иногда мы способны привнести в сновидение свои действительные, актуальные эмоции. А способны ли мы испытать в сновидении нечто нам до этого неведомое, чуждое и абсолютно несвойственное, и впоследствии вынести это в виде отчетливых воспоминаний и ощущений из своего сновидения? В подобных случаях, результатом нашего вспоминания сновидения будет некоторое

недоумение. В особенности, если это касается чего-либо такого, об источниках чего мы в тот момент не имеем никакого представления. В том же случае, когда мы вполне понимаем все основные желания, – источники нашего сновидения, благодаря которым мы и оказались способными к несвойственным нам эмоциям и чувствам, – нам вполне будут понятны и все действительные мотивы субъектов желаний. После некоторого размышления станет понятно и то, по каким причинам от нас ожидают чего-либо нам совершенно несвойственного – по собственной ошибке или всё это произошло преднамеренно.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Ко второй группе типических сновидений относятся те, в которых спящий летает, парит в воздухе, падает и т.п. Что означают эти сновидения? Дать общий ответ на это довольно трудно. Они, как мы увидим сейчас, означают в каждом случае нечто другое, – лишь материал ощущений, содержащихся в них, проистекает всегда из одного и того же источника. Из данных психоанализа следует заключить, что и эти сновидения воспроизводят впечатления детства, относясь главным образом к тем подвижным играм, которые так нравятся детям».*

Как правило, сновидения такого типа наиболее часто сняться в детстве, так как именно в детском возрасте мы ещё не всегда способны к самостоятельному передвижению и к самостоятельному преодолению возникающих перед нами препятствий; в жизни взрослого такого рода сновидения встречаются достаточно редко. Взрослые люди, – если не брать во внимание тех, кто имеет непосредственное отношение к полетам на различных летательных аппаратах – самолетах, вертолетах и т.д., – уже, даже в своих мыслях и чувствах, более прочно ощущают под своими ногами почву. Они стали, в каком-то смысле, более «тяжелыми на подъем». Они уже не «летают в облаках» в своих мечтах; всё для них уже стало вполне ясно и достаточно определенно. Им уже сложно представить себя летающими, порхающими, подбрасываемыми или парящими. В том случае, когда такого рода сновидение снится взрослому человеку, я бы не воспринимал его буквально, а оценивал бы это представление скорее как некоторую метафору или иносказание. Мне достаточно отчетливо вспоминается за последние несколько лет лишь одно сновидение, в котором я летал в полном смысле этого слова и ощущения, не прилагая никаких видимых человеческом глазу усилий; я летал без приложения собственных, – так как крыльев в сновидении у меня не наблюдалось, – и каких-либо внешних, – меня с тот момент никто не направлял, не поддерживал и не подталкивал, – физических усилий.

Сновидения о падении имеют более глубокий смысл, и в основном наполнены эмоциями противоположного характера, если сравнивать их со сновидениями о полетах. Если сновидения с полетами и парением, как правило, насыщены положительными эмоциями, то сновидения с падением чаще всего оказываются наполнены страхом. Мы не испытываем в них никакого удовольствия; в таком сновидении нам всё представляется как что-то нам неподвластное, не подконтрольное, вынужденное, неприятное и достаточно опасное. Мы таким образом пытаемся чем-то овладеть, с чем-то справиться, что-то понять или что-то преодолеть.

Я уже упоминал ранее о том, что в раннем детстве мне одно время часто снился сон, в котором я куда-то падал с большой скоростью. В финале этого сновидения я всегда в страхе просыпался. Я не помню чем начиналось это сновидение – вполне возможно, что оно всегда имело одинаковое содержание –

но конец его был всегда один и тот же: падение с ощущением чего-то страшного и приближением чего-то грандиозного, необычайного, невысказанного. Постепенно это сновидение перестало мне сниться, но иногда мне стали сниться такие сны, что мне в финале сновидения бывает необходимо откуда-то с большой высоты спрыгнуть или спуститься, или съехать с горы, и я при этом испытываю чувство неуверенности и страха – интенсивность ощущаемого страха была значительно ниже в сравнении с моим детским сном о падении. Существенно отличается также и сама форма сновидения – в нём каждый раз совершенно новая, непохожая на предыдущую, окружающая обстановка, совершенно другие цели и участники, сходными оказываются лишь их финальные сцены в структурном и эмоциональном отношении – всегда в финале сновидения возникает какое-то непреодолимое для меня препятствие.

Также мне иногда снятся сны, в которых я опаздываю на электричку или на поезд. В большинстве случаев действие в сновидении происходит у меня в деревне, когда я еду домой с дачи или от кого-либо из там проживающих моих знакомых. Иногда такие события являются некоей предысторией для дальнейших гораздо более эмоционально насыщенных действий в сновидении. В том случае, если мне удастся успеть, – что происходит достаточно редко, – самое интересное происходит уже в самом поезде, в электричке, в автобусе и так далее.

Как-то мне приснилось несколько видоизмененное сновидение такого типа, которое имеет все основные признаки сновидений двух различных видов – сновидений в которых мы летаем и сновидений в которых мы куда-то спешим и/или опаздываем. Ниже я приведу его описание и его краткое толкование.

Сновидение: *«Действие происходит у меня на даче в пригороде. Я иду вдоль железной дороги. Мне необходимо успеть на электричку. Скорее всего, я иду от своего знакомого, который там недалеко живёт. В какой-то момент я понимаю, что опаздываю на электричку, и самостоятельно уже не смогу успеть; мне не удастся вовремя попасть на железнодорожную станцию. Мимо меня в этот момент проезжает кто-то на мотоцикле. Их на мотоцикле двое, и они проехали недалеко от меня и не остановились. Я не узнал тех, кто ехал на мотоцикле. Я смотрю на то, как они от меня удаляются. Внезапно дорогу мне пересекает какой-то трактор, который тянет за собой что-то очень объёмное и, как мне кажется, достаточно тяжелое. Я опасаюсь, чтобы он меня каким-либо образом случайно не задел. Он едет несколько правее от меня, и постоянно виляет из стороны в сторону, что создает дополнительную раскачку для привязанного к нему сзади груза, который от этого очень сильно бросает из стороны в сторону. В какой-то момент, совершенно неожиданно, я начинаю бежать всё быстрее и быстрее. Мои шаги становятся всё больше и больше. Я быстро обгоняю мотоцикл с его водителем и пассажиром. Они с недоумением на меня смотрят. Я практически не касаясь ногами земли, можно сказать, лечу в сторону станции. Примерно в сотне метров от неё я останавливаюсь для того, чтобы перевести дух и осмотреться. Мне становится понятно, что я теперь уже точно успею. Вдруг я слышу за собой звук приближающейся электрички. В тот момент я понимаю, что мне всё-таки необходимо немного поторопиться, не то я в итоге опоздаю».*

Толкование: Это довольно-таки любопытное сновидение является представителем сразу двух различных видов типических сновидений –

сновидений, в которых мы летаем и сновидений, в которых мы куда-то спешим или куда-то опаздываем. Судя по окончанию сновидения, так осталось до конца и не понятно – успел я на электричку или нет. Я не видел себя в сновидении садящимся на электричку. Но это в конечном итоге для меня не так уже и важно. Самым существенным в этом случае является то, что в сновидении мои способности резко увеличиваются, вплоть до абсолютно нереального, неземного уровня, что меня в тот момент почему-то несколько не удивляет, а лишь только приятно впечатляет. Я ощущаю в сновидении собственное чрезвычайное эмоциональное напряжение. Но почему-то я так и не добегаю до самого конца, а оставляю некоторую интригу и потенциальную возможность для себя всё-таки опоздать на электричку. До конца так и не понятно – у меня просто не хватило сил, или же это была демонстрация своих потенциальных возможностей всем тем, кто меня не подвёз, и тем, кто попытался мне помешать – виляющий передо мной трактор с привязанным к нему грузом. Вполне возможно, что всё это было лишь результатом моего внезапно возникшего возмущения и последовавшего за ним приступа гнева. Неожиданное, спонтанное возникновение у меня таких экстраординарных способностей без моего собственного желания представляется мне маловероятным. Тем более, что внутреннее ощущение от приложенных значительных усилий присутствовало в сновидении. Главным же результатом является то, что я, несмотря на все видимые внешние помехи и отсутствие какой-либо посторонней помощи, в конечном итоге оказался способен достичь необходимого для себя результата.

В сновидении, как и в бодрствующей жизни, я так до конца и не порвал отношения с теми людьми, с кем, судя по содержанию сновидения, следовало порвать уже давно. Я в какой-то момент внезапно остановился и посмотрел назад, что чётко свидетельствует о том, что мне было ещё небезразлично всё то, что происходило в тот момент у меня за спиной. Значит, неузнанные водитель и пассажир мотоцикла и тракторист были мне знакомы в реальной жизни, и моё отношение к ним было в тот момент нормальным, несмотря на все явные и хорошо мне видимые помехи, создаваемые одним участником, и полное равнодушие и нежелание оказать мне помощь других. От дальнейшего более глубокого толкования я по некоторым причинам пока воздержусь.

Что можно ещё ко всему добавить, так это то, что это сновидение оказалось достаточно ярким примером того, как наша душевная деятельность при создании сновидения использует чьи-либо желания, объектом которых мы являемся, и при этом одновременно с ними, используется и наше собственное актуальное ответное контржелание, направленное на противодействие по отношению к ним. Механизм формирования контржелания/самовнушения/настроения достаточно точно был описан ранее Платоном при его анализе качеств, свойств и особенностей человеческой души:

«Когда же человек соблюдает себя в здоровой воздержанности, он, отходя ко сну, пробуждает своё разумное начало, потчует его прекрасными доводами и рассуждениями и таким образом воздействует на свою совесть. Вождедеющее же начало он хоть и не заглушает вовсе, но и не удовлетворяет его до пресыщения: пусть оно успокоится и не тревожит своими радостями и скорбями благороднейшее в человеке; пусть это последнее без помехи, само по себе, в совершенной своей чистоте стремится к исследованию и ощущению того, что ему не известно, будь то прошлое, настоящее или будущее. Точно

так же человек укротит и яростное своё начало, для того чтобы не отходить ко сну взволнованным и разгневанным...»⁶⁸

Без присутствия в качестве исходного материала сновидения моего собственного желания, предполагающего по мере своих сил противостоять или противодействовать потенциально возможным угрозам со стороны некоторых, хорошо мне знакомых, лиц, мне не удалось бы достичь в своём сновидении необходимого, положительного результата. Сновидения такого типа – это сновидения нашей борьбы, как минимум, борьбы внутренней, душевной, а иногда ещё и внешней; борьбы не всегда успешной, но всегда актуальной на момент сновидения. Борьбы на тот момент неоконченной, с трудно предсказуемыми, до конца пока не ясными последствиями. В вышеприведенном сновидении мне можно с уверенностью говорить только лишь о промежуточном успехе своей борьбы в самом сновидении и, вполне возможно, что и в реальной жизни А полного её окончания, полного успешного завершения не было заметно как в сновидении, так и в реальности. Было видно лишь то, что в этом конкретном случае в значительной мере всё зависит только лишь от меня самого, и только лишь я сам могу помешать себе добиться положительного результата.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Сновидения о падении носят большей частью характер страха. Их толкование у женщин не встречает никаких трудностей, так как они почти всегда символизируют собою «падение», являющееся выражением того, что женщина поддается эротическому искушению. Детских источников сновидений о падении мы ещё не касались; почти все дети падают, – их поднимают и ласкают: когда они ночью выпадают из постельки, няньки их тотчас поднимают и заботливо укладывают обратно».*

Вполне возможно, что в том случае, когда некоторые люди не сильно заняты и озабочены своим собственным выживанием, борьбой за своё существование и/или обучением, развитием, тогда им просто ничего больше и не остается, как постоянно думать лишь о совокуплении, и обо всём том, что с этим как-либо непосредственно связано. Если все основные их естественные и не только потребности регулярно удовлетворяются без каких-либо проблем и задержек, какой из оставшихся человеческих естественных потребностей будет под силу занять собой все остальное свободное время и мысли праздного, скучающего индивидуума?

Важно в этом случае также понимать и то, на основании какой исходной выборки сновидений и какой группы людей были сделаны промежуточные или окончательные выводы. При более узком, ограниченном взгляде на всё происходящее, или же при изначальном предположении об актуальности в тот момент для кого-то действий, направленных на продолжении рода человеческого; или же по причине того, что кто-то, в силу индивидуальных особенностей, постоянно только и думает о получении удовольствия таким образом, и при обсуждении своих интересов использует иносказательное описание всего этого – подобные выводы представляются вполне допустимыми и в достаточной мере обоснованными.

Если женщина постоянно озабочена и непрестанно интересуется интимными вопросами; если она регулярно борется с такого рода искушением – тогда совершенно не удивительно и вполне обосновано понимание источника

сновидения именно таким образом. Хотя, учитывая тот факт, что исходных желаний может быть и несколько, и что наши и все остальные, посторонние желания, объектом которых мы являемся, при их объединении во время представления в виде сновидения, при некотором совпадении описания, могут дать на выходе что-либо подобное, имеет право на существование и такое понимание смысла подобного рода сновидений. Одно падение может быть объединено с другим «падением», хотя эмоции от одного падения будут несколько отличны от эмоций, сопровождающих другое «падение». В таком случае, само «падение» может сопровождаться лишь приятными ощущениями, которые впоследствии могут превратиться в неприятные ощущения – последующее осуждение такого поступка обществом, в случае раскрытия измены, и всевозможные негативные последствия этого в ближайшем будущем.

Ниже я ещё раз приведу уже ранее приводимый мною фрагмент сновидения, который достаточно ясно демонстрирует некоторые из ощущений и эмоций, которые сопровождают такого рода сновидения. Я постараюсь в достаточной мере раскрыть все потенциально возможные источники и мотивы этого фрагмента сновидения.

Фрагмент сновидения: *«Я нахожусь на горе покрытой льдом, с которой мне необходимо съехать вниз. Я там нахожусь не один. С кем я там – я не понимаю и об этом не задумываюсь. Никакого намека на то, кто именно находится рядом со мной – в сновидении не присутствует, и я как-то не обращаю на это внимания. Гора эта достаточно длинная и довольно-таки крутая. Я понимаю, что на такой скорости, которая будет развита во время спуска, я могу разбиться насмерть или переломать себе все кости. Понимание этого внушает мне некоторую неуверенность. А спускаться вниз надо обязательно и только таким образом. Я замечаю справа от себя, низко опускающиеся практически до земли, ветви каких-то деревьев. Я решаю попытаться спуститься не слева по опасному пути, а справа, придерживаясь за ветви деревьев. Я начинаю спускаться вниз, хватаясь за ветки этих деревьев и оказываюсь в каком-то дворе, которого я вначале не видел и где оказаться не планировал ».*

Толкование фрагмента сновидения:

Исходя из того, что я наверху нахожусь не один, но при этом я не в состоянии никого увидеть или как-либо кого-то узнать, можно предположить то, что кто-то из активных участников этого действия желает и остается, так сказать, «за кулисами» сновидения. Эти, невидимые для меня, участники, скорее всего, и явились основной причиной того, что я в этот момент оказался перед таким непростым для самого себя выбором. Но они не имеют никакого желания в самом сновидении ни подтолкнуть меня к чему-либо, ни удержать меня от чего-либо. Они только лишь наблюдают за происходящим, и предпочитают ни во что в тот момент не вмешиваться.

Это было одно из тех редких сновидений такого рода, когда у меня возник, невидимый до определенного момента, выбор, который мне позволил не разбиться во время своего спуска. Это был тот несчастный и довольно-таки удачный выход, в результате которого мой спуск оказался не таким опасным и продолжительным, каким он планировался и для меня предполагался изначально. Направление спуска было значительно изменено уже в самом

сновидении мною самостоятельно (самостоятельно ли?). Однако я всё-таки до конца не уверен в том, что всё было сделано только лишь мною одним; вполне возможно, что мне кто-то каким-то образом в той неприятной и опасной ситуации чем-то помог. И этот мой конечный, доступный выбор, и последовавшие за ним мои действия не позволили привести меня к достижению ожидаемого кем-то от меня результата, который видимо предполагался некоторыми из окружающих меня в тот момент людей, и в котором были заинтересованы скорее всего именно они.

В вышеприведенном фрагменте сновидения как нельзя более отчетливо просматривается нечто напоминающее по своей форме предварительно созданную ловушку, заранее сплетенную паутину, тщательно расставленные силки. Изначальный расчёт был прежде всего на то, что я, следуя своей естественной природе, своим привычкам и наклонностям, непременно приму такое решение: несмотря ни на что спуститься с этой крутой горки со всеми вытекающими последствиями – а, скорее всего, совершенно не думая ни о каких последствиях. Всё было так сделано, чтобы я с самого начала не заметил и/или не догадался о том, что возникшая ситуация является искусственно созданной, и рассчитана она именно на меня. Но я даже в сновидении, – и, вполне возможно, что, впоследствии, в своей бодрственной жизни, – принял альтернативное, не предполагаемое и не ожидаемое от меня решение, и таким образом избежал приготовленной для меня моими недоброжелателями ловушки.

Практически всегда подобные сновидения меня ставят в тупик и вызывают у меня недоумение. Они являются совершенно для меня непонятными в смысле моего собственного влияния на их содержание. В их содержании, как правило, отсутствует какая-либо конкретика. Они практически всегда представляют из себя лишь нечто неопределенное, хотя, при всём этом, оказываются достаточно эмоционально насыщенными. Я после пробуждения не могу найти в самом себе то самое, исходное собственное желание, которое могло оказаться с моей стороны источником для возникновения такого сновидения. Исходя из этого, мне и приходится признать то, что я не являюсь его основным источником. Не мои желания и намерения являются возбудителями подобных сновидений. Это навязанная мне и вынужденная для меня борьба, и не мною самим выбранные и не мною самим воздвигнутые препятствия. И лишь последующие события в моей жизни иногда бывают в состоянии приоткрыть завесу над тайной происхождения таких таинственных и загадочных сновидений. Вполне возможно, что они всегда являются лишь предвестником планируемых и искусственно создаваемых для меня моими «доброжелателями» препятствий, и ожидающих меня в ближайшем будущем неприятностей, которые, судя по всему, уже, в некотором роде, спланированы и приготовлены. И это моё внутреннее ощущение в сновидении ещё не является чем-то моим сознательным, чем-либо обоснованным. Такая общая неопределенность складывается скорее всего потому, что не все исполнители и участники планируемых и создаваемых препятствий в тот момент в достаточной степени посвящены во все детали задуманного, и они сами в тот момент ещё не имеют чёткого представления обо всех конечных целях.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Чем больше занимаешься толкованием сновидений, тем больше убеждаешься в том, что большинство сновидений взрослых имеет в основе своей сексуальный характер и дает выражение эротическим желаниям. В этом может убедиться, однако, лишь тот, кто*

действительно анализирует сновидения, т.е. от явного содержания последних переходит к скрывающимся за ним мыслями: явное содержание никогда не раскроет сексуального характера сновидения».

Всё дело в том, что мы не можем полностью исключить сексуальный подтекст из всех сфер общественной жизни. Нам не под силу просто так взять и «отключить» одну из наших основных естественных потребностей. Мы оказываемся способными лишь в достаточной мере себя сдерживать и контролировать саму форму, время, место и средства для её удовлетворения. Поэтому совершенно неудивительно то, что в нашей повседневной жизни какие-либо вещи иногда имеют для нас некоторый сексуальный оттенок, или подразумевают или предполагают дополнительный, внутренний эротический подтекст. Но, в большинстве случаев, это представляется нам не как что-либо определяющее, а как нечто сопутствующее, иногда присущее и необходимо сопровождающее. Несколько по-иному обстоит дело в том случае, если принимать во внимание всех тех, патологически сексуально-озабоченных индивидуумов, которые именно по этой причине, видимо, и представляют собой категорию лиц с психическими расстройствами⁶⁹ или недостаточно хорошо развитым внутренним самоконтролем.

Нормальному человеку доступны и представляют наивысший приоритет не только лишь мысли и заботы о своем размножении и продолжении рода. Удовлетворение своей половой потребности он не ставит всегда превыше всего, за исключением незначительного промежутка своей жизни, когда человек только лишь пытается овладеть возникшими у него интенсивными влечениями и потребностями. Необходимо также учитывать и то, что понятия нормы являются чрезвычайно расплывчатыми даже в пределах отдельно взятого слоя общества отдельного государства. Также важным источником наполнения содержанием наших сновидений является круг наших актуальных интересов и содержание наших повседневных забот. Если мы постоянно озабочены чем-либо сексуальным и при этом не получаем ожидаемого и желаемого удовлетворения – тогда мы и имеем в большинстве своих сновидений соответствующее всем этим нашим помыслам и желаниям содержание. Иногда же и человек бывает в состоянии своими собственными непреднамеренными действиями или сознательными намеками возбуждать по отношению к себе какие-либо ответные действия или желания, так сказать, провоцировать кого-либо на откровенные, интимные желания, которые впоследствии и могут быть использованы душевной деятельностью при создании сновидений интимного характера.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Ознакомившись с богатым применением символики при образовании сновидений, мы должны задаться вопросом, не обладает ли большинство этих символов одним и тем же раз и навсегда установленным значением, – другими словами, мы испытываем искушение составить своего рода «сонник» нового типа. При этом следует заметить, что эта символика относится не к самим сновидениям, а к бессознательным представлениям народа и может быть констатирована гораздо полнее в фольклоре, мифах, сагах, языке, пословицах и поговорках».*

Наиболее часто подобная символика используется в том случае, когда общественные требования не предполагают или не допускают прямых, четких и конкретных выражений для обсуждения некоторых «болезненных» или

⁶⁹ **Нимфомания** – патологически повышенное половое влечение у женщин, вид гиперсексуальности. (Википедия)

«чувствительных» тем и вопросов. Именно в таких случаях, чаще всего вынужденно, и используется подобная символика. Там же, где нет никакой необходимости в такого рода подмене, обмане и сокрытии действительного смысла – как правило, не возникает существенной необходимости в использовании всякого рода символика. Практически вся сфера эротики в нашем культурном и цивилизованном обществе, в силу достаточно длительных религиозных, культурных и моральных ограничений, непосредственно касающихся этой области, наиболее широко представлена в языке символов. О чем можно совершенно свободно, не опасаясь никаких негативных последствий, практически постоянно говорить открыто и не скрывая истинного смысла, то совершенно не нуждается в каких-либо искажениях, подменах или сокрытиях. Где цензура от нас ничего не требует, и на нас никак не давит – нет никакой необходимости напрягаться, и переносить куда-то в иное место или на иные понятия несвойственный и изначально им не присущий смысл.

h) Сновидения, в которых нам сняться наши уже умершие знакомые либо родственники

«...Наконец, под утро я задремал и увидел сон. Ты знаешь, что утренний сон всегда правдив...»

Феликс Дан «Аттила»

Этого раздела нет в произведении Зигмунда Фрейда. Я решил его добавить по причине того, что сновидения этого типа можно сгруппировать в отдельную группу типических сновидений; они важны по своей уникальной сущности и всегда требуют от нас к себе повышенного внимания. Они никогда не оставляют нас равнодушными, так как в них всегда присутствуют сильные эмоции. Насколько оправдан будет наш повышенный к ним интерес и выделение их в отдельную группу типических сновидений – не так в конечном счете уже и важно. Не будем прежде всего забывать о том, что в нашей душевной жизни не происходит ничего из того, что для нас является совершенно неважным, ненужным или малозначимым. Если наша душевная деятельность в такой форме нам что-либо демонстрирует, это значит лишь то, что нам необходимо на это обратить свое пристальное внимание, и попытаться понять все возможные источники нашего внутреннего беспокойства, тревоги или просто повышенного внимания ко всему этому.

Когда нам снится кто-либо из умерших наших родственников или знакомых, очень важно помнить весь контекст сновидения с этим человеком – хотя бы место встречи и сложившуюся ситуацию. Всё это имеет прямое отношение к тому, что может впоследствии с нами самими случиться; видимо, это может быть нечто такое, в результате чего окажется возможным наступление нашей смерти или чего-то близкого к этому. Скорее всего, что это не является точным, однозначным и непреложным её предвестником, но очень часто нечто таким способом дает нам понять то, что, быть может, смерть скоро будет к нам гораздо ближе, чем это бывает обычно, и нам необходимо, при возможности, быть более осторожными и внимательными, чтобы постараться не допустить её преждевременного наступления. А сам контекст такого сновидения прямо нам указывает на то, от кого или от чего эта гипотетическая опасность нам скорее всего и угрожает. Хотя в таких сновидениях никакого страха смерти нами не ощущается, и они чаще

всего носят характер чего-либо вполне себе позитивного, в них иногда присутствует и значительный неприятный оттенок.

Также существует ещё одна, символическая, метафорическая трактовка сновидений такого типа, так как иногда, выражаясь образно, можно «похоронить» чью-то карьеру, «убить» чью-то надежду и так далее. Так что не всегда в таком случае речь идет исключительно только лишь о чьей-то физической смерти. Это иногда может иметь прямое отношение к гибели чего-то для нас значимого и существенного. В каждом таком случае очень важно внимательно оценивать свои актуальные, наиболее важные текущие заботы и интересы, и сопоставлять их с содержанием своего сновидения, пытаюсь выявить существующую между ними связь.

И всё же, вышеприведенное объяснение природы сновидений такого типа, как может сначала показаться некоторым, носит характер мистический и не совсем соответствует научному подходу. Необходимо всё-таки попытаться найти более четкие, разумные и понятные объяснения сути подобных сновидений. Скорее всего, – помня о том, что не все вокруг нас желают нам только лишь чего-либо хорошего, приятного и удобного, – можно предположить то, что основными источниками подобных сновидений являются какие-то злобные и агрессивно против нас настроенные индивиды, скорее всего, непосредственно с нами знакомые, которые также знали и тех умерших, которые нам приснились, или знали об их существовании и нашем к ним отношении. Именно их сильные пожелания того, чтобы и мы как можно скорее отправились туда же, где, с их точки зрения, могут находиться все уже умершие, и используются душевной деятельностью при создании сновидений такого типа. Таким способом в сновидении реализуется их пожелание того, чтобы мы в ближайшее время как-нибудь смогли «пообщаться» с ранее умершими. Такое сновидение демонстрирует нам и то предполагаемое направление, откуда «доброжелатели» ожидают исполнения своего желания, которое предполагает собой нашу, или для наших начинаний, скорую смерть. Я полагаю, что именно сильные пожелания смерти для субъекта сновидения или для чего-то для него значимого, исходящие от кого-либо из его близких, знакомых или родственников, – общих с приснившимся умершим, – лежат в основе всех подобных сновидений.

Сновидение (встреча с не так давно умершим знакомым)

Я встречаю у входа в дом (многоквартирный) своего давнего знакомого. Выглядит он отлично; он одет «с иголочки» во всё новое, выглаженное. Я его прошу немного задержаться – мы давно с ним не виделись, и мне хотелось бы пообщаться с ним. Я всегда при встрече с ним на некоторое время задерживался, и мы вместе разговаривали о каких-то своих заботах и делах. Он со мной соглашается. Мы с ним отходим на парковку для автомобилей, которая расположена перед подъездом дома, немного левее. Он там решил припарковать свой мотоцикл. Сделал он это почему-то слишком резко и достаточно небрежно; настолько небрежно, что его мотоцикл стал вплотную с другим мотоциклом, ударившись при этом об него и незначительно повредив его в результате этого. О чем мы с ним говорили я не помню. Спустя некоторое время он ушел.

Толкование:

Я в том доме жил в детстве и юности, и с этим знакомым начал общаться уже будучи достаточно взрослым – он был на несколько лет младше меня. В детстве и в юности даже незначительная разница в возрасте играет немаловажную роль, и мы иногда совершенно не замечаем всех тех, кто в то время несколько младше нас самих; мы в раннем возрасте чаще всё же смотрим вверх и вперед, на более старших наших родственников, товарищей и знакомых. Я в том доме уже давно не живу и бываю там довольно-таки редко; там живет моя мать, к которой я иногда захожу в гости или при необходимости. В последние годы я очень редко встречал этого своего знакомого. Он в течение нескольких последних лет жил и работал за границей, и по этой причине не очень часто приезжал домой – всего лишь пару раз в год. Он скоропостижно скончался от каких-то проблем с сердцем четыре или пять лет тому назад. Насколько я помню, на своё сердце он никогда не жаловался, и видимых проблем со здоровьем у него в то время не было. Хотя, вполне возможно, что он просто не хотел об этом распространяться и обсуждать актуальные вопросы непосредственно касающиеся своего здоровья с малознакомыми или недостаточно близкими людьми.

В то время, которому соответствует это сновидение, я стал невнимательно и неаккуратно водить свой автомобиль. Иногда, – наверное, гораздо чаще, чем мне этого хотелось, – у меня стали возникать предъаварийные или конфликтные ситуации на дороге. Не нужно слишком много ума для того, чтобы понять то, что дальнейшее развитие такой тенденции имеет своим прямым следствием какое-либо дорожное происшествие с неизвестным и неприятным для меня исходом. Судя же по тому, что в моем сновидении при возникновении подобного происшествия присутствует уже скоропостижно скончавшийся человек, – а смерть в результате дорожно-транспортного происшествия также можно отнести к внезапным, скоропостижным смертям, – исход гипотетического происшествия намечается трагический.

Это было толкование сновидения исходя из его общего смысла. Теперь проанализируем данное сновидение, разделив его на фрагменты, и посмотрим, изменится что-либо или возможно что-то добавиться к общему его пониманию.

1. *Я встречаю у входа в дом (многоквартирный) своего давнего знакомого.* – Хотя мы и были с ним давно знакомы, но я к нему в гости никогда не заходил и он ко мне также. Наше же общение в основном сводилось к непродолжительным разговорам обо всем и ни о чем при нечастых встречах. Мы с ним никогда не созванивались и вместе не отмечали никакие праздники. Просто были хорошими знакомыми – соседями по дому. Незадолго до его смерти я его встретил у того дома – он тогда приезжал в гости к своей матери. Мы с ним немного пообщались, и я его уговаривал возвращаться домой на постоянное место жительства; советовал ему заниматься своим бизнесом здесь.
2. *Выглядит он отлично; он одет «с иголочки» во всё новое, выглаженное.* – Он всегда хорошо и аккуратно одевался; я никогда не видел его грязным или оборванным. Алкоголь он не употреблял, по крайней мере, я его сильно пьяным никогда не видел. Главное отличие его одежды в сновидении от реальной жизни было в том, что он обычно такого типа одежду не носил – в сновидении на нем был строгий костюм,

чего я за ним никогда в жизни не замечал, что также ещё менее всего сочетается и с тем фактом, что по контексту сновидения он подъехал к дому на мотоцикле. Хотя, обыкновенно, покойников одевают именно так, как он был одет в сновидении – в строгие костюмы.

3. *Я его прошу немного задержаться – мы давно с ним не виделись, и мне хотелось бы поговорить с ним. Я всегда при встрече с ним на некоторое время задерживался и мы вместе разговаривали о каких-то своих заботах и делах. Он со мной соглашается.* – Мне всегда было приятно общаться с ним. Он был достаточно грамотным, здравомыслящим и трудолюбивым человеком. Он всегда хотел в своей жизни очень многого достичь; был очень открытым и общительным.
4. *Мы с ним отходим на парковку для автомобилей, которая расположена перед подъездом дома, немного левее. Он там решил припарковать свой мотоцикл. Сделал он это почему-то слишком резко и достаточно небрежно; настолько небрежно, что его мотоцикл стал вплотную с другим мотоциклом, ударившись при этом об него и незначительно повредив его в результате этого.* – Он на мотоцикле при мне никогда не ездил. У него, насколько я помню, в бытность его проживания в этом доме, не было даже машины. Я вообще не имею никакого представления о том, как он относится к мотоциклам – нравилось ему на них ездить или нет. Я с ним на эту тему никогда не разговаривал. Сам же я, наоборот, часто владел мотоциклами и очень любил с ними возиться и на них кататься. Иногда я попадал и в дорожно-транспортные происшествия на мотоцикле. Примерно таким же образом, как он припарковал в сновидении свой мотоцикл, я и сам как-то умудрился отличиться/опозориться перед своими знакомыми. Я как-то в юности однажды «эффектно» подъехал к компании своих одноклассников, стоящим около дома у стола, и, случайно, поскользнувшись при торможении вместе с мотоциклом, положил его резко на бок – попросту сказать – аккуратно упал, правда успев при этом с него соскочить, и сделать такой вид, что я именно так всё изначально и задумывал. Сейчас у меня нет мотоцикла. Я продал его примерно за три года до этого сновидения. На момент продажи я им практически не пользовался уже на протяжении двух последних лет, поэтому я и решил его продать, чтобы он не стоял у меня без дела и не занимал свободное место.
5. *О чем мы с ним говорили я не помню. Спустя некоторое время он ушел.* – Обычно мы с ним разговаривали о каких-то своих текущих и будущих, возможных, ожидаемых достижениях. Попросту говоря, немного фантазировали и хвастались друг перед другом своими нынешними или предполагаемыми перспективами. Последний раз я его видел незадолго до того, как я купил себе новую машину, которая в тот момент мною уже была заказана, а я ожидал её прибытия, о чем ему вскользь и упомянул при нашей встрече. Он порадовался за меня, после чего я спросил у него – почему он не хочет заниматься бизнесом здесь, у себя дома, на что он ответил – что не всё так уже и просто, и если бы была у него такая возможность, то он непременно бы ей воспользовался. Потом его позвали к себе его знакомые – у них намечался какой-то банкет – и он

ушел. Больше я его не видел. Спустя несколько месяцев он скоропостижно скончался от каких-то проблем с сердцем. Ему было чуть более сорока лет.

Если идти по каждому из фрагментов сновидения до самого конца, как рекомендует З. Фрейд, то мне недолго таким образом дойти и до каких-нибудь воспоминаний из своего раннего детства. Вспоминая то, как я катался на своём мотоцикле, я постепенно приду к тем воспоминаниям, когда меня маленького возили на мотоцикле; потом я обязательно вспомню то, как я видел своих взрослых родственников, которые ездили на мотоцикле и так далее и тому подобное. Однако, я этого здесь делать всё-таки не буду, так как в самом сновидении нет никакого намека на какой-либо, изначально присущий его содержанию, инфантильный оттенок. Весь его смысл представляется для меня достаточно понятным. Такого типа сновидения для своего общего понимания чаще всего не нуждаются в глубоком анализе, и основные цели и намерения становятся понятными даже после поверхностного анализа.

В этом сновидении явно прослеживается и достаточно четко представлена прямая связь между мото/авто техникой, неаккуратным вождением и скоропостижно скончавшимся молодым, здоровым человеком. Видимо, некто из моих недоброжелателей сильно пожелал для меня того, чтобы я как можно скорее увиделся и пообщался со своим давним знакомым. Это его пожелание было основано на предполагаемом им моём неаккуратном и невнимательном стиле вождения. Появление в сновидении мотоцикла прямо свидетельствует также и о том, что мой недоброжелатель очень хорошо знает о моём интересе к мотоциклам, и ему очень хотелось бы, чтобы мой интерес к ним не ослабевал, и как можно скорее привел бы меня к им ожидаемому, желаемому и предполагаемому, трагическому для меня концу. Печальному для меня и радостному для него. Всё-таки на мотоциклах люди погибают в дорожно-транспортных происшествиях гораздо чаще, чем на автомобилях.

Ниже я приведу фрагмент ещё одного сновидения, в котором мне приснилась не так давно умершая моя соседка по даче, с которой в своё время у меня были достаточно неплохие, добрососедские отношения. Таким образом, мне с интервалом в несколько месяцев приснились умерший сосед по дому в предыдущем сновидении и умершая соседка по даче в следующем сновидении.

Наша дача во время войны в течение нескольких месяцев находилась на линии соприкосновения воюющих сторон, в, так называемой, «серой зоне», следствием чего и явилась достаточно сильная «загрязненность» близлежащей и непосредственно прилегающей к ней территории всякими взрывоопасными предметами – минами, неразорвавшимися снарядами и прочими грустными и печальными «сюрпризами», которые обыкновенно и сопровождают всякие военные действия и конфликты. Местность вокруг дачи на тот момент не была проверена саперами и, при необходимости, в необходимой мере разминирована, поэтому и все прогулки на прилегающей территории можно было осуществлять только лишь на свой собственный страх и риск.

Кому-то в какой-то момент может так показаться, что я очень часто упоминаю кого-то, желающего мне смерти и что видимо у меня присутствуют какие-то с этим проблемы – что-то напоминающее по своей форме паранойю, манию преследования. Постараюсь, насколько это мне под силу, развеять все возможные

сомнения в моём психическом здоровье, если таковые у кого-либо вдруг возникли во время чтения моего исследования. Давайте попытаемся найти около себя хоть одного человека, к которому бы все его знакомые и не только испытывали исключительно только лишь положительные чувства. Такого, к сожалению, скорее всего ни у кого не найдётся. Я также предполагаю, что пожелания смерти представляют собой наличие проблемы у самого субъекта желания. У объекта его желания возникнут некоторые проблемы только лишь в том случае, когда он от пожеланий перейдёт к воплощению в жизнь всего желаемого и задуманного. Поэтому, такая патологическая ненависть по отношению ко мне представляется мне как существенная психологическая проблема у субъекта такого желания, а никак не у меня самого. Все эти сновидения совершенно не мешают мне жить; они не вызывают во мне какое-либо чрезмерное беспокойство и не нарушают моего душевного равновесия. Я в таких случаях просто констатирую факт того, что у кого-то, видимо, происходит в тот момент очередное, может быть что и сезонное, обострение и ничего более, или в жизни у кого-то началась «чёрная полоса» и виновными в этом оказываются все кто угодно, только не субъект такого деструктивного желания. В конечном счёте, что на это могло повлиять – для меня не так уже и важно. Я в своей жизни и повседневной деятельности в первую очередь ориентируюсь на более значимых и здоровых индивидуумов; больными и неполноценными пускай занимаются врачи, а преступниками и злоумышленниками – правоохранительные органы. Мне всё это жить совершенно не мешает, и меня это никак дополнительно не напрягает и ни в чём меня не ограничивает; и пока всё находится на уровне фантазий и мечтаний:

«Пуцай помечтают, авось им от этого полегшает...»

Фрагмент сновидения: «...Я приезжаю на дачу. Со мной приехал муж моей родной сестры и его родной брат, а с ними вместе ещё кто-то. Мы приехали затем, чтобы немного подремонтировать дом на даче после обстрелов. Я смотрю на дом и вижу, что фронтонов нет вообще. Их кто-то пытается забивать досками и закрывать линолеумом. Половину уже закрыли, а для остального не хватает необходимого материала. Я вспоминаю, что привозил когда-то на дачу какие-то доски... Я у входа на дачу, у калитки двора. Мы что-то выгрузили из машины... Я вижу кусок сухого дерева, каштана, который лежит на дороге, перегородив собой значительную часть дороги. Я его беру и оттягиваю в сторону, тем самым освобождая проезд... Потом я подхожу к соседнему с моим огороду и вижу, что у моей соседки по даче огород в очень хорошем состоянии, ухожен – она умерла более чем за год до того, как мне приснилось это сновидение; я её буду называть тетя К.; на момент смерти ей было более 80-и лет. Я отчетливо слышу её голос и вижу, что она стоит на другой стороне огорода, возле самой речки, и просит меня её подождать. Я её жду. Она подходит ко мне, берет меня за руку и ведет меня куда-то в сторону моего дома... Я нахожусь в каком-то сарае. Вместе со мной там находится какой-то человек, судя по моему к нему отношению в контексте сновидения, достаточно хорошо мне знакомый, но я не могу понять кто это такой; он спрашивает у меня о том, когда я собираюсь отдавать ему долг. Он почему-то называет себя представителем и/или правопреемником моей соседки (тети К.), которой я, как оказывается, должен какую-то сумму денег, которые занимал у неё когда-то давно для покупки машины. Я соглашаюсь с тем, что я должен деньги соседке, но никак не могу понять, почему я не могу отдать долг ей сам лично – я же только что её видел и с ней разговаривал?

Он говорит мне, что помимо всего прочего я и ему должен деньги. Я сначала отказываюсь от этого, а потом вдруг вспоминаю, что я действительно ему должен что-то около одной тысячи долларов. Я обещаю ему в ближайшее время отдать весь долг. В уме я просчитываю то, каким образом и на чем мне необходимо сэкономить для того, чтобы рассчитаться со всеми своими долгами. Я спросил его о том, в какой валюте ему его долг отдавать. Он сказал мне, что отдавать необходимо в долларах. Я согласился. Я хочу как можно скорее расплатиться со своими долгами и больше об этом не думать...»

Толкование фрагмента сновидения:

Самым интересным и занимательным в данном сновидении является для меня тот факт, что я в сновидении безропотно соглашаюсь со всеми предъявляемыми ко мне долговыми претензиями, хотя в действительности, они не являются обоснованными и реально существующими. Я всем этим людям ничего не должен, – а с одним из них, по моему мнению, дело обстоит как раз-таки наоборот, – вдобавок ко всему, тетя **К.** более года тому назад уже умерла и на тот момент я ей ничего не был должен. И всё же, несмотря на видимую абсурдность самого содержания, я в этом сновидении вполне нормально воспринимаю тот факт, что она жива и я ей что-то должен. Меня лишь несколько возмущает тот факт, что кто-то другой пытается получить деньги за неё в то самое время, когда она находится рядом. Я с этим даже в сновидении не согласен.

В сновидении я увидел свою соседку за огородом со стороны речки – она меня позвала оттуда и сама оттуда ко мне подошла. Судя по всему, – даже без учёта содержания сновидения, – вся местность возле речки сейчас представляется достаточно небезопасной для прогулок. У нас там шли бои, и местность достаточно сильно засорена различного типа взрывоопасными предметами. Движение в том районе рекомендовано только лишь по проверенным и очищенным дорогам. Ни по обочинам, ни по полям, ни по лесам, ни около прудов или речек в целях собственной безопасности не рекомендовано ходить до полного разминирования всей местности. Ни у нас на даче, ни около неё – огород, речка, гора – на тот момент саперы разминированием не занимались. Видимо, как кому-то так показалось, что именно возле самой реки и может присутствовать наибольшая опасность – там высокая трава и будет достаточно сложно увидеть то, что находится под ногами. Скорее всего, некто из достаточно хорошо знающих меня и не питающих по отношению ко мне добрых чувств, и, при этом, неплохо знающих мою соседку, очень сильно захотел того, чтобы я во время своей поездки на дачу каким-то образом оказался там же, где уже находится моя соседка – в ином мире, где бы заодно и пообщался с ней. Проще говоря: кто-то хотел бы того, чтобы я во время своего посещения дачи, как-нибудь совершенно случайно на чём-нибудь подорвался с летальным исходом.

Скорее всего, видимое желание того, чтобы я на даче что-то отремонтировал, исходит от совершенно другого человека. Пожелание мне смерти и пожелание от меня выполненной работы имеют различных заинтересованных в этом людей, хотя, вполне возможно, что и знакомых между собой. Четкого свидетельства того, что эти различные желания имеют один и тот же источник в сновидении не присутствует.

Это было толкование сновидения исходя из его общего смысла. Теперь проанализируем данное сновидение, разделив его на фрагменты, и посмотрим, что из этого получится.

1. *Я приезжаю на дачу. Со мной приехал муж моей родной сестры и его родной брат, а с ними вместе ещё кто-то. Мы приехали затем, чтобы немного подремонтировать дом на даче после обстрелов.* – Я на момент приснившегося мне сновидения не собирался ехать на дачу для того, чтобы там что-то приводить в порядок после обстрелов. С учетом того, что в тот момент я не рассматривал её как то место, где я буду проводить своё свободное время в ближайшем обозримом будущем, я не видел никакого смысла тратить своё время, силы и средства на создание там каких-либо условий для своего или чьего-либо комфортного отдыха. Я в то время только лишь собирался поехать в том направлении со своим знакомым для того, чтобы ему немного помочь, и, заодно, может быть сходить и посмотреть на дачу. Вместе с собой для выполнения работы мой знакомый хотел и/или не возражал бы взять для помощи себе и моего зятя, если это будет возможно.

2. *Я смотрю на дом и вижу, что фронтонов нет вообще. Их кто-то пытается забивать досками и закрывать линолеумом. Половину уже закрыли, а для остального не хватает необходимого материала. Я вспоминаю, что привозил когда-то на дачу какие-то доски...* – В районе моей дачи на протяжении нескольких месяцев проходила линия фронта, и в тот момент прошел уже месяц, как войска ушли оттуда. Фронт переместился и боевых действий там уже не было.

С учетом того, что в последние несколько лет я на даче не занимался никакими ремонтами и стройками, и вообще очень редко туда приезжал, у меня в тот момент не было абсолютно никаких мыслей в отношении какого-либо возможного ремонта тамошних построек. Это мне тогда было совершенно не интересно, так как я в тот момент не являлся владельцем этого участка и/или собственником дома. Видимо, кто-то из нынешних хозяев в глубине души хотел бы того, чтобы я поехал и привел там всё в порядок, как это происходило ранее. Также в сновидении присутствует достаточно интересное созвучие – линии **фронта** нет и **фронтонов** у дома нет.

3. *Я у входа на дачу, у калитки двора. Мы что-то выгрузили из машины...* – О том, что все постройки, находившиеся около входа на участок, и часть прилегавшего к ним забора либо сгорели либо же были разбросаны вокруг, нам рассказала наша соседка, которая в то время к нам на дачу несколько раз заходила. После обстрелов калитки и части забора точно уже нет; всё это или сгорело или куда-то в сторону было отброшено взрывной волной. Немного непонятно для меня лишь то, что впоследствии оказалось так, что проезд перегорожен упавшим куском дерева, а мы перед этим как-то ухитрились туда заехать.

4. *Я вижу кусок сухого дерева, каштана, который лежит на дороге, перегорев собой значительную часть дороги. Я его беру и оттягиваю в сторону, тем самым освобождая проезд...* – Этот каштан я сам в детстве посадил и за ним некоторое время ухаживал. Мне было его жалко – выросло уже довольно-таки большое дерево за более чем тридцать лет. Мне

сказали, что взрывом его обрезало почти под корень и оно там рядом лежит (в действительности его обрезало приметно наполовину). Оно росло недалеко от входа на дачу, и для полноценного доступа на участок, – как я себе тогда представлял последствия обстрелов, – необходимо было бы его убрать с дороги.

5. *Потом я подхожу к соседнему с моим огороду и вижу, что у моей соседки по даче огород в очень хорошем состоянии, ухожен – она умерла более чем за год до того, как мне приснилось это сновидение; я её буду называть тетя К.; на момент смерти ей было более 80-и лет. Я отчетливо слышу её голос и вижу, что она стоит на другой стороне огорода, возле самой речки, и просит меня её подождать. Я её жду. Она подходит ко мне, берет меня за руку и ведет меня куда-то в сторону моего дома... – Тетя К. – моя соседка по даче. Она умерла около года тому назад. Последние годы своей жизни она огородом занималась всё меньше и меньше – сил у неё на это уже не хватало. В сновидении она меня позвала, когда сама находилась в тот момент около речки – я предполагал, что именно там сейчас ходить наиболее опасно. Вполне возможно, что там есть что-либо из неразорвавшегося во время обстрелов, или во время какого-либо дистанционного или обыкновенного минирования. Именно этот фрагмент сновидения для меня представляется наиболее важным и значимым из всего содержания сновидения.*

6. *Я нахожусь в каком-то сарае. Вместе со мной там находится какой-то человек, судя по моему к нему отношению в контексте сновидения, достаточно хорошо мне знакомый, но я не могу понять кто это такой; он спрашивает у меня о том, когда я собираюсь отдавать ему долг. Он почему-то называет себя представителем и/или правопреемником моей соседки (тети К.), которой я, как оказывается, должен какую-то сумму денег, которые занимал у неё когда-то давно для покупки машины. Я соглашаюсь с тем, что я должен деньги соседке, но никак не могу понять, почему я не могу отдать долг ей сам лично – я же только что её видел и с ней разговаривал? Он говорит мне, что помимо всего прочего я и ему должен деньги. – Сарай перед нашим домом, со слов нашей другой соседки, сгорел полностью. Остался лишь второй сарай, капитальный, в котором у нас в свое время содержались всякие домашние птицы и кролики. Я его построил вместе со своими знакомыми. Здесь может проследиваться моё желание того, чтобы у меня на даче было как можно меньше разрушений в результате обстрелов. Человек в сновидении, который требует у меня деньги в счёт долга, немного напоминает мне своей внешностью одного моего старого знакомого М., с которым мы когда-то давно, в течение нескольких месяцев, совместно занимались предпринимательской деятельностью. К тете К. он не имеет никакого отношения, и, скорее всего, он даже её не знает. Тот факт, что М. требует от меня возратить долг прямо свидетельствует о том, что в действительности у него имеются по отношению ко мне какие-то, на тот момент не предъявленные, финансовые претензии. На чём основаны его претензии – я могу только лишь догадываться. Хотя, одной из версий, – достаточно правдоподобной и имеющей право на жизнь, – для возникновения исходного желания у М. является следующая: «Некогда ранее, когда мы с ним вместе занимались предпринимательской деятельностью, мой знакомый М. с одной*

своей знакомой женщиной с ПСО⁷⁰, закрепив накануне своё сотрудничество во всех возможных, посильных и доступных позах и сферах, отдыхая от праведных трудов, как-то решили кого-то обмануть. Обмануть не для того, чтобы заработать денег, – денег у них было и так предостаточно, – а просто так, ради развлечения, – вполне возможно, что им это посоветовали или настоятельно порекомендовали со стороны, а они не смогли отказаться. Может быть им в этом решил помочь наставник (сутенер) его знакомой женщины с ПСО, каковые (наставники) у них обязательно имеются, и их в своих интересах постоянно используют и нещадно эксплуатируют. И вот этот **М.** вместе со своей знакомой женщиной задумали – я полностью всю их мошенническую схему описывать пока всё же не буду – обмануть своего наивного, добродушного, доверчивого и неплохо к ним относящегося знакомого. Но в какой-то момент они почему-то решили не доводить всё ими задуманное и так успешно начатое до своего логического конца – что-то в какой-то момент их остановило или напугало; вполне возможно, что они когда-то, в перерывах между утехами, прочитали в журнале «Мурзилка»⁷¹ о том, что в уголовном кодексе существует статья о мошенничестве, – именно под её действие и подпадает всё ими задуманное и предпринятое, – которая предусматривает в виде наказания лишение свободы на некоторое время для таких предприимчивых, безнравственных и беспринципных деятелей как они. И тогда прощайте сауны, песочницы, девушки с ПСО, «Мурзилки», «Весёлые картинки»⁷² и прочие большие и маленькие радости недалёкого, ничтожного, аморального и безнравственного человека. Вполне возможно, что их в какой-то момент остановило внутреннее ощущение того, что не всё и не всегда может сходить им с рук, и когда-то всё же придется отвечать за все свои «подвиги», а этого так не хочется. Мне в данный момент достаточно сложно сказать, что именно в какой-то момент встало у них на пути, – страх возможного наказания у обоих, чувство стыда у девушки или муки совести у **М.**, – или время покажет, или кто-то со временем сам расскажет. Но что я могу констатировать совершенно точно, так это то, что на протяжении почти десяти лет они более не предпринимали никаких активных, видимых для меня попыток продвинуться в завершении всех тех своих первоначальных преступных замыслов и начинаний. Но тот факт, что этот знакомый **М.** мне приснился, и в сновидении он требует с меня какие-то деньги, прямо свидетельствует о том, что полностью они от своей затеи так и не отказались. Или же, – что наиболее вероятно, – они-то сами может быть уже давно от всего отказались, а вот наставник его знакомой женщины с ПСО не отказался, и всё ещё иногда, – возможно тогда, когда у него возникают финансовые трудности, – к **М.** по этому вопросу вновь обращается». Тот факт, что в сновидении этот знакомый **М.** внешне непохож на самого себя, прямо свидетельствует о том, что в данном случае он действует не самостоятельно, и им кто-то манипулирует в своих собственных интересах, а он не в состоянии от этого полностью избавиться.

7. Я сначала отказываюсь от этого, а потом вдруг вспоминаю, что я действительно ему должен что-то около одной тысячи долларов. Я обещаю ему в ближайшее время отдать весь долг. В уме я просчитываю то, каким образом и на чем мне необходимо сэкономить для того, чтобы

70 ПСО – пониженная социальная ответственность (индивидуум легкого поведения)

71 *Мурзилка* – детский журнал, издававшийся в СССР в 80-е годы 20-го века.

72 *Веселые картинки* – детский журнал, издававшийся в СССР в 80-е годы 20-го века.

рассчитаться со всеми своими долгами. Я спросил его о том, в какой валюте ему его долг отдавать. Он сказал мне, что отдавать необходимо в долларах. Я согласился. Я хочу как можно скорее расплатиться со своими долгами и больше об этом не думать ... –

Второй из возможных версий для возникновения исходного желания у **М.** (получить от меня деньги, которые я ему якобы должен) выглядит следующая: «С этим моим знакомым **М.** у меня в недалеком прошлом, были некоторые финансовые разногласия. Как-то раз я обратился к нему с предложением заняться совместным бизнесом – моя идея и основной труд, а его финансовые вложения; права на имущество и все будущие доходы мы планировали разделить пополам. Вложенные им деньги предполагалось постепенно вернуть ему в полном объёме. Он некоторое время настаивал на том, чтобы ему принадлежала большая часть будущих доходов, так как его риски являются более значительными из-за того, что он рискует своими деньгами, но в конечном итоге он нехотя согласился на половину. Спустя некоторое время, когда наш совместный бизнес уже начал неплохо развиваться, как-то в понедельник утром, придя на работу, я обнаружил вместо склада с техникой пустое помещение. Всё нами купленное оборудование было кем-то оттуда куда-то вывезено. Ключи от помещения были только у него и у меня, а никаких следов взлома не было обнаружено. Я сходил на проходную и мне там рассказали, что на выходных мой знакомый **М.** всё со склада вывез в неизвестном направлении. Мне он об этом ничего не сказал, никаких претензий или ультиматумов перед этим он мне не предъявлял и ничего подобного со мной не обсуждал. Для меня это было полной неожиданностью, в полном смысле, «как снег на голову». Я ему позвонил, но он не выразил желания встретиться со мной и поговорить. Неожиданный и несогласованный вывоз всего он мотивировал тем, что так как всё было куплено на его деньги, то он имеет полное право распоряжаться всем по-своему усмотрению и без согласования со мной. То, что некоторая часть оборудования была куплена уже на доходы от совместной деятельности, к которой я лично приложил немало своих сил, он почему-то не захотел учитывать. Ко мне туда он ни разу так и не приехал, и мы с ним обо всём этом больше никогда не разговаривали. Никаких финансовых претензий он ко мне никогда не предъявлял. Мы с ним так в конечном итоге и не встретились для того, чтобы обсудить возникшие проблемы и наши взаимные претензии друг к другу. В результате всего этого, впоследствии, он неоднократно пытался мне как-нибудь навредить, но особо у него ничего так и не получилось. Я на него в то время особо за это даже и не злился; мне было просто некогда тогда на этом акцентировать своё внимание. Я был слишком занят своими текущими проблемами и заботами – я занял деньги у знакомых, и продолжил заниматься ранее начатым делом.

Впоследствии, спустя несколько лет, – мы на эти недоразумения, как мне в какой-то момент показалось, – уже махнули рукой и продолжили жить дальше таким образом, как будто ничего этого между нами никогда и не было. Этот вопрос, – по крайней мере лично для меня, – был полностью закрыт и абсолютно исчерпан, и его актуальность окончательно утрачена. И всё-таки, видимо, у него где-то в глубине души до сих пор присутствуют какие-то финансовые претензии ко мне, которые и были продемонстрированы мне в сновидении в такой форме. Между прочим, за

некоторое время до этого сновидения я впервые за много лет случайно встретился с этим знакомым **М.** Мы поздоровались, немного пообщались и он мне при этой встрече никаких финансовых или каких-либо ещё претензий не предъявил и ничего в таком роде нами тогда не обсуждалось». Таким образом, это лишний раз подтверждает мою более раннюю версию о том, что потребовать с меня какие-либо деньги в счёт мифического долга изначально была не его собственная идея, и именно поэтому в сновидении его образ был изменен практически до неузнаваемости, что прямо свидетельствует о том, что он не является основным заинтересованным лицом во всём этом. Им в этой ситуации кто-то манипулирует. Этот фрагмент сновидения представляется мне вторым по своей значимости.

Общий смысл этого сновидения не является таким уже и простым. Сразу же бросается в глаза вся сложность его видимого содержания, которая не может возникнуть вследствие формирования сновидения на основании одного какого-то желания. В сновидении были использованы сложные образы, поэтому можно с полной уверенностью утверждать то, что желаний было несколько, и источников – субъектов желаний – также было несколько. Все эти желания можно сгруппировать таким образом:

1. Моё желание, если уж и ехать на дачу, то хотя бы встретиться с зятем и его братом и побывать вместе с ними в деревне – желание увидеть своих давних хороших знакомых.
2. Сделать на даче что-то полезное, поправить её немного после обстрелов – желание нынешних владельцев дачи.
3. Чтобы жизнь на даче и около неё продолжалась как и до войны – наше общее желание, чтобы война закончилась.
4. Чьё-то очень сильное желание того, чтобы я встретился со своей соседкой, которую я последний раз видел именно на даче – всё-таки, видимо, некто очень хотел бы того, чтобы я во время своего пребывания на даче покинул этот мир, и повстречался с тем, кто уже ранее «отправился к праотцам».
5. Знакомый **М.** хотел бы у меня взять деньги в счет сомнительного долга, с которым я был бы сам полностью согласен – желание знакомого получить воображаемый им мой долг.
6. Желание друзей этого моего знакомого **М.**, чтобы у меня с **М.** возник какой-то конфликт на финансовой почве.

Между прочим, **Альбер Камю** погиб в автомобильной катастрофе. Интересно, что ему снилось накануне этого печального события? Видел ли он в своих снах что-либо намекающее о таком возможном своём трагическом конце. Всегда ли нам снятся такого рода сновидения в преддверии возможного наступления для нас чего-либо подобного? Является ли это общепринятым правилом или лишь одним из возможных предостережений – сказать сложно.

А теперь я хочу изложить некоторые свои общие мысли по поводу сновидений такого типа, когда нам снятся наши уже умершие знакомые или родственники. С

моей точки зрения, подобные сновидения всегда являются достаточным основанием для того, чтобы мы, для начала, тщательно проанализировали все жизненные ситуации, подобные той, которая была нам продемонстрирована в сновидении, и уже впоследствии, стали более внимательными к своему поведению в них.

Например:

Если нам приснится кто-либо из умерших знакомых или родственников и при этом происходит автомобильная авария или какое-либо дорожно-транспортное происшествие – необходимо тогда быть более внимательным на дороге или около неё, при пользовании автомобилем, мотоциклетным или велосипедным транспортом. В любом случае, нам в сновидении может быть представляется всего лишь то потенциально возможное, предполагаемое направление, откуда нам в этот конкретный момент следует ожидать чего-либо неприятного или угрожающего нам.

Если нам приснится некогда ранее умерший человек в контексте покупки продуктов, приема пищи, приготовления пищи, присутствия при приеме или приготовления пищи – потенциальная опасность возможно исходит с этой стороны и может быть непосредственно связана с какой-либо пищей, приемом пищи или чем-либо связанным с этой тематикой. В любом случае, необходимо обратить более пристальное внимание на всё то, что каким-то образом связано с питанием и/или лечением, которое предусматривает приём каких-либо лекарств. Нужно понимать, что в тот момент вопрос питания является для нас одним из наиболее важных.

А, вообще то говоря, можно смело порекомендовать следующее, - всеми силами стараясь не дойти до паранойи, но и, при всём этом, намереваясь сохранить здравый смысл и использовать жизненный опыт (свой и предшествующих поколений), - во всех тех случаях, когда приснится какая-то пища или питьё — когда не испытываешь чувств голода или жажды и не намечаешь чего-то с этим непосредственно связанного в ближайшее время — следует воздержаться от покупки и/или употребления и/или быть в ближайшее очень внимательным со всеми ранее приснившимися пищевыми продуктами. Не говоря уже о том, что всего вышеописанного следует неукоснительно придерживаться во всех тех случаях, когда пища или питьё приснится в контексте с какими-то незнакомыми людьми, недоброжелателями или открытыми, явными врагами...

Тот случай, когда при создании сновидения используется такое желание, в котором субъект желания желает смерти субъекту сновидения, мы уже достаточно подробно рассмотрели. Но существуют и другие основания для того, чтобы наше сновидение предоставило нам возможность пообщаться с уже умершими людьми, которые я далее и постараюсь рассмотреть более подробно. В качестве возможных исходных желаний для таких сновидений, – чаще всего такое случается, когда после смерти приснившегося человека прошло незначительное количество времени, – в виде исключения или как один из возможных вариантов, можно и нужно рассматривать очень сильное желание субъекта сновидения о том, чтобы приснившийся, – уже умерший к тому времени близкий или знакомый человек, – был жив. Оно представляет из себя сновидение компенсационного типа, способствующее исключительно только лишь внутренней

разрядке скопившегося напряжения в эмоциональной сфере. В обоих нижеописанных случаях предполагается наличие очень сильных прижизненных взаимных позитивных чувств между субъектом сновидения и умершим человеком. В каждом таком случае у субъекта сновидения должно присутствовать очень сильное ощущение невосполнимой потери. По-моему, возможных мотивов к такого рода желаниям может быть только лишь два.

1. Спустя незначительное время после потери близкого, родного, значимого человека, внутреннее ощущение от утраты было настолько велико, что даже собственных, внутренних ресурсов может быть вполне достаточно для того, чтобы сформировалось такое сильное желание, которое и было использовано в качестве основного источника при формировании сновидения.

2. После смерти близкого, родного, значимого человека, – возможной, вымышленной или действительной причиной смерти которого представляет себя субъект сновидения, что представляется как прямое воздействие чувства вины субъекта сновидения, – через некоторое время появляется сильное желание того, чтобы этот человек был жив и всё было как прежде. Человек таким образом раскаивается в своем действительном или мнимом преступлении (не будем забывать об амбивалентности чувств). Иногда некоторым людям кажется, что они были в состоянии вмешаться в некоторые события и предотвратить потенциально возможные негативные последствия. В результате таких размышлений их и начинает беспокоить чувство собственной вины за то, что они в какой-то момент не оказали посильную помощь. Такое чувство может иметь под собой в качестве основания какой-либо из прошлых, существовавших в действительности, конфликтов между субъектом сновидения и приснившимся ему человеком, в результате которого у него могли в тот момент возникнуть какие-либо недобрые мысли, чувства и пожелания по отношению к своему оппоненту.

i) Сновидения о животных или с участием животных

«В бескорыстной и самоотверженной любви зверя есть нечто покоряющее сердце всякого, кому не раз довелось изведать вероломную дружбу и обманчивую преданность, свойственные Человеку».

Эдгар По «Черный кот»

Этого раздела также нет в произведении Зигмунда Фрейда. Я решил его добавить в своё исследование по причине того, что мне однажды приснилось очень интересное сновидение, в котором принимала активное участие моя собака чау-чау. В самом начале я как-то не придавал особого значения его содержанию – ну, приснилась собака, и что с того? Иногда нам снятся домашние животные и в этом нет ничего из ряда вон выходящего и необычного. Но это сновидение почему-то долго не выходило у меня из головы. И, спустя некоторое время, сосредоточив на нем свое внимание, вспомнив всё то, что происходило в то время, когда оно мне приснилось, и все действительные и предполагаемые обстоятельства возникновения этого сновидения, я, наконец, достаточно ясно смог понять весь его действительный смысл. Мне оказалось вдруг совершенно ясно всё то, чего от меня хотела бы добиться моя собака в этом сновидении, и что, как я полагаю, благодаря её сильному желанию и было использовано в

качестве исходного материала при создании этого моего сновидения. Если я при своем толковании этого сновидения оказался полностью прав, – что мне представляется достаточно-таки вероятным, – тогда это дает нам дополнительную возможность гораздо глубже понять тот уровень общего интеллектуального/психологического (!душевного или духовного!) взаимодействия, возникающий между людьми и их домашними животными и, вполне возможно, также и некоторыми другими животными.

Сновидение (собачьи мечты)

«Я подхожу к своему дому после обычной ежедневной прогулки, ведя на поводке свою собаку. Мы останавливаемся недалеко от подъезда моего дома. Вдруг моя собака начинает сама медленно подниматься вверх. Когда она поднялась настолько, насколько хватало длины поводка, натянув его при этом полностью – я её резко и сильно дернул вниз, и она упала на дорогу и осталась неподвижно лежать. Мне тогда её стало очень жалко. Я ощутил при этом очень сильное чувство вины за то, что из-за таких моих необязательных, и чрезмерно резких действий моя собака упала и, возможно, сильно при этом ударилась. Я взял её на руки, занес в дом и поднялся по ступенькам на свой этаж к квартире».

Толкование:

Я живу на 9-м этаже в многоэтажном доме. Четыре года своей жизни моя собака вместе со мной почти всегда поднималась на 9-й этаж исключительно на лифте, когда лифт работал, а он работал практически постоянно. За два с лишним года до этого сновидения я взял для себя за правило всегда подниматься наверх по лестнице и перестал пользоваться лифтом. Через некоторое время я постепенно приучил к этому и свою собаку. Она очень часто сопротивлялась этому не очень для неё приятному и удобному новшеству. Практически всегда она очень неохотно поднималась со мной по лестнице, всячески сопротивлялась этому. Я также обратил свое внимание на то, что она практически всегда стала пытаться двигаться в сторону лифта, сразу же после того, как мы заходили в подъезд дома. И каждый раз мне было необходимо проявлять настойчивость, натягивая поводок и при этом подзывая её к себе. Летом, когда бывало на улице очень жарко, моя собака очень сильно сопротивлялась при подъёме по лестнице, гораздо сильнее чем обычно. По пути наверх она по нескольку раз, – через каждые два или три этажа, – садилась отдыхать; дыхание у неё при этом было очень тяжелым, и вид был очень уставший, недовольный и несчастный. Исходя из всего этого, мне и пришла такая мысль о том, что, наверное, для моей собаки всё-таки было слишком тяжело то, что для меня было в тот момент достаточно легко. Сказать мне этого она никак не могла. Она могла лишь показать мне как-нибудь своими собственными действиями то, что она лично категорически против такого моего нововведения, – что она постоянно в какой-то степени и делала. Именно это, видимо, и явилось, основной, действительной причиной возникновения очень сильного, интенсивного желания, которое и было использовано моей душевной деятельностью при формировании моего сновидения.

Вполне возможно, что я и ошибаюсь, – что всё же представляется мне маловероятным, – и что интенсивные желания животных всё-таки являются совершенно недоступными для нашей душевной деятельности. Но, все же, ни

для кого не секрет, что многие животные очень часто достаточно хорошо чувствуют наше душевное состояние и наше настроение. А наши собственные домашние животные – и подавно; они слишком хорошо нас знают и иногда нас понимают и без лишних слов. И почему бы и у нас не появиться ответному взаимному пониманию и внутреннему ощущению их потребностей и ожидаемых ими от нас действий?

Также одним из основных аргументов в пользу того, что это сновидение было создано именно с использованием желания моей собаки, является тот несколько необычный вид самого подъёма вверх, который был использован в сновидении. У животных, и у моей собаки в том числе, судя по всему, полностью отсутствует понимание принципа действия такого сложного устройства как лифт; отсутствует также и сама идея лифта как такового. Именно поэтому ей и было бы совершенно не под силу сообразовать своё желание в полном соответствии с действительной идеей лифта, каковой она является в реальности, и каковой она предполагается, представляется и понимается практически всеми взрослыми, разумными, грамотными цивилизованными людьми. Её мышление таким способом продемонстрировало то, как в её понимании выглядит тот весьма для неё удобный и приятный процесс подъёма вверх, и как устроен механизм, с помощью которого её так часто быстро, и без её усилий, поднимали к самой квартире. При конечной интерпретации её желания моей душевной деятельностью в процессе образования сновидения этот «подъём» был приведен к обычной для человеческого мышления и понимания форме, которая и была показана таким ясным и бесхитростным, но для меня всё же необычным способом. Она смогла выразить лишь то, что она поднимается вверх без приложения к этому каких-либо усилий со своей стороны. Вот и получилась в сновидении такая себе «поднимающаяся вверх собака». Именно этот момент в конечном счете и заставил меня обратить свое внимание на то, что предшествовало этому сновидению и в какой-то момент согласиться с тем, что основным источником этого сновидения могло явиться желание моей собаки.

Другим, не менее значимым представлением животных в некоторых из наших сновидений, мне представляется сильное желание иметь в собственности или использовать в своих целях какое-либо животное. В случае желания иметь в собственности, животному в сновидении не будет предоставлено значительное разнообразие действий, так как будет вполне достаточно и его присутствия. В случае же использования животного в своих интересах для достижения ранее задуманного, необходимого результата – натравить на кого-то из обидчиков при самообороне или при нападении или похвастаться умением дрессированного животного – тогда животному в сновидении будут свойственны задуманные субъектом желания намерения и действия. И все эти задуманные субъектом желания действия животного будут вполне согласованы и синхронизированы с действиями субъекта желания и не будут ни в какой мере его самостоятельными, произвольными. Они будут либо для него спровоцированными, либо прямо управляемыми и полностью контролируемые субъектом желания.

Спустя некоторое время (около полутора лет) мне приснилось ещё одно занимательное сновидение, о котором я не могу умолчать ввиду его яркости и очевидности, авторство которого совершенно точно принадлежит не мне одному...

Сновидение: *«Я гуляю со своей собакой на улице. Собака на рулетке*

(поводок в несколько метров). В том месте, где она обычно очень подолгу задерживается (что-то там постоянно напряжённо вынюхивает и, впоследствии, неоднократно сама там что-то помечает), я вижу большую собаку породы чау-чау чёрного цвета. Судя по внешнему виду и поведению — это очень породистый, яркий, впечатляющий, чрезвычайно крупный и весьма самоуверенный кобель. Он неспешно идёт в мою сторону, однако не проявляет в моём отношении никакой агрессии. Я немного его опасаясь и стараюсь держаться в стороне от него. Моя собака, увидев его, бежит в его сторону, а я, вопреки своему желанию и возможностям, никаким образом не могу (или не хочу) ей в этом воспрепятствовать. Обе собаки друг друга обнюхивают, а я им в этом не мешаю и со стороны за всем этим наблюдаю...»

Совершенно очевидно то, что это не я мечтаю о том, чтобы моя собака во время прогулки встретила с каким-то барбосом. Для меня ясно то, что это собака, а не я, мечтает о том, чтобы она во время своей прогулки в том месте встретила с выдающимся барбосом (*она, по-видимому, его именно таким себе и представляет по результатам вынюхивания его следов*). Судя по всему, она в наибольшей степени желала бы там встретиться с барбосом своей породы, значительно превосходящим её по своим физическим параметрам, каким-то супер-пупер мега-барбосом. Однако, одним из основных условий является то, чтобы я ей не препятствовал — как я обычно в таких случаях поступаю — в общении в представителем её вида. Именно поэтому и именно в этом её желания и пересекаются с моей персоной: я, - помимо того, чтобы её туда вывести, - не должен препятствовать её общению с выдающимся барбосом.

На этом основании я могу не предполагать, а смело утверждать следующее: если желание животного предполагает волевое, сознательное участие какого-то конкретного человека, тогда этот человек увидит в своём сновидении нечто, желаемое животным. Именно по этой причине моя собака в нескольких моих сновидениях и являлась не предметом обстановки или предметом желаний, а одним из основных источников моего сновидения — полноценным и полноправным субъектом желания, которое было использовано моей душевной деятельностью при создании моего сновидения.

VI . Работа сновидения

«...От высшего сановника до последнего батрака на кофейных плантациях все только и думают, как бы потопить друг друга и содрать шкуру со своих друзей...»

О. Генри «Короли и капуста»

Наша душевная деятельность при создании сновидений, помимо наших собственных желаний и намерений, каким-то, мне так до конца ещё не понятным образом, получает полный доступ ко всем тем желаниям и намерениям, объектом которых мы являемся. Используя во время создания сновидений весь этот доступный для неё материал, она и создает своими силами и средствами из него всё то, что мы переживаем в состоянии сна, и что мы иногда вспоминаем после своего пробуждения.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Все попытки подойти к разрешению проблемы сновидения связывались до сих пор непосредственно с явным содержанием его, сохраняемым в воспоминании, и были направлены на толкование именно этого содержания; или же отказывались от какого бы то ни было толкования, обосновывая своё суждение о сновидении постоянным указанием на его содержание. С нашей точки зрения, дело обстоит совершенно иначе; для нас между содержанием сновидения и результатом нашего исследования находится новый психический материал: скрытое содержание, добытое при помощи нашего метода, и мысли, скрывающиеся за сновидением. Из скрытого содержания, а не из явного, берем мы разрешение сновидения. Нам предстоит, поэтому теперь задача рассмотреть взаимоотношение явного содержания сновидения к скрытому и проследить, путем какого процесса образуется из последнего первое».*

Когда нам снится что-либо из того, о чем мы в течение дня, предшествующего этому сновидению, постоянно или некоторое время думали, то это не вызывает у нас никакого удивления и непонимания возможных причин того, почему мы и во сне об этом думали и этим занимались. Всё кажется нам вполне естественным – чем мы были сильно озадачены и озабочены днем, то и продолжает нас занимать в состоянии сна.

Состояние изменилось, а предмет наших мыслей совершенно не изменился. Он продолжает нас занимать и во сне. Если же нам снится что-то такое, о чем мы вообще «даже и не думали», а также не думали ни о чем таком, что хоть отдаленно напоминает в чем-нибудь содержание сновидения, тогда это заставляет нас задуматься о том, чтобы – либо мы признали своё сновидение полной бессмыслицей, либо же признали тот факт, что не только лишь наша собственная интеллектуальная деятельность предшествующего дня принимает участие в подготовке материала для формирования нашего сновидения. Вполне возможно, что каким-то образом чьи-то ещё мысли, желания или намерения, субъектом которых мы являемся, – помимо наших собственных мыслей, желаний, намерений, – тоже имеют непосредственное отношение ко всему тому материалу, который используется нашей душевной деятельностью при создании сновидения.

Не так то нам и легко допустить существование возможности непосредственного участия кого-либо постороннего в этом сугубо личном процессе, каковым, с нашей точки зрения, является наша сфера сновидения. В состоянии сна, как мы изначально наивно предполагаем, мы находимся вне досягаемости от какого-либо непрямого постороннего воздействия, и процесс создания сновидения, с нашей точки зрения, является полностью изолированным от посторонних глаз, мыслей и чувств. Для принятия обратного, всем нам необходимы очень веские основания, подтверждения и доказательства. Одним из таких оснований является то, что деятельность сновидения, будучи полностью осмысленной и необходимой для полноценного функционирования нашей души, в первую очередь заинтересована во всем том, что касается нас лично. Любая возможность реализации нами своих собственных желаний и намерений всегда в какой-то мере зависит от тех людей, в сфере интересов которых мы сами в то время находимся или от того, от кого прямо зависит само исполнение нашего желания, вне зависимости от того – по нашему собственному желанию что-то происходит, либо вопреки ему. Именно поэтому все эти люди могут либо каким-то образом содействовать успешности наших начинаний, либо же могут оказаться

для них непреодолимым препятствием. Каким образом наша душевная деятельность способна получить доступ к такого рода информации – этот вопрос можно переадресовать непосредственно к физиологии головного мозга человека, и ко всем тем наукам, которые занимаются исследованиями всего того, что имеет отношение к нашим действительным душевным и/или интеллектуальным возможностям и способностям.

Зигмунд Фрейд пишет: «Мысли и содержание сновидения предстают перед нами как два изображения одного и того же содержания на двух различных языках, или, вернее говоря, содержание сновидения представляется нам переводом мыслей на другой язык, знаки и правила которого мы должны изучить путем сравнения оригинала и этого перевода. Мысли сновидения понятны нам без дальнейших пояснений, как только мы их узнаем. Содержание составлено как бы иероглифами, отдельные знаки которых должны быть переведены на язык мыслей. Мы, несомненно, впадаем в заблуждение, если захотим читать эти знаки по их очевидному значению, а не по их внутреннему смыслу».

Чем большее количество различных желаний разных людей с несхожим между собой мировоззрением и мировосприятием было использовано при формировании сновидения, тем больше его содержание внешне будет напоминать собою набор различных иероглифов. При значительном совпадении культурных и нравственных особенностей, мировоззрения, мировосприятия и конечных желаний – содержание сновидения будет гораздо более четким и ясным. Чем больше в исходном материале сновидения окажется различных желаний, друг с другом плохо совместимых или вообще несовместимых, с точки зрения работы сновидения, тем большее количество различных смысловых и ситуационных фрагментов будет содержать сновидение.

В любом случае, редко так бывает, чтобы субъект сновидения не был в состоянии предположить то возможное, правильное направление, в котором следует начинать разыскивать всех тех, объектом чьих желаний или намерений он в тот момент оказался, и в чьей сфере интересов он в тот момент находился и, вполне возможно, что и в тот момент всё ещё продолжает находиться. В том случае, когда это касается кого-либо из близких друзей или знакомых субъекта сновидения, будет намного проще разгадывать все эти «иероглифы», ребусы и загадки. В том случае, когда при создании сновидения были использованы желания каких-то малознакомых, либо совершенно незнакомых субъекту сновидения людей, тогда созданные из такого материала «иероглифы» с высокой долей вероятности, так останутся для него иероглифами неразгаданными.

И лишь по прошествии некоторого времени, в том лишь случае, если эти желания, объектом которых является субъект сновидения, будут осуществляться, вне зависимости от того, насколько это будет в конечном счёте успешно, тогда станут более явно проявляться и основные заинтересованные в этом лица, действительные участники и все прочие, имеющие к этому какое-либо отношение. И уже при использовании всего этого дополнительного материала, так сказать, собственного, последующего уже за сновидением жизненного опыта, в добавление к материалу ранее увиденного сновидения, – которое в таком случае не потеряет для субъекта сновидения актуальности до тех самых пор, пока будут актуальными все те желания и намерения, которые были в своё время использованы при создании этого сновидения, – субъект сновидения иногда

будет в состоянии прийти к более полному пониманию того, какие и чьи желания или намерения были использованы при создании его сновидения. Только лишь после наступления ясности в этих основных вопросах и станет возможным полное понимание действительного смысла того сновидения, которое некоторое время оставалось неразрешимой загадкой.

а) Работа сгущения

Мне под процессом сгущения представляется тот самый процесс, который непосредственно занят наложением одного желания на другое, в результате чего мы и получаем все те видимые нам в сновидении компромиссные, объединенные фигуры, сложные объекты и прочие элементы сновидения, состоящие из всего мыслимого и желаемого субъектами желаний, чьи желания были использованы в качестве исходного материала при создании сновидения. Чем больше различных желаний будет объединено, тем более сложными объектами и фигурами будут представлены в сновидении задуманные цели, окружающая обстановка и все используемые при этом методы и средства.

При полной несовместимости целей или методов исполнения желаний, – с учетом того, что объектом сновидения в каждом случае является субъект сновидения, – сновидение иногда сильно фрагментируется, и мы получаем в результате сложное сновидение, состоящее из нескольких «короткометражных», миниатюрных, совершенно различных по-своему смыслу сновидений. Если же по каким-либо причинам не происходит такого процесса фрагментации, – такое бывает возможно в том случае, когда ни у одного из желаний нет достаточного энергетического потенциала, позволяющего ему быть использованным в качестве основного и определяющего, – тогда нам будет доступно какое-то, совершенно на первый взгляд непонятное ни в своих целях, ни в средствах, очень спутанное и совершенно бессмысленное сновидение.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Первое, что бросается в глаза исследователю при сравнении содержания сновидения с мыслями, скрывающимися за ним, это неутомимый процесс сгущения. Сновидение скудно, бедно и лаконично по сравнению с объемом и богатством мысли. Сновидение, будучи записано, занимает полстраницы; анализ же, в котором развиваются мысли, скрывающиеся за этим сновидением, требует иногда шести, восьми и двенадцати страниц. Обычно размеры произведенного сгущения преумалываются: обнаруженные мысли сновидения считаются исчерпывающим материалом, между тем как дальнейшее толкование обнаруживает новые мысли, скрывающиеся за сновидением».*

Сновидение изначально не предназначено к какой-либо аналитической деятельности, именно поэтому оно и не занимается никакими рассуждениями. Всякое сновидение, в первую очередь, занимается исполнением желаний, которые никаким образом не могут быть описаны на «шести, восьми и двенадцати страницах». Наши желания являются прямым следствием наших потребностей, как соматических, так и душевных, и, как следствие, каких-либо предварительных размышлений, которые как раз и могут быть размещены на «шести, восьми и двенадцати страницах». Что-то иногда отбрасывается уже при работе по созданию сновидения, как несущественное и незначимое. Сновидение является

конечным итогом, своего рода квинтэссенцией, вершиной пирамиды, которая никак не может являться такой же объемной, как все предварительные рассуждения, которые можно представить себе как основание и внутренности этой пирамиды.

Каждая отдельная функциональная часть нашей душевной деятельности выполняет вполне четкую и определенную функцию или процедуру, и несет в себе свойственную лишь для неё смысловую нагрузку. Функция сновидения в некотором роде резюмирует всю нашу дневную интеллектуальную деятельность и интеллектуальную деятельность всех тех, объектом размышлений, желаний или намерений которых мы оказались в тот день. В ходе более глубокого анализа сновидения мы всегда пытаемся разобраться и понять, помимо того – что это за желания и кому они принадлежат, также и то – что же легло в основу всех тех желаний, которые использовались нашей душевной деятельностью при формировании сновидения.

Глубина и продолжительность самого анализа сновидения в каждом конкретном случае может продолжаться практически бесконечно; она просто может продвигаться по кругу – от нынешних переживаний до переживаний детства и обратно к переживаниям нынешним – и так без конца. Всё в нашей памяти друг с другом как-то связано. Как минимум связано тем, что всё это наши собственные переживания, впечатления и воспоминания; всё это либо мыслилось когда-то нами, либо же это происходило когда-то с нами. Именно поэтому, очень важно в какой-то момент остановиться и постараться не зарываться слишком глубоко. В ином случае можно случайно проскочить мимо интересующих нас мыслей и деталей, сыгравших наиболее важную роль при формировании желаний.

Анализ сновидения либо с самого своего начала сразу же начинает отвечать на вопрос о своем смысле, либо же можно до бесконечности ходить вокруг да около, так ничего в нем и не поняв, а скорее запутав себя в чём-либо не имеющем к нему никакого отношения. Сам анализ может в таком случае в чем-то напоминать собой гадание на кофейной гуще: что хочу – то и вижу, как хочу – так и понимаю: а может быть это всё произошло из-за этого, а может быть из-за того и так далее и тому подобное. Нам же необходимо увидеть и подтвердить достаточно четкую причинно-следственную связь, которая действительно существует между содержанием сновидения и всеми теми мыслями, которые за ним скрываются.

В основе всех сновидений всегда находится нечто вполне определенное, исходящее от нас самих и/или вполне конкретных людей⁷³. Совершенно естественно, что не все желания или намерения других, даже хорошо знакомых нам людей могут нам быть легкодоступны и понятны. Здесь в первую очередь важны индивидуальные аналитические способности анализирующего сновидение человека, и максимальный, возможно более полный его доступ ко всей имеющейся и необходимой для толкования информации – в большинстве случаев субъекты-источники желаний, которые использовались при создании четких и ясных сновидений, легко прослеживаются, чего нельзя сказать об их конечном смысле. Для наилучшего понимания всего этого, необходимо

⁷³ *Примечание автора:* О возможном влиянии на содержание сновидения желаний каких-либо животных я упоминал ранее, и, учитывая их редкость, незначительность и несущественность для нашего существования, я и далее не буду каждый раз акцентировать на этом своё и ваше внимание.

постараться узнать все предполагаемые источники сновидения у видевшего сон с его собственной точки зрения. В некоторых случаях приходится при этом преодолевать значительное сопротивление самого субъекта сновидения, потратив на это значительное количество времени, что даже в случае удачи не гарантирует конечного успеха – субъект сновидения иногда может не иметь никакого представления об источниках своего сновидения. Его собственные или навязанные ему со стороны фантазии или фобии могут помешать ему чётко различить и понять действительные источники собственных желаний.

Намного проще будет обстоять дело в том случае, когда вопрос коснётся толкования своих собственных сновидений. Здесь будет вполне достаточно пронизательности, внимательности и откровенности перед самим собой. А вот с необходимым для этой процедуры свободным временем не всегда дело обстоит также хорошо, да и заботы нового дня часто полностью всё заслоняют и понижают значимость для нас самих этих сновидений; а на каждый последующий день у нас уже есть всё новые и новые сновидения, которые иногда также нуждаются в нашем внимании и понимании.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Предположение процесса сгущения не опровергается возможностью забывания сновидения, так как оно доказывается комплексом представлений, относящихся к отдельным, оставшимся в памяти частям сновидения. Если действительно большая часть сновидения нами забывается, то тем самым мы лишаемся доступа к целому ряду мыслей. Мы едва ли имеем когда-нибудь основание предполагать, что утраченные части сновидения относились к тем же самым мыслям, которые мы обнаружили при анализе сохранившихся частей».*

Действительные причины большей или меньшей четкости сновидений и скорости их естественного исчезновения из нашей памяти пока до конца остаются неизвестны. На этот процесс может оказывать значительное влияние множество различных причин – каждая по отдельности или же в различных комбинациях друг с другом. На способность сновидений сохраняться в памяти могут оказывать влияние следующие факторы:

1. изначальная сила всех исходных желаний, использованных душевной деятельностью при создании сновидений;
2. личное отношение субъекта сновидения к личностям всех тех, объектом чьих желаний он оказался – это возможно оценить лишь в том случае, если они ему знакомы, и сумели оставить о себе какое-либо существенное, запомнившееся впечатление;
3. интенсивность сопутствующего желания остаться неизвестным в процессе достижения желаемого результата, исходящее непосредственно от субъекта желания, объектом которого является субъект сновидения, как одно из присущих ему свойств и/или обязательного условия реализации этого желания;
4. непосредственное отношение к личности самого субъекта сновидения (какие чувства по отношению к нему они в тот момент испытывают) всех субъектов желаний, объектом которых он является;
5. степень предполагаемой значимости и важности с точки зрения

душевной деятельности субъекта сновидения самого этого сновидения и всего затронутого в сновидении – сновидения, наполненные негативными эмоциями вспоминаются намного лучше и забываются гораздо медленнее;

- б. актуальность желаний, использованных при создании сновидения – до тех пор, пока субъект желания не прекратит интенсивно размышлять обо всём том, что явилось причиной создания сновидения, такое сновидение, скорее всего, не может быть полностью забыто субъектом сновидения.

И это скорее всего не всё из того, что может оказывать прямое влияние на ясность и четкость сновидения, на его доступность для сознательного мышления сразу же после, или некоторое время спустя после пробуждения.

Сам процесс сгущения – это стандартный рабочий механизм, которым пользуется душевная деятельность при формировании сновидения; тот самый очень удобный механизм, который подчиняется всем законам душевной деятельности в состоянии сна. А ясность сновидения и забывание сновидения всё-таки имеют непосредственное отношение уже к сознательной деятельности, которая в свою очередь подчиняется уже законам бодрственного мышления.

Также очень важно в самом процессе толкования сновидения уметь различать то, что просто на что-то похоже, и что-то напоминает, от того, что действительно может оказаться источником сновидения. Необходимо постараться отличить прямую зависимость от зависимости косвенной; важно четкое и точное понимание того, что хотя бы гипотетически может оказаться действительной причиной, а что такой причиной быть не в состоянии ни в каком случае.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Как же следует себе представлять психическое состояние во время сна, предшествующее сновидению? Находятся ли все мысли друг подле друга, или они появляются одна за другой, или же, наконец, различные одновременные ходы мыслей устремляются из разных центров и затем соединяются друг с другом? Я полагаю, что нам вовсе не нужно создавать себе пластического представления о психическом состоянии во время образования сновидения. Не забудем только того, что **речь здесь идет о бессознательном мышлении и что самый процесс легко может быть совершенно другим, чем тот, который мы замечаем в себе при намеренном, сознательном мышлении**».*

Психическое состояние человека во время сна совершенно отличается от такового в состоянии бодрствования, в первую очередь, по причине того, что одно из наших главных чувств, которое является одним из основных и самых важных источников информации – наше зрение – полностью бездействует, а некоторые органы чувств в состоянии сна действуют с сильно пониженным порогом чувствительности. Таким образом, если мы учтем изменившийся количественный и качественный состав всех источников информации, которая оказывается доступной для нашей душевной деятельности в состоянии сна, можно быть полностью уверенным также и в том, что наша душевная деятельность в состоянии сна в качественном отношении не только отличается от нашей бодрственной деятельности, но и обладает в достаточной мере, – взамен временно ею неиспользуемых, или используемых в неполную силу, – некоторыми другими, дополнительными источниками информации. Все эти дополнительные

источники информации, заменяющие в тот момент наше зрение, вполне возможно, в бодрствующем состоянии нами также в некоторой мере используются. Может быть их использование не так значительно как в состоянии сна, и они не оказывают на нас такого же воздействия, либо они вообще оказываются не доступными для нашей душевной деятельности в бодрствующем состоянии.

Важный и существенный факт для понимания этого значительного различия находится также и в том, что мы спим с закрытыми глазами, но и в состоянии бодрствования мы время от времени моргаем, что, таким образом, является лишь кратковременным закрытием глаз, «мгновенным сном». Иногда мы задумываемся ненадолго, полностью закрыв при этом глаза. Вполне возможно, что, закрывая свои глаза, мы позволяем в тот момент нашей душевной деятельности использовать некоторые свои дополнительные способности, возможности и ресурсы. Всё это представляется возможным лишь с учетом того, что в какой-то момент полностью отсутствует какая-либо информация, обыкновенно приходящая к нам в бодрствующем состоянии от зрительного источника. А для получения дополнительной, необходимой ей в данный, конкретный момент информации, она таким образом использует все свои способности и возможности. Эта информация может быть как вынужденно отдаваемой так и необходимо принимаемой.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Составление коллективных лиц – одно из главнейших средств процесса сгущения в сновидении».*

Коллективные лица, коллективные образы, коллективные действия, коллективная обстановка, коллективные эмоции – и это далеко ещё не всё из того, что часто делает наши сновидения такими запутанными. И иногда, на первый взгляд, абсурдными и совершенно непонятными. Сам смысл сновидения тем труднее бывает понять, чем в большей мере был использован при его создании механизм сгущения.

Намного труднее бывает различить, понять и разделить коллективные лица тогда, когда внешне ничего сильно не меняется, а в самих действиях и эмоциях просматривается некоторая чуждость и несоответствие действительным образам. Следовательно, получается так, что либо мы плохо знаем приснившегося нам человека, и наше текущее мнение о нем является ошибочным, либо же данный образ является результатом *«работы по созданию коллективных лиц»*, когда к внешним признакам одного человека добавляются чуждые ему намерения или несвойственные для него действия. В ходе проводимого анализа нам всегда необходимо постараться понять то, непосредственным следствием и признаком чего это является:

1. либо этот коллективный образ является результатом простого соединения различных желаний различных людей, являющихся субъектами желаний, ничем, кроме объекта своих желаний, между собой в тот момент не связанных;
2. либо коллективный образ является результатом сознательного навязывания одним субъектом желания одного из своих желаний другому, использованием его в своих целях для достижения желаемого им результата, возможно, что даже и не скрывая перед ним все свои конечные цели и намерения;

3. либо коллективный образ является результатом манипулирования одного субъекта желанием другим в целях достижения желаемого результата, использованием его «в темную», совершенно не посвящая его во все свои замыслы, и полностью скрывая при этом все свои действительные намерения, оставляя его в полном неведении относительно преследуемых им целей.

Зигмунд Фрейд пишет: «Словообразования в сновидениях напоминают таковые же при паранойе: они играют известную роль и в истерии⁷⁴, и в навязчивых представлениях. Филологические фокусы детей, иногда относящихся к словам, как к вещам, изобретающих новые языки и искусственные словообразования, образуют здесь общий источник, как для сновидений, так и для психоневрозов⁷⁵».

Многие душевные расстройства: истерия, паранойя, шизофрения⁷⁶, психозы⁷⁷, неврозы навязчивых состояний⁷⁸ и прочие являются результатом каких-либо нарушений в душевной деятельности человека, и все они – как и сами сновидения – также подчиняются всем её законам. Все невротические симптомы образуются с её помощью или при непосредственном её участии. Что же касается самих сновидений, то всё это относится к проявлению нормальной душевной деятельности, и нарушением этой деятельности является или отсутствие способности ко сну, или неспособность видеть сны – если такое вообще бывает возможно. Нарушение функции создания сновидений является прямым следствием неспособности заснуть; в таком случае придётся обходиться полусознательными замещающими галлюцинаторными явлениями.

Все душевные расстройства, – хоть они и являются нарушением душевной деятельности, – всё равно используют все существующие и доступные методы, механизмы и материалы, которые могут быть предоставлены нам в состоянии бодрствования. Вполне возможно, что в связи с изменением количественного и качественного состава наших желаний и эмоций, связанных с этими желаниями, иногда происходит нарушение в деятельности нашей душевной организации. Она может в какой-то момент оказаться перегружена и просто не выдержать обрушившейся на неё нагрузки в виде различного рода внешнего психологического/душевного давления, эмоций и желаний.

В некоторых случаях, признаком явного душевного расстройства у взрослого

74 Истерия – устаревший медицинский диагноз, на данный момент частично соответствующий ряду психических расстройств легкой и средней степени тяжести. Ранее выделялись такие диагностические единицы, как истерический психоз, истерическая личность, тревожная истерия и конверсионная истерия...Первоначально использовался как описание специфических расстройств самочувствия и поведения у женщин, к которых встречается чаще, вследствие чего в античные времена и средние века причиной считалось блуждание матки по организму (откуда и название). (Википедия)

75 Психоневроз – устаревшее название группы нервно-психических расстройств, возникающих по причине острых и хронических психологических травм и характеризующихся отсутствием качественных изменений психической деятельности. Клиническая картина таких расстройств характеризуется астеническими, навязчивыми или истерическими проявлениями, а также временным снижением умственной и физической работоспособности (Википедия)

76 Шизофрения – эндогенное полиморфное психическое расстройство (или группа психических расстройств), характеризующееся распадом процессов мышления и эмоциональных реакций (Википедия)

77 Психоз – явно выраженное нарушение психической деятельности, при котором психические реакции грубо противоречат реальной ситуации (по И.П. Павлову), что отражается в расстройстве восприятия реального мира и дезорганизации поведения (Википедия)

78 Невроз навязчивых состояний – **Обсессивно-компульсивное расстройство** – психическое расстройство, проявляющееся в непроизвольно возникающих навязчивых, мешающих или пугающих мыслях – обсессиях, а также в том, что человек постоянно и безуспешно пытается избавиться от вызванной этими мыслями тревоги с помощью столь же навязчивых и утомительных действий – компульсий (Википедия)

человека является то же самое, что у детей определенного возраста нами оценивается как признак возрастной нормы. Это может быть тем, что необходимо должно будет со временем развиться в нечто иное; это напоминает собой некий зародыш, нечто такое, что необходимо со временем преодолеть, взрастить или видоизменить. Либо же это может быть нечто достигшее в какой-то момент значительно большей интенсивности, чем это позволено и необходимо для полноценной, нормальной жизни. В любом случае, все эти процессы подчинены всем законам нашей душевной деятельности, и используют в своих целях те же средства и методы, которыми мы пользуемся, при необходимости, в нашей сознательной деятельности.

Ниже я приведу несколько фрагментов сновидений, для иллюстрации использования процесса сгущения нашей душевной деятельностью при создании сновидений.

Фрагмент Сновидения: *Мне снится один мой давний знакомый В.. Я точно уверен в том, что это именно он, хотя внешность у него в сновидении немного необычная, он на себя совершенно не похож, что-то не совсем ясное, и сам образ нечеткий, расплывчатый. И все же, с одной стороны, я полностью уверен в том, что это В., а с другой стороны, он совершенно не похож на самого себя. Потом кто-то мне говорит: «В. уже не тот». Кто это сказал – я не видел и так этого и не понял. Через некоторое время В. превращается в совершенно незнакомого мне человека – я назову его Х., при этом, у меня сразу же пропадает и ощущение того, что это В.. У меня в тот момент уже нет никакого сомнения в том, что передо мной совершенно другой человек...*

В лице В. в сновидении, посредством сгущения, представлены как минимум два совершенно различных человека – В. и Х.. Одним из них является непосредственно сам В., который мне давно и очень хорошо знаком и которого и использует, судя по всему, в каких-то своих целях кто-то другой – так называемый Х., который некоторое время остается совершенно невидимым для меня. Именно он, этот Х., и есть тот самый хитрый, подлый и трусливый «нехороший человек», который хочет в какой-то момент полностью скрыться за В.; именно он является тем, кто манипулирует в своих интересах и использует для этого В., благодаря чему и можно было сказать в сновидении, что «В. уже не тот». Несмотря на своё достаточно явно проглядывающее желание остаться неизвестным, даже в сновидении он оказывается не в состоянии полностью сохранить своё инкогнито. В этом случае работа сновидения видимо сама в состоянии определить то, что и как ей необходимо скрывать и что ей демонстрировать; останется ли для самого субъекта сновидения скрытым всё то, что хотел бы скрыть от него один из субъектов желания, объектом которого является субъект сновидения. Возможно также и то, что Х. изначально и сам планировал на определенном этапе каким-то образом сам «вступить в игру» и перестать скрываться за В.. Планировалось это видимо уже в тот момент, когда необходимость в использовании В. уже отсутствовала. «В. сделал своё дело, В. может уйти».

Фрагмент Сновидения : *Мне снится, что кто-то совершенно мне незнакомый дает мне в руки двух или трех литровую стеклянную банку с консервированными огурцами. Я беру её в руки. К ней почему-то привязана и от неё тянется куда-то вверх и вдаль какая-то леска или тонкая верёвка таким способом, что это внешне становится похожим на то, что банка выступает*

чем-то вроде наживки на удочке. А все те, кто таким образом ловят, видимо сидят где-то там, куда тянется эта леска/веревка – они скорее всего и спрятались где-то там наверху, в кустах, и их мне совершенно мне не видно.

В вышеприведенном фрагменте сновидения одним из центральных объектов является «банка с огурцами». Именно по этой причине я и обратил на него своё внимание и позволил себе именно таким образом его оценивать и смотреть на него с такой позиции. Я с полной уверенностью могу утверждать, что все мои мысли, чувства и желания никоим образом в те дни не вращались ни вокруг огурцов, ни около консервированных огурцов или огурцов в любой форме и состоянии. Следовательно, этот чуждый мне объект моего сновидения не является для меня чем-то моим личным, чем-то таким, что является производным от моих собственных размышлений и/или желаний.

Так как в этом фрагменте сновидения банка с огурцами представлена в виде чего-то, напоминающего собой наживку, используемую при ловле рыбы или чего-либо другого, о чем свидетельствует леска или тонкая веревка, протянутая от неё куда-то вверх, поэтому я считаю наиболее правильным использование этого фрагмента в виде иллюстрации работы процесса сгущения. Банка огурцов, она же наживка на крючок для удочки, она же средство для того, чтобы привлечь внимание и возбудить интерес – что же всё-таки за этим всем может скрываться? Также в данном случае достаточно важным является ещё один немаловажный факт: в каком смысле, в прямом или в переносном, использовано само содержимое банки «огурец»? Судя по контексту сновидения, всё же наиболее вероятным представляется его использование не в своем прямом, а в каком-либо переносном смысле, подразумевающим в данном случае нечто совершенно другое. Иногда, правда, бывает и так, что нечто в сновидении одновременно может быть использовано и в своем прямом, – когда это имеет отношение к одному желанию, – и в переносном смысле, – когда это имеет отношение к какому-то другому желанию.

Дальнейшее, более глубокое толкование этого фрагмента сновидения по некоторым причинам я приводить не буду. Могу сказать лишь то, что я узнал впоследствии о смысле данного объекта (банка огурцов) фрагмента своего сновидения. Для этого потребовался неглубокий анализ в отношении действий хорошо знакомых мне лиц и их предполагаемых намерений. Так как, в конечном итоге «шила в мешке не утаишь» и «все тайное рано или поздно становится явным» – я, спустя некоторое время, получил точное подтверждение всем тем предварительным выводам, которые были мною сделаны в ходе поверхностного толкования этого фрагмента сновидения. Он действительно представлял собой в том случае одного моего давнего, несознательного знакомого, имя которого, помимо всего прочего, также оказалось идентичным с именем значимого для меня моего родственника.

b) Работа смещения

При толковании сновидений очень важной является способность отличить действительное, актуальное желание, которое было наполнено необходимым энергетическим потенциалом в день, предшествующий сновидению, от простой

«...сущности мыслей, скрывающихся за сновидением»⁷⁹, что часто бывает сделать не так уже и просто. Некоторые, при толковании сновидений, именно этим только и занимаются – поиском каких-то мыслей, скрывающихся за сновидением – и более ничем другим. А процесс толкования сновидений, как правило, является значительно более сложным; здесь необходимы более серьёзные аналитические способности и усилия, которые требуются для того, чтобы предпринять попытку воссоздания всех тех желаний, которые легли в основу сновидений. При необходимости, нужно во время анализа погружаться в воспоминания детства и юности; если же для понимания смысла сновидения окажется достаточно и каких-то из актуальных, взрослых воспоминаний, необходимо ими довольствоваться и ничего для себя без необходимости не усложнять и не запутывать.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Другое, по всей вероятности, не менее существенное обстоятельство должно было броситься нам в глаза, когда мы рассматривали примеры процесса сгущения в сновидении. Мы могли заметить, что элементы, выделяющиеся в сновидении в качестве существенных составных его частей, отнюдь не играют той же самой роли в мыслях, скрывающихся за сновидением. И наоборот: то, что в мыслях обладает преимущественным значением, может быть совсем не выражено в сновидении. Сновидение составляется как бы совершенно иначе, его содержание располагается вокруг других элементов, чем мысли, служащие его основой».*

Ценность всех элементов сновидения изначально predeterminedена самим смыслом сновидения, который, в свою очередь, определяется сущностью всех желаний, использованных работой сновидения при создании этого сновидения. То, что нам в какой-то момент показалось незначительным, когда-то ранее возможно играло для нас более важную роль. Если бы оно не обладало изначально какой-либо для нас ценностью, с течением времени в нашей памяти не нашлось бы для него свободного места. Таким образом, всё то, что для нас в данный момент уже потеряло свою значимость, было каким-то образом использовано кем-либо из субъектов желаний, объектом которых мы являемся, которые были использованы работой сновидения при создании сновидения, и при этом было ими оценено более значительно. В конечном итоге, значимость чего-либо в сновидении определяется исходя из общей средней арифметической ценности, которую придают ей все субъекты желаний, объектом которых является субъект сновидения, которые впоследствии используют его душевной деятельностью при создании сновидения.

Что же касается до всего того, что, будучи наиболее значимым для нас самих, было по каким-то причинам недостаточно высоко оценено при создании сновидения, то и здесь, видимо, играют роль те же самые общие правила оценки содержимого. Не всегда мы сами определяем конечную, итоговую значимость всего материала сновидения. Такое бывает возможно лишь в том случае, когда сновидение полностью основано лишь только на наших собственных желаниях, что случается достаточно редко, или же, в том нечасто встречающемся случае, когда психическая оценка всего содержания всеми субъектами желаний полностью совпадает. Поэтому, в зависимости от общей, средней оценки, исходящей от всех тех, кто в своих желаниях этого каким-либо образом касается

79 Зигмунд Фрейд «Толкование сновидений»

и таким способом придает либо отнимет у чего-либо или кого-либо ценность и значимость, в конечном итоге и определяется в самом сновидении итоговая ценность всех его элементов, которая нам будет доступна уже в самом сновидении.

Зигмунд Фрейд пишет: *«...в работе сновидения находит своё выражение психическая сила, которая, с одной стороны, лишает интенсивности психически ценные элементы, с другой же – путем детерминирования из малоценных элементов создает новые ценности, которые затем и попадают в содержание сновидения...»*.

Этой психической силой и является сама работа по созданию сновидения. Именно она и определяет итоговую ценность для всех объектов и образов сновидения, исходя из той оценки, какую придают им все субъекты желаний, положенных в основу сновидения, объектом которых является субъект сновидения. Только лишь её окончательный вердикт и является последним, окончательным и решающим. Мы во время своего сна не имеем возможности изменить свою изначальную оценку чего-либо. Это под силу только лишь для нашей сознательной интеллектуальной деятельности.

В сновидении используется все то, что уже было предварительно нами рассмотрено, обдуманно и оценено. Если же что-либо и было обесценено нами путем перемещения своей ценности на что-либо другое, косвенно с ним связанное, то это было произведено нами некогда ранее в бодрственной жизни, и сделано это было вполне сознательно, и, с нашей точки зрения, вполне обоснованно. Таким образом, можно с полной уверенностью утверждать то, что никакая дополнительная переоценка ценностей в состоянии сна абсолютно невозможна. Для этого нам необходимо хоть на мгновение проснуться и над чем-то хоть немного поразмыслить.

Зигмунд Фрейд пишет: *«...при образовании сновидения совершается перенесение и смещение психической интенсивности отдельных элементов, результатом которых и является различие между содержанием сновидения и мыслями, скрывающимися за ним. Процесс, происходящий при этом, составляет существенную часть деятельности сновидения; мы назовем его процессом смещения. Смещение и сгущение – два процесса, которым мы имеем полное основание приписать образование сновидения»*.

Процесс сгущения представляется достаточно ясным и вполне понятным, и результаты его деятельности вполне очевидны и наглядны для нашего сознательного мышления – взяли что-то и смешали. Мы получаем в результате его деятельности, сложные и оригинальные объекты в сновидении, существование которых в бодрственной жизни не всегда представляется возможным. Именно этому процессу мы в конечном итоге и обязаны всей запутанностью и загадочностью некоторых из наших сновидений.

Процесс смещения, если таковой существует в действительности, можно отнести к менее значимым психическим процессам, так как его деятельность коротко можно описать, как некую разновидность процесса сгущения, и выведения на его основании средней оценки значимости объектов и образов в сновидении. Его деятельность, с моей точки зрения, следует объединить с деятельностью процесса сгущения. Она не является принципиально отличной, и может оцениваться лишь как деятельность процесса сгущения в сфере итоговой

оценки значимости каких-либо объектов или образов исходного материала сновидения. Деятельность этого процесса имеет много общего с созданием замещающих образов, как при создании сновидений, так и в бодрственной жизни. Вся символика сновидений построена на этом общем фундаменте.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Результатом этого смещения является то, что содержание сновидения не походит по-своему существу на мысли, скрывающиеся за ним, и то, что сновидение отражает лишь искажение жизни в бессознательном. Искражающая деятельность сновидения нам уже знакома; мы объяснили её цензурой, которую оказывает одна психическая инстанция по отношению к другой. Процесс смещения в сновидении – одно из главнейших средств достижения такого искажения».*

Иногда так случается, что «главная роль» в нашем сновидении, исходя из «сценария», принадлежит не чему-то наиболее значимому, с нашей точки зрения, а чему-то или кому-то более важному, значимому и актуальному с точки зрения работы сновидения, что может быть ею в итоге определено лишь после полного анализа всех доступных ей в тот момент желаний, объектом которых мы являемся. Работа сновидения лишь старается из всего доступного для неё материала создать нечто такое, что будет доступно для воплощения в форме сновидения, и, впоследствии, окажется доступно для нашего понимания после пробуждения. Иногда ей это удается немного лучше, иногда немного хуже – в любом случае, наша сознательная деятельность не в состоянии управлять деятельностью сновидения, и каким-либо образом безусловно и беспрекословно навязывать ей свои собственные правила оценки всего используемого материала сновидения.

Деятельность цензуры в самом сновидении, насколько мне это представляется вообще возможным, отсутствует полностью, так как она является исключительным конечным продуктом нашей сознательной душевной деятельности. Наша цензура, с момента своего возникновения, имела своей основной целью лишь незначительный контроль нашего сознательного мышления, и, в гораздо более значительной степени, предполагала осуществлять контроль именно наших сознательных действий, и ни на какие другие сферы она не была ориентирована. Нам не было запрещено о чём-то думать; нас, прежде всего, только лишь предостерегали от каких-либо потенциально опасных действий. Требования цензуры иногда изменяются в связи с изменением окружающей нас обстановки, законов, моральных требований, культурных предписаний общества и так далее. В самом сновидении такие дополнительные ограничения и препятствия отсутствуют полностью. Там царит полная анархия в отношении наших повседневных сознательных предписаний, ограничений, правил и запретов. Единственным действующим законом в состоянии сна является выполнение наших собственных желаний, и всех тех желаний различных людей, объектом которых мы в тот момент являемся. Именно в них и устанавливаются действующие для нас в тот момент нормы, правила и законы, которые и будут актуальны для нас в данном, конкретном сновидении.

с) Средства изображения в сновидении

«Каждая женщина без исключения уже в самом раннем детстве своем проявляет стремление создать какие-либо отношения между двумя лицами: совсем маленькие девочки оказывают посреднические услуги даже поклонникам своих старших сестер».

Отто Вейнингер «Пол и характер»

Работа сновидения располагает лишь тем исходным материалом, который ей предоставляется самими желаниями. Всё остальное, как предполагаемые источники сновидений, для неё в тот момент совершенно не существует. Для неё есть только здесь и сейчас, и это её единственная существующая реальность. Завтра будет, скорее всего, совершенно иная реальность, будут иные желания, и, как прямое следствие, будут иные сновидения, в которых возможно будут использованы и иные средства для изображения содержания.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Нас интересуют здесь исключительно существенные мысли, скрывающиеся за сновидением. Они представляют собою большей частью комплекс мыслей и воспоминаний со всеми особенностями мышления, знакомыми нам по бодрствующему состоянию. Нередко эти мысли исходят не из одного центра, но все они имеют точки соприкосновения; почти всегда подле одного ряда мыслей находится противоположный ему, связанный с ним при помощи ассоциации по контрасту».*

С тем фактом, что *«мысли исходят не из одного центра»* – различные субъекты желаний; *«все они имеют точки соприкосновения»* – объектом всех этих желаний является субъект сновидения, я целиком и полностью согласен. Но необходимо уделять внимание не только всем мыслям, скрывающимся за сновидением. Нужно попытаться распознать среди них исходные, лежащие в основании сновидения желания или намерения, которые и могли быть использованы душевной деятельностью при создании сновидения. Давайте рассмотрим немного более подробно все те общие черты, которые объединяют некоторые группы мыслей, скрывающихся за сновидением:

а) «мысли исходят не из одного центра» – здесь идет речь о том, что в большинстве сновидений в качестве источника выступает не единственное желание одного человека, субъекта сновидения. Практически всегда в сновидении прослеживаются различные конфликты, несвойственные одному человеку. Совершенно ясно то, что один человек самостоятельно не может быть источником всех тех желаний, которые используются работой сновидения при создании его сновидения. Что-то из используемого материала ему совершенно чуждо, что-то ему просто неинтересно, что-то в тот момент совершенно для него неактуально, что-то для него просто вредно и опасно и так далее. Следовательно, центров, источников всех желаний, скрывающихся за сновидением, в большинстве случаев оказывается гораздо больше, нежели один, принадлежащий самому субъекту сновидения. Встречаются также и такие сновидения, в создании которых не было использовано ни одного желания субъекта сновидения, так как в тот момент у него отсутствовали какие-либо желания, достаточно интенсивные для того, чтобы заинтересовать собой душевную деятельность во время создания сновидения.

б) «все они имеют точки соприкосновения» – Основной точкой соприкосновения и главным объединяющим фактором всех этих мыслей, желаний и намерений является сама особа субъекта сновидения. Именно субъект сновидения и является главным действующим лицом и основной целью всего исходного материала сновидения. Это центральная и единственная значимая общая точка соприкосновения всего исходного материала, благодаря которой и оказалось возможным именно такое объединение желаний для создания именно такого сновидения. Всё остальное не является определяющим – основным объединяющим фактором представляется исключительно только лишь особа самого субъекта сновидения, который является объектом всех тех желаний, которые и использовались при создании сновидения. И только лишь все те мысли, которые скрываются за всеми этими желаниями, в той мере, в какой это представляется необходимым, возможным и доступным, используются работой сновидения в своей деятельности.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Для изображения причинной связи сновидение имеет в своем распоряжении два способа, которые по существу своему одинаковы. Наиболее употребительный способ изображения следующий: так как то-то и то-то обстоит таким образом, то должно было произойти то-то и то-то. Этот способ состоит в том, что причина изображается в виде предварительного сновидения, а последнее – в виде главной его части. Если я не ошибаюсь, то последовательность может быть и обратная, но следствие всегда соответствует главной части сновидения».*

Не всегда нам удается вспомнить всё то, что снилось в течение всей ночи. В основном мы вспоминаем с утра лишь некоторые части наших сновидений. Редкое сновидение бывает нам доступно после пробуждения полностью. Поэтому, часто бывает нелегко проследить такого рода причинно-следственную связь. Иногда приходится довольствоваться толкованием немногочисленных, доступных после пробуждения, фрагментов сновидения; некоторые фрагменты иногда возвращаются в нашу память уже в процессе анализа ранее доступных нам частей сновидения. Поэтому, такой способ достижения понимания существующей связи является не всегда возможным и не слишком надежным. Здесь играет значительную роль предварительная доступность нашему сознательному мышлению всего материала нашего сновидения за всю ночь, что происходит с нами достаточно редко.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Другой способ изображения причиной связи применяется при менее обширном материале и состоит в том, что один образ в сновидении – будь то лицо или вещь – превращается в другой. Лишь там, где в сновидении действительно происходит такое превращение, мы можем говорить о наличии причинной взаимозависимости, но отнюдь не там, где мы только замечаем, что на месте одного образа появился другой».*

Для иллюстрации вышесказанного я приведу ещё раз тот фрагмент сновидения, который уже был мною использован ранее в разделе о работе процесса сгущения при создании сновидения. В этом фрагменте сновидения уже изначально просматривается некоторое несоответствие видимого мне образа его действительной сущности, о чём мне в самом сновидении кто-то прямо так и говорит, подтверждая этим мои сомнения.

Фрагмент сновидения: *«Мне снится один знакомый В.. Я точно уверен в*

том, что это именно он, хотя внешность у него немного необычная, он на себя абсолютно не похож, что-то не совсем ясное, образ какой-то нечеткий, расплывчатый. И все же, с одной стороны, я почему-то уверен в том, что это именно В., а с другой стороны, он внешне почему-то совершенно не похож на самого себя. Потом кто-то говорит: «В. теперь уже не тот». Через некоторое время В. превращается в совершенно незнакомого мне человека, которого я назову Х., при этом у меня сразу же пропадает и ощущение того, что это В.».

Этот фрагмент сновидения как нельзя более наглядно иллюстрирует особенность представления нам причинной связи в одном и том же объекте в сновидении. В этом случае мы в сновидении сразу же можем заметить существующую взаимную зависимость между различными людьми, которые, судя по всему, делают при этом одно общее дело, и один из них является непосредственным идейным вдохновителем другого, и направляет в тот момент все его действия в нужном ему направлении. Это сразу же бросается в глаза даже во внешности, которая претерпевает достаточно существенные, слишком заметные изменения. Впоследствии, в самом сновидении один образ одного просто превращается в образ совершенно другого, который уже не может или не хочет оставаться незаметным и невидимым. Один человек уступает своё место другому; арена действия остается всё та же, а действующие лица в какой-то момент меняются.

Судя по тому, что этот Х. представлен в сновидении именно таким образом, его участие во всем на начальном этапе сводится в прямых указаниях, которые он передает исполнителю его воли. Но именно он является основной движущей силой всего происходящего, не будучи при этом на начальном этапе видимым для меня. Он является кем-то вроде кукловода, «автора сценария» и «режиссера постановщика» всего задуманного, вполне возможно, что даже и не им самим, действия. В ином случае, если бы он сам с самого начала тоже принимал достаточно активное участие в самих действиях, ему не было бы тогда необходимости сливаться воедино с образом своего подшефного послушного исполнителя. Тогда в сновидении присутствовали бы два совершенно, отчётливо различных человека, каждый из которых играл бы свою собственную роль, изначально predeterminedенную своими собственными желаниями и намерениями. А так получается то, что В. должен выполнить некую предварительную работу, а уже потом на сцену выходит Х., который является следующим участником предполагаемого действия – Х. вместо В., а не В. вместе с Х..

Спустя год после того, как мне приснилось вышеприведённое сновидение с моим знакомым В., мне приснился один очень интересный и любопытный сон с его участием, который я и приведу ниже с дальнейшими пояснениями...

«Я у себя дома в квартире на 9-м этаже. Ко мне в квартиру заезжает на машине мой знакомый В.; с ним вместе несколько незнакомых мне молодых людей. Они что-то у меня взяли и аккуратно, задним ходом выехали из квартиры, ничего при этом не повредив из моей обстановки. Я почему-то этому не удивляюсь. Спустя некоторое время он опять заезжает ко мне с какими-то своими знакомыми ко мне в квартиру. Ему снова нужно что-то у меня взять. Я ему это даю, – похоже на то, что он взял у меня лестницу, которую он закрепил на багажник машины, который расположен на её крыше, – и он затем от меня выезжает. Однако, на этот раз он задевает некоторые из

предметов обстановки в комнате, в результате чего на пол падают и разбиваются несколько комнатных цветков, засыпав при этом весь пол землёй. Я начинаю наводить в комнате порядок, и от этого происшествия почему-то не сильно расстраиваюсь; у моего знакомого внешне не заметно никакого огорчения от причинённого им мне вреда. Однако я ему всё же говорю о том, что всё это на его совести, так как прежде он был способен всё то же самое сделать аккуратно и не повредить при этом ничего у меня в квартире. Он со мной не спорит, однако и не извиняется за свои действия. Он просто молча смотрит на меня и никуда при этом не пытается уйти...»

Поводом к этому сновидению можно предположить несостоявшееся приглашение этого моего знакомого **В.** ко мне в гости на празднование дня моего рождения; он его, видимо, ожидал, так как в прошлом году я его приглашал, однако я в этом году решил его не отмечать попойкой, поэтому и не возникло необходимости кого-либо приглашать к себе в гости. Он, в свою очередь, не посчитал нужным или возможным напрашиваться ко мне в гости по собственной инициативе. Каждый в итоге остался при своём, а он при этом не удосужился даже поздравить меня с днём рождения – вроде бы мелочь, но достаточно громко говорящая об его действительном ко мне отношении.

Однако, судя по его поведению в сновидении, я не захотел праздновать в этом году свой день рождения не без основания, так как, в отличие от предыдущих его ко мне визитов, на этот раз от него и его компании/советчиков/сообщников можно было бы ожидать для себя нечто не очень приятное. Судя по его поведению в сновидении, для него это было бы также не самым приятным действием, так как он в самом сновидении не выглядел радостным от того, что смог своими действиями причинить мне некоторые неудобства и неприятности. В данном случае, можно только лишь констатировать то, что у моего знакомого **В.** за прошедший год отношение ко мне изменилось в худшую сторону, и он оказался способен на нечто такое, до чего прежде никогда бы опустился. Все люди с возрастом как-то меняются, и многие из них, к величайшему сожалению, не в лучшую сторону! И с этим необходимо считаться.

В прошлом сновидении его образ в какой-то момент оказался смешанным с образом того, кто им пытался манипулировать, что не помешало в конце сновидения и самому этому манипулятору/кукловоду появиться на месте моего знакомого **В.** На этот же раз их организованное сообщество и плодотворное сотрудничество были полностью передо мною открытыми – они уже совершенно не стеснялись все вместе показаться у меня в доме, и причинить мне некоторый видимый и осязаемый ущерб, однако отвечать за всё остался мой знакомый **В.**

Рассмотрим теперь положительный или отрицательный аспекты вовлечения в свои предполагаемые действия одним индивидуумом кого-то другого. В какой мере всё это так или иначе повлияет на их представление в сновидении – этот вопрос более подробно будет обсуждаться далее. Но тот факт, что такого рода связь, действительно существующая между участниками в сновидении, непременно изображается в виде изменяющегося образа – не вызывает совершенно никакого сомнения.

Давайте посмотрим на то, каким образом осуществляется представление в сновидении участников интриг и заговоров, в которых кто-то является активным самостоятельным или несамостоятельным действующим лицом.

«Он отыскал у себя чудодейственного свойства порошок, который получил на Востоке от одного владетельного князя, утверждавшего, что его имеет обыкновение применять Магомет, когда захочет кого-нибудь отправить в свой рай или же, напротив, вызвать его оттуда, и что порошок этот, сколько его ни дать, без малейшего вреда так усыпляет, что до тех пор, пока он действует, никто не подумает, что человек тот жив...»⁸⁰

а) В том случае, когда кто-то выступает в качестве активного несамостоятельного действующего лица, которому были под каким-то вымышленным предлогом предписаны другие, несколько отличные от его обычных, действия, всё происходит следующим образом: его поведение будет несколько отличаться от свойственного для него в действительности при сохранении полного внешнего сходства. При этом он будет ощущать некоторую скованность в своих собственных действиях, так как не он сам изначально определил для себя весь тот круг необходимых действий, которые им выполняются. От него в таком случае прежде всего ожидается податливость и безынициативность в ходе всего происходящего в сновидении. Это один из тех случаев, когда наиболее важным и вполне достаточным является именно его присутствие.

б) В том случае, когда он выступает в качестве активного, самостоятельного действующего лица, непосредственного участника событий, его внешность так же не претерпевает изменения; деятельность процесса сгущения будет иметь место лишь в том случае, если он является не единственным значимым источником и организатором предполагаемых действий. Его внешность будет тем менее узнаваема, чем больше желаний участников, являющихся при этом единомышленниками, присутствует в исходном материале сновидения. Процесс сгущения скорее всего наиболее сильно используется в том случае, когда изначально присутствует некоторая внутренняя общность, единодушие при принятии решений и в понимании предполагаемых и предпринимаемых действий несколькими участниками. Необходимым условием для использования процесса сгущения при создании коллективного образа участников представляется, так сказать, взаимная обязанность и способность в какой-то степени «впустить к себе в душу» друг друга каждым из основных участников, полностью прочувствовав при этом всю суть ими замышленного процесса, и полностью проникнувшись всеми задуманными действиями, целями и средствами. Вполне возможно, что весь этот коллективный, сгущенный и смешанный образ составляет уже в процессе формирования такого всеобщего, коллективного желания, в процессе установления согласия между всеми участниками предполагаемых ими намерений и действий.

Теперь рассмотрим то, каким образом происходит представление в сновидении участников интриг и заговоров, в которых они являются пассивным самостоятельным или несамостоятельным действующим лицом.

«Если я предназначен служить орудием обмана, пусть это будет, по крайней мере, без моего ведома»⁸¹

а) В том случае, когда он выступает в качестве пассивного самостоятельного действующего лица – так называемый статист, который может вообще не

80 Джованни Боккаччо «Декамерон»

81 Мишель Монтень «Опыты»

предполагать своего участия в чем-либо – просто некоторыми предприимчивыми людьми используются его повседневные привычки, образ или стиль жизни, склонности или слабости. Он в таком случае представляется чем-то вроде какой-то наживки или предмета окружающей обстановки, и его поведение в сновидении будет совершенно обычным и естественным; его образ будет вполне узнаваемым при сохранении полного внешнего сходства. Он не будет ощущать никакой связанности, так как он самостоятельно определил и подтвердил для себя весь круг предполагаемых для себя действий, которые им, в случае необходимости, выполняются. Эти действия не имеют существенного согласования в деталях с основным интересантом его использования. Он ведет себя в сновидении совершенно естественно, как и свойственно ему в действительности, чем и стараются воспользоваться в своих интересах некие злоумышленники.

б) В том случае, когда он выступает в качестве пассивного несамостоятельного действующего лица, соучастника поневоле, который полностью подчиняется внешним указаниям под давлением, внушением или под гипнозом – его внешность не претерпевает никаких изменений, так как он под внешним давлением принимает участие во всем происходящем. В таком случае, – так как он принимает участие во всех предполагаемых действиях против своей воли, будучи вынужденными к этому основными заинтересованными лицами, организаторами всего этого, – его внешность будет полностью узнаваема вне зависимости от того, сколько помимо него каких-либо активных участников и организаторов присутствует в сновидении. В таком случае его собственное желание будет иметь своей конечной целью не все действительные цели предполагаемых кем-то и предпринимаемых им действий, а совершенно другие, косвенно со всем этим связанные – такие как: избежание неудовольствия, сохранение своей жизни или жизни значимых людей и/или имущества. Всё остальное в тот момент просто не будет им в своей душе воспринято как нечто в достаточной мере поддерживаемое и одобряемое. Именно по причине того, что он в таком случае становится не хозяином самому себе, вся его деятельность и оценивается как пассивная, вынужденная, им не желаемая и для него в обычной ситуации совершенно не свойственная и полностью неприемлемая. Им в той ситуации управляют против его собственной воли. Его желания в таком случае имеют цели значительно отличающиеся от целей, преследуемых остальными заинтересованными лицами.

«...в Риме бывало немало странных и неожиданных событий, как, например, когда чуть ли не все римские женщины устроили заговор с целью перебить своих мужей. Некоторые из мужчин были отравлены, а для других их жены только приготовили яд. Подобное произошло и во время заговора Вакханалий, раскрытого в ходе Македонской войны; в него были замешаны многие тысячи мужчин и женщин, и город подвергся бы величайшей опасности, если бы заговор не был обнаружен...»⁸²

Проиллюстрируем небольшим примером такую ситуацию, когда активное действующее лицо какой-либо интриги, заговора, предварительно введенное в заблуждение, является при этом полностью несамостоятельным, основным действующим лицом. Человека в таком случае используют частично «втемную». Он не знает действительных, конечных намерений заговорщиков, и, скорее всего, будет предполагать результатом своих действий нечто значительно

отличающееся от ими предполагаемых, действительных замыслов и намерений. Например: *«Одной молодой женщине кто-то под видом какого-либо приворотного зелья вполне сознательно дает какой-нибудь яд. В результате употребления этого мнимого «приворотного зелья» любимый ею человек непосредственно от неё получает какой-либо значительный ущерб для своего здоровья или умирает».*

Каковым будет её присутствие во сне? Скорее всего, она будет представлена в сновидении в своём полностью узнаваемом виде, хотя в её действиях, скорее всего, в какой-то мере будет присутствовать некоторая скованность. Всё-таки в этой ситуации она не до конца самостоятельно будет всё осуществлять. В её случае все внешние указания будут иметь вид каких-то многоопытных подсказок и полезных советов, что и будет несколько ограничивать её собственные действия. Но всё это будет предварительно принято и предпринято ею полностью сознательно и совершенно добровольно, правда под абсолютно другим видом и в форме неких благих намерений.

Будет ли иметь место смешение образов её и организатора заговора? Никакого смешения образов в таком случае не будет, хотя, скорее всего, даже несмотря на сильное естественное желание организатора остаться при этом неизвестным и/или неузнаваемым, он будет в каком-то виде фигурировать в таком сновидении. Он просто не сможет не быть представленным в сновидении по причине своей личной заинтересованности во всём предполагаемом и предпринимаемом в сновидении; он необходимо должен быть представлен в сновидении по причине того, что у него самого присутствует достаточно сильное желание, объектом которого является субъект сновидения – объект заговора.

Как всё это будет выглядеть? Скорее всего в самом сновидении объекта такого рода желаний всё будет представлять собой что-то напоминающее действительные события. В сновидении будет каким-то образом ему показана двусмысленность действий, или будет продемонстрирована откровенная и неприкрытая их негативная направленность по отношению к нему. Вспомнив своё сновидение после пробуждения, он будет в состоянии понять неискренность, двусмысленность и злонамеренность некоторых из участников своего сновидения.

Может ли она это почувствовать? Скорее всего она будет в состоянии ощутить неискренность своих советчиков и подсказчиков. У неё в какой-то момент могут возникнуть какие-то сомнения в их действительных, конечных целях, но они при этом, конечно же, будут всячески стараться использовать все доступные им средства и методы для убеждения и уговоров. Но её, так называемое, интуитивное предчувствие чего-то плохого в таком случае будет обязательно присутствовать, а насколько серьёзно она к нему отнесется, это уже будет полностью зависеть от неё и её советников.

Приснится ли ей то, что её используют как некое орудие против её любимого человека? Скорее всего ей ничего подобного не приснится. Все её возможные сомнения не в состоянии будут дать необходимого материала для полноценного сновидения. Она будет иметь только лишь возможность подсознательно почувствовать, или сознательно каким-то образом узнать, или самостоятельно попытаться предугадать несоответствие предполагаемых ею целей некоторым действительно возможным результатам её действий,

принимая во внимание возможную неискренность и злонамеренность своих помощников и советчиков.

Могут ли сами заговорщики с помощью какой-либо формы внушения воспрепятствовать пониманию их действительных намерений? В большинстве случаев они всегда с такой целью используют свои настойчивые уговоры и убедительные рассказы о всевозможных положительных последствиях рекомендуемых ими действий. Все её возможные сомнения они будут стараться изначально предусмотреть, и каким-то образом их опровергнуть, полностью нивелировать, используя для убеждения, уговоров и внушения всех доступных для них значимых для неё людей и все возможные средства психологического воздействия.

Влияет ли их внушение на формирование сновидения и на её интуитивные ощущения? На интуитивные ощущения всё это никаким образом не может повлиять. Всё это может своим шумом и присутствием только лишь отвлечь, заглушить или заслонить некоторые разумные, сознательные внутренние доводы, направленные против предполагаемых действий. Они могут добиться этим лишь того, что в случае возникновения каких-либо сомнений, она будет автоматически повторять себе нечто вроде: **«Это всего лишь мои собственные, ничем не обоснованные фантазии и ничего более того»**.

«Разве ты не скажешь, например, что душа вожделеющего человека стремится к предмету своего вожделения или что она привлекает к себе то, чем хочет обладать? Или другой пример: не скажешь ли ты, что, поскольку ей хочется получить что-нибудь, она кивает в знак одобрения сама себе, словно её об этом спрашивают, и стремится осуществить своё желание?»

- Да, я скажу именно так.

- Что же дальше? «Не хотеть», «не желать», «не вожделеть» – разве мы не отнесём всё это к тому же [виду], что и «отталкивать», «не принимать душой», то есть ко всему противоположному?»⁸³

Каким образом оказывает своё влияние на наше сновидение желание помочь кому-либо, желание оказать какую-то услугу, желание подарить кому-то что-то, желание отправиться в путешествие, желание заняться любовью, желание защитить от чего-либо или кого-либо? Какого рода желания являются наиболее значимыми с точки зрения работы сновидения? Скорее всего, в данном случае подобного рода желание не будет обладать необходимым энергетическим потенциалом, и оно не будет иметь доступа к использованию его в качестве материала для нашего сновидения без дополнительного импульса извне, который может быть представлен в форме встречного желания со сходным смыслом и общей целью, или подобного желания с такой же точно целью. Исходить оно должно либо от объекта такого желания, – от того, кому и предназначена эта помощь или услуга, – либо же от того, с кем вместе планируется, предполагается такую услугу оказать. Все возможные состояния одержимости в данном случае нами не рассматриваются; при исследовании предполагается изначальная интенсивность желаний, свойственная для нормального человека в обычной

обстановке.

Нежелание помочь кому-либо, нежелание оказать какую-то услугу, нежелание дарить что-то, нежелание отправиться в путешествие, нежелание заняться любовью, отсутствие желания защитить от чего-либо или от кого-либо – все наши собственные нежелания – имеют ли они такую же значимость? Играть ли роль при создании сновидений такого рода наши желания и намерения? Подобного рода наши желания скорее всего имеют в себе ещё более слабый изначальный энергетический потенциал, чем рассмотренные ранее желания, так как в основном рассчитаны на вполне определенное противодействие в случае возникновения предполагаемой ситуации, и в виде самостоятельного импульса к действию совершенно нами не рассматриваются, поэтому и не представляют интерес как исходный материал для создания отдельного сновидения. Это всего лишь один из механизмов нашей внутренней предварительной, продуманной, подготовленной, предусмотрительной защиты, который с течением времени при утрате своей актуальности обычно постепенно забывается, даже возможно не будучи ни разу не задействованным. Вполне возможно, что такого рода наши намерения способны повлиять на само содержание сновидения в том лишь случае, если в качестве источника сновидения, основного желания, выступает нечто такое, конечная цель которого является именно тем, против чего мы достаточно сильно настроены. В таком случае у нас появится не только лишь потенциальная, а уже и вполне реальная, действительная возможность в самом сновидении каким-то образом противостоять и противодействовать нежелаемым и неприятным для нас действиям, к которым мы оказались уже заранее подготовленными.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Когда, однако, рассказчик при сообщении сновидения употребил союзное речение «или-или», – например, мне снился сад или же комната – там в мыслях, скрывающихся за сновидением, содержится не альтернатива, а простое сопоставление, характеризующееся простым союзом и «и». При помощи «или-или» мы изображаем обыкновенно расплывчатый характер какого-либо элемента сновидения, которое стараемся припомнить и разъяснить. Правило толкования в этом случае гласит: отдельные части мнимой альтернативы следует сопоставить друг с другом и связать при помощи союза «и»».*

Вполне возможно, что такое происходит в том случае, когда при создании сновидения деятельность процесса сгущения оказалась не в состоянии в полной мере объединить в сновидении различные объекты или считает оправданным, возможным, необходимым и важным предоставить нам понимание того, что такая действительная альтернатива существует. В то же время не вызывает никаких сомнений тот факт, что для полного понимания всего смысла сновидения важным является наличие в его содержании именно такой альтернативы. В ином случае, потребовалось бы использовать два различных фрагмента в самом сновидении, что тогда представляется уже своего рода излишеством. Даже деятельность сновидения старается при всякой подходящей возможности экономить свои ресурсы и не отягощать наше сознательное мышление чрезмерным и излишним материалом сновидений.

Иногда таким образом в сновидении бывает определена и продемонстрирована присутствующая альтернатива, некоторый возможный выбор в предполагаемых целях и средствах, изначально обусловленный

наличием сомнений при обдумывании механизмов реализации всего задумываемого. Мы получаем в таком случае возможность прочувствовать, ощутить все сомнения и понять неоднозначность и неуверенность в предполагаемых замыслах и намерениях. Присутствие в сновидении такого рода альтернативы, свидетельствующей о существующих сомнениях, может давать нам основание надеяться на то, что всё это в конечном итоге так и останется лишь на уровне чьих-то бесплотных фантазий. Когда в стане заговорщиков не наблюдается единства, объекту их заговора это может быть только лишь на руку.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Сходство, согласование и общность обычно изображаются сновидением путем соединения в одно целое, которое либо имеется уже в наличии в материале сновидения, либо же образуется заново. Первый случай мы можем назвать идентификацией, второй же – образованием сложных комбинаций. Идентификация применяется там, где речь идет о людях; образование же сложных комбинаций там, где материалом соединения служат вещи, хотя сложные комбинации образуются и из людей. Местности подлежат зачастую тем же правилам, что и люди».*

Данный процесс своим описанием напоминает по-своему действию **процесс сгущения**. Именно ему присущи такие механизмы и характеристики при объединении по признаку общности, сходства или взаимного согласования. Вполне возможно, что в вышеприведенном описании приводится разделение по уровню вовлеченности и виду предопределяемой роли в предполагаемых действиях, которые были реализованы в сновидении. Я уже немного описывал нечто подобное ранее – интриги и заговоры, в которых кто-то является активным или пассивным действующим лицом; каким образом всё это оказывает влияние на представление в сновидении в зависимости от числа участников какого-либо предполагаемого, запланированного действия. Далее будет более подробно разбираться эта особенность формирования образов сновидений.

При образовании сновидения деятельность сновидения либо считает необходимым и возможным представить каждого участника в отдельности в сновидении, либо же пользуется для этих целей коллективным образом, что иногда представляется наиболее оправданным и удобным. Довольно-таки часто нам в сновидении оказывается виден лишь один человек, но при этом мы достоверно ощущаем и прекрасно понимаем то, что рядом с нами находится ещё кто-то другой, для нас в тот момент совершенно невидимый, но присутствующий; хотя мы его и не видим, но можем иногда слышать некоторые его реплики или комментарии, или же просто ощущать его присутствие. Таким образом, всегда именно деятельность сновидения сама определяет то, каким образом будут представлены все участники действий – индивидуально, в качестве коллективного образа, либо же лично абсолютно никак не будут представлены, возможно, что только лишь в виде какого-либо намека или оттенка. Я также допускаю то, что в некоторых случаях взаимная вовлеченность и общая заинтересованность в предполагаемых действиях может быть настолько существенной, что уже на этапе совместной проработки механизма реализации всеми участниками это может привести к тому, что может образоваться некоторое душевное сродство, так называемое, частичное объединение на уровне души, общее единоедушие. В таком случае душевной деятельности субъекта сновидения всё изначально может быть представлено в форме коллективного образа, от которого уже и исходят какие-то конкретные желания и намерения.

Зигмунд Фрейд пишет: «*Возможность образовывать сложные комбинации носит на себе черты, придающие сновидениям зачастую фантастический характер: благодаря ей, в содержание сновидения вводятся элементы, которые никогда не могли стать объектом нашего восприятия. Психический процесс при образовании сложных комбинаций сновидения, по всей вероятности, тот же, какой происходит, когда мы в бодрствующем состоянии представляем себе кентавра или дракона. Разница лишь в том, что при фантазировании наяву решающую роль играет желаемое впечатление от составляемой фантазии, между тем, как образование сложных комбинаций в сновидении обуславливается моментом, лежащим в начале этого образования – отношением сходства в мыслях, скрывающихся за сновидением».*

Мы в своей повседневной жизни, в своем сознательном мышлении, в своих разговорах иногда сравниваем какие-то черты характера, особенности внешности, привычки, образ жизни с чем-то таким, что иногда является частью мира других живых организмов – водного мира, мира пресмыкающихся, мира хищников, мира приматов и т.д., а иногда мнимых и воображаемых существ и явлений – мира фантазий. В каждом таком случае наша душевная деятельность при образовании сновидений, вполне возможно, что понимает нас буквально, а не в мнимом, переносном смысле, как нам бы этого хотелось. Именно таким образом иногда и получаются в наших собственных сновидениях фантастические элементы, ситуации или образы. Вполне возможно, что они нами когда-либо ранее уже были созданы в процессе произвольного фантазирования или во время размышлений, поэтому в нашей памяти они уже и хранятся в некоем ранее созданном подобии чего-либо для нас понятного; деятельность сновидения в таких случаях лишь извлекает их на свет и впоследствии использует в своих целях в том случае, когда в них возникает такая необходимость.

Главное что надо понимать – не всякий набор исходных желаний представляется возможным объединить в нечто вполне осмысленное, что будет нам в необходимой мере понятным, и станет чем-то в достаточной мере отражающим самую суть исходного образа или образов, представляющихся нам в конечной форме в образах нашего сновидения. Именно поэтому никогда не нужно слишком сильно удивляться каким-либо запутанным и сильно непонятным сновидениям. Это всё вполне естественно – мы практически никогда не согласовываем в своём воображении форму и конечные цели своих желаний и представлений чего-либо с другими людьми. Часто случается так, что мы в своём воображении, совершенно наоборот, стараемся каким-то образом, вопреки чему-то всеми мыслимому и желаемому, попытаться сделать что-то наоборот, как-то ему противоречащее или несоответствующее.

Если в течение ночи нам снится несколько различных сновидений или же одно сновидение разделено на несколько различных смысловых фрагментов, тогда различные желания различных людей или групп людей не могли быть были объединены работой сновидения в соответствии их с требованиями и источниками в одно сновидение. Работа сновидения посчитала для себя единственно возможным, правильным и необходимым выходом в этом случае произвести именно такое фрагментирование для достижения максимальной степени понимания нами конечного результата своей деятельности и донесения до нашего сведения необходимой для нас информации именно в такой, а не в

какой-либо иной форме.

Зигмунд Фрейд пишет: *«К этим формальным особенностям, бросающимся нам в глаза в сновидении, относится, прежде всего, различие в чувственной интенсивности отдельных элементов сновидения и в отчетливости отдельных его частей или целых сновидений. Различия в интенсивности отдельных элементов сновидения составляют целую шкалу, начиная от редкой отчетливости вплоть до досадной расплывчатости, которую считают обычно характерной для сновидений, так как она по существу своему совершенно несходна с расплывчатостью воспринимаемых нами иногда при наблюдении объектов действительности. Обычно, кроме того, мы называем впечатление, полученное нами от неотчетливого элемента сновидения, «беглым», предполагая о более отчетливых элементах то, что они воспринялись нами в течение более продолжительного времени».*

Вполне возможно, что в таком случае играет роль наша внутренняя, душевная способность отдалить от себя что-либо, или же, при желании, что-то приблизить – таким образом происходит фокусировка внимания и определение отношения. Если в сновидении реализуется что-то для нас позитивное, несущее в себе положительный для нас аффект и эффект, и всевозможные позитивные последствия, тогда мы, со всей душой, стараемся к этому приблизиться, что и может иметь своим прямым следствием более четкие и яркие воспоминания сновидений. Если же в самом сновидении реализуются желания или намерения каких-то неприятных для нас людей, которые представляются нашей душевной деятельностью в тот момент для нас неопасными, либо в сновидении происходит нечто неприятное и абсолютно для нас безынтересное, с точки зрения нашей душевной деятельности, тогда и психическая энергия, необходимая для более четкой фиксации сновидения в памяти, скорее всего, не будет использована для его последующего сохранения на длительное время. Она в таком случае будет просто сэкономлена и затрачена впоследствии на что-либо более для нас полезное, значимое и существенное. Функция сновидения в состоянии самостоятельно определить действительную, конечную значимость материала сновидения для нас и, при необходимости, надежно зафиксировать его в нашей памяти.

Также на интенсивность отдельных элементов сновидения оказывает влияние общее количество желаний и их суммарный энергетический потенциал. Всегда учитывается потенциальная возможность превращения желаемого в действительное, а также степень личной заинтересованности в собственном познании этих предполагаемых, планируемых и вероятных действий для субъекта сновидения. Наша сознательная деятельность все эти процессы не в состоянии в достаточной мере охватить и каким-то образом их контролировать. Если какое-то сновидение в нашей памяти после пробуждения вспоминается смутно и постепенно из неё исчезает – тогда бывает очень сложно, даже приложив значительные для того усилия, самостоятельно увеличить интенсивность воспоминания, либо надолго сохранить его призрачный образ в своей памяти. Он, с течением времени, всё равно как будто бы испаряется. Спустя некоторое время, мы иногда оказываемся не в состоянии найти в себе даже какого-либо намека на то, что нам ранее приснилось. Добиться противоположного эффекта можно лишь потратив значительные усилия на его запоминание, посредством частого мысленного или речевого повторения его содержания, записывания его

содержания, обсуждения его с кем-либо из знакомых и так далее, увеличивая за счёт этого его энергетический потенциал и его собственную значимость.

Зигмунд Фрейд пишет: «...наибольшую интенсивность обнаруживают те элементы сновидения, для образования которых потребовалась наиболее обширная работа сгущения. Мы имеем основание предполагать, что это условие и другое – осуществление желания – могут быть выражены также в одной формуле. Проблему, которую я только что рассматривал, – причины большей или меньшей интенсивности и отчетливости элементов сновидения – мне хотелось бы предохранить от смешения с другой проблемой, которая трактует о различной отчетливости отдельных сновидений или отрывков их. В этом первом случае противоположностью отчетливости служит расплывчатость, здесь же – спутанность. Нельзя, однако, отрицать того, что в обеих этих шкалах восходящая и нисходящая особенности постоянно сопутствуют друг другу. Часто сновидение, представляющееся нам ясным и отчетливым, содержит в большинстве случаев интенсивные элементы; неясное сновидение, напротив того, состоит из менее интенсивных элементов».

Чем больше исходных элементов использовалось при работе процесса сгущения для создания конечного образа, представленного нам в сновидении, тем больше в материале сновидения было различных желаний, которые своим общим количеством в тот момент дали ту необходимую энергию для созданного на их основе конечного образа. В большинстве случаев, именно количественное превосходство исходных, первоначальных образов дает тот необходимый итоговый энергетический потенциал конечному, результирующему образу. Именно это и позволяет этому финальному образу быть представленным в сновидении в яркой и отчетливой форме.

Чёткость и интенсивность образов также в значительной мере зависит и от изначальной интенсивности всех исходных желаний, использованных при создании конечного коллективного образа. Два очень интенсивных желания могут вполне соответствовать по своей итоговой силе большему числу менее интенсивных желаний. Отчетливость же самого сновидения частично зависит от интенсивности всех желаний, а в наибольшей мере зависит от совпадения самого механизма их реализации и предполагаемой, конечной цели всех этих желаний, что позволяет создавать меньшее количество итоговых образов, обладающих более существенным энергетическим потенциалом, которые и проявляются в сновидении с большей интенсивностью.

Зигмунд Фрейд пишет: «Все сновидения одной и той же ночи составляют по содержанию своему одно целое; их разделение на несколько частей, группировка и взаимная связь, – все имеет свой смысл и обуславливается скрытым их содержанием. При толковании сновидений, состоящих из нескольких частей или относящихся хотя бы к одной и той же ночи, нельзя упускать из виду возможности того, что эти различные, последовательные сновидения имеют одно и то же значение. Первое из таких сновидений является зачастую наиболее искаженным и робким, последующее же более смелым и отчетливым».

Необходимо всегда учитывать тот факт, что при создании сновидения и/или его различных фрагментов могут использоваться желания совершенно

незнакомых друг с другом людей, в один и тот же самый момент желающих нечто совершенно отличное друг от друга и между собой никаким образом совершенно не связанное. И единственным объединяющим их в тот момент фактором является то, что в качестве объекта этих своих желаний они избрали субъекта сновидения. Всё остальное может быть совершенно отличным, в результате чего сновидение и бывает разделено на различные, никаким образом друг с другом не связанные, смысловые фрагменты, так как иного способа для их представления в форме сновидения в тот момент не оказалось.

Но всё это не является чем-то абсолютным и неизменным. Бывают возможны различные вариации – от массы фрагментов совершенно различных по смыслу и содержанию, до полностью однородного и односмысленного, четкого и ясного сновидения. Каждому из нас случалось видеть в продолжение всей ночи как одно цельное, ясное, длительное, понятное и приятное сновидение, в котором принимало участие несколько, чаще всего двое, участников, и реализующее одно единственное, простое желание, так и массу различных, смутно припоминаемых, и ничем при этом друг с другом совершенно не связанных, отдельных фрагментов. Ясность сновидения в таком случае свидетельствует о четкости, определенности и силе исходного желания или сходных/встречных желаний, а всё остальное, видимо, было слишком несущественным, и именно поэтому не было использовано в значительной мере и в такой форме, чтобы изменить смысловую нагрузку сновидения. Смутность нескольких смысловых фрагментов свидетельствует о множестве различных, достаточно слабых в энергетическом отношении, и никак не связанных между собой желаний. Можно сказать так, что там не было ничего достаточно важного и существенного, ничего вполне определенного и достойного значительной доли нашего внимания.

Увеличивающаяся интенсивность иногда может зависеть от того, что мы, при формировании нашего желания, иногда испытываем некоторую неуверенность или неопределенность в окончательном своем вердикте – «**быть или не быть**»⁸⁴, делать или не делать. Пока происходит внутренняя борьба между этими противоположными полюсами – нашему, вроде бы уже почти сформировавшемуся, желанию всё-таки пока ещё не хватает достаточной энергетической поддержки до тех самых пор, пока оно не будет нами одобрено окончательно. Только в таком случае оно и получит необходимый для своего четкого и ясного представления энергетический потенциал. В том случае, когда наши сомнения в правильности решения в течение некоторого времени так и не будут разрешены, вероятнее всего, что такое желание начнет постепенно терять даже тот незначительный свой изначальный энергетический потенциал, который был ему перед этим выделен на этапе его формирования.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Что означает столь часто испытываемое в сновидении ощущение связанности, очень близко соприкасающееся со страхом? Человек хочет идти и не может сдвинуться с места; хочет что-то сделать, но все время наталкивается на препятствия. Железнодорожный поезд трогается – человек не может поспеть; он поднимает руку, чтобы отомстить за оскорбление, но рука отказывается служить и прочее... Ощущение связанности движений представляет собой, таким образом, конфликт воли».*

84 «*To be, or not to be*» («*Быть или не быть, вот в чём вопрос...*») – название известного монолога (более точно – сиилоквиа) акта III сцены I пьесы «Гамлет» Уильяма Шекспира... (Википедия)

Действие в нашем сновидении развивается по заранее написанному – в большинстве случаев не нами одними – и предварительно утвержденному каждым субъектом желания сценарию, который в редких случаях оказывается полностью согласованным между всеми участниками. Возможности к каким-либо изменениям и дополнениям в состоянии сна практически отсутствуют; непосредственное воздействие и влияние могут оказать лишь бодрствующие в тот момент субъекты желаний, которые продолжают каким-то образом осмысливать или обсуждать свои намерения или размышлять о чём-то с ними связанном. Все роли и действия четко расписаны и точно определены заранее, во время сознательного планирования всех предполагаемых действий всеми участниками, чьи желания были использованы в качестве исходного материала при создании сновидения.

Наша собственная неспособность к каким-либо активным, полноценным действиям в сновидении достаточно чётко демонстрирует этим то, что нам бы возможно в той ситуации и хотелось того, чтобы всё было как-нибудь по-другому, но мы в тот конкретный момент ничего не в состоянии предпринять. Всё это происходит в силу того, что мы ничего подобного изначально не планировали и не предполагали, и оказались ко всему этому заранее совершенно неподготовленными. Имейся у нас на тот момент какое-либо желание или намерение, которое имело бы своей конечной целью в случае возникновения ситуации нападения на нас, дать отпор в случае действительного нападения на нас в нашем сновидении, вполне возможно, что мы бы с большим успехом смогли бы противодействовать какой-либо подобной угрозе, возникшей перед нами в сновидении. В случае возникновения чего-то подобного тому, о чём мы когда-то ранее уже раздумывали и в отношении чего мы оказались в некоторой мере подготовленными, у нас имеется больше шансов и возможностей не оказаться ограниченными и скованными в своих собственных действиях даже в своём сновидении.

Иногда в таких ситуациях может проявляться изначально заложенная в нас двойственность своих собственных намерений или предполагаемых действий в определенной ситуации, и различное видение нами направления развития этой ситуации, отсутствие единства в своей душе. В таком случае именно наша нерешительность и неуверенность может быть основной причиной того, что в подобной ситуации мы и в сновидении до конца не знаем того, что нам необходимо делать и так ли уж нужно нам вообще делать хоть что-нибудь.

Иногда наша неуверенность может быть прямым следствием нами предполагаемых, и в сновидении каким-то образом подтверждаемых опасений, связанных с подобной ситуацией. Таким образом, наша пассивность в сновидении может иметь своей основной причиной наше собственное признание в своей слабости, или в существующей в данный момент неопределенности. Таким способом проявляется понимание и принятие своей неспособности или нежелания противостоять возникающей опасности, преодолевать какие-то препятствия или чего-либо добиваться.

В некоторых случаях, что случается гораздо чаще, чем нам бы этого хотелось, так называемый «конфликт воли» представляется как конфликт воли самого субъекта сновидения и противостоящей ему в сновидении суммарной воли всех тех субъектов желаний, которые были использованы душевной деятельностью при создании сновидения. Воли всех тех, кто в своих желаниях каким-то образом

противопоставлял себя субъекту сновидения; кто хотел бы того, чтобы всё было именно так, как им хочется, вопреки возможному и, скорее всего, ожидаемому сопротивлению всему этому со стороны субъекта сновидения. В своих желаниях они попытались преодолеть существующее сопротивление субъекта сновидения, подавив при этом даже всякое возможное желание им противодействовать.

У каждого человека непременно есть какие-то свои слабые места, одним из которых, видимо, и является такая неспособность в некоторых ситуациях предпринимать какие-то активные действия и бороться с возникающей опасностью. Но будет всё-таки гораздо лучше, если эта слабость проявится только лишь в сновидении, а не в бодрствующей жизни, чему может как раз и поспособствовать такое сновидение. Субъект сновидения окажется предупрежденным о своём возможном и кем-то для него предполагаемом поражении, что позволит ему, при желании, намного лучше подготовиться к планируемыми в его отношении действиям и предполагаемым будущим событиям.

d) Отношение к изобразительности

Зигмунд Фрейд пишет: *«Слово, как узловое пункт различных представлений может воплощать собой самый различный смысл, и невроты (навязчивые представления, фобии) так же часто используют выгоды, представляемые словом для сгущения и маскировки, как и сновидение. То, что замаскировывающая деятельность сновидения выигрывает при замене словесного выражения, не подлежит ни малейшему сомнению. Замена двух слов с определенным смыслом одним двусмысленным чрезвычайно легко может ввести в заблуждение; замена обыденного и простого выражения фигуральным останавливает наше внимание особенно еще и потому, что сновидение никогда не указывает, следует ли толковать его элементы в прямом или в переносном смысле и искать ли соответственных им элементов в материале сновидения непосредственно или при помощи обратной замены словесных выражений».*

Всякая двусмысленность всегда должна оцениваться не исходя из мнения постороннего толкователя сновидения, – возможность непосредственного участия в формировании сновидения которого может быть исключена полностью, – а исходя из возможного использования какой-то двусмысленности всеми теми, чьи желания использовались, либо потенциально могли быть использованы при создании сновидения. Есть некоторые люди со схожестью образа мышления, которые выросли в сходной культурной среде, у которых при создании образов часто используются аналогичные слова, выражения или словосочетания. Когда речь идет о каких-то родственниках, либо друзьях детства, или близких знакомых, которые довольно тесно между собой связаны и достаточно часто друг с другом общаются, тогда можно попытаться определить – в каком именно смысле используется данное выражение или образ в контексте сновидения.

Иногда в самом разговоре мы не придаем дополнительного значения и не вкладываем никакого дополнительного смысла в некоторые используемые нами в тот момент выражения или определения. Они могут не иметь в тот конкретный момент определяющего значения – существенным является само наличие тогда некоторого действия или эмоции. Именно ситуативная связка слова, эмоции, собеседника и окружения в большинстве случаев позволяет понять тот исходный

смысл, который был вложен в тот момент в какое-то слово или словосочетание. Если в контексте разговора или в сновидении используется что-то такое, что иногда возможно трактовать различным образом – некая двусмысленность или иносказание – это не всегда обозначает наш сознательный выбор, имеющий своей конечной целью именно наше сознательное желание замаскировать что-то от постороннего понимания – так чаще всего проявляют себя оговорки, описки⁸⁵ и прочее. Иногда могли иметь в виду в какой-то конкретной ситуации что-то совершенно отличное от того, что будет предполагать в подобном случае кто-то другой, недостаточно хорошо знакомый с самой ситуацией.

Ниже я приведу фрагмент сновидения, который на первый взгляд представляется как нечто абсурдное и бессмысленное, однако, при более углубленном анализе оказывается так, что всё там вполне чётко и ясно показано и представлено. Просто одновременно использованное в сновидении сгущение и иносказание в своей сумме иногда представляют собой нечто такое, что в первого взгляда может показаться чем-то совершенно бессмысленным и абсурдным.

Фрагмент сновидения: *«...Я хожу по крыше дома, на которой видно много кучек собачьего кала, такие очень аккуратные, свежие кучки. Я аккуратно их переступаю и обхожу и при этом стараюсь ничего не трогать, чтобы случайно не испачкаться. Я не могу понять того, зачем кому-то понадобилось выгуливать свою собаку на крыше? Это же совершенно неудобно. И почему их так много? Я возвращаюсь домой, где меня ждут мои родственники...»*

Этот фрагмент сновидения становится более понятным при вспоминании наших детских привычек к двусмысленным и иносказательным словесным экспериментам, которые достаточно широко нами употреблялись, когда вопрос касался каких-либо запретных, неприглядных или неприятных тем. Именно к числу таких тем и относились все разговоры «туалетной тематики», когда мы употребляли некоторые слова и выражения из другой области применительно к чему-то совершенно отличному от них. Это в одно время проявлялось в нашей речи в завуалированном, скрытом называния всякого рода каловых куч – мы их тогда обыкновенно называли «минами», на которых можно «подорваться» в том случае, если на них наступить. В этом случае, детские военные игры, видимо, и сыграли определяющую роль и оказали свое влияние. Следуя детской логике – наложить такую кучу, на языке сновидения, означало «заминировать территорию», а вступить в неё/вступить в экскременты означало «подорваться на mine». Таким образом, становится совершенно ясно то, что под видом аккуратных кучек собачьего кала мне в сновидении приснились какие-то действительные, а не мнимые мины, на которых можно было подорваться по-настоящему, а не по-детски, не просто как-то испачкаться. Для детей определенного возраста такая тематика является довольно широким простором для применения таких лингвистических способностей. Работа сновидения именно таким способом почему-то решила для меня преподнести исходный материал. В своих разговорах ранее, я иногда говорил что-то вроде: *«Загадили этими минами всё вокруг настолько, что уже и не знаешь где теперь можно спокойно и безопасно ходить»*. Таким образом, в этом сновидении применение образного

⁸⁵ **Оговорка по Фрейду** – обиходное название обмолвки, частный случай явления, описанного З. Фрейдом в исследовании «Психопатология обыденной жизни» (1901). Вместе со всякого рода незначительными описками и машинальными действиями охватывается термином *парапраксис*... (Википедия)

представления является вполне оправданным и совершенно понятным.

В вышеприведенном случае они в действительности и означали собой самые настоящие мины, о которых мне за несколько дней до этого сновидения рассказывал один мой знакомый. Он ходил на кладбище к своему сыну на могилу и видел там очень много мин, разложенных на видных местах. Мы вместе с ним собирались в ближайшее время поехать по одному делу в то место, которое находится рядом с тем самым кладбищем, где он ранее видел все эти мины. Там мы с ним вместе собирались немного подремонтировать крышу одного дома, которая была сильно повреждена в результате обстрелов. Хозяина этого дома зовут так же, как и умершего сына моего знакомого, около могилы которого он видел те самые мины. Я во время той поездки планировал также заехать на кладбище и сходить к нему на могилу – я не был у него там ни разу. Таким образом, моё сновидение, помимо предостережения, имело своей целью и некоторое успокоение моих возможных волнений по этому поводу; оно хотело мне всем этим сказать: *«это всего лишь собачий кал, волноваться абсолютно не из-за чего, просто смотри куда становишься; а в крайнем случае – ты просто немного испачкаешься»*. В качестве основных источников этого сновидения достаточно четко можно выделить следующие три направления:

1. Моё желание помочь знакомому и заодно посетить могилу сына моего знакомого, не подорвавшись при этом на mine;
2. Желание моего знакомого, чтобы я ему помог в его работе;
3. Желание хозяина повреждённого обстрелами дома, который в тот момент не мог сам ничего сделать – он был в то время за границей – чтобы крышу в его доме подремонтировали.

Иногда так случается, что когда кто-то говорит о ком-то в контексте причинения ему какого-то вреда, при этом им используется выражение – *«Он нагадил» нам*, или *«Он хотел нам «нагадить»»*, что в таком случае воспринимается конечно же не в буквальном, а в переносном смысле. Никто в таком случае не имеет в виду того, что кто-то действительно хотел на кого-то нагадить в прямом смысле этого слова.

Хотя в детстве некоторыми иногда практиковался такого рода розыгрыш, когда в бумажку заворачивали какой-то кал и подкладывали под дверь, после чего поджигали эту бумагу и звонили в дверь. Весь изначальный расчет был на то, что, открыв дверь, человек сразу же начнет ногой тушить горящее пламя и, при этом, обязательно вступит в этот самый завернутый в бумагу кал. Детям определенного возраста этот розыгрыш иногда доставляет значительное удовольствие. У некоторых такого рода шутки и связанный со всем этим юмор являются наиболее практикуемыми и востребованными. Хотя, не будем также забывать и о том, что некоторые взрослые иногда так и остаются в своем развитии застрявшими на этой фазе развития своего характера, что и позволяет им уже в своей взрослой жизни не отказываться полностью от всех развлечений, понятий и выражений более раннего периода своей жизни.

Нужно также уметь отличить два схожих действия при совершенно различной мотивации и существенном различии конечных целей, а различия эти иногда могут быть достаточно значительными – желание уехать откуда-то по своим конечным целям, конечно же, отличается от желания поехать куда-то. Хотя, в

обоих случаях речь и идет о поездке куда-то, цели в каждом случае преследуются совершенно разные, даже при всём том, что в каждом из этих случаев приходится откуда-то уезжать и куда-то приезжать. Если какой-то человек хочет просто откуда-то уехать, то самым важным является тот факт, что ему хочется покинуть конкретное место, куда же ему ехать – иногда не играет такой значительной и определяющей роли. Основное желание в таком случае – избежать неудовольствия.

Совершенно по-иному следует понимать сильное желание поехать в какое-то вполне определенное место – в таком случае будет уже играть наиболее значительную роль именно конечный пункт путешествия; именно он и является в той ситуации основной целью. Основное желание в таком случае – получить удовольствие. Конечные цели в этих двух вышеприведённых случаях существенно различаются, хотя множество косвенных целей, вполне возможно, что и будут иметь между собой много общего – сам факт поездки, общение с попутчиками, изменение места жительства и прочее.

Также необходимо уметь отличить два различных действия при схожей мотивации, – а различия эти могут быть довольно-таки значительными. Так, иногда для достижения каких-то сходных целей возникает желание никуда не уезжать со своего места, а иногда – желание куда-то поехать. Иногда для встречи необязательно обоим двигаться навстречу друг к другу; бывает вполне достаточно и того, чтобы кто-то один двигался в сторону другого, а другой при этом просто оставался на своем прежнем месте и ожидал приезда первого. Цели же при этом будут полностью совпадать – встреча друг с другом. Действия же при этом будут абсолютно противоположными – один сидит на своём месте и ничего не предпринимает, а другой двигается по направлению к нему. Если же один не будет оставаться на своём месте и куда-то отлучиться, и при этом не по тому же направлению, тогда предполагаемая и ожидаемая встреча может не состояться. Желание не будет исполнено, и цель не будет достигнута.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Среди разнообразных ассоциаций с мыслями, лежащими в основе сновидения, избирается та, которая допускает зрительное изображение, и сновидение не останавливается ни перед какими трудностями, чтобы преобразовать какую-либо абстрактную мысль в другую словесную форму, даже и самую необычную, лишь бы только она облегчила изображение и тем самым устранила бы психологическую ограниченность мышления. Это переливание содержания мысли в другую форму может быть использовано, однако, одновременно и процессом сгущения и может конструировать связь с другой мыслью, которой бы в противном случае не было бы в наличии. Эта другая мысль в целях облегчения этого процесса может сама изменить предварительно свое первоначальное выражение».*

В основе любого сновидения нет ни одной мысли или образа, которые бы там оказались совершенно случайно или по какому-то недоразумению. Просто иногда мы можем либо не осознавать степени значимости определенного образа для нас в тот момент, либо можем недооценивать важность чего-то для других субъектов, желания которых были использованы работой сновидения. И для нас и для кого-то другого итоговая значимость чего-то чаще всего является самостоятельно, произвольно изменяемым качеством, иногда, правда, не зависящим напрямую только лишь от нас самих. Часто мы сами даже и не замечаем того, что ценность или значимость чего-то для нас в какой-то момент

уже значительно понизилась, при этом существенное повышение ценности является гораздо более ощутимым процессом.

Можно попытаться лучше понять этот естественный процесс, проиллюстрировав его на примере какой-нибудь военной компании, во время которой какой-то ничтожный населенный пункт, высота или ручеёк приобретает огромное стратегическое значение для всей военной кампании. Субъект сновидения является, в некотором роде, конечной целью намерений, желаний и стремлений субъектов желаний, которые используются работой сновидения при создании сновидения. Все эти субъекты желаний стараются найти какие-то уязвимые места и слабые стороны у объекта своих стремлений, чтобы добиться положительного результата при реализации всех своих желаний. Для них значимость этих уязвимых мест и слабых сторон субъекта (сновидения/объекта их желаний) приобретает в тот конкретный момент максимальное значение, чего при этом нельзя сказать про текущую значимость тех же самых сторон для объекта их желаний – субъекта сновидения. Он, в большинстве случаев, даже и не предполагает о том, что с этой стороны кто-то собирается, в некотором смысле, «*проникнуть в его владения*» и использовать этот фактор в своих личных интересах против его воли и его собственных ожиданий. Иногда какой-то объект их желаний, – если речь идёт о том, чем обладает субъект сновидения и что они хотели бы у него позаимствовать, – может иметь для всех различную ценность и значимость, что в таком случае и пытаются использовать в своих интересах субъекты желаний. Иногда, правда, уровень значимости может и совпадать, что случается не часто.

е) Примеры. Счет в сновидении

«Облекать сны в слова и рассказывать их почти невозможно, потому что не так важна самая суть сна, – её-то именно и можно выразить, – как его аромат и флюид, тот непередаваемый дух ужаса или счастья (или того и другого сразу), которым он пропитан и которым порой наполняет душу сновидца ещё долгое время спустя...»

Томас Манн «Иосиф и его братья»

Ниже я приведу несколько примеров сновидений разного типа от различных людей, которые меня по той или иной причине заинтересовали. Они достаточно ясно иллюстрируют некоторые из проблем и вопросов, которые могут разрешаться при помощи наших сновидений. Иногда так происходит, когда наша душевная деятельность при помощи сновидений помогает нам разрешить некоторые существующие проблемы, или обращает наше внимание на необходимость завершения каких-либо незаконченных дел, которые по нашему ошибочному убеждению уже в нашем внимании не нуждаются. Хотя душевная деятельность почему-то так не считает...

Сновидение:

«Я сижу на летней площадке в каком-то кафе возле железнодорожного вокзала в городе. Вместе со мной сидят двое каких-то моих знакомых. Я не могу сказать точно того, кто это такие, однако, судя по нашему общению, мы хорошо друг друга знаем. Один из них, – тот что сидит слева от меня, –

держит в своих руках какой-то нож. Этот нож он держит прикрытым какой-то тряпкой. Контуры ножа довольно-таки хорошо просматриваются через тряпку. Нож этот очень оригинальной формы и устройства. Знакомый мне показывает, каким образом у ножа открывается лезвие, и каким образом оно потом прячется. Он проделывает это передо мной несколько раз, как бы приглашая меня к тому же самому. Для того, чтобы достать лезвие, необходимо приложить значительное усилие, в результате чего лезвие должно защёлкнуться и таким образом зафиксироваться. У него это всё очень легко получается. Он даёт нож мне и просит меня попытаться таким же образом открыть и зафиксировать его лезвие. Я беру его в свои руки, но зафиксировать лезвие у меня не хватает сил. Я совершаю несколько попыток, и убеждаюсь в том, что мне это не под силу.

После того, как я взял нож в свои руки, мои знакомые начинают вести себя совершенно по-иному. Они уже не демонстрируют по отношению ко мне доброжелательности и видимости дружеских чувств. Их поведение становится совершенно иным. Тот мой знакомый, что сидит справа от меня, достаёт какую-то рацию и начинает что-то кому-то тихо говорить. В то же самое время, я замечаю около себя каких-то напряжённых, озабоченных, озадаченных и внимательно на меня смотрящих людей, по своему виду очень сильно напоминающих оперативных сотрудников правоохранительных структур. Я в тот момент начинаю понимать, что против меня, видимо, пытаются сфабриковать какое-то уголовное дело на основании того, что я держал в своих руках нож. Этот нож лежит в тот момент на столике, в его центре, прямо передо мной. Я начинаю лихорадочно стирать с него свои отпечатки пальцев, понимая то, что именно это они – недобросовестные, преступные провокаторы-фальсификаторы, они же и сотрудники «правоохранительных органов» – хотят каким-то образом использовать против меня в своих преступных целях, однако всё в какой-то момент куда-то пропадает, и я внезапно оказываюсь уже в совершенно ином месте...

Я сижу на земле недалеко от своего дома. Рядом со мной находятся какие-то незнакомые мне оперативные сотрудники полиции. Они со мной о чём-то спокойно разговаривают. Невдалеке на траве лежат люди, по своему внешнему виду и форме одежды напоминающие сотрудников полиции из групп быстрого реагирования или групп захвата. Они своим незаинтересованным видом демонстрируют полное равнодушие ко всему около них в тот момент происходящему. Я достаю из своих карманов имеющиеся у меня деньги и начинаю их пересчитывать. В левой руке у меня горсть мелочи, металлических монет, а в правой я держу какие-то мелкие бумажные купюры. Я пытаюсь их пересчитать, чётко осознавая то, что у меня денег в наличии очень мало. В этот момент ко мне внезапно подбегает один из оперативных сотрудников. Он невысокого роста и ведёт себя так, как ведёт себя обычно «пьяная мартышка». Он пытается отобрать у меня деньги. Я выбрасываю всё находящееся у меня в левой руке, всю металлическую мелочь, далеко от себя. Монеты перелетают через рядом стоящие гаражи, куда-то далеко в кусты и траву. Этот сотрудник вместе с несколькими своими коллегами бросается на поиски выброшенных мною монет. Но некоторые из находящихся рядом со мной сотрудников не проявляют к этому совершенно никакого интереса и остаются совершенно спокойно сидеть рядом со мной. Я говорю одному из них, – тому, который ведёт себя по-человечески, и выглядит человеком

разумным, а не человеком дебильным, – «Тебе и таким как ты я бы дал денег, – так как везде, в любой структуре и организации, есть нормальные люди, – а им, всем тем дегенератам, я не дам ничего!»

Меня ведут в сторону моего дома. В это момент я слышу сильный шум бегущей в нашу сторону, беснующейся толпы людей. Я вижу, что толпа полностью окружает мой дом. Между нами с тот момент находятся лишь какие-то густые кусты. Меня стараются быстро провести мимо этих людей, однако толпа каким-то образом просачивается через эти густые кусты, и поглощает меня, при этом как-то незаметно оттесняя всех моих сопровождающих.

Я с несколькими из незнакомых мне людей из поглотившей меня толпы бегу по коридору какого-то дома. Мы бежим, – судя по моему пониманию сложившейся ситуации, – к какой-то мне незнакомой женщине. Считается так, что там мне будет безопасно и комфортно...»

Небольшое, но очень важное и нужное, предварительное пояснение:

Сейчас мне необходимо как можно более подробно и тщательно прояснить все или многие предполагаемые мною – а, скорее всего, что и действительные – причины, которые являются основным источником повышенного интереса ко мне со стороны представителей вполне определённых, коррумпированных «правоохранительных» структур.

На заре своей предпринимательской деятельности, в её первый год, я осуществлял свою деятельность совместно со своим знакомым. Этот мой знакомый с самого начала взял на себя все организационные вопросы, а я, в свою очередь, взял на себя все вопросы, касающиеся непосредственно всей внутренней структуры бизнес-проекта, его постановке, наладке и функционировании. Я занимался всеми внутренними процессами, совершенно не задумываясь при этом обо всём внешнем, так как всем этим занимался мой коллега.

Одним из вопросов, решением которых в своё время занимался мой коллега, был следующий немаловажный вопрос: взаимодействие со всеми контролирующими государственными органами. На нём лежала обязанность и ответственность решать все вопросы, касающиеся взаимоотношений нашего бизнеса с государством, с представляющими его структурами. И одной из таких структур, неравнодушных ко всякому бизнесу, является некая «правоохранительная» структура, название которой я, по вполне понятным соображениям, приводить не буду. Скажу лишь так: с представителями одной из существующих в нашем государстве «правоохранительных» структур мой коллега, по их настойчивому и убедительному требованию, в своё время заключил некий стандартный, неписанный договор, в соответствии с которым он обязался платить им ежемесячно вполне определённую сумму денег. Что явилось предметом их договора – мне достоверно неизвестно. Скорее всего, это было чем-то вроде регулярной оплаты за возможность беспрепятственного осуществления коммерческой деятельности. Они таким образом обещали просто

не мешать нам честно, в соответствии с существующим законом, зарабатывать деньги. Достаточно любопытный и интересный, но, к сожалению, вполне обычный предмет договора для существующих в настоящее время «правоохранительных» структур?!

И мы с какого-то момента своей деятельности начали им регулярно платить ежемесячную дань, которую они брали на год вперёд – таковыми были их условия. Спустя некоторое время, я остался в своём бизнесе один, и мне по наследству достались все обязательства по ранее заключённому моим коллегой с «правоохранителями» договору, о чём мне в своё время они и напомнили. Я не раздумывая принял на себя все эти финансовые обязательства и оплатил им вперёд первый год своей работы. Я в тот момент совершенно не задумывался о том: за что и зачем я в действительности им плачу? Сразу же необходимо заметить то, что все налоги государству я платил с самого начала своей коммерческой деятельности, и платежи за обход или уклонение от закона в моём случае не предполагались.

Через год я также не задумываясь заплатил им в начале года всю оговоренную ранее моим коллегой сумму. А спустя несколько месяцев после этого, у меня вполне конкретный, хорошо известный мне человек взял мотоблок, и мне его не вернул, мотивируя это тем, что его у него украли. Он в самом начале мне пообещал решить все наши взаимные финансовые вопросы/претензии – или постараться в короткое время найти мой мотоблок, или же оплатить его стоимость. Я некоторое время ему звонил, но потом он перестал отвечать на мои звонки. Видя полную бесперспективность предпринимаемых собой действий, я решил обратиться в полицию в расчёте на то, что они смогут мне помочь вернуть свой мотоблок. Они меня очень внимательно выслушали, приняли от меня заявление и.....тишина..... Спустя некоторое время я опять к ним пришёл и спросил их о том, какова судьба моей пропажи? Мне равнодушно ответили, что никакого уголовного дела они решили не заводить и мне они никак помочь не могут. Я попросил их дать мне об это письменное заключение, однако мне в этом было отказано под предлогом того, что ответственный за это !!незаменимый!! и !!неподменяемый!! сотрудник в данный момент находится в !! бессрочной!! командировке в столице и когда он вернётся оттуда – никому достоверно неизвестно. Попросту говоря, меня вежливо послали к А без такого их официального ответа/заключения я не мог подать жалобу на их бездействие. Вот так, совершенно бесславно и бесплодно, закончились все мои законные поиски справедливости в недрах нашей «правоохранительной» системы...

Спустя некоторое время ко мне заявился представитель «правоохранительной» структуры за очередной предоплатой за совершаемую мною совершенно законную коммерческую деятельность. Я ему ничего не дал и задал ему вопрос: « А за что мне вам платить, если вы даже свои прямые обязанности не выполняете? Те обязанности, за выполнение которых вы получаете зарплату от государства? Вы мне не то что не смогли, – а, скорее всего, что просто не захотели, – помочь вернуть украденный у меня мотоблок; вы даже не дали мне бумажки, подтверждающей ваш отказ!» Он немного помялся и сказал, что я в любом случае платить должен только лишь потому, что я платил им ранее. Я рассмеялся и сказал, что ничем им уже помочь не могу. Он у меня переспросил: «Может быть я кому-то другому теперь плачу деньги?» На что я ему

ответил, что это не имеет совершенно никакого значения. С этим всем, и без денег, он от меня в тот раз и ушёл.

Через некоторое время ко мне пришёл его коллега и вежливо попросил у меня денег, на что я ему ответил категорическим отказом. Он, совершенно не смутившись, спросил у меня о том, кому я в данный момент плачу деньги? Я ему ответил, что это вообще не имеет значения и его совершенно не касается. Он вежливо со мной попрощался, и.....после этого и началось всё самое интересное. Со мной, при проведении моей коммерческой деятельности, регулярно, систематически начали происходить очень интересные, для меня необычные и достаточно неприятные вещи.

Сразу же я стал замечать около себя – около своего склада – каких-то подозрительных субъектов. Спустя некоторое время, кто-то – конечно же, всемогущий (смог как-то заставить охрану на протяжении нескольких часов ничего не слышать и находиться при этом на другом конце охраняемой территории), неизвестный и неуловимый для «правоохранительных» органов – попытался выломать двери в мой склад, попутно обчистив склады моих соседей. Однако злоумышленникам это не удалось – двери моего склада оказались прочными и замки надёжными. После этого мне пришлось, на всякий случай, немного усилить дверь и повесить на неё дополнительный замок, а, в дополнение ко всему, поставить систему наружного видеонаблюдения. Больше попыток взлома моего склада мною замечено не было.

Однако, спустя некоторое время, началось нечто другое: то мне какие-то подозрительного вида субъекты неоднократно упорно и настойчиво пытались продать нечто сомнительного происхождения; то у меня настойчиво пытались что-то купить сомнительного происхождения, тщательно меня об этом расспрашивая, заинтересовывая и уговаривая. В общем, для меня и моего бизнеса наступила совершенно иная реальность: жизнь в процессе постоянного противодействия регулярно, систематически чинимым мне рукотворным препятствиям, устраиваемым козням и расставляемым ловушкам. И выполняли всё это как раз те, кто всеми силами и средствами должен всему подобному противодействовать, а не организовывать, направлять и содействовать; те, кто получает зарплату за нечто совершенно противоположное!

Но мне вынужденно пришлось к этому привыкнуть и с этим как-то дальше жить, так как платить никому кроме государства я упорно, принципиально и настойчиво не собирался. И вот в таком создавшемся ключе я и существую с 2016 года и по нынешний момент (2023 год). И пока мне удаётся, более или менее успешно, противостоять и противодействовать этой бесчеловечной системе, наполненной «оборотнями в погонах», которая имеет практически неограниченные материально-технические и человеческие возможности и ресурсы для провокации, фабрикации или фальсификации каких-угодно преступлений против кого-угодно! Всё зависит только лишь от их личного желания! Так вот, как оказалось впоследствии, за что тогда договаривался платить ежемесячную мзду «оборотням в погонах» мой коллега – за право на жизнь, за право на работу, за право на свободу! Вот в такое бесчеловечное, аморальное и преступное чудовище в какой-то момент превратилась существующая ныне «правоохранительная» система, состоящая в настоящее время в значительной мере из «оборотней в погонах», а не из честных, добросовестных и добропорядочных борцов с преступностью и с пороками

общества!

И вот уже на протяжении нескольких лет мне, с определённой регулярностью, периодически снятся подобные вышеприведённому, сновидения с криминальным оттенком, когда кто-то хочет меня за какое-то преступление арестовать или наказать. И все такие сновидения непременно сопровождаются соответствующей, хорошо мне заметной и достоверно ощущаемой, того же рода активностью около меня представителей «правоохранительных» структур. А уже в самих моих сновидениях иногда бывает больше конкретики, а иногда меньше – раз на раз не приходится. Но все основные источники такого рода сновидений мне всегда достоверно известны: некто из преступных представителей «правоохранительных» структур так и не смирился с тем, что кто-то смог и отказался им платить дань, а они так и не смогли с ним ничего поделаться. И они это, видимо, в своё время восприняли, и до сих пор воспринимают, как личное оскорбление. А как раз в этом они, судя по всему, оказались слишком далеки от истины! Они почему-то напрочь забыли о том, что именно их изначальная преступная деятельность и их последующее преступное бездействие как раз и явились основной и единственной причиной всего происшедшего, но никак не какие-то мои преступные или оскорбительные деяния.

Но, как говорится, «**Нет худа без добра!**» – не будь они так глупы, невежественны, настойчивы и упорны в своём желании сделать мне какую-нибудь очередную пакость, мерзость или гадость, я бы не смог так быстро, легко и уверенно прийти к пониманию действительной природы сновидения! Именно сновидения с их участием в своё время и оказали мне наилучшую, наибольшую и наивысшую пользу при исследовании этого важного феномена душевной деятельности, и дали наиболее яркий, очевидный и красочный материал для исследования природы сновидения!

Толкование сновидения:

Вполне очевидно, что это сновидение, в своей основной массе использованного материала, не является плодом каких-то моих собственных желаний или желаний моих доброжелателей. Явно видно как всех тех, кто мечтает причинить мне существенный вред, так и весь ими задуманный, ничтожный, примитивный механизм и метод, посредством которого предполагается это сделать. Всё вполне очевидно и совершенно понятно: некто желал бы добиться того, чтобы против меня было сфабриковано уголовное дело по спровоцированному, сфальсифицированному, надуманному предлогу.

При этом, большая часть из участвующих в этом маскараде «оборотней», не проявляет к происходящему абсолютно никакого интереса, а некоторые даже откровенно и неприкрыто высказывают/показывают мне своё сожаление, сочувствие и участие. А активными участниками являются лишь несколько неприглядных, материально ориентированных оборотней-недочеловеков, которых обыкновенно называют либо выродками, либо подонками, либо отбросами человеческого общества.

Но самым интересным оказывается финал этого сновидения, когда бушующая и беснующаяся толпа прогоняет от меня моих охранников и освобождает меня от несправедного, незаслуженного, несправедливого наказания, уводя, а скорее увлекая, за собой в безопасное для меня место. Можно предположить, что это прямо свидетельствует о том, что все их преступные проделки не имеют

поддержки в обществе – да и какое нормальное общество может поддерживать нечто подобное!?

Судя по этому сновидению, в недрах «организованной преступной группировки», именуемой в простонародье: какие-то государственные «правоохранительные органы», существуют какие-то невежественные, неразумные и озабоченные персонажи, которым почему-то не даёт покоя моя персона. Вот именно поэтому, они не только лишь мечтают о чём-то таком, что сможет причинить мне какой-то ощутимый вред; они регулярно, систематически, настойчиво и упорно пытаются организовать какую-либо провокацию или осуществить какую-то фальсификацию в отношении меня. Регулярность подобного рода сновидений и сопровождающая их, отчётливо видимая для меня, достоверно ощутимая и полностью подтверждённая, систематическая активность представителей организованной «преступной группировки» являются главными и основными подтверждающими факторами того, что это не мои фантазии, а жестокая и неприглядная реальная действительность.

От более подробного и детального толкования вышеприведённого сновидения я воздержусь по причине того, что ничего значительного и существенного для общего понимания его конечного смысла это не принесёт. Достаточным и необходимым является лишь то, что и так явно просматривается чуждость всего происходящего со мной в сновидении моим мыслям и текущим интересам. А если добавить ко всему этому ещё и то, что я вообще никогда не проявлял никакого интереса ни к какому оружию – ни к холодному, ни к горячему – то это сновидение ещё очевиднее свидетельствует о том, что основными его источниками являются желания и намерения каких-то из моих недоброжелателей, имеющих в данный момент непосредственное отношение к «правоохранительным органам».

Фрагмент сновидения, часть первая: *«Я нахожусь на железнодорожной станции у себя на даче. Я встречаю там мать одного своего знакомого Б.. Из нашего разговора оказывается, что я ей должен какую-то сумму денег. Сколько именно денег я ей должен, так до конца осталось мне не понятно. Я с этим в сновидении не спорю, свой долг полностью признаю и обещаю ей в ближайшее время всё отдать. Рядом оказывается какой-то из моих школьных одноклассников или знакомых П.. Ему я тоже оказывается что-то должен, с чем я тоже не спорю и с чем я совершенно согласен, но я при этом не совсем отчетливо помню – обещал ли я ему в ближайшее время отдать долг или нет.*

Вторая часть: *Я собираюсь поехать на дачу для того, чтобы отдать свой долг. Я пришел на железнодорожную станцию Северный пост, – я жил там до того, как мне исполнилось девять лет. Я хочу перейти через железную дорогу через пешеходный мост. С моста спуск вниз возможен только лишь по двум различным лестницам, опускающимся в противоположных друг другу направлениях. Я почему-то спускаюсь вниз по той лестнице моста, которая идет в обратном направлении от необходимого мне направления. Моя собака, которую я зачем-то взял с собой, почему-то упорно не желает спускаться вниз; она упала на половине пути во время спуска по лестнице и не может или не хочет подниматься и идти дальше».*

Толкование фрагмента сновидения:

Очень интересным в данном фрагменте сновидения мне представляется тот факт, что я у матери своего знакомого **Б.** никогда в своей жизни ничего не брал в долг, насколько я помню, а я это помню достаточно точно. Никаких финансовых претензий она ко мне никогда не предъявляла. Вполне возможно, что она когда-то ранее посчитала, что я должен был ей оказать какую-то услугу, которую так и не оказал, и она теперь поэтому считает себя в каком-то смысле мною обманутой, а меня – в чём-то ей обязанным. Может быть именно по этой причине она и посчитала в сновидении, что я ей в чём-то обязан. Взаимоотношения между нами всегда были вполне нормальными. По моему мнению, у неё не было никаких оснований желать от меня получения каких-либо финансовых средств и/или предъявления такого рода претензий в какой-либо форме. Если же в действительности, что маловероятно, присутствуют какие-то не отданные мною ей долги, и она при этом не желает мне о них напомнить, то ей всё же, для начала, следовало бы об этом побеспокоиться и рассказать мне об этом, так как я не в состоянии о них вспомнить самостоятельно. Кое-что, при этом, так до конца осталось мне непонятным в этом сновидении: общая сумма моего долга, когда он был сделан и моя равнодушная реакция на предъявляемую ко мне финансовую претензию.

Вторым возможным вариантом является действительная её претензия, всегда существовавшая, но так мне лично, напрямую, никогда ею не высказанная, в том, чтобы я относился к своим родственникам более строго, примерно также, как и она относится к своим. Мне несколько раз подобные замечания делал её сын **Б.**, на что я ему, – в некотором сокращении и в своей интерпретации, – приводил цитату из произведения **Михаила Булгакова «Собачье сердце»**, где я придерживался точки зрения профессора Преображенского Ф.Ф.:

«- Его, Филипп Филиппович, нужно хлыстом отодрать хоть один раз, – возмущенно говорила Зина, – а то он совершенно избалуется. Вы поглядите, что он с вашими калошами сделал.»

- Никого драть нельзя! – волновался Филипп Филиппович. – Запомни это раз и навсегда. На человека и на животное можно действовать только внушением...»

Она всегда прекрасно знала о том, что я не одобряю грубого и жесткого отношения к членам семьи и, по возможности, стараюсь придерживаться в своей жизни скорее гуманных, чем деструктивных принципов, правда это мне пока не всегда удается, так как некоторые индивиды иногда умудряются совершать практически невозможное. Как мне показалось, она такую манеру моего поведения не одобряла. Она всегда придерживалась той точки зрения, что хорошим отношением можно только лишь разбаловать и развратить людей. Её основной принцип жизни – «вооруженный мир», мой – всему своё время, а уж если окажется так, что **«...войны нельзя избежать, а её можно только лишь отсрочить...»⁸⁶**, и отсрочить её уже никак не получается, тогда **«Да свершится справедливость!»**. Вполне возможно, что в сновидении и была таким образом представлена её действительная претензия на то, что я должен несколько по-другому относиться к окружающим.

Однажды я был очевидцем того, как она в общественном месте, прилюдно обругала своего сына, и, напоследок, она сказала в его адрес что-то вроде:

«Чтоб он сдох...лучше бы он совсем не родился...» Мне было неприятно это услышать от матери по отношению к её сыну, и я не стал в тот момент скрывать своего недовольствия; она это заметила и поняла, что я не одобряю такие воспитательные методы и подобную манеру поведения в обществе. Я с ней никогда ни о чём не спорил и ничего не пытался ей объяснить или доказать, так как понимал всю бессмысленность, бесперспективность и бесполезность такого начинания. Скорее всего, она и сама прекрасно понимает то, что жизнь у неё сложилась бы совершенно по-иному в том случае, если бы она могла быть более сдержанной, доброй и мягкой по отношению к своим детям и окружающим её людям. Таким способом в сновидении, возможно, была представлена её действительная, актуальная претензия по отношению ко мне в том, что я веду себя не совсем так, как ей бы этого хотелось.

Ещё одним маловероятным, но всё-таки возможным, однако несколько экзотическим, но всё же имеющим право на существование вариантом толкования первой части сновидения представляется возможность того, что в самом сновидении всё может представляться несколько иносказательно. Тот самый случай применения двусмысленности, двузначности или единства противоположностей при использовании чего-либо не в прямом, а в переносном или в обратном смысле. Такое бывает возможно в том случае, когда что-либо нами мыслиться не буквально, а в несколько завуалированной, иносказательной, зашифрованной форме. Либо же может присутствовать попытка самой душевной деятельности при создании сновидения именно таким способом обратить наше внимание на то, что присутствует некое невыполненное обязательство со стороны объекта сновидения/субъекта желания, которое ему всё-таки хотелось бы выполнить, но что-то субъекта желания от этого пока удерживает.

Вполне возможно, что в вышеприведенном случае существуют также и какие-то другие источники чего-то связанного с внутренним ощущением долга по отношению ко мне (если смотреть на контекст сновидения в обратном порядке, когда не я а мне должны). Единственное что можно утверждать с полной уверенностью, что у матери моего знакомого **Б.** по отношению ко мне всё-таки присутствуют некоторые претензии и/или обязательства, которые иногда дают ей о себе знать, и тогда она об этом думает и желает того, чтобы они были выполнены. И эти актуальные претензии, представленные мне в форме сновидения, и меня ставят в известность о том, что кое-кто обо мне иногда думает и чего-то от меня всё ещё ожидает.

Уже спустя продолжительное время (несколько месяцев) после написания моего вышеприведенного толкования первой части этого сновидения, я обратил своё внимание на то, что я с самого начала не обратил должного внимания и как-то совсем упустил из виду то, что: *«Рядом оказывается какой-то из моих школьных одноклассников или знакомых П.. Ему я тоже оказывается что-то должен, с чем я тоже не спорю и с чем я вполне согласен, но я при этом не совсем отчетливо помню – обещал ли я ему в ближайшее время отдать долг или нет»*. И я в тот момент почему-то не стал с самого начала толкования связывать воедино двух этих своих «заимодавцев» в нечто единое, а, судя по всему, всё-таки необходимо было попытаться это сделать. Мне долгое время не давал покоя этот фрагмент исследования, и я неоднократно возвращался к нему и всё пытался понять : «Что я здесь упустил?» Как оказалось, я естественным образом совершенно забыл об одном не очень приятном для меня эпизоде своей

ранней молодости, когда вместе с одним своим знакомым П., – жившим в то время в деревне, недалеко от моей дачи, – в день его зарплаты выпил с ним вина.

Пили мы его и на улице со знакомыми, и у него в доме вдвоём. Мы тогда выпили достаточно много, и я в состоянии сильного алкогольного опьянения, поздно вечером, уехал к себе домой в город, незаметно от него прихватив с собой немного денег, взятых у него без его разрешения, которые он неосмотрительно разбросал по комнате своей матери. Он тогда остался ночевать у себя дома. Спустя некоторое время он при встрече со мной, прилюдно обвинил меня в том, что я у него без его разрешения взял немного денег, попросту говоря, украл их у него, с чем я тогда был категорически не согласен, хотя он был в этом совершенно прав. Точную сумму я не помню, но это было, кажется, что-то около пятидесяти рублей, на которые в то время можно было купить пару бутылок вина. Мы с ним тогда окончательно разругались и после этого больше вообще не общались на протяжении тридцати лет. Хотя с его родственниками я и после этого случая поддерживал нормальные отношения. Какое-то время чувство вины меня всё-таки не оставляло в покое, и мне было стыдно за свой пьяный неблагоприятный поступок и за свой, так и невозвращенный, долг.

Возвратив же тогда долг, мне пришлось бы признаться перед ним и перед всеми окружающими в том, что я действительно взял у него тогда деньги, с чем я не захотел тогда согласиться и предпочел оставить всё как есть. Постепенно, с течением времени, я об этом эпизоде забыл окончательно. Но он, видимо, рассказал об этом случае своим знакомым (не будем также забывать и о том, что претензии он ко мне тогда предъявил прилюдно, в общественном месте и нас слышало много людей), и всё это каким-то образом оказалось известно и матери моего знакомого Б.. И хоть с того времени прошло уже почти тридцать лет, она, судя по содержанию моего сновидения, об этом действительно когда-то узнала, и до сих пор помнила, и меня мысленно упрекала в том неблагоприятном поступке. И этот рядом с ней стоящий мой одноклассник/одногодка П. (у нас были похожие рабочие профессии) представляет собой именно его, того моего знакомого П., которому я действительно остался должен эту незначительную сумму денег с того давнего времени (*кстати, надо ему их на досуге будет отдать, только где мне его теперь найти?*). Таким образом, требование от меня долга имело под собой действительно, хоть и очень давнее и незначительное, но всё же прочное основание.

Мать моего знакомого Б., прежде всего, означала в моём сновидении его собственную мать, которой он всегда отдавал всю свою зарплату и я, взяв деньги у него, таким образом взял деньги у неё, и оказался в конечном счёте должен и ей. И я бы наверное не был бы удивлен тому, если бы он сам от меня что-то потребовал. Но требование, исходящее от матери моего знакомого Б. меня несколько смутило, дезориентировало и направило все мои мысли по иному, не совсем правильному пути. П. в моём сновидении был представлен в виде смутного, плохо различаемого образа – я не общался с ним уже очень давно. И именно поэтому, лишь спустя несколько месяцев, я смог полностью понять действительный источник первой части этого своего сновидения. Вот такими путями иногда идёт работа сновидения при создании своих загадочных представлений!

Подведем окончательный итог такого глубокого и подробного анализа первой

части, на первый взгляд такого незначительного, сновидения. Оно имело в качестве своего основного источника событие, произошедшее со мной около тридцати лет тому назад, когда я взял без разрешения деньги у своего знакомого П., которые он собирался отдать своей матери. Именно прошлое знание и сохраненное воспоминание об этом происшествии, которое по каким-то внутренним причинам хорошо сохранилось в памяти у матерей обоих моих знакомых Б. и П., – которые между собой хорошо знакомы и постоянно общаются, – а также и у самого П., у кого я взял тогда деньги, поспособствовало в какой-то момент формированию у них всех исходных желаний, использованных при создании этого сновидения. Видимо, в результате совместного разговора, который вызвал у них в памяти воспоминание о том, что я им до сих пор что-то остался должен, и были вызваны из небытия воспоминания о том давнем событии.

Скорее всего, основным движущим фактором формирования всех этих желаний явился низкий уровень материального обеспечения обеих семей в тот конкретный момент, так как их дома были полностью разрушены в результате боевых действий и они в какой-то момент все вместе проживали во временном общежитии. Вот тогда они, видимо, и подумали о том, кто им хоть чем-нибудь может помочь, и, как обычно в таких случаях бывает, стали перебирать у себя в уме всех своих должников, в числе которых мне тогда и посчастливилось оказаться. Только они мне об этом почему-то ничего так и не сказали, а я сам смог понять действительный смысл своего сновидения лишь спустя несколько месяцев после того, как оно мне приснилось. Таким образом, в качестве основных источников первой части сновидения оказались следующие желания:

1. желание моего знакомого П., чтобы я отдал ему долг и, таким образом, несколько поправил его материальное положение (с его матерью я лично не знаком), и, отдав долг, признал бы этим то, что я в своё время не только взял у него без разрешения деньги, а к тому же ещё и прилюдно солгал, обвинив его в безосновательных ко мне претензиях;
2. желание матери моего знакомого Б. (которую я хорошо знаю и которая мне приснилась в сновидении), которая когда-то давно узнала от своей подруги, матери П., о моём неблагоприятном поступке, чтобы я выполнил все свои материальные и моральные обязательства.

Собака во второй части сновидения в этом конкретном случае не может отображать некое метафорическое представление: собака – сука, злая собака – человек злой, как собака. Так как это была моя собака, которая уже фигурировала в одном из моих ранее описанных сновидений, тогда логично предположить то, что она почему-то обеспокоилась потенциально возможной, предстоящей поездкой в деревню, и таким способом выразила свой собственный протест и проявила свою озадаченность, озабоченность и несогласие. Несколько лет тому назад, – когда у моей матери, когда она ещё жила в деревне, утонула в реке одна из её собак, – я отвёз на несколько месяцев к ней эту свою собаку, чтобы матери было не так грустно и скучно. Вполне возможно, что моя собака тогда была от всего этого не в восторге, и с огромной радостью восприняла своё возвращение ко мне домой спустя несколько месяцев. Видимо, жизнь в городе в качестве единственной собаки в доме ей нравилась намного больше, нежели жизнь в деревне в компании с другой собакой. В то время в деревне она находилась со

второй собакой моей матери, которая вместе с матерью, некоторое время спустя, переехала в город. Когда я потом заходил к своей матери в гости в городе, её собака всегда ко мне подходила, и её запах непременно оставался на моей одежде. Когда я возвращался после этого к себе домой, моя собака довольно-таки долго меня после этого обнюхивала. Видимо, она хорошо запомнила и никогда не забывала о том, с чем непосредственно связан для неё этот запах – жизнь в деревне рядом с другой собакой. Вполне возможно, что всякие мысли о возможном возвращении в деревню вызывали у неё сильное отвращение и возмущение, а про её отношение к ходьбе по лестнице я уже ранее всё достаточно подробно написал. Для неё поездка в деревню, по уровню недовольствия, видимо, была сопоставима с ходьбой по лестнице. Таким образом, за вторую часть сновидения в значительной степени оказалась «ответственна» моя собака – она недвусмысленно отказывается спускаться по лестнице и, как прямое следствие, не желает ехать со мной в деревню. К моему желанию поехать и рассчитаться с долгами добавилось её желание никуда не ехать, поэтому у меня в сновидении в тот момент так ничего и не получилось.

Что же касается всех тех, кому мы в сновидении оказываемся что-либо должны, если мы в действительности им ничего не должны, – существует достаточно широко известное, шутовское выражение: *«Кому я что-то должен, тому я всё прощаю»*. Именно в контексте этого высказывания иногда возможно несколько необычное толкование сновидений подобного типа: всё вполне может быть так, что кто-то небезосновательно ощущает по отношению к субъекту сновидения свою собственную вину за некоторую им причиненную в прошлом, или некогда ранее задуманную, но по каким либо причинам так и нереализованную, или неуспешно реализованную по отношению к субъекту сновидения несправедливость, и поэтому внутренне нуждается в прощении за это. Но это возможно исключительно лишь в том случае, когда субъект сновидения был знаком с таким легкомысленным и ветреным «принципом», и иногда в шутовской форме в своих разговорах его использует. Скорее всего, в таком случае тот участник сновидения, который выступает в качестве недовольного заимодавца, в действительности считает себя по отношению к субъекту сновидения в чем-то виноватым, и что-то ему в данном контексте должным, если в самом сновидении нет никакой дополнительной конкретизации в отношении самого долга. Таким образом, вполне возможно такое, что не деньги желают получить от субъекта сновидения в таком сновидении. Не невозвращённый долг в таком случае является со стороны субъекта желания источником возникновения исходного желания, которое было использовано при создании сновидения, а его желание получить тот *«долг, который субъект сновидения ему прощает»*, попросту говоря, желание получить прощение за какую-то только лишь задуманную или уже ранее содеянную несправедливость в отношении субъекта сновидения. Можно в таком случае сказать и так, что субъекта желания немного «мучает совесть» или немного беспокоит сам факт какого-то своего неправильного, или не совсем оправданного и необходимого поступка. Таким образом, это может походить на прямое следствие внутренней борьбы, временами происходящей в душе у этого человека, который в сновидении по этой причине и предъявляет в такой форме такого рода претензию.

В случае же, когда в одном из ранее мною приведенных сновидений, моя соседка по даче тетя **К.** по контексту сновидения ожидала от меня уплаты моего

долга, который был якобы мною сделан при покупке моего автомобиля, тогда могло бы иметь место – если бы она была жива на момент сновидения – её достаточно сильное, в своё время неисполненное желание каким-то образом меня финансово отблагодарить за то, что я, используя для этого свою машину, неоднократно возил её в магазин за продуктами. Именно это её неисполненное желание, полностью ею при этом осознаваемое, и ощущаемое ею чувство долга по отношению ко мне могло бы явиться в том случае дополнительным импульсом к образованию сновидения.

Отдам ей должное в том, что она всегда в таких случаях пыталась как-нибудь меня финансово отблагодарить, – предлагала заплатить за то, что я её свозил в магазин, – но я всегда от этого вежливо отказывался под предлогом того, что ни в чём в материальном отношении в то время не нуждался. Вполне возможно, что и я сам в той ситуации прекрасно понимал то, что необходимо каким-то образом позволить человеку не чувствовать себя что-то кому-то должным, однако, я так и не смог себя заставить взять у бедного, старого человека какие-нибудь деньги. Мой личный внутренний душевный конфликт, в этом случае, также достаточно отчетливо прослеживается. Видимо, и я до сих пор себя немного обвиняю в том, что в то время не позволил человеку должным образом отблагодарить себя, и снять со своей души это чувство обязанности кому-то за что-то. Независимому, самодостаточному и самостоятельному человеку иногда оно может причинять значительные неудобства.

Давайте подведём промежуточные итоги: во всех таких сновидениях, прежде всего и исключительно, нам всегда следует тщательно рассматривать любые наши действительные или возможные долговые взаимоотношения с приснившимися нам людьми или с их знакомыми, и пытаться всё-таки найти в них какие-либо отсылки к собственным, возможно до конца не исполненным, обязательствам по отношению к кому-либо из тех, кто в сновидении к нам предъявляет такого рода претензии. В обоих ранее приведенных моих сновидениях такого типа имели место действительные, а не вымышленные материальные претензии. А в одном из вышеприведённых случаев, они, к тому же, были полностью обоснованными. В каждом из них речь шла о событиях давно минувших лет – около десяти лет в первом случае, и около тридцати лет во втором, и в обоих случаях воспоминания о тех событиях в какой-то момент оказались доступными субъекту сновидения полностью. Ниже я приведу пример абсолютно ничтожного, с точки зрения субъекта сновидения, долгового обязательства, наличие которого мешало некоторое время человеку спокойно спать и лишало его душевного спокойствия и психологического равновесия.

Одной женщине, которую я далее буду называть Г., которая работала в то время учителем в школе, приснился следующий сон: *«Её коллега по школе ей говорит: «А Вы мне так три копейки и не отдали!»*». Этому сновидению предшествовал следующий случай: в общеобразовательной школе, где Г. в то время работала учителем, её коллега, которая в то время там работала завучем, раздавала всем работающим там учителям какие-то распечатанные билеты или карточки, за которые она сама перед этим заплатила по одной копейке на один билет/карточку; она эти деньги заплатила из своих собственных средств. Субъект сновидения, Г. взяла у неё всего три билета; коллега сама сразу у неё ничего за них не потребовала, видимо положившись в этом случае на её собственную сознательность и ответственность, а Г. при

этом не посчитала нужным отдавать за них столь ничтожную, незначительную сумму – подумаешь, какие-то три копейки, на которые и можно то купить всего лишь три коробки спичек или маленькую булочку. Её коллега ничего ей так и не сказала даже спустя несколько дней; вполне возможно, что она до самого конца всё-таки надеялась на то, что со временем Г. об этом сама вспомнит, и отдаст этот незначительный долг. Судя по самому сновидению, она об этом эпизоде действительно так и не забыла, и мысленно упрекала Г. в финансовой нечистоплотности, недобросовестности и непорядочности.

Сразу же после этого сновидения, Г. отдала своей коллеге эти три копейки, после чего её душевное состояние, по её собственным словам, стало гораздо более спокойным и в её сновидениях коллега в таком и подобном контексте более никогда не появлялась. Таким образом, становится совершенно ясно, что иногда нет никакой необходимости самостоятельно, лично озвучивать кому-то свои собственные вполне обоснованные претензии. К исходному справедливому желанию, исходящему от кого-либо из наших знакомых, получить от нас нечто должное в таком случае присоединяется и наше собственное внутреннее чувство вины, последующее признание его справедливости, и вытекающее из всего этого требование нашей совести или чувства долга по отношению к знакомому отдать этот свой долг. вполне возможно, что такого рода «муки совести», «ощущение стыда» или «чувство долга» остаются совершенно недоступными недостаточно интеллектуально и культурно развитым индивидуумам.

Фрагмент сновидения, рассказанный мне моим знакомым С.:

«Он находится в каком-то небольшом, очень тесном помещении. Перед ним оказывается его старый друг А. с каким-то огромным, мощным мужчиной. Его друг А. направляет этого мужчину на С.. Этот мужчина вдруг набрасывается на С. и пытается его избить, задавить или задушить. С., насколько хватает у него сил, сопротивляется этому мужчине и у него всё-таки получается, каким-то непонятным для него образом, в конечном итоге с ним справиться, после чего этот мужчина бесследно исчезает. Тогда С. набрасывается на своего друга А., как на основного участника и организатора возникшего конфликта, от которого в этой ситуации также исходила потенциальная угроза и начинает его со всей силы избивать, ощущая при этом какую-то ответную слабость, рыхлость, мягкость и податливость тела своего противника, в результате чего этот его друг тоже куда-то пропадает. С. испытывает при этом огромное облегчение, так как он всё-таки справился с неожиданно напавшими на него двумя молодыми, здоровыми мужчинами, один из которых был при этом огромен и очень силен».

После своего пробуждения, в течение того же дня, С. обратил свое внимание на то, что у него перестал немного подергиваться правый глаз, который последние пару месяцев у него немного был подвержен нервному тик⁸⁷. вполне возможно, что этот его нервный тик имел своим прямым источником действительные агрессивные намерения и какую-то деструктивную деятельность его псевдо-друга А., который, притворяясь положительно к нему настроенным, в действительности, при любой удобной возможности, старался причинить ему какой-то вред, что и отражалось на внутреннем душевном состоянии субъекта сновидения таким образом. Использовал же этот псевдо-друг при этом

⁸⁷ **Тик** («подёргивание мускулов») – быстрое, стереотипное кратковременное произвольное элементарное движение, внешне напоминающее рефлекторное или целенаправленное, разновидность **гиперкинеза**... (Википедия)

всевозможные, для него доступные, скрытые методы и средства, стараясь себя при этом никаким образом перед **С.** не обнаружить, всегда притворяясь перед ним добрым и отзывчивым другом – эдакий современный «**иезуит**⁸⁸». И только во сне в какой-то момент все его действительные намерения не смогли почему-то укрыться от субъекта сновидения **С.**, в результате чего и последовала его вполне оправданная и, полностью соответствующая возникшей для него угрозе, правильная ответная реакция и последующие успешные действия.

Ранее **С.** уже неоднократно задумывался о возможном негативном влиянии деятельности **А.** на него лично. Впоследствии, в результате обдумывания увиденного в сновидении, и более глубокого анализа всех своих взаимоотношений с этим «другом» **А.**, **С.** всё-таки решился и полностью порвал свои отношения с этим двуличным, криводушным человеком. Нервный тик у него, даже спустя продолжительное время после этого сновидения, так и не восстановился, и он с огромным облегчением пришел к выводу о том, что события в его сновидении в действительности оказали положительное влияние на его общее состояние душевного здоровья. Однако, некоторое сожаление всё же сопровождало все его последующие действия, так как всегда нелегко самостоятельно и «без видимых причин», только лишь на основании предчувствий и догадок, которые в какой-то момент объединяются и перерастают в абсолютную уверенность, разрывать отношения с кем-то из значимых людей из своего прошлого. Человек очень часто испытывает искреннее сожаление в том случае, когда кто-то в чем-то его разочаровывает и в чём-то не оправдывает возложенных на него ожиданий. По поводу лживости и двуличности своего друга **А.** у него и ранее уже возникали различные подозрения, которых было недостаточно для полного разрыва их отношений. Именно это и позволяло его другу **А.** на протяжении какого-то времени причинять **С.** явно невидимый для него вред, который внешне проявлялся у него таким незамысловатым способом – в форме нервного тика.

«Убей змею в душе своей!»

Именно это высказывание мне практически сразу и пришло в голову после того, как мне удалось объяснить самому себе смысл этого фрагмента сновидения. Именно такой «*впущенной к себе в душу и пригретой змеёй*», которую необходимо как можно скорее из своей души изгнать и никогда более не впускать, судя по всему, и оказался этот, так называемый, друг **А.** в действительности. Но, в конечном счёте, положительное решение этого вопроса зависело именно от способности **С.** к противодействию агрессии, проявленной по отношению к нему в сновидении, выразившееся в форме его ответной душевной реакции на проявленную агрессию и, как результат, исчезновение этой напавшей на него «змеи» в его сновидении и, как оказалось впоследствии, и из его души в действительности. Также хочу обратить внимание на то, что после этого сновидения субъект сновидения **С.** в реальной жизни не причинил никакого физического вреда своему уже бывшему «другу» **А.**, и ничего ему об этом сновидении не рассказал. Они просто тихо и мирно разошлись «как в море корабли», чтобы по возможности никогда уже и не встречаться. Они друг друга прекрасно поняли – один понял то, что его действительное отношение известно, и

88 **Иезуиты** – мужской духовный орде Римско-католической церкви...Орден разрешает многим иезуитам вести светский образ жизни...(Википедия)

никого обманывать дальше не получится, а другой – что таких друзей ему не нужно.

*«Дай Бог, чтоб милостию неба
Рассудок на Руси воскрес;
Он что-то, кажется, исчез.
Дай Бог, чтобы во всей вселенной
Воскресли мир и тишина...»⁸⁹*

Фрагмент сновидения : Мне снится, что я со своей матерью нахожусь около какого-то рынка на какой-то остановке, напоминающей мне своим видом обыкновенную, стандартную конечную остановку общественного транспорта. Вокруг нас находится много людей. Внезапно, рядом с нами раздаются сильные взрывы. Я, насколько это возможно, быстро вместе с матерью бегу к стене какого-то близстоящего здания и мы там присаживаемся, скрываясь от обстрела. Все звуки взрывов ощущаются мною очень отчетливо и достаточно натурально. После окончания обстрела мы идем к моей машине – она, как оказалось, стояла неподалеку. Нас многие окружающие люди от этого отговаривают, но мы, несмотря ни на что, всё-таки уходим. Спустя некоторое время, я уже иду один и вижу перед собою разрушенные многоэтажные дома, которые уже успели сильно зарастить деревьями, производя своим видом на меня гнетущее впечатление полной заброшенности, опустошенности и безжизненности.

В день, предшествовавший этому сновидению, моя мать, – возраст которой в том момент был более семидесяти лет, – когда она гуляла с собакой на улице возле своего дома, услышала сильные звуки взрывов где-то неподалеку. Она, вместе с рядом находящимися в тот момент людьми, сразу же побежала к подъезду, чтобы как-нибудь укрыться от обстрела. На следующий день она мне позвонила и рассказала об этом происшествии, которое её довольно-таки сильно тогда испугало. Я сам тогда тоже слышал всё это и видел издали, из окна своей квартиры. Я в тот момент сразу понял, что всё это произошло недалеко от того места, где живет моя мать. О том, что она в тот момент гуляла на улице с собакой я не знал.

Я считаю, что в основу этого сновидения легло, как основное, желание моей матери, чтобы в такой критической ситуации я всё-таки был бы с ней рядом и каким-то образом ей помог со всем справиться. Так как наиболее сильные эмоции были испытаны в тот момент именно ею, следовательно, сила её желания была в тот момент наивысшей и в преобладающей. Я тоже хотел бы в такие трудные, опасные, нелегкие и неприятные моменты, – если уж они иногда случаются, – находиться с ней рядом, чтобы, при необходимости, помочь ей в чем-либо в случае возникновения в этом нужды. Это был лишь один из фрагментов достаточно длинного сновидения, приснившегося мне в ту ночь.

«Есть сны ещё более тяжелые. Это когда кажется, что ты осуждена решать какую-то неразрешимую задачу, выполнить несуществующую работу, например, считать, сколько листьев в лесу, или бежать легко и стремительно, как ветер; чтобы нагнать какое-то смутное, неуловимое видение, которое всегда опережает нас и, меняя своё обличье, всегда

Я уже ранее писал о том, что существуют такие сновидения, в которых первоначально возникающие, изначально кажущиеся нам вполне преодолимыми, препятствия, которые таковыми внешне представляются, уже в ходе сновидения постоянно изменяются, и в какой-то момент становятся абсолютно непреодолимыми, несмотря ни на какие предпринимаемые нами в сновидении действия, усилия и уловки. На каждый наш ход наше сновидение меняет что-то не в нашу пользу таким образом, что все предполагаемые нами дальнейшие действия вынужденно теряют всякую действительную опору на всё предшествующее, и нам приходится всё начинать с самого начала. Иногда частично либо полностью изменяется вся окружающая нас обстановка, объекты, люди и так далее. Такие сновидения чем-то напоминают шахматную партию, когда каждый ход может полностью изменить диспозицию, и вынуждает вновь затрачивать значительные усилия на анализ изменившейся ситуации и последующее обдумывание всех потенциально возможных действий/ходов. Создается такое впечатление, что с нами действительно кто-то таким образом в сновидении играет. Ниже я приведу пример подобного сновидения.

Сновидение: *«Я еду по городу на своей легковой машине по хорошей, широкой асфальтированной дороге. Передо мной едут две машины. Вдруг, в каком-то узком месте, едущая непосредственно передо мной машина, без видимой мне причины, останавливается. Из машины выходят два каких-то совершенно мне незнакомых человека и начинают что-то из неё неспешно выгружать. Я некоторое время терпеливо и равнодушно жду, искренне надеясь на то, что всё это ненадолго, и они скоро закончат и поедут дальше, позволив и мне ехать дальше. Спустя некоторое время я уже начинаю немного беспокоиться и подозревать нечто неприятное, наблюдая то, что они почему-то не особо спешат как можно быстрее закончить разгрузку и, по всей видимости, расположены всё это разгружать очень и очень долго. Это начинает напоминать скорее имитацию разгрузки, а основная их цель, судя по всему, состоит из перекрытия проезда по дороге. Слева от своей машины они ставят какие-то пластиковые канистры. Я выхожу из своей машины и пытаюсь им объяснить, что они поступают не совсем правильно, полностью блокируя дорогу; я хочу их попросить о том, чтобы они как можно скорее освободили для проезда дорогу. Никакого разговора между нами почему-то так и не происходит.*

Моя легковая машина превращается теперь в грузовую, которая почему-то стоит теперь поперек дороги, также заблокировав проезд, и у меня теперь отсутствует даже возможность самому поехать назад. Я хожу вокруг машины и пытаюсь сесть в её кабину, но у меня ничего не получается. То дверь кабины оказывается чем-то завешена, то это оказывается не та дверь, через которую можно попасть на водительское сиденье. Я отчетливо понимаю то, что мне необходимо каким-то образом отсюда выбраться и мне в любом случае необходимо как-то попытаться всё это объехать. Я пытаюсь понять: как мне это сделать?

Я почему-то уже нахожусь в каком-то пустом ангаре или в большом промышленном здании. Я открываю одни ворота, потом другие, но отчетливо понимаю, что моя машина там всё-таки не проедет. Я

возвращаюсь назад к своей машине и смотрю на дорогу перед машиной, пытаясь понять: как бы мне всё-таки попытаться проехать вперед? Перед собой я вижу то, что вся дорога уже полностью разобрана. Асфальта совершенно нет, насыпан щебень, и дорога трудно проходима даже для человека, и полностью не проездня для легкового автомобиля. Мне уже нечего и думать о том, чтобы как-то проехать вперед. Я окончательно понимаю, что оказался в совершенно безвыходном, точнее безвыездном, положении и мне, видимо, никуда отсюда уехать так и не удастся».

В этом сновидении я оказался в искусственно чем-то для меня созданном тупике. Судя по его содержанию, у меня не было абсолютно никаких шансов добиться для себя хоть сколько-нибудь приемлемого результата. Скорее всего, машина передо мной была машиной каких-то дорожных рабочих, которые приехали туда для того, чтобы заняться ремонтом дорожного покрытия. Внешне, правда, они всем своим видом никак не походили на дорожных работников. При этом, они не пожелали меня пропустить в то время, когда это ещё было возможно. Общие силы всё же были слишком не равны и все мои действия так ни к чему и не привели. Я старался как мог; я боролся изо всех сил, но, несмотря ни на что, так ничего и не добился. Всё стало для меня даже ещё хуже – оказалось, что для того чтобы убрать оттуда мою машину необходимо полностью восстановить дорожное покрытие до нормального состояния.

Конечный смысл этого сновидения так и остался для меня до конца непонятным. Вполне возможно, что какие-то помехи или препятствия кем-то для меня планировались, и они были каким-то образом непосредственно связаны с дорогами или автотранспортом. Единственный полезный вывод, который мне удалось изо всего этого сделать, так это то, что некто, обладающий значительными возможностями, каким-то образом планирует попытаться помешать мне в каких-то моих делах. И, судя по всему, его действительные возможности, с его точки зрения, вполне позволяют ему всё это достаточно успешно реализовать. Это сновидение в чём-то напоминало собой визуальное сопоставление наших мнимых, предполагаемых потенциалов, в процессе которого я, с точки зрения субъектов желаний, оказался безнадежно проигравшим. Наши потенциальные возможности в этом сновидении оказались совершенно несопоставимыми.

Этот вид сновидений уверенно можно отнести к типовым сновидениям с внутренним ощущением какой-то связанности и скованности. В таких сновидениях мы сами вроде бы и не ощущаем на себе этой связанности – физически мы видимо ничем не ограничены и в полной мере свободны, что позволяет нам самостоятельно двигаться в любом направлении. Но, при всём этом, мы оказываемся не в состоянии покинуть этого места в силу каких-то дополнительных, постоянно вновь и вновь изменяющихся и возникающих препятствий, которые непрерывно проявляются и изменяются прямо перед нами, и не позволяют нам куда-либо значительно продвинуться с того места, где мы остановились или находимся. Нас непременно что-то там удерживает. Мы постоянно ходим как бы по кругу. Наше сновидение не перестает воздвигать перед нами всё новые и новые препятствия до тех самых пор, пока мы окончательно не смиримся с тем, что у нас нет совершенно никакой возможности куда-либо оттуда деться и реализовать свои первоначальные замыслы и намерения. Наше конечное ощущение бессилия и последующее смирение

означает конец сновидения и, вполне возможно, наше пробуждение.

Такого типа сновидения, скорее всего, имеют одним из своих основных источников какие-то наши детские переживания, наше детское желание преодолеть какое-то значительное, существенное препятствие в попытке познать окружающий мир, расширить существующие перед нами границы. Ведь именно в детстве, во время выполнения наших первоначальных намерений, к нам часто приходило понимание своей собственной слабости и осознание полного бессилия перед непреодолимыми препятствиями и могущественными, нам противостоящими обстоятельствами. Мы иногда хотим от чего-то или от кого-то уйти, но так и не в состоянии этого сделать, несмотря ни на какие прилагаемые усилия с нашей стороны. И совершенно не обязательно, чтобы такого рода сновидения всегда были похожи друг на друга. Важно лишь то, что на все предпринимаемые нами попытки куда-либо продвинуться, сновидение мгновенно отвечает нам изменением окружающей нас обстановки, условий, людей или чего-либо ещё, что полностью нивелирует все наши предыдущие действия и заставляет нас в какой-то момент признать своё поражение и смириться.

Зигмунд Фрейд пишет: *«...сновидение не занимается математическими выкладками, оно не считает – ни правильно, ни неправильно; оно располагает лишь в форме арифметических действий числа, которые имеются в мыслях, скрывающихся за ним, и могут служить намеками и указаниями на неподдающийся изображению материал. Оно пользуется при этом числами, как материалом для осуществления своих намерений точно таким же образом, как всеми другими представлениями, как собственными именами и даже диалогами».*

Всё сновидение целиком и полностью, непосредственно и исключительно относится к нашей душевной деятельности в состоянии сна, где наш интеллект в состоянии сна используется ей лишь как некая «база данных». Математические способности всё-таки являются исключительно сферой деятельности нашего сознательно работающего интеллекта в бодрствующем состоянии; для наивысшего качества подобной деятельности нам бывает необходимо максимально абстрагироваться от всех своих душевных переживаний, порывов и влияний и постараться полностью сосредоточить всё своё внимание исключительно на этой узко-ориентированной интеллектуальной деятельности и всё том, что в тот момент с нею связано.

Если что-то уже было нами некогда ранее предварительно придумано, продумано и осмыслено, тогда, будучи в нашей бодрствующей жизни для нас чем-либо заслоненным или с чем-то несколько спутанным, в состоянии сна оно может предстать перед нами в чистой и легко доступной для понимания форме. Работа сновидения в каждом таком случае просто извлекает из нашей памяти всё то, что считает наиболее подходящим в тот момент для своей деятельности. Иногда это нам представляется как нечто более понятное и удачное, иногда как нечто менее удачное, и, в зависимости от этого, мы имеем более или менее ясные для своего понимания сновидения.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Сновидение не может создавать новых диалогов, поскольку последние встречаются в сновидениях, безразлично, осмысленных или абсурдных, анализ всякий раз показывает нам, что сновидение заимствует из мыслей, скрывающихся за ним, лишь отрывки действительно бывших или слышанных разговоров и поступает с ними по-своему произволу. Оно не*

*только вырывает их из общей связи, дробит на более мелкие части, берет одну эту часть и отстраняет другую, но и создает новые соединения их, так что на первый взгляд вполне связный диалог в сновидении распадается при анализе на три-четыре отрывка. При этом преобразовании сновидение часто отбрасывает смысл, который имели слова в мыслях, лежащих в его основе, и придает им совершенно другой; при более близком рассмотрении диалога в сновидении можно различить ясные, отчетливые отрывки, которые служат для связи, и, по всей вероятности, были заполнены, все равно как при чтении мы заполняем пропущенные слоги или буквы. Диалог в сновидении имеет структуру **брекчии**⁹¹, в которой крупные обломки различного материала связываются окаменевшей промежуточной массой».*

Наши сновидения иногда можно сравнить с быстро сменяющимися перед глазами, искусственно созданными изображениями, или с немым кино, где основную роль играют изобразительные средства выражения и внешние качества представляемых образов и объектов. Диалоги являются лишь такую же частью изображения, как и какой-либо предмет обстановки или образ. Работа сновидения по-своему собственному усмотрению определяет то, что ей лучше всего подходит для наиболее наглядного изображения доступного ей исходного материала в сновидении. При необходимости, она использует различные, между собой никоим образом не связанные, мысли и диалоги; большая часть наших естественно возникающих в контексте сновидения вопросов часто так и не получает вразумительных ответов. В сновидении отсутствует возможность такого же уровня коммуникации между всеми участниками событий и сцен, как это представляется возможным в бодрствующем состоянии.

Единственным вариантом для осуществления чего-либо подобного в сновидении, является пробуждение ото сна на некоторое время всех участников – субъекта самого сновидения и всех субъектов желаний – и частичное или полное осмысливание ими всего увиденного в своих сновидениях и переосмысливание событий предшествующего дня с последующим практически одновременным засыпанием. Это трудно реализуемое, но единственно возможное и необходимое условие для частичного, а, желательно, и как можно более полного осмысления уже увиденной части сновидения и извлечения выводов, и, как следствие, возникновения каких-либо новых желаний или некоторой коррекции более ранних в зависимости от увиденного и услышанного в сновидении. Я также предполагаю, что все субъекты желаний имеют возможность в какой-то мере ощущать в своих собственных сновидениях потенциально возможные последствия от взаимодействия некоторых из своих желаний с желаниями своих оппонентов/объектов своих желаний.

f) Абсурдные сновидения. Интеллектуальная деятельность в сновидении

К сожалению, большинство наших сновидений не подлежит полному и исчерпывающему толкованию. Это происходит по причине того, что значительная их часть является неким абсурдным набором не совсем до конца понятных образов, и иногда совершенно, на первый взгляд, бессмысленных действий.

⁹¹ **Брекчия** – горная порода сложенная из угловатых обломков (размерами более 1 см) и сцементированная. В брекчии, в отличие от конгломерата, почти нет окатанных обломков «Википедия»

Иногда бывает сложно понять весь доступный материал наших сновидений; иногда же, в силу множества различных причин, это совершенно не представляется возможным. Иногда в качестве источника сновидения может оказаться такого рода желание, о возникновении и непродолжительном сознательном существовании которого человек и сам с большим трудом бывает в состоянии вспомнить впоследствии. А что уже тогда можно говорить обо всём том материале сновидений, источником которого субъект сновидения не является, и о существовании которого он может только лишь догадываться или предполагать?

Зигмунд Фрейд пишет: *«...сновидение становится абсурдным в том случае, когда в мыслях, скрывающихся за ним, имеется в качестве одного из элементов его содержания суждение: «Это нелепо», когда вообще одна из бессознательных мыслей грезящего сопровождается критикой и иронией. Абсурдное служит, поэтому одним из средств, при помощи которого сновидение изображает противоречие, все равно как преобразование взаимозависимости между мыслями и содержанием сновидения, все равно как использование ощущений моторной связанности. Абсурдность сновидения не следует, однако, переводить простым «не»: она должна воспроизводить склонность мыслей, скрывающихся за сновидением, к иронии, включающей в себя противоречие. Только с такой целью сновидение даёт нечто курьезное, заслуживающее смеха. Оно превращает здесь опять-таки часть скрытого содержания в явную форму».*

Очень немногие сновидения не являются хотя бы в какой-то степени абсурдными в силу специфики работы нашей душевной деятельности при создании сновидения и используемого ею для своих целей исходного материала. Основной причиной этого является то, что в том случае, когда в качестве источников сновидения используются два и более существенно отличающихся друг от друга желания различных людей, *«сновидение изображает противоречие»* вынужденно. Противоречие может заключаться не в каком-то внутреннем конфликте самого субъекта сновидения; оно может быть прямым следствием конфликтности разного рода противоречивых или плохо совместимых друг с другом актуальных в тот момент желаний, которые были использованы душевной деятельностью при создании сновидения. Сновидение не подчиняется большинству стандартов нашего бодрствующего мышления, и вся его деятельность преследует совершенно иные цели, используя при этом в иногда схожие, а иногда и те же самые средства.

Редкие наши собственные желания пользуются в нас самих полной, абсолютной душевной поддержкой. Тот факт, что мы иногда над чем-то длительное время размышляем, взвешиваем все «за и против», как раз и свидетельствует о неоднозначности и противоречивости нашего отношения ко всему обдумываемому. Иногда мы можем в течение долгого времени взвешивать все «за и против» потенциально возможных последствий, необходимо наступающих в случае исполнения нашего желания. То же самое по той же причине происходит и в душах всех тех, объектом желания которых мы являемся, в особенности, если эти желания имеют своей целью причинение нам какого-либо прямого либо косвенного ущерба или вреда. Всё-таки человеческая совесть – в том случае, когда речь идёт о полноценных мужчинах – никогда не перестаёт обращать своё внимание на то, что, в большинстве случаев, всё то, что

представляется чем-либо неприемлемым и неприятным для нас самих, в той же мере необходимо является таковым и для всех остальных людей.

«Людам совесть велит помогать друг другу»⁹².

Видимо, всё-таки общечеловеческий жизненный принцип и основной закон человеческого сосуществования: **«Относись к другим точно так же, как ты хотел бы, чтобы они относились к тебе»** в значительной мере преобладает и постоянно действует и в душевной жизни полноценных людей. Именно согласно его влиянию, наша душевная деятельность старается продумать, просчитать и осмыслить все возможные и допустимые последствия от принятых нами решений, и предполагаемых и планируемых нами действий.

Внутренняя потребность в иронии либо в чем-либо подобном в наших сновидениях мне кажется чрезмерной и излишней. Нечасто мы в своих желаниях имеем своей основной целью поиронизировать над чем-то, либо насмеяться над кем-то или чем-то. Это всё-таки является частью нашей бодрствующей жизни и имеет основное значение как часть нашей сознательной, общественной жизни, и элементы подобного рода взаимодействий, представляясь только лишь в сновидении, приносят нам мало утешения и удовлетворения, не будучи одновременно с этим предметом общего сознательного восприятия для всех необходимых нам участников или зрителей предполагаемых событий. В таких случаях, прежде всего, для нас важна всеобщая известность предпринимаемых нами действий и существующих фактов, и их своевременная общественная оценка и последующая реакция, имеющая своим прямым следствием изменение некоторыми участниками и очевидцами своего мнения и точки зрения касательно некоторых из участников вполне определенных событий.

Исключением из этого правила могут являться какие-нибудь группы детей или подростков, в среде которых именно такой форме удовлетворения некоторых своих деструктивных импульсов и потребностей придается наиболее значительный вес. У них, по некоторым причинам, отдается предпочтение именно таким формам воздействия на оппонентов и взаимодействия друг с другом перед всеми иными формами воздействия и взаимодействия, более удобными, естественными и общепринятыми в среде взрослых людей.

Зигмунд Фрейд пишет: *«...все, что имеет в сновидении форму мнимого проявления функции мышления, не должно считаться мыслительным процессом деятельности сновидения, а относится к материалу мыслей, скрывающихся за сновидением, и в виде готового целого переносится оттуда в явное его содержание... К скрытому содержанию сновидения относятся также и большая часть суждений, высказываемых по поводу вспоминаемого сновидения после пробуждения ото сна, и ощущений, вызываемых в нас репродукцией этого сновидения; все они должны быть включены в его толкование».*

Деятельность сновидения имеет своей конечной целью нечто отличное от нашего обыденного мышления. Ею, при выполнении своих задач, используется несколько иной исходный материал, – различные желания и намерения, объектом которых мы являемся, – и, при осуществлении своей деятельности, она находится в совершенно иных условиях. Мы привыкли оценивать всю продукцию

своего мышления с вполне определенной, трезвой, здоровой точки зрения, поэтому чаще всего и стараемся с этой единой позиции оценивать все происходящие в нашей душе внутренние процессы. Это придает нам дополнительную уверенность и необходимую устойчивость в своем мировосприятии, и дает нам ощущение полного самосознания и вытекающего из этого самоконтроля, который мы стараемся иногда распространить и на наше состояние сна.

Принять тот факт, что в состоянии сна в нашем интеллекте и/или в нашей душе происходит нечто такое, на что мы не в состоянии оказывать должного воздействия и влияния, и даже не всегда в состоянии припомнить всё то, что с нами в том состоянии происходило, оказывается не так уж для нас и легко. Признание этого имеет своим прямым следствием вынужденную переоценку значительного числа внутренних ценностей, что необходимо влечет за собой последующее изменение мировосприятия, поведения и отношения ко всему с этим связанным. С одной стороны, всё это несколько усложняет наши уже существующие оценки, с другой стороны, это необходимо расширяет и углубляет наши познания и позволяет гораздо лучше понять то, что было ранее недоступным для нашего понимания.

Для нас действительным содержанием сновидения является лишь всё то, что мы вспоминаем при пробуждении, либо некоторое время спустя, в результате дополнительной концентрации своего внимания при попытке восстановить сновидение в своей памяти. Содержание сновидения иногда представляется нам в форме описания сменяющих друг друга картин; в них чаще всего не бывает никаких наших рассуждений и каких-то правильных, важных и точных оценочных суждений. Подобного рода сложная интеллектуальная деятельность является функцией нашего сознательного мышления.

При вспоминании нами своего сновидения, для определения его полного содержания и отделения его от всякого рода размышлений и измышлений о его возможном смысле, следует быть очень осторожным и внимательным, и стараться не смешивать одно с другим. Необходимо всегда помнить и о том, что наши желания всё-таки не являются единственными источниками для большинства наших сновидений. Давая же всему только лишь собственную, иногда предвзятую оценку, исходя только лишь из своей тенденциозной позиции, мы, таким образом, рискуем исказить и извратить весь действительный смысл сновидения и увидеть в нем лишь то, что нам хотелось бы в нём увидеть. И в таком случае, это будет совершенно не то, что нам в действительности было в нем представлено нашей душевной деятельностью.

Зигмунд Фрейд пишет: *«При разъяснении мнимых суждений в сновидении следует руководствоваться тем вышеуказанным правилом толкования, что связь отдельных элементов сновидения настолько призрачна, что её можно оставить в стороне и подвергать анализу каждый элемент в отдельности. Сновидение представляет собою конгломерат⁹³, который в целях анализа должен быть снова раздроблен на отдельные части. С другой стороны, нельзя отрицать и того, что в сновидениях проявляется особая психическая сила, создающая эту мнимую связь отдельных элементов, иначе говоря, подвергающая вторичной обработке материал, добытый деятельностью сновидения».*

⁹³ **Конгломерат** – бессистемное соединение разнородных частей и предметов (Викисловарь)

Эта «**особая психическая сила**» как раз и является тем основным созидющим фактором и главной движущей силой, которая и занимается согласованием и представлением субъекту сновидения всего исходного материала сновидения. Эта связь не всегда может быть нами до конца понята. Мы иногда и в самих себе бываем не в состоянии до самого конца проследить весь ход процесса, и существующие закономерности формирования некоторых из наших оценочных суждений и вполне законченных образов. Многие из этих процессов происходили и происходят под влиянием внешних обстоятельств и без прямого, сознательного нашего участия.

Таким или подобным образом происходило это и у большинства остальных людей. Именно поэтому, часто не представляется возможным даже у самих себя до конца проследить и уловить все тонкости самого момента зарождения и продвижения процесса формирования какого-то отдельно взятого суждения. Можно ко всему этому также добавить и то, что мы, даже перед самими собой, не всегда бываем полностью откровенны, что же нам следует тогда говорить о других? Наши способности и возможности в поиске исходной мотивации кого-либо из субъектов желаний незначительны и могут быть чаще всего использованы по принципу аналогии, подобия и сходности определенных качеств различных людей. Это проще и эффективнее можно использовать в отношении тех людей, которые находятся в сходных условиях или оказываются в подобных жизненных ситуациях. Все предварительные оценки в каждом таком случае содержат в себе лишь некоторую долю истинности и определенности, и, прежде всего, являются гипотезами, предположениями, иногда предубеждениями, а иногда и заблуждениями.

г) Аффекты в сновидении

В нижеприведенном фрагменте моего сновидения присутствовали достаточно сильные аффекты и некоторые, мною никогда ранее не испытанные, ощущения, которые мне показались натуральными и правдоподобными, насколько я был в состоянии обо всём этом судить. Наиболее впечатляющим было общее ощущения неопределенности своего состояния здоровья – был я в какой-то момент жив, или уже нет, и последующие попытки овладения всеми своими физическими способностями.

Фрагмент сновидения: *«Я со своими знакомыми гуляю на природе около какого-то озера. Вдалеке мы слышим звуки взрывов. Это, так называемые, «прилеты» – то есть, стреляют не от нас, а по нам. Постепенно звуки взрывов приближаются к нам. Вдруг я понимаю, что что-то взорвалось рядом со мной. Я не могу при этом понять – жив я ещё, или уже мертв. Спустя некоторое время я начинаю ощущать, что я скорее жив, чем мертв. Мои внутренние ощущения в тот момент достаточно точно соответствуют, по своему проявлению, состоянию сильной контузии, как я об этом когда-то читал и слышал, или чего-то подобного этому, так как боли я в тот момент совершенно не чувствую, и мною лишь ощущается очень сильный шум и помутнение в голове. Через некоторое время, я чувствую, что меня куда-то ведут, или тянут, или несут, что для меня означает то, что я ещё живой. Постепенно ко мне приходит осознание того, что я только лишь очень сильно контужен и, судя по отсутствию каких-либо болевых ощущений, серьёзно не*

ранен».

Все ощущения в этом сновидения были настолько правдоподобны, отчетливы и реальны, что у меня создалось такое впечатление, что все происходит как в действительности. При создании сновидения частично использовались мои собственные прошлые ощущения и воспоминания о том, когда я, сидя у себя в квартире, оказался очевидцем того, как в нескольких десятках метров от моего дома разорвалось несколько снарядов – как потом сказали, обстрел велся из ракетной системы залпового огня «Град». Акустические ощущения были практически полностью взяты из моих собственных воспоминаний, а вот последующие внутренние ощущения были мне до того времени неизвестны. Мне никогда прежде не доводилось испытывать таких интенсивных, деструктивных последствий от близкого взрыва, сопровождающегося частичной или полной потерей сознания и, как следствие, значительного ограничения подвижности. Как мне показалось, испугаться в сновидении я так и не успел, так как всё произошло слишком быстро.

В качестве источника этого сновидения наиболее вероятным мне представляется такой: кто-то из моих знакомых или из неплохо знающих меня, узнав о том, что наш микрорайон был недавно обстрелян, выразил очень сильное сожаление о том, что я не пострадал во время него и пожелал мне в следующий раз оказаться поближе к эпицентрам взрывов. Кому-то, видимо, очень сильно захотелось того, чтобы в следующий раз во время обстрела я оказался не у себя в квартире, а на улице, в том самом месте, где и были прилёты. Моё же естественное желание для всех подобных ситуаций – остаться в живых и, по возможности, без травм.

У меня возникает вполне естественный вопрос: неужели мы оказываемся способными испытывать во сне ощущения, которые никогда не были испытаны нами ранее? В качестве ответа можно привести то, что каждый из нас бывает в состоянии припомнить далеко не единственное подобное собственное сновидение, в котором ему пришлось испытать нечто до того неиспытанное. Единственным необходимым и обязательным предварительным условием для таких сновидений мне представляется предварительное размышление на эту или подобную этой теме. В каждом таком случае мы всё-таки должны были некогда ранее хотя бы немного подумать о чём-либо подобном применительно к самим себе, и попытаться представить себя в подобных условиях; и не так уже и важно то, насколько это явилось прямым следствием наших собственных размышлений или же это произошло произвольно, в результате какого-либо внешнего воздействия.

Нам, в любом случае, было необходимо хотя бы попытаться понять всё то, чем могут сопровождаться такого рода события, и, хоть на мгновение, представить себя в подобной ситуации. Откуда же тогда могут быть взяты эти, никогда ранее не испытанные нами, ощущения нашей душевной деятельностью при создании сновидения? Видимо, в таком случае нам как-то удастся составить в своём воображении искусственный образ возможных последствий. И очень часто этот образ бывает достаточно правдоподобным, натуральным и почти достоверным, а для нас, не имевших никогда прежде подобного опыта, он представляется в полной мере подходящим и соответствующим воображаемой нами ситуации. В моём случае, визуальные и акустические ощущения были использованы из моих недавних воспоминаний об обстреле нашего микрорайона,

а внутренние ощущения, скорее всего, были взяты из каких-то моих детских ощущений того, когда мне случалось внезапно потерять сознание или ощутить на себе какие-либо последствия сильного внешнего воздействия, повлекшие за собой частичную или полную потерю сознания.

Зигмунд Фрейд пишет: *«По свидетельству нашего ощущения, аффект, испытываемый нами в сновидении, отнюдь не менее значителен, чем испытываемый наяву и обладающий той же интенсивностью; более энергично, чем кругом своих представлений, требует сновидение своими аффектами включения в число действительных переживаний нашей души. Мы не производим, однако, этого включения в бодрствующем состоянии, так как не умеем психически оценивать аффект иначе, как только в связи с определенным кругом представлений. Если аффект и представление по характеру своему и интенсивности не совпадают, то наше бодрствующее суждение приходит в смущение».*

Немногие из сновидений психически нормального человека бывают чрезвычайно сильно насыщены различными аффектами. Большая их часть всё же является эмоционально нейтральными. Мы, чаще всего, в сновидении как будто бы являемся некими статистами или марионетками, и наша эмоциональная реакция просто не успевает за происходящими событиями, разворачивающимися перед нами в сновидении. Не успели мы о чем-то подумать, как и сцена и действующие лица могут быть полностью изменены, и нам приходится всё начинать с самого начала. Только лишь мы решим предпринять какие-нибудь действия, как обстановка и участники уже настолько сильно изменились, что все наши первоначальные намерения уже представляются неактуальными, нереализуемыми и бесполезными. Когда мы испытываем в сновидении какой-либо сильный аффект, впоследствии, при анализе сновидения оказывается, что для полноты его ощущения необходим какой-то наш изначальный внутренний базис, какое-то предварительное предрасположение к ощущению чего-то подобного в данный, конкретный момент, некое предощущение, предчувствие. Бывает необходима предопределенная, специально для него подготовленная психологическая почва для того, чтобы субъекту сновидения удалось испытать этот или ему подобный аффект в своем сновидении.

Если субъект сновидения не испытывает сильной половой неудовлетворенности, то и в сновидении он не будет способен испытать соответствующее сильное переживание и удовлетворение подобного рода. Для него будет достаточно проблематично ощутить какие-либо сильные, свойственные исключительно для данной ситуации, эмоции, даже несмотря на наличие среди исходного материала сновидения источников такого рода значительной интенсивности. Это также имеет непосредственное отношение практически ко всем остальным нашим естественным потребностям. Не будучи голодным, будет достаточно сложно в состоянии сна испытать значительное удовольствие от поедания какой-либо пищи; будет невозможно испытать радость от чего-либо прямо или косвенно связанного с пищей. Также вызывает достаточно сильный интерес то, насколько сильно может испугаться чего-либо в сновидении тот, кто в бодрствующей жизни абсолютно этого не боится и испугаться чего он не в состоянии. Внутренняя предрасположенность в подобных случаях оказывает необходимую поддержку и, скорее всего, является обязательным предварительным условием для того, чтобы определенные

ощущения или аффекты субъект сновидения мог на себе ощутить или испытать.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Отделение аффектов от представлений, вызывающих их проявление, – наиболее яркое и рельефное изменение, претерпеваемое ими при образовании сновидения, но далеко не единственное и не наиболее существенное из всего того, чему подвергаются они на пути от мыслей, скрывающихся за сновидением, вплоть до явного содержания последнего. При сравнении аффектов в этих мыслях с таковыми же в сновидении бросается в глаза тотчас же следующее: там, где в сновидении имеется аффект, он имеется и в мыслях, но не наоборот. Сновидение, в общем, более бедно аффектами, нежели психический материал, из обработки которого оно образовалось; восстановив мысли, лежащие в основе сновидения, я вижу, что в них постоянно отражаются наиболее интенсивные душевные движения, зачастую борющиеся с другими, им диаметрально противоположными. Обращая же взор снова на сновидение, я вижу, что оно почти всегда бесцветно и лишено какой бы то ни было окраски интенсивного аффекта. Сновидение подымает на уровень безразличия не только содержание, но и эмоциональную окраску моего мышления. Я решаюсь утверждать даже, что сновидение совершает подавление аффектов».*

Чем более в какой-то конкретный момент собственные желания субъекта сновидения используются его душевной деятельностью для формирования сновидения, тем сильнее будет эмоциональная окраска его сновидения, и тем больше аффектов оно в себе будет содержать. В случае же использования при создании сновидения в значительной мере желаний других людей, объектом желаний которых является субъект сновидения, ему просто не всегда в достаточной и необходимой мере становится доступна их истинная эмоциональная оценка, вкладываемая самими субъектами желаний во все мыслимые ими образы и предполагаемые события. Субъект сновидения во всем этом принимает участие не сознательно и добровольно, а вынужденно. Не он сам является основным инициатором всего происходящего во время такого сновидения. Его душевная деятельность в таком случае просто не в состоянии полностью передать весь спектр эмоциональной окраски событий по причине отсутствия у неё в качестве исходного материала этой составляющей в достаточном для этого объёме, поэтому ей и приходится представлять всё происходящее в эмоционально обеднённой, ненасыщенной форме.

Также необходимо учитывать и то, что к итоговой оценке материала сновидения, его эмоциональной насыщенности и оценке конечного результата, источником которого являются субъекты желаний, отличные от субъекта сновидения, иногда добавляется собственное отношение и оценка всех предполагаемых событий и результатов самим субъектом сновидения. В результате чего, итоговая оценка может либо как-то измениться – уменьшившись или увеличившись, либо остаться прежней. Судя по всему, гораздо чаще она в какой-то мере понижается душевной деятельностью субъекта сновидения, поэтому мы и *«сочтем подавление аффектов результатом тормозящего воздействия, которое оказывают друг на друга противоречивые элементы».*

Совершенно по-иному всё происходит в случае использования душевной деятельностью субъекта сновидения при формировании сновидения своих собственных, в достаточной мере эмоционально окрашенных желаний. При формировании такого сновидения могут быть использованы собственные,

предварительно хорошо известные, в полной мере доступные, и некогда ранее испытанные аффекты, поэтому и содержание сновидения уже не окажется таким чуждым, непонятным и эмоционально нейтральным. Вполне возможно, что подобного рода насыщение аффектами собственного сновидения происходит и в том случае, когда при отсутствии собственных актуальных желаний, в качестве основного источника субъект сновидения имеет нечто такое, что когда-то сам сильно желал в прошлом, и против осуществления чего не возражал бы и в настоящее время. Это представляется возможным для субъекта сновидения лишь тогда, когда собственное прошлое желание на текущий момент ещё полностью не утратило своей актуальности, и в любой момент может быть возвращено к жизни.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Мы должны подумать и о том, что каждое более или менее сложное сновидение оказывается результатом взаимодействия различных психических сил. С одной стороны, мыслям, образующим желание, приходится выдерживать сопротивление цензуры, с другой же – мы видели уже неоднократно, что даже в бессознательном мышлении каждая мысль связана с другой, ей противоречащей; так как все эти мысли способны вызывать аффекты, то, в общем, мы едва ли впадем в ошибку, если сочтем подавление аффектов результатом тормозящего воздействия, которое оказывают друг на друга противоречивые элементы и которое испытывают подавленные стремления со стороны цензуры. Таким образом, подавление аффектов есть второй результат воздействия цензуры в сновидении; первым результатом его было искажение».*

Достаточно сложно определить изначальное происхождение в нашем мышлении цензуры. Для понимания её действительной природы необходимо чётко знать источник её происхождения и источник поддержания её силы и значимости в душевной деятельности. С одной стороны, цензура иногда воспринимается нами как нечто для нас чуждое и как будто навязанное нам извне, с другой стороны, она всё же является неотъемлемой частью нашей душевной деятельности, и мы не в состоянии совершенно избавиться от её влияния и воздействия. Часто она помогает нам избегать внешних неприятностей и конфликтов, способных доставить нам неудовольствие, вместо желаемой, предполагаемой и ожидаемой радости.

Ни для кого не секрет, что часть наших внутренних запретов на своем начальном этапе является запретами внешними, к которым мы сперва относимся достаточно враждебно, и не желаем им в полной мере подчиняться. Несколько по-иному мы относимся к нашим собственным, внутренним запретам, которые возникли вследствие наших неудачных жизненных опытов или ошибок, в результате физических травм или испытанных нами болевых ощущений – как это обыкновенно бывает в результате ожога, падения, удара, укуса, и прочих болезненных и неприятных ощущений. Часто нам бывает необходимо испытать неоднократно неприятное ощущение, либо однократное ощущение большой интенсивности для того, чтобы какое-то внешнее ограничение было нами в достаточной степени воспринято как нечто для нас действительно необходимое и важное, которое, некоторое время спустя, станет уже одним из полноценных и полноправных наших внутренних элементов самоограничения и самоконтроля.

Мы не всегда бываем в состоянии точно определить действительные причины того, каким образом в нашем сознании возникают некоторые мысли и различные

образы. Что определяет закономерность данного процесса? Является основной причиной этого какие-либо внутренние наши физические ощущения или наибольшее значение имеют в таком случае наши психологические ощущения? Способны ли мы неосознанно воспринимать чьи-то мысли, эмоции и образы? Скорее всего, именно такого рода наши действительные способности иногда бывают в состоянии полностью или частично изменить весь ход наших мыслей. От некоторых физических ощущений, имеющих внешний источник, нам бывает гораздо проще самоустраниться, нежели от ощущений, имеющих внутренний источник. От какого-либо рода эмоционального или какого-то другого психологического воздействия нам бывает гораздо сложнее куда-то деться, и бывает достаточно сложно себе представить то, каким образом мы в состоянии хотя бы минимизировать последствия его влияния.

««Меня тянет», – говорит подчас человек; но кто его тянет, кого он отличает он себя самого, сваливая ответственность за свои поступки на некую силу, не являющуюся им самим? Это не кто иной, как он сам, это только он сам вместе со своим желаньем! Какая разница – сказать «я хочу» или сказать «мне хочется»? Да и нужно ли вообще сказать «я хочу», для того чтобы действовать? Разве поступок вытекает из желания? Разве желанье не выявляется, напротив, только в поступке?..»⁹⁴

Насколько подобного рода восприятия, если таковые действительно возможны, оказывают существенное воздействие на всё наше мышление и самоощущение? Пока в этой области нашего знания вопросов намного больше чем ответов. Во всех этих направлениях наука так и не имеет четкого основания ни для утверждения, ни для опровержения множества существующих в настоящее время гипотез и предположений, поэтому пока можно лишь констатировать тот факт, что наше мышление не является чем-то совершенно изолированным и полностью автономным. Не всегда оно является совершенно нам подконтрольным и абсолютно зависимым только лишь от наших собственных волевых и/или душевных усилий.

Для полного понимания природы цензуры необходимо полное понимание всего процесса развития нашей души от самого момента рождения, – а, вполне возможно, что и от некоторого момента до нашего рождения, – и до момента полного, окончательного становления её структуры, когда она уже оказывается достаточно прочно сформированной и трудно поддающейся какому-либо существенному внешнему воздействию, направленному на её изменение. Здесь бы нам не помешало достоверное знание о том, с какого момента начинается активная деятельность нашей души – с внутриутробного периода, или уже после нашего рождения? Это является очень важным фактором, позволяющим нам попытаться понять все начальные моменты зарождения многих наших душевных качеств. Очень важно понять то, насколько при рождении наша душевная организация является сформированной, и в какой мере и в каких качествах мы способны впоследствии её дополнить или изменить.

Также не менее важным для нас является понимание того, насколько способны на это мы сами лично; в какой мере в какой-то момент мы можем самостоятельно избавиться от каких-либо из наших самоограничений, некогда навязанных нам нашей цензурой? Скорее всего, что в данном случае всё зависит в первую очередь от того, каким образом какие-то запреты или ограничения были

изначально сформированы. Всё то, что было сформировано в течение продолжительного времени, скорее всего, может быть полностью нивелировано или существенно изменено только лишь в результате длительного и планомерного воздействия обратного характера. То же, что некогда было образовано в результате разового и интенсивного воздействия, скорее всего, для своего нивелирования или изменения нуждается в каком-то подобном, достаточно интенсивном, обратного рода, однократном воздействии. В крайнем случае, можно всё-таки попытаться обойтись многочисленными частыми, регулярными и незначительными по своей силе воздействиями, но конечный результат в таком случае, скорее всего, будет в некоторой мере отличаться от ожидаемого и желаемого.

Насколько этот процесс может быть длительным и безболезненным? Здесь всё зависит в первую очередь от того, насколько для нас ожидаемый результат является жизненно важным и необходимым. Всё напрямую зависит от того, на какие жертвы способны мы пойти ради достижения желаемого. Именно это всё и помогает нам преодолевать возникающие перед нами трудности и препятствия и, несмотря ни на какие лишения, продвигаться по направлению к намеченной нами цели. Иногда нам самим для себя вполне под силу либо придать ценность чему-то, либо же полностью что-то для себя обесценить.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Тягостные настроения во время сна становятся поводами к сновидению: они пробуждают настойчивые желания, которые сновидение должно осуществить. Материал, с которым они связаны, до тех пор перерабатывается, пока он не становится пригоден для изображения осуществления желания. Чем интенсивнее и существеннее элемент тягостного настроения в мыслях, скрывающихся за сновидением, тем увереннее наиболее подавленные желания воспользуются возможностью найти себе выражение: наличие тягостного чувства, которое в противном случае им пришлось бы вызывать самим, облегчает им наиболее трудную часть работы, предпринятой ими в целях своего изображения. Тем самым мы переходим снова к проблеме сновидений страха, которая представляет собой, как мы увидим, предел для деятельности сновидения».*

Осуществление только лишь какого-либо нашего желания не является наиболее приоритетной и единственной, конечной целью для всей нашей душевной деятельности в процессе создания сновидения. Возникновение желания у субъекта сновидения является первичным и обязательным фактором для того, чтобы это желание было воспринято и использовано душевной деятельностью при создании сновидения. А в результате работы сновидения получается ровно то, что получается, насколько из всего имеющегося в наличии материала могло что-либо получиться – ни больше того, ни меньше того – что бы, кто бы, и сколько бы ни делал с материалом, использованным при создании сновидения.

Тягостными наши настроения, скорее всего, являются по той причине, что конечной целью некоторых желаний значительного числа людей не являются какие-либо благие по отношению к окружающим деяния и намерения. Как ни велико при этом наше сожаление, но природа человека именно такова, что даже, несмотря на наличие такого развитого государственного полицейского аппарата и всевозможных культурных, религиозных и моральных институтов, людям бывает достаточно сложно противиться своим внутренним деструктивным позывам к

совершению каких-либо аморальных, противоправных и противозаконных действий. Существующие моральные и культурные нормы иногда не представляют никаких препятствий для некоторых людей. Они полагают, что влияние всех этих существующих в обществе норм распространяется только лишь на видимую часть их деятельности, на какие-нибудь незначительные их собственные действия, на что-то в достаточной мере открытое для всех и поэтому вполне понятное. На скрытую от посторонних глаз деятельность у них все существующие общепринятые нормы не распространяют; там действует свой собственный, совершенно отличный, отдельный свод, так называемых, «понятий».

Одной из самых любимых ширм для некоторых непотребных деяний такого рода людей очень часто служат всевозможные двусмысленные, противоречивые намерения и действия, когда, в случае чего, можно будет прикинуться искренне удивленным и сказать что-то о том, что в действительности хотели сделать нечто совсем другое, и о возможных таких, чаще всего негативных, последствиях никогда даже и не задумывались и ничего подобного не предполагали. И вообще, они на такое изначально совершенно не способны. И как вы могли о них так плохо подумать? Да как вы смеете их в чём-то обвинять, и так далее и тому подобное!?

При всём этом, необходимо учесть тот важный момент, что на этапе замысла и размышлений всё «тайное» и «скрытое», как это кажется замышляющему, уже помимо его воли, непременно самопроизвольно становится вполне себе «явным» и «известным», благодаря специфике работы душевной деятельности человека при создании сновидений и не только. Поэтому, не следует сильно удивляться тому, что у нас иногда и возникают какие-то неприятные ощущения в самом сновидении от четкого понимания или внутреннего предчувствия того, что по отношению к нам кто-то хочет совершить нечто нехорошее; для этого у нас в тот момент, видимо, имеется достаточное количество веских оснований. Это вполне естественно, с учетом того, что в сновидении наша критическая деятельность совершенно отдыхает, и некому нам в состоянии сна сказать: *«Это всё твои фантазии и/или досужие, нелепые домыслы и предположения»*. Мы в своих сновидениях воспринимаем всякие агрессивные намерения и выпады по отношению к нам точно и чётко, и в большинстве случаев оцениваем их соответствующим образом. Отсюда, скорее всего, и происходит такое количество тягостных настроений во время некоторых из наших сновидений – какова ситуация, таковы и ощущения.

Сновидения страха вполне оправданы в том случае, когда воспринимаемая нами в сновидении угроза в достаточной мере идентифицирована как нечто для нас опасное по причине того, что некогда ранее нечто подобное было уже нами когда-то испытано, либо наступление чего-то подобного нами некогда ранее уже предполагалось. В том случае, когда мы не в состоянии в достаточной мере оценить предполагаемый вид, форму и потенциальную возможность осуществления такого рода намерений и вытекающих из них последствий на основании уже имеющегося у нас собственного опыта, тогда, даже в случае снящегося нам какого-то действительно кошмара или ужаса, может так случиться, что мы не испытаем по поводу него совершенно никаких отрицательных эмоций. Для нас в тот момент это будет чем-то совершенно непонятным, неизведанным, близко нас не касающимся, и, поэтому, не имеющим в тот момент нашей собственной, на тот момент уже составленной оценки.

Личный опыт в каждом таком случае является определяющим. Исключением может быть лишь какая-нибудь потенциальная угроза, непосредственно исходящая от того, кто уже причинял некогда ранее нам какой-либо ощутимый вред и заставлял в результате своих действий каким-то образом почувствовать боль или какие-либо иные неприятные ощущения. В таком случае нами будет прежде всего отчетливо восприниматься не столько сама суть предполагаемого события или происходящего действия, сколько оцениваться общая негативная окраска самой личности инициатора и/или участника всего происходящего вместе с собственным, связанным с ним, отрицательным опытом.

h) Вторичная обработка

Душевная деятельность при создании сновидения занимается обработкой одного и того же материала один единственный раз. У неё изначально имеются в наличии и полной доступности все необходимые ей для этого методы и средства. У неё нет никакой нужды в какой-либо дополнительной, вторичной обработке исходного материала сновидения. В процессе создания сновидений она является первой, последней и единственной инстанцией, и никому в этом вопросе неподвластна и неподотчетна, и ничем внутри нас самих дополнительно не сдерживается и никак не контролируется. Единственное, что в дальнейшем может происходить с уже готовым сновидением, так это его последующая доработка исходя из вновь поступившего во время сна материала, который бывает необходимо в состоянии сна каким-то образом интегрировать в уже созданное перед этим сновидение.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Не подлежит никакому сомнению, что цензурирующая инстанция, воздействие которой сказывалось до сих пор лишь в ограничении содержания сновидения и в вычеркивании из него, способствует помимо этого его дополнению и осложнению. Эти дополнения зачастую заметить нетрудно; они сообщаются неуверенно, сопровождаются словами «как будто», «точно», не отличаются сами по себе особой живостью и располагаются всегда в тех местах, где могут служить для соединения двух частей содержания сновидения или для установления связи между ними. Они слабее запечатлеваются в памяти, чем истинные отрывки материала сновидения: когда сновидение забывается, они исчезают в первую очередь, и я подозреваю, что наша частая жалоба: «нам снилось очень много, большинство мы забыли, припоминаются отдельные отрывки» покоится на мгновенном исчезновении именно этих мыслей. При исчерпывающем анализе эти дополнения обнаруживаются зачастую тем, что в мыслях, скрывающихся за сновидением, не находится соответствующего им материала».*

Я предполагаю, что то, что в нашем сознательном мышлении выступает в качестве цензурирующей инстанции, – полностью не контролируемой нами сознательно, и, в большинстве случаев, заставляющей нас подчиняться исходящим от неё требованиям беспрекословно, – при формировании сновидения принимает участие не как что-либо обладающее большим на всё влиянием, чем что-либо другое, а как некий равноправный субъект желаний. Этот субъект иногда выступает как самостоятельный источник определенного рода дополнительных, сопутствующих желаний, направленных на внутреннее ограничение или расширение наших потенциальных возможностей по

удовлетворению своих потребностей, влияние которого может распространяться только лишь на что-либо нам в достаточной мере известное.

Это может иметь прямое отношение к нашим желаниям всегда, а ко всем тем желаниям, объектом которых мы являемся, лишь в том случае, когда нам уже что-либо об этом известно, и мы уже успели сформировать в этом отношении свою точку зрения, или разработали какие-то правила, методы и механизмы противодействия или взаимодействия. Именно поэтому, деятельность функции цензуры в сновидении настолько отлична от таковой же в нашем сознательном мышлении. Она не может в сновидении что-либо нам запретить; она иногда может лишь предупредить, поставить в известность, или обратить на что-то каким-то образом наше внимание; её мнение проявляется в качестве отдельной части материала сновидения, и иногда просто лишь учитывается, а, при необходимости, и используется душевной деятельностью при создании сновидения.

Если же вопрос непосредственно касается некоторых из наших сознательных элементов самоконтроля, – которые также можно назвать элементами цензуры, – тогда такого рода самоконтроль будет использоваться нами уже при изначальном формировании желания. В том случае, когда все наши сомнения полностью не будут удовлетворены, они будут присутствовать в качестве дополнительного, сопутствующего нашего желания, как обязательного условия исполнения основного желания. Именно такая, изначальное предполагаемая нами, потенциальная возможность использования всех различных, возможных и доступных вариантов при реализации нами задуманного и может иметь такого рода последствия. Наша самоцензура в таком случае нам полностью подвластна, и не способна причинить нам какое-либо страдание даже в сновидении; она в тот момент является абсолютно добровольным, вполне осознанным действием.

Если же мы после пробуждения что-то забыли, и потом, под чьим-либо воздействием, упорно пытаемся вспомнить, тогда, вполне возможно, что наше, так называемое, естественное припоминание и «вспоминание» будет больше подходить под название: наша собственная «фантазия». Именно поэтому и не будет никаких мыслей, скрывающихся за этими вымышленными элементами сновидения. Склонность ко лжи не является такой уже и редкой чертой характера человека; в том же случае, когда кто-либо от нас настойчиво требует что-то у нас отсутствующее или несуществующее – ложь является совершенно естественной, вынужденной и вполне оправданной. Если же это касается более слабых и немощных представителей рода человеческого – то иногда они просто вынуждены так себя вести; им приходится таким способом компенсировать отсутствие у себя некоторых качеств, и в достаточной мере развитых способностей, открывающих перед ними массу широких возможностей.

Если же речь идет об элементах сновидения, о которых мы «*ни сном, ни духом*», тогда, в силу чуждости их нашему сознательному мышлению, можно с полной уверенностью утверждать, что не мы сами являемся источниками данных элементов или образов сновидения. Они взяты не из наших собственных мыслей и желаний, и, вполне возможно, мы даже при очень сильном желании окажемся не в состоянии узнать или даже предположить их действительного первоисточника. В таком случае, нам остается только лишь принять к своему сведению то, что кто-то об этом что-то думает или что-либо планирует, и это каким-то образом нас касается; нам в таком случае необходимо просто быть

более внимательными со всем тем, что имеет какое-либо отношение к увиденному нами в сновидении.

Зигмунд Фрейд пишет: *«При анализе убеждаешься, что вторичная обработка сновидения произвела произвольный переворот всего материала, особенно его внутренних взаимоотношений. Эти сновидения уже были, так сказать, истолкованы до нашего толкования их в бодрствующем состоянии. В некоторых сновидениях эта тенденциозная обработка простирается лишь на известную часть их; в этой части все связно и понятно, между тем, как дальше сновидение становится абсурдным или запутанным; нередко, однако, абсурдность в дальнейшем ходе сновидения может снова смениться связностью. В других же сновидениях следов обработки вообще нет; мы беспомощно стоим перед бессмысленным хаосом отдельных отрывков содержания».*

Когда мы о чем-то думаем или чего-то желаем, мы не слишком заботимся о том, чтобы это согласовывалось с чем-либо из области каких-то домыслов или размышлений кого-либо из посторонних людей; мнение и точку зрения значимых для нас людей мы чаще всего изначально учитываем в своей интеллектуальной деятельности. Образ наших мыслей является в чем-то уникальным, и обладает достаточно своеобразным и самобытным, только лишь ему присущим стилем. Мы просто по-другому не можем ни о чём думать. Несколько по-иному обстоит дело тогда, когда мы во время наших размышлений вполне осознанно учитываем чью-либо точку зрения или какие-либо доводы конкретных людей. В том случае, если они являются схожими с нашими желаниями в основных моментах, тогда при сопоставлении или сложении наших сходных желаний или намерений мы получаем нечто достаточно ясное, вполне понятное и выполнимое. В другом случае, при значительном отличии этих основных признаков, чаще всего получается нечто трудноразличимое, малопонятное и, как следствие, невыполнимое. Чем больше интересантов и чем сильнее различается их образ мышления – тем менее понятным будет содержание того сновидения, которое было создано на основе всех этих желаний, единственным объединяющим фактором которых является наличие одного и того же объекта, как конечной цели всех этих желаний.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Изучение психоневрозов приводит нас к тому неожиданному выводу, что эти фантазии или дневные сновидения являются ближайшими провозвестниками истерических симптомов, по крайней мере, целого ряда таковых; истерические симптомы связываются не с самими воспоминаниями, а с фантазиями, создаваемыми на почве последних. Частое проявление сознательных дневных фантазий дает нам возможность ближе познакомиться с такого рода явлениями; но подобно таким сознательным фантазиям имеется ещё и множество бессознательных, которые остаются таковыми благодаря их содержанию, а также и происхождению от отодвинутого материала. Более глубокое проникновение в характер этих дневных фантазий показывает, что им присуща значительная часть особенностей сновидения, их исследование открыло бы нам ближайший и легкий путь к пониманию последних».*

Всё то, что непосредственно касается, так называемой, общепринятой «психологической нормы» – когда бодрствующее состояние в какой-то момент сменяется полноценным состоянием сна – то с полной уверенностью можно

утверждать, что здесь присутствие различного рода интенсивных фантазий маловероятно. Такое может быть возможно либо при существенном недостатке сна, либо при сильной эмоциональной усталости, наступающей вследствие значительного эмоционального перенапряжения, либо в состоянии сильной влюбленности, или каких-либо других пограничных состояниях, часто сопровождающихся существенным понижением общего уровня сознательного мышления, его необходимого минимального уровня, когда мы в результате оказываемся в некотором промежуточном состоянии между сном и бодрствованием.

Подобного вида образ мышления достаточно часто встречается при разного рода душевных расстройствах. Насколько наше бессознательное ориентируется исключительно на наши собственные ощущения; когда и в какой мере оно использует в своей деятельности что-либо привходящее в обход нашего сознательного мышления – ответить не так уже и легко. Всё то, что находится за непосредственно ощущаемым и, поэтому, вполне осознаваемым нами порогом слуха, обоняния, осязания и прочих органов наших чувств, нами, скорее всего, всегда учитывается и используется, а в какой мере и когда – вопрос достаточно сложный. Обыкновенно, в состоянии психической нормы, мы в течение всего дня в большей или меньшей степени сохраняем способность не погружаться достаточно глубоко в свои собственные фантазии, и стараемся поддерживать при этом своё сознание относительно свободным от каких-либо ненужных или бесполезных в тот момент фантазий. По-иному всё обстоит в том случае, когда это имеет прямое отношения к нашей текущей деятельности; тогда мы сознательно погружаемся в глубины своего подсознания и/или вызываем оттуда необходимые нам образы.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Эта истинная деятельность сновидения гораздо дальше, однако, от бодрствующего мышления, чем предполагают даже те, кто наиболее решительно преуменьшает роль психической деятельности при образовании сновидения. Она вовсе не небрежнее, не слабее и не менее исчерпывающая, чем бодрствующее мышление: она представляет собой нечто совершенно отличное в качественном отношении и потому не может быть даже сравнена с нею. Она не мыслит, не считает, не судит, она ограничивается одним только преобразованием. Её можно описать, приняв во внимание все те условия, которым должен удовлетворять её продукт – сновидение».*

Исходя из такого взгляда на природу сновидения, – когда при его создании используются все те желания, объектом которых является субъект сновидения, – очень важной представляется потенциальная возможность изменения сновидения уже в процессе его представления субъекту сновидения. В состоянии ли деятельность сновидения в течение всего времени его сна как-либо корректировать сновидение исходя из вновь поступившей, или изменения некоторой из предыдущей информации, которая использовалась при создании текущего сновидения, при изменении конечной формы и самой сути исходных желаний? Или разделение состояния сна субъекта сновидения на различные фазы, – фазы быстрого и медленного сна, – как раз и позволяет душевной деятельности выполнять совершенно различные функции – функцию начального, предварительного сбора всей доступной информации и функцию создания самого сновидения, а потом уже и функцию демонстрации созданного сновидения? Или

же в одной фазе (быстрого сна) мы смотрим свои сновидения, а в другой фазе (медленного сна) участвуем в чужих, что не позволяет мгновенно и/или своевременно реагировать на некоторые возникающие естественные потребности (энурез у детей)?

Субъект сновидения способен повлиять на своё сновидение в состоянии сна лишь своими внутренними ощущениями, но никак не своими изменившимися или вновь возникшими желаниями. Единственными исключениями являются какие-либо естественные потребности субъекта сновидения в состоянии сна – ощущения голода, холода, боли, жажды, жары и прочие. Всё то, что имеет непосредственное отношение к неудовлетворенной половой потребности, чаще всего изначально мыслится и формируется в бодрствующем состоянии, и не способно к какой-либо значительной коррекции в состоянии сна при отсутствии непосредственной стимуляции половых органов субъекта сновидения.

Субъекты желаний, используемых душевной деятельностью субъекта сновидения при создании сновидения, вполне возможно, оказываются в состоянии каким-либо образом повлиять на его сновидение при возникновении у них каких-то новых желаний, объектом которых является субъект сновидения. Такое совершенно невозможно лишь в том случае, когда все они одновременно с субъектом сновидения засыпают, и поэтому оказываются уже не в состоянии сознательно корректировать или формировать свои желания или намерения. Такая возможность, скорее всего, присутствует только лишь в том случае, когда субъект сновидения находится уже в состоянии сна, а некоторые из субъектов желаний продолжают что-либо задумывать в его отношении или же пытаются что-либо изменить в своих первоначальных намерениях, каким-то образом его касающихся. Также нельзя полностью исключать потенциальной возможности включения любого вновь возникшего желания, объектом которого является субъект сновидения, в уже готовое его сновидение.

VII. Психология процессов сновидения

«...речь здесь идет о бессознательном мышлении и что самый процесс легко может быть совершенно другим, чем тот, который мы замечаем в себе при намеренном, сознательном мышлении...Она [деятельность сновидения] вовсе не небрежнее, не слабее и не менее исчерпывающая, чем бодрствующее мышление: она представляет собой нечто совершенно отличное в качественном отношении и потому не может быть даже сравнена с нею. Она не мыслит, не считает, не судит, она ограничивается одним только преобразованием. Её можно описать, приняв во внимание все те условия, которым должен удовлетворять её продукт – сновидение...»

Зигмунд Фрейд «Толкование сновидений»

«Она [душа] извлекает для себя пользу решительно из всего. Даже заблуждения, даже сны – и они служат её целям: у неё всё пойдет в дело, лишь бы оградить нас от опасности и тревоги»

Мишель Монтень «Опыты»

В этом разделе мы постараемся понять то, насколько велико влияние изначальной природы формирования желаний и намерений на использование и отображение их в сновидении. Насколько изменяется представление желания в сновидении в зависимости от того: кто и в какой мере является его инициатором и/или основным приобретателем его конечных результатов. Каким образом влияет на реализацию желания в сновидении тот факт, что оно изначально каким-то образом было навязано кем-то извне? Также очень важно постараться понять то, каким образом всё это влияет на субъекта желания, и насколько это им самим ощущается и осознается. Как изменяется само сновидение в зависимости от того, кем для субъекта сновидения является видимый им, и признаваемый как инициатор этого навязываемого и внедряемого желания объект сновидения?

«Свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого человека». Это основная причина того, что иногда нам даже при удовлетворении своих незначительных потребностей приходится непременно учитывать мнение и точку зрения окружающих. Основная цель повседневной деятельности психически нормального человека – постараться в процессе своей жизнедеятельности при удовлетворении своих насущных потребностей и реализации своих желаний возбуждать как можно меньше негативных эмоций у окружающих. Правда, очень часто добиться этого бывает достаточно сложно, а иногда – практически невозможно. Таким образом, большинство наших желаний и намерений являются потенциально исполнимыми в той лишь мере, насколько это:

а) вообще теоретически возможно;

б) под силу нашим способностям и возможностям на момент реализации;

в) присутствует в тот момент по отношению к нам безразличие и равнодушие других людей, способных нам каким-то образом помешать; присутствует их осознанный, добровольный или вынужденный, нейтралитет по отношению к нашей деятельности, направленной на удовлетворение своего желания;

г) присутствует какая-то помощь нам от других людей, способных чем-то помочь в достижении положительных результатов;

д) присутствует действительное, значительное и существенное противодействие со стороны других людей по отношению к нашей деятельности, направленной на удовлетворение нашего желания, способных нам каким-либо образом помешать, но нам оказывается под силу преодолеть их противодействие и добиться необходимого для себя результата, понеся при этом некоторые, возможно что даже и значительные, издержки.

Таким образом, для осуществления своих желаний человеку необходимо иногда в незначительной мере, а иногда и в более значительной мере благоволение или равнодушие других людей. Либо сила, воля, способности и возможности должны быть в состоянии преодолеть или умиротворить любое существующее до, возникшее в процессе, или потенциально возможное в будущем противодействие на любом этапе реализации желания.

Рассмотрим теперь более подробно все те потенциально возможные желания, объектом которых мы можем являться и авторами которых при этом мы не являемся. Это могут быть как желания каких-либо наших знакомых или родственников, так и желания абсолютно нам незнакомых людей, в сфере интересов которых мы каким-то образом оказались.

Если это желание является простым, не имеющим в качестве сопутствующей цели субъекта желания скрыть свое авторство или присутствие в качестве его участника, то форма и представление этого желания в сновидении не будет в чем-то существенно отличаться от подобного представления в сновидении наших собственных желаний. В сновидении созданном на основании таких желаний, всё происходящее будет для нас достаточно ясным и вполне понятным, и будет представлено нам в доступной для понимания форме. Это в полной мере касается всех возможных и допустимых типов сновидений, вне зависимости от того – предполагают они при этом по отношению к нам нечто положительное или нечто отрицательное, содержащее в себе какие-либо положительные аффекты или содержащее в себе какие-либо отрицательные аффекты.

В случае же, если исходное желание является чем-то гораздо более сложным по своей структуре и форме, за счет задействования при его реализации большого числа участников или использование неполного информирования некоторых из участников об их конечных целях и действительных функциях – так называемого использования их «в темную» или в качестве «статистов», какого-либо рода манипулирование – содержание сновидения скорее всего будет иметь менее понятный вид и более расплывчатые контуры. Сложно, а, скорее всего, почти невозможно добиться одинаковой интерпретации всего содержания одинаковых намерений и желаний всеми участниками предполагаемых действий в совершенно одинаковой форме в своём воображении. Внутреннее представление любой доступной информации очень часто, вне зависимости от культурной или какой-либо другой общности, хоть в какой-то мере, но будет отличаться.

Хорошо мы запомнили сновидение, смутно мы помним сновидение, или редкие фрагменты сновидения иногда всплывают в памяти.

На отчетливость и ясность образов в сновидении в первую очередь влияет суммарная интенсивность всех желаний, которые использовались работой сновидения при его создании. Вполне возможно, что также играет значительную роль и тот случай, когда в основе сновидения в качестве исходного материала оказываются два в чем-то похожих желания, но с противоположными намерениями. Например: «Мужчина очень хочет обладать определенной женщиной, а эта женщина категорически не желает ни при каких условиях вступать именно с ним в интимную связь». Такого рода противоположные желания в итоге при взаимном наложении друг на друга в своей сумме дают полное ничто; происходит их взаимная нейтрализация. В подобной ситуации для полной нейтрализации при создании сновидения достаточно важным является примерное равенство энергетических потенциалов двух исходных желаний, что происходит достаточно редко; обычно, сила желания обладать значительно превышает силу нежелания, чтобы тобой обладали, в результате чего в каждом таком случае после пробуждения и возникают какие-то неясные, смутные и

непонятные обрывки сновидения.

Если же достаточно чётко и ясно вспоминаемое при пробуждении сновидение вскоре полностью забывается, тогда возможной причиной этого является собственное нежелание субъекта сновидения об этом думать, его собственное внутреннее сопротивление по отношению к субъектам желаний, использованных при создании этого сновидения, и ко всему ими желаемому по отношению к нему; таким образом иногда проявляется деятельность цензуры субъекта сновидения. Вероятно, некоторое влияние на этот процесс также способно оказывать сопутствующие желания некоторых участников/объектов сновидения, чьи желания использовались душевной деятельностью при создании сновидения о том, чтобы, при возможности, остаться неузнанными или незамеченными. Значительный негативный эмоциональный оттенок какого-либо сновидения иногда тоже может не способствовать его длительному задержанию в памяти субъекта сновидения. Всё-таки хочется чаще думать о чём-то хорошем, а не о плохом. Желательно, чтобы ничто плохое не касалось нас даже в наших мыслях.

И всё-таки наиболее сложными для запоминания являются те сновидения, в которых были образованы какие-то очень сложные образы, которые представляются для нас чем-то абсолютно нереальным и совершенно фантастическим. Сознательной деятельности субъекта сновидения в таких случаях бывает достаточно сложно найти в своей памяти для отображения и описания этих объектов что-либо такое, что будет в полной мере отражать эти экзотические элементы максимально точно и достаточно понятно. То же самое касается и любых нереальных, фантастических действий – когда они представляются для сознательного мышления чем-то невысказанным и невозможным, поэтому оно иногда и отмахивается от них, как от чего-то совершенно несерьёзного и неважного. Иногда для субъекта сновидения бывает сложно после пробуждения сразу же ясно понять и точно описать всё то, что происходило с ним в подобных сновидениях, а описание самих образов представляет для него ещё более значительные трудности. Преодолеть все эти трудности оказывается под силу лишь тем немногим индивидам с хорошим художественным вкусом, со способностями и образом мышления и представления, свойственных для художника, и/или для человека с хорошо развитым воображением.

Сон без сновидений – его причины и последствия.

Сон без сновидений является основным признаком того, что, с одной стороны, субъекту сновидения никто не нужен, и ничего в тот момент не нужно, с другой стороны, признаком того, что и он сам никому не нужен ни в каком аспекте, поэтому он и может спать спокойно и ни о чем постороннем при этом не думать. Душевная деятельность субъекта сновидения в тот момент просто не имеет в наличии достаточного исходного материала для создания сновидений, именно поэтому и происходит совершенно спокойный сон без сновидений.

В большинстве случаев, при полном физическом здоровье, после пробуждения ото сна без сновидений, субъект сновидения испытывает ощущение наиболее полного, совершенного, полноценного отдыха, чем после такого сна, когда в сновидении ему приходилось с чем-то бороться, или чего-либо добиваться. Субъект сновидения чувствует себя душевно более расслабленным

и отдохнувшим. Никакие душевные волнения и бури сразу же после пробуждения его не тревожат и не потрясают, и он может позволить себе полностью сосредоточиться на своих текущих делах.

В том редком случае, когда сон без сновидений явился следствием полной взаимной нейтрализации всех встречных желаний и намерений, после пробуждения субъекта сновидения ожидает ощущение частичного или полного внутреннего опустошения, сильной душевной усталости и духовного истощения. Это является прямым следствием происходившей в состоянии сна внутренней борьбы и отсутствия итогового положительного результата. Значительные душевные ресурсы всё-таки были затрачены, а добиться так ничего и не удалось, а возможные перспективы при этом также представляются достаточно смутными и туманными.

Интриги и заговоры, в которых кто-то является активным или пассивным действующим лицом.

В том случае, когда в каком-то задуманном, предполагаемом действии, основанном на вполне определенном желании, в качестве участников выступают несколько людей, причем, один человек является наиболее активным действующим лицом, организатором и духовным вдохновителем, а другие лишь выполняют его указания – тогда и появление самого этого организатора и вдохновителя в ходе сновидения является обязательным.

Вполне возможно, что такое вынужденно-обязательное появление состоится лишь в самом конце сновидения, где он и будет каким-то образом представлен в качестве активного участника происходящих событий. Помешать его появлению, или, в некотором роде, его немного смазать способно лишь очень сильное его нежелание быть признанным. В том же случае, когда организаторов и вдохновителей оказывается несколько, следует ожидать появления в сновидении сложного, почти неузнаваемого коллективного образа.

Активное действующее лицо интриги или заговора (provocateur, подстрекатель, заговорщик, организатор и руководитель) – снится ли ему что-либо из всего задумываемого им? Каким образом отражаются его намерения на его собственных сновидениях? На этот вопрос пока мне сложно дать четкий ответ, так как мне представляется маловероятным то, чтобы человек, ранее уличенный в чем-то подобном, был впоследствии настолько откровенен, чтобы искренне и открыто поделиться с кем-то содержанием своих сновидений. Это возможно лишь в том случае, когда было задумано либо нечто вполне безобидное и нейтральное, либо нечто положительного характера, либо же в том редком и маловероятном случае, когда он сам случайно об этом как-нибудь проговорится и это станет общеизвестно. Скорее всего, – с учётом того, что сопутствующим желанием будет его желание остаться неузнанным, – он и в своём собственном сновидении будет от чего-то или от кого-то скрываться или прятаться. Дополнительное влияние на содержание его собственного сновидения оказывают все те желания, объектом которых он является, что может в значительной мере исказить или полностью заслонить реализацию его собственных желаний.

Действующее лицо интриги, заговора, которое при этом не осознает своей

действительной роли – так называемый статист – может даже совершенно не предполагать своего активного участия в чем-либо; вполне возможно, что в сложившейся ситуации каким-то образом только лишь используются его повседневные привычки, интересы, образ или стиль жизни. Такого человека чаще всего используют так, чтобы его не пришлось посвящать во все детали задуманного, либо же давая ему обо всём предстоящем лишь незначительную, возможно, что и заведомо ложную информацию. Он никоим образом не предполагает обо всех действительных намерениях заговорщиков, и, как правило, до самого конца остается в заблуждении касательно всех их действительных целей. Именно вследствие этого, увидев в результате каких-либо из своих действий нечто значительно отличающееся от того, что он изначально предполагал увидеть, этот статист может быть всем этим очень сильно и, при этом, искренне удивлен. Психологические последствия всего этого для него лично иногда могут быть непредсказуемыми.

Как изменяется в сновидении образ того человека, которым кто-либо манипулирует?

*«- Послушайте, миссис Картлетт, – обратился он к Арабелле, отводя её в сторону. – Не желаете ли приобрести одно средство? Это не из моих обычных лекарств, но иногда у меня просят что-нибудь в этом духе. – Он показал ей маленький флакончик с прозрачной жидкостью. – **Это любовный напиток**, употреблявшийся в древности с большим успехом. Я открыл его состав, изучая старинные рукописи, и знаю, что оно действует безотказно.*

– А из чего он сделан? – заинтересовалась Арабелла.

– Одна из составных частей его – очищенный сок голубиных сердец. Чтобы получить одну такую бутылочку, требуется около сотни сердец.

– Как же вы достаете столько голубей?

*– Скажу вам по секрету: я беру кусочек каменной соли, которую голуби особенно любят, и кладу в голубятню у себя на крыше. Через несколько часов голуби слетаются туда со всех четырех сторон света – с востока, с запада, с севера и с юга, – и тут лови их сколько угодно. **Надо постараться, чтобы желанный вам человек выпил каплю этой жидкости в каком-нибудь напитке.** Но учтите, я рассказал вам всё это только потому, что, судя по вашим расспросам, вижу в вас покупательницу. Вы ведь не подведете меня?*

– Что ж, пожалуй, можно взять бутылочку. Дам кому-нибудь из подруг, пусть использует на своём кавалере...»

Томас Гарди «Джуд незаметный»

Если человек в своей душе в достаточной мере одобряет какие-либо внешние манипуляции самим собой, и использование себя в интригах или заговорах (например, в том случае, если ему за это заплатили), даже если полного

внутреннего единодушия у него не возникает (*у него в том случае присутствует другой интерес*), тогда он становится активным действующим лицом всех этих замыслов, и мы получаем в сновидении – в том случае, когда никто из соучастников не попытается как-то «за ним спрятаться» и каким-либо образом скрыть своё собственное участие – его, несмешанный с другими участниками, вполне узнаваемый образ. Он тогда представляется в сновидении полноправным и полноценным участником, – но не организатором, не душой заговора, – всего происходящего, который в необходимой мере отдает себе отчет о действительных целях всего происходящего, и всех тех средствах, которыми они пользуются для их достижения. В том случае, когда некоторые из участников желают избежать известности, и остаться не узнаваемыми, когда они стараются всеми силами, чтобы об их причастности к этому никому ничего не было известно, – внешность, а также какие-то повадки или привычки активного действующего лица сновидения, вполне возможно, будут в какой-то мере изменены. В том случае, когда он полностью поддерживает и желает (*что есть самым наиболее в этом случае*) всей душой того, чтобы всё задуманное осуществилось в полной мере, тогда он обретает полное единодушие с организатором, в результате чего вполне допустимо полное смешение его образа с образом организатора.

«...ибо ворожбой и колдовством можно, разумеется, приворотить и прибрать к рукам только тело, но никак не душу...из этого следует не только то, что ведьмачили всегда по преимуществу и даже исключительно женщины, так что мужчин-ведьмаков почти не бывает, но, естественно, и то, что любовь играла тут всегда важнейшую роль, будучи издавна средоточием всякого чародейства и что любовные чары – это, собственно, сущность всякой магии, её естественнейший и главнейший предмет...»⁹⁵

Например: Какая-то женщина сама, посоветовавшись с подругами, решила сделать не очень приятный гастрономический «сюрприз» своему мужу или кому-то из своих знакомых и приготовить ему/им какое-то экзотическое блюдо, или же этой женщине какие-то её знакомые настоятельно порекомендовали при приготовлении пищи использовать какую-то им известную вредную добавку, предварительно рассказав ей о своём плане. В обоих этих случаях она изначально прекрасно будет представлять себе все возможные последствия предпринимаемых собою действий. Таким образом, либо она сама этого изначально желает и только лишь она одна и есть основное заинтересованное во всем этом действующее лицо, либо же эта женщина под каким-то внешним воздействием, в конечном итоге, всё же сама соглашается на всё это. Такое может произойти либо по причине испытываемой ею сильной ненависти к этому человеку, либо же по причине материальной заинтересованности – личном обогащении в результате наступления предполагаемых последствий от такой деятельности. В конечном итоге всего этого неприглядного мероприятия, приготовленная ею пища, конечно же, становится совершенно несъедобной, говоря точнее, чрезвычайно вредной, и кто-то из близких ей людей впоследствии получает какой-то ущерб для своего здоровья. Иногда, совершенно случайно, может произойти и что-нибудь из ряда вон выходящее, однако такое возможно только лишь при счастливом стечении множества различных обстоятельств. Нечто подобное, исключительное и маловероятное было описано ранее таким вот образом:

«Седьмой хлебнул яду, но не умер, а только прочистил желудок на горе своей супруге, которая впустую потрудилась и потратилась»⁹⁶.

В обоих вышеописанных случаях – когда она сама захотела и когда ей порекомендовали – её образ в сновидении будет полностью узнаваемым, так как при формировании у неё желания на неё не будет оказываться никакого давления, и она в полной мере будет отдавать себе отчёт обо всех предполагаемых последствиях своих действий. Если же к её собственному сильному желанию добавится сопоставимое по силе желание кого-то из советчиков, тогда возможно частичное смешение их образов в сновидении.

Что происходит в том случае, если тот человек, которым манипулируют, в какой-либо форме не приемлет всего этого или чего-либо из того, в чем ему против его воли приходится участвовать? Как всё выглядит, если его не очень сильно заставляют, а просто немного уговаривают и убеждают, стараясь подавить его нежелания принимать участие в предлагаемых действиях? В сновидении он, скорее всего, будет представлен в составе смешанного образа вместе с уговорившим его организатором и вдохновителем (*образ будет совмещён пропорционально пониманию и поддержке конечных целей манипулируемым*), либо его образ, впоследствии, уже в ходе сновидения, трансформируется в образ его руководителя, либо же в сновидении произойдет сначала первое, а следом за ним и второе. В таком случае непременно будет заметно то, что представленный в сновидении образ является сложным, и его поведение не соответствует оригиналу. Всё будет зависеть от степени принятия и силы внешнего воздействия – сила действия (организатор) + сила противодействия (исполнитель). В любом случае, каждый человек, – даже при очень сильной заинтересованности и невозможности принимать независимые решения и действовать самостоятельно, – предпочитает всегда действовать по своему усмотрению и всячески сопротивляется всему навязываемому ему извне. Ниже я в очередной раз приведу тот очень интересный и поучительный фрагмент сновидения, который наглядно демонстрирует изменение образа в сновидении в том случае, когда один (*организатор*) руководит действиями другого (*исполнителя*), и исполнитель не противится своему использованию.

Фрагмент сновидения: *«Мне снится один мой знакомый В.. Я точно уверен в том, что это именно он, хотя внешность у него немного необычная, что-то не совсем ясное, образ нечеткий, немного расплывчатый. Однако, с одной стороны, я полностью уверен в том, что это В., а с другой стороны, он не совсем похож на самого себя. Потом кто-то говорит: «В. уже не тот». Через некоторое время В. превращается в совершенно незнакомого мне человека Х.»*

В лице В. в сновидении, посредством сгущения, представлены как минимум два различных, но обязательно между собой знакомых человека, связанных друг с другом в отношении субъекта сновидения какими-то общими желаниями и намерениями. В виде представления прямой причиной связи можно наблюдать изначальную его внешнюю непохожесть на самого себя, и последующее превращение одного человека В., – изначально на себя самого не похожего, – в другого человека – Х.. В качестве исходного материала для создания одного образа были использованы как минимум два различных человека, один из которых был совершенно не знаком субъекту сновидения. Одним из этих людей

является сам **В.**, а другим, изначально невидимым для субъекта сновидения, тем, который видимо очень хочет в какой-то момент скрыться за **В.**, является тот, кто в этом случае манипулирует им в своих собственных интересах; **В.** во всём участвует добровольно и осознанно со своей стороны. Несмотря на своё сильное желание остаться невидимым субъекту сновидения и полностью неизвестным, в сновидении **Х.** всё же в какой-то момент оказывается не в состоянии сохранить своё инкогнито. Работа сновидения, видимо, иногда самостоятельно определяет: что именно и как именно ей демонстрировать в самом сновидении.

В том, что это была именно манипуляция, а не какой-то добрый совет или дружественная подсказка, можно быть полностью уверенным. Именно наличие его личной заинтересованности в вовлечении и использовании **В.**, и в том, чтобы **В.** всё сделал именно так, как ему это необходимо, изначально и явилось основной причиной того, что их образы в какой-то момент были полностью объединены в единое целое в сновидении. Внешность самого **В.** претерпела существенные изменения по причине того, что он не только нормально воспринимал и в достаточной мере поддерживал всё ему подсказанное и предложенное; видимо, его дополнительно чем-то очень сильно заинтересовали, и он просто не смог отказаться; соблазн оказался слишком велик; его душа была продана, а друг был им предан. Если бы он в своей душе не одобрял всего задуманного или был бы каким-то образом введён в заблуждение, тогда его образ, скорее всего, остался бы неизменённым и узнаваемым.

«- Итак, храбрая моя девочка, ... Вот быстроедействующий яд, ты подсыплешь его в липовый отвар, ... я тысячу раз использовал его...

- Тысячу раз! О, сударь...

- Да, Жюстина, я часто пользуюсь такими средствами для того, чтобы избавиться от людей, которые мне надоели, или для утоления своей похоти. Мне доставляет громадное удовольствие распорядиться таким коварным способом чужими жизнями, и я не раз наблюдал действие этого яда просто для забавы...»

Маркиз де Сад «Жюстина»

Что происходит в том случае, если используемый в заговоре абсолютно не приемлет того, в чем ему, против своей воли, всё же приходится участвовать? Если его каким-то образом заставляют, вопреки всему, принимать участие в каких-либо противоправных и/или аморальных действиях? В таком случае, скорее всего, его образ будет полностью цельным и совершенно узнаваемым, так как в нем самом не будет присутствовать никакого личного желания участвовать во всем происходящем, а будет присутствовать только лишь стойкое нежелание и, внутренне поддерживаемое, негативное отношение ко всему происходящему. Тот же, кто его заставляет принимать участие в происходящем, в самом сновидении обязательно каким-то образом в итоге будет представлен лично. Если он является единственным вдохновителем, тогда он будет представлен в своем естественном, действительном виде; если же он не одинок в своем начинании, тогда он, скорее всего, будет представлен в виде смешанного, коллективного образа, представляющего собой всех организаторов предполагаемых действий. В том редком случае, когда все участники не являются взаимодополняющими, а представляют каждый из себя нечто автономное, само по себе цельное,

самостоятельно желающее и относительно независимо действующее – каждый из них будет представлен в сновидении в виде отдельного образа, полностью отображающего их внешнюю и внутреннюю сущность.

Например: Какой-то женщине её знакомые настоятельно рекомендуют при приготовлении пищи использовать какую-то вредную добавку, предварительно всё рассказав ей о своём плане. Женщина изначально не соглашается на всё это, но они при помощи угроз или какого-либо рода шантажа заставляют её выполнить все их преступные требования. В результате совершения этого действия, приготовленная ею пища становится несъедобной, и кто-то из близких ей людей получает значительный ущерб для своего здоровья.

Если человек используется «в темную», и в своей душе он совершенно не понимает своей действительной роли в происходящем, совершенно не осознает её в ходе манипуляции и использования его в чьих-то интригах или заговорах, тогда мы получаем в сновидении два рядом друг с другом находящихся образа, когда один просто как будто бы наблюдает со стороны за действиями другого. Они никак не могут быть объединены в единый образ, так как их конечные цели полностью различаются, и один из них в каком-то роде представляет собой всего лишь подручное средство, используемое другим для достижения своей цели, некий необходимый для этого инструмент, предмет обстановки или часть пейзажа или же «наживку». В тот момент, когда манипулируемый совершенно «*ни сном, ни духом*» о происходящем в действительности, второй, манипулятор, вполне себе хорошо представляет все возможные последствия, наступления которых он желает и ожидает, в отличие от первого участника.

*«Меню у нас, пожалуй, даже краше,
Названья удивительно пестры;
Таинственные смеси и приправы
Напоминаю древние травы...»⁹⁷*

Например: Какой-то женщине её знакомые настоятельно рекомендуют при приготовлении пищи использовать какие-то очень редкие, экзотические специи, и под их видом дают ей какую-то вредную добавку. Эти знакомые сознательно всё это делают, и в полной мере представляют себе все возможные последствия, в отличие от самой этой женщины. Она не ожидает от своих действий ничего плохого, а, скорее всего, что совершенно наоборот. В результате такого поступка приготовленная ею пища становится не совсем съедобной, и кто-то из близких ей людей получает какой-то ущерб для своего здоровья. У определенной категории лиц такого вида действия изредка или систематически могут присутствовать в виде какого-то развлечения, своего рода шуток, так называемый «черный юмор», в результате которого они получают значительное удовольствие.

К сожалению, не все и не всегда в состоянии оценивать и осознавать все возможные последствия своих действий, а, в вышеприведенных случаях, провокаторы, организаторы и вдохновители ошибочно предполагают, что они оказываются совершенно непричастными к всевозможным негативным последствиям. Они до самого конца уверены в том, что ни в чём не виноваты, так как сами лично ничего не делали. Именно такие аргументы, видимо, и используются всеми теми злоумышленниками-манипуляторами и провокаторами,

которые вынуждают всеми правдами и неправдами некоторых слабовольных и малодушных индивидов к соучастию с ними в каких-либо неблагоприятных делах. Они при этом всячески убеждают в том, что от их деятельности всем будет только лучше, а если кто-то совершенно случайно немного и пострадает, значит он этого вполне заслуживал, и вообще, они всегда хотели как лучше. Чаще всего они предпочитают откровенно оболгать, «облить грязью» предполагаемую жертву, стараясь избавить своих соучастников и приспешников от возникновения у них чувства вины или стыда.

«Благими намерениями вымощена дорога в Ад»⁹⁸ _А некоторое время спустя, всех этих «массовиков-затейников» ожидает стандартная судьба среднестатистического полноценного или неудавшегося душегуба:

*«... Душа горит, нальётся сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрёк,
И всё тошнит, и голова кружится,
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста»⁹⁹*

Желание помочь кому-то, оказать какую-то услугу, подарить что-то, отправиться в путешествие, заняться любовью, защитить от чего-то или кого-то.

Такого рода односторонние желания отдельного человека не являются достаточными источниками для полноценных, ярких сновидений, если в тот момент отсутствует или какое-либо встречное желание, направленное на ожидание такого или подобного благодеяния, или подобное желание кого-либо из знакомых, – вполне возможно, что и совершенно незнакомых между собой, и ничего не знающих о существовании друг друга, – оказать подобное благодеяние вместе, по договорённости, или одновременно, по случайному совпадению, с субъектом желания. Если благодеяние в ближайшее время так и не бывает реализовано, тогда приходится постепенно обесценивать такое желание вплоть до его полного забвения, или же это приводит к трансформированию его в другую, более подходящую и соответствующую реалиям форму.

В очень редких, патологических случаях, такое желание длительное время продолжает полноценно существовать в сознании, превращаясь в навязчивую идею, манию или одержимость, что непременно негативно отражается и на содержании значительного числа сопутствующих сновидений. В некоторых, более удачных, но, всё же, не совсем желаемых и комфортных случаях, такое желание, при неспособности человеком самостоятельно его обесценить или уничтожить, полностью или частично вытесняется им из своего сознания с сохранением за ним присущего ему энергетического потенциала, что представляет собой в тот момент как единственно возможный компромисс или полумеру, что в результате приносит временное и непродолжительное, облегчение. При этом, такое желание продолжает и далее существовать на незначительном удалении от сознания, и сохраняет за собой какое-то влияние на некоторые мысли и образ действий индивида; иногда, при получении какой-то внешней или внутренней энергетической поддержки, такое, ранее вытесненное желание, возвращается

⁹⁸ Крылатое выражение в ряде языков, в частности в русском и английском. Альтернативной формой в английском языке ~~«Душа горит, нальётся сердце ядом, Как молотком стучит в ушах упрёк, И всё тошнит, и голова кружится, И рад бежать, да некуда... ужасно! Да, жалок тот, в ком совесть нечиста»~~ является «**«The road to hell is paved with good intentions, and heaven is full of good deeds»**» (Википедия)

вновь в приятных или не очень приятных сновидениях.

Несколько по-иному всё происходит в том случае, когда присутствует встречное желание, возможно, что изначально на чём-то основанное, небезосновательное ожидание какого-то благодеяния, которое иногда ложится в основание исходного желания, что, в таком случае, является обязательным и необходимым для использования таких желаний нашей душевной деятельностью в качестве материала при создании сновидения. Это встречное желание, будучи в какой-то момент нами в некотором роде ощущаемым или понимаемым, будет непременно оказывать на нас постоянное стимулирующее воздействие, придавая нам дополнительные силы и уверенность, что позволит в более короткие сроки и с наименьшими внутренними сомнениями и затратами добиться его реализации. В самом сновидении подобного рода желания, – в случае отсутствия в тот момент дополнительного, более значимого материала, – будут иметь своим результатом осуществление всего задуманного с учетом некоторой коррекции, которая не может не присутствовать при выполнении достаточно сложных, виртуальных процессов.

Нежелание помочь кому-либо, нежелание оказать какую-либо услугу, нежелание дарить что-либо, нежелание отправиться в путешествие, нежелание заняться любовью, отсутствие желания защитить от чего-либо или кого-либо.

Такого рода преднамеренные, отрицательные импульсы сами по себе, без дополнительной поддержки, не могут быть использованы как исходный материал при создании сновидений. В том случае, если присутствует какое-либо встречное желание, направленное на достижение противоположного результата в том же направлении, работа сновидения на их основании сможет создать какое-то сновидение в том случае, если разница энергетических потенциалов этих желаний существенна, или же при значительном энергетическом потенциале каждого, отдельного желания.

В тех случаях, когда сила желания будет приблизительно равна силе контржелания, и в тот момент не будет присутствовать в качестве исходного материала чего-либо способного заслонить или в значительной мере исказить содержание сновидения, субъекта сновидения ожидает какое-то слабо интенсивное, чрезвычайно расплывчатое сновидение. Его душевная деятельность, – в том случае, если посчитает содержание в тот момент несущественным, – продемонстрирует перед ним незначительность его негативных предположений. В том случае, когда душевная деятельность посчитает необходимым ясно и чётко показать всё субъекту сновидения, тогда в начале сновидения будет действие, а в его продолжении – противодействие, показанное в виде ответной, защитной реакции.

Я ранее приводил одно своё сновидение, в котором на меня напал и попытался избить какой-то мужчина, а мне удалось с ним в итоге справиться, и, затем, «отдать должное» и организатору этого неприятного мероприятия, «отблагодарив» его от души за его «доброту, поддержку» и участие. Если же какое-либо из желаний в значительной степени будет превосходить своим энергетическим потенциалом противоположное, и в тот момент не будет присутствовать в качестве исходного материала сновидения чего-либо

способного заслонить или в значительной мере исказить содержание предполагаемого сновидения, тогда субъекта сновидения ожидает яркое и насыщенное сновидение. Общий смысл и конечный результат этого сновидения будет полностью предопределен энергетически более сильным желанием. Для субъекта сновидения это будет прямым подтверждением и предупреждением о том, что его опасения являются вполне обоснованными, и он является в какой-то мере подготовленным к возможному развитию предполагаемых событий – если в сновидении получает удовлетворение его желание, – или недостаточно подготовленным, – если в сновидении получает удовлетворение пожелание того, чего он опасался.

В том случае, когда у субъекта сновидения нежелание чего-либо становится хроническим и очень интенсивным, и постепенно превращается в какую-то фобию или манию преследования, в патологический страх перед чем-либо или кем-либо, и постоянную борьбу с ожидаемой и предполагаемой угрозой, его сновидения будут в значительной мере отражать этот предполагаемый и мнимый им смысл. В том случае, когда все страхи субъекта сновидения будут небезосновательными, его сновидения получат дополнительную интенсивность за счет этого, существующего в действительности, опасного, вредоносного желания кого-то другого. В том же случае, когда всё мнимое им окажется лишь плодом его собственного воображения, а в действительности всё обстоит с точностью до наоборот, тогда его собственные сновидения будут в некоторой степени смягчены встречными положительными стремлениями и намерениями. Эти намерения и желания будут, – в зависимости от своей действительной силы, – немного или в значительной мере нейтрализовывать предполагаемые последствия от его собственных опасений, что непосредственно и отразится на содержании сновидений.

Почему иногда человек просыпается в хорошем настроении «хорошем расположении Духа», а иногда в плохом?

В состоянии сна Душа спящего человека всегда испытывает какое-то внешнее воздействие, непосредственно исходящее со стороны неравнодушных в этот момент к этому человеку людей. Не всегда это воздействие является позитивным. Не всегда его интенсивность является одинаковой. Не всегда интенсивность негативного воздействия равняется интенсивности позитивного воздействия. В конечном счёте, на настроение после пробуждения будет влиять общее, суммарное, итоговое воздействие всех, чего-то сильно желающих от субъекта сновидения. Если в большей мере в тот момент для него желают чего-то хорошего, - или, как минимум, не желают для него чего-то недоброго, - тогда и настроение после пробуждения будет хорошим (при нормальном состоянии здоровья тела). Чем в большей степени индивиду в тот момент не желают хорошего (желают ему плохого), тем более плохим будет у него настроение после пробуждения.

Положительный или отрицательный аспект вовлечения в свои намерения индивидуума.

Если мы при вовлечении кого-то в свою деятельность небезосновательно

предполагаем наступление каких-либо последствий по её итоговому результату для самих себя и для всех остальных участников, чего нельзя сказать о том, в отношении кого всё это организовано, это непременно скажется на на качестве сна и содержании своих собственных сновидений, и на на качестве сна и содержании сновидений всех без исключения вовлекаемых участников.

В случае полной законности, положительности всех наших замыслов, все участники будут спать достаточно спокойно. В случае неполной законности, отрицательности всех наших замыслов, качество сна непременно ухудшится, так как на это непременно повлияет потенциально возможный конфликт с противниками или с правосудием.

Во всех случаях, так называемые: «законность», «положительность» и «отрицательность» замыслов и последствий целиком и полностью являются таковыми не с объективной, действительной, общепринятой, культурной точки зрения. Имеет значение оценка только лишь с позиции самого субъекта желания и намерения. Всё представляется для него именно таким, как он всё это сам себе представляет и сам изначально предполагает и планирует. Его текущее, субъективное отношение и трактовка могут значительно отличаться от реальной, и быть при этом совершенно независимыми от каких либо возрастных, культурных, семейных и прочих особенностей, влияний и традиций. Иногда, его личная позиция может в какой-то мере изменяться в любую сторону под воздействием окружающих его людей или каких-то внешних обстоятельств.

Таким образом, нечто такое, что в момент своего первоначального замысла казалось совершенно безобидным и безвредным и не причиняло абсолютно никакого внутреннего беспокойства субъекту желания и намерения, спустя некоторое время, после объяснений, уговоров или убеждения кем-то о действительных и возможных последствиях, и наступления последующего «просветления», может вызвать у него очень сильное беспокойство и волнение, что непременно скажется на качестве и содержании последующих сновидений. Равно как и наоборот – то, что в момент первоначального замысла может представляться, предполагаться и показаться незаконным и очень вредным, впоследствии, после некоторых разъяснений и последующих размышлений, может перестать быть таковым в собственном понимании для субъекта задумываемого деяния. В данном случае становится понятно главное: не так уже и важно для внутреннего содержания то, каковым нечто является в действительности; наивысшее значение для субъекта размышлений, намерений и желаний во всех подобных случаях играет роль только лишь то, каким образом всё это ему самому представляется в данный, конкретный момент. Его действительное, актуальное внутреннее восприятие и отношение ко всему прошлому, происходящему и предстоящему имеет для него наивысшее значение.

Как изменяется в сновидении образ человека в зависимости от того, какого его возрастного периода желания использовались при создании сновидения?

Можно быть полностью уверенным в том, что если субъекту сновидения кто-то снится, и он при этом полностью уверен в том, что это какой-то вполне определенный, конкретный, им узнанный человек, о ком он и подумал в сновидении – вне зависимости от того, похож этот человек на себя или не похож,

– субъекту сновидения снится именно тот человек, о ком он и подумал в сновидении или сразу же после пробуждения, а не кто-то другой. Внутреннее ощущение того, что это именно тот человек, несмотря даже на существенное или незначительное внешнее несходство, в таком случае является достаточным основанием для того, чтобы утверждение субъекта сновидения соответствовало действительности, и как таковое воспринималось при толковании сновидения.

В том случае, когда внешность кого-либо из участников сновидения полностью соответствует его/её теперешнему внешнему виду, можно быть полностью уверенным в том, что источником сновидения является какое-либо из его/её актуальных, современных желаний, субъектом которого этот человек в полной мере является. В самом этом сновидении в качестве объекта/участника субъекту сновидения представляется именно этот человек без существенных изменений в своей внешности и поведении.

В том случае, когда внешность кого-либо из участников сновидения по возрастным параметрам полностью соответствует его/её теперешнему внешнему виду, а по остальным характеристикам значительно или немного отличается, можно быть уверенным в том, что источником сновидения является какое-либо из его/её актуальных, современных желаний, субъектом которого этот человек является лишь частично. В этом сновидении в качестве объекта/участника субъекту сновидения представляется именно этот человек. Все остальные дополнительные характеристики его внешности и необычного поведения как раз и представляют собой воздействие некоторых из остальных субъектов желаний, объектом которых является субъект сновидения.

В том случае, когда внешность кого-либо из участников сновидения полностью соответствует его/её внешности более раннего периода жизни – более раннему своему возрасту – можно быть полностью уверенным в том, что источником сновидения является какое-то из его/её более ранних желаний. Именно какое-то желание более раннего периода жизни объекта/участника сновидения было каким-то образом возвращено к полноценному существованию, и насыщено, при необходимости, достаточным количеством психической энергии; желание того самого периода жизни, к которому и относится соответствующий этому человеку возраст и внешний вид в этом сновидении. Этот человек при этом в полной мере является субъектом этого желания; и именно этот человек в сновидении представляется в качестве его объекта/участника субъекту сновидения.

В том случае, когда внешность кого-либо из участников сновидения по возрастным параметрам полностью соответствует его/её внешности более раннего периода жизни, а по остальным характеристикам значительно или немного отличается, можно быть уверенным в том, что источником сновидения является какое-либо из актуальных желаний более раннего периода жизни объекта сновидения/субъекта желания. Это желание было каким-то образом, – при непосредственном воздействии каких-то из остальных субъектов желаний, являющихся заинтересованными лицами, – возвращено к жизни и дополнено, при необходимости, достаточным количеством психической энергии – немного напомнили о прошлом, душевно пообщались, дали несколько полезных советов, убедили в том, что всё к всеобщей радости получится и так далее. Таким способом и было в какой-то момент возвращено к жизни какое-то желание более раннего жизненного периода самого объекта/участника сновидения, того самого

периода его жизни, к которому и относится соответствующий ей/ему возраст и внешний вид в этом сновидении. Все остальные дополнительные характеристики внешности и необычного поведения представляют собой кого-либо из остальных субъектов желаний, объектом которых в тот момент является субъект сновидения.

Является ли функция сновидения интеллектуальной или душевной составляющей человека?

Мне представляется наиболее соответствующим действительности то, что функция сновидения является в значительно большей мере нашей душевной составляющей, которая при этом не игнорирует и наши текущие телесные потребности, и пользуется в своей деятельности всем тем, что может предоставить ей в распоряжение наша физическая память. По своей сути и конечным целям функция сновидения прежде всего является нашей душевной составляющей, функцией и областью деятельности Духа, так как в результате её расстройства, в первую очередь, возникают не телесные недомогания, а разного рода душевные расстройства.

Вмешательство в само сновидение каких-либо вновь возникших раздражений или потребностей представляется не самым желанным для нас вариантом течения сна. Всё-таки для нашей душевной деятельности представляется наиболее предпочтительным, когда ничто не отвлекает её от полноценного решения всех возникших у нас, и по отношению к нам накануне, и приходящих во время сна, извне вопросов. Все наши телесные потребности предполагают для своего удовлетворения сознательную деятельность, а не её жалкую имитацию в сновидении, – удовлетворение половой потребности в сновидении так и не приводит к появлению потомства; удовлетворение потребности в пище или воде не приводит к поступлению в организм необходимых питательных веществ; даже детское и не только удовлетворение потребности в облегчении своего пищевода или мочевого пузыря в постели, в состоянии сна не приводит к полноценному, общепринятому, комфортному удовлетворению этой естественной потребности.

Таким образом, всё получается так, что функция сновидения изначально предполагает и полноценно осуществляет только лишь какую-то не телесного вида, духовную деятельность. Для осуществления последней, прежде всего, необходима наша сознательная интеллектуальная деятельность и полноценная, сопровождающая её двигательная активность. Имитация таковой в состоянии сна не имеет своим прямым следствием достижения ожидаемого и необходимого результата, а именно это является для нас единственно важным и необходимым.

Возникновение проблем со сном, плохой сон, отсутствие сна.

«...мы просто не можем сомкнуть глаз, лежим без сна всю ночь напролёт и видим вокруг себя все свои дурные дела. Они, точно гадкие маленькие тролли, сидят по краям постели и брызжут на нас кипятком...»¹⁰⁰

Если принимать во внимание только лишь психологический аспект данного явления, исключая всякого рода болезненные состояния нашего организма,

которые могут каким-то образом отрицательно повлиять на качество нашего сна, тогда можно сказать, что, в первую очередь, на качество сна оказывает влияние общее состояние нашей души – насколько она чем-либо обеспокоена или озабочена в настоящий момент. Далее идут всевозможные ощущения беспокойства, испытываемые в результате ожидания неких мнимых нами сознательно или бессознательно вредных по отношению к нам и для нас действий.

Всякого рода приятные ожидания и сопровождающие их и сопутствующие им позитивные волнения, как правило, не несут в себе никаких продолжительных и значительных признаков расстройств душевной деятельности. Даже неполноценное состояние сна и сопутствующие, чрезмерно насыщенные аффектами сновидения не привносят с собой чего-то негативного характера. Иногда сильное ожидание чего-либо приятного способно в значительной мере нарушить наш сон; нам, в подобных случаях, бывает сложно сразу заснуть, и приходится некоторое время помучиться от бессонницы. Мысли о предстоящем ярком событии не позволяют полностью расслабиться и прогоняют сон. И всё же, нам гораздо легче подготовить себя к чему-то приятному, нежели к чему-то неприятному. Однако, в некоторых случаях, слишком длительное, затянувшееся ожидание чего-либо хорошего способно привести к значительным и продолжительным нарушениям душевной деятельности.

Регулярный плохой сон является одним из основных признаков наличия существенных психологических проблем, и должен всегда восприниматься как предвестник возможного перехода сложившейся жизненной ситуации, – при несвоевременном её разрешении в лучшую сторону, – в более критическую, хроническую, болезненную форму. Дальнейшее ухудшение ситуации со сном может привести к развитию душевного заболевания. Наша душевная деятельность в таком случае оказывается не в состоянии справиться со всеми возникшими перед нею вопросами и вызовами, и начинает терять власть над происходящими в душе внутренними процессами.

Полное отсутствие сна наглядно свидетельствует о серьёзных проблемах в душе, в системе внутреннего саморегулирования. Душевная деятельность, в таком случае, просто не в состоянии распределить свои силы на две системы (бодрствования и сна), в значительной мере отличающиеся между собой, полноценная одновременная деятельность которых не представляется возможной. В таком случае, начинается осуществление смешанной душевной деятельности с небольшой или значительной потерей, в зависимости от степени нарушения, ощущения реальности.

Достаточно ли единственного желания субъекта сновидения для его воплощения в полноценном сновидении?

Что касается удовлетворения своих естественных потребностей, то, при достаточной их интенсивности, иногда будет вполне достаточно одного единственного своего собственного желания для его воплощения в качестве сновидения; правда, это представляется возможным только лишь в том случае, если для его удовлетворения не нужен партнер, – половая потребность предполагает для своего полноценного удовлетворения обязательное участие как минимум двух человек. Если индивидуумом изначально не предусмотрен или не

допускается какой-то другой вариант для удовлетворения своей естественной потребности, ожидать что это произойдет без его собственного на то желания и против его воли не приходится.

В том случае, когда нет никакой невозможности самостоятельно, своими собственными силами и средствами добиться удовлетворения своего интимного желания, является обязательным и необходимым наличие встречного подобного желания, избравшего субъекта сновидения в качестве своего объекта для удовлетворения подобного желания, чтобы каким-то образом случайно не было создано «сновидение о самоудовлетворении», что мне представляется всё же маловероятным. Хотя, в том случае, когда субъектом сновидения изначально мыслится и предполагается такая потенциальная возможность удовлетворения на тот случай, если полноценное удовлетворение окажется в тот момент невозможным или трудно реализуемым, – его душевная деятельность будет иметь все основания и возможности для того, чтобы обойтись в том случае своими силами, и не ожидать слишком долго какого-либо встречного желания.

В том случае, когда сила желания – половая неудовлетворенность – субъекта сновидения будет слишком велика, для полноценного его удовлетворения в сновидении будет достаточно даже встречного желания незначительной интенсивности. Причём, в этом случае субъект сновидения может при этом даже и не думать постоянно именно о том, кто окажется его партнером в самом сновидении; в его качестве может оказаться любой, хоть немного с ним знакомый, подходящий для этого человек. Это будет нечто вроде сигнала **SOS**¹⁰¹ от субъекта сновидения, обращённого в мир и означающего: «*Кто-нибудь, пожалуйста, откликнитесь на мою просьбу!*», который будет одновременно обращен ко всем его знакомым противоположного пола и соответствующего возраста – в данном случае идет речь об индивидуумах с нормальной ориентацией.

Каковы энергетические затраты на процесс формирования сновидения?

Весь этот процесс происходит целиком и полностью автоматически; к нему не прилагаются сознательные, волевые усилия субъекта сновидения; более активное участие его собственной души, при возникновении необходимости, – когда в качестве материала при создании сновидения используются и его собственные желания, – непременно предполагается. Если же душевные возможности субъекта сновидения, так называемая сила Духа, в тот момент находится на очень низком уровне, для него будет очень сложно каким-либо образом чему-либо противодействовать в состоянии сна. Для этого, как минимум, необходимы свои собственные, в достаточной степени энергетически насыщенные желания или контр желания, и общее психологическое состояние не ниже нормы. В состоянии глубокой подавленности не представляется возможным какое-либо успешное, полноценное, активное собственное участие субъекта сновидения в каких-либо начинаниях и действиях в состоянии сна.

В качестве исходного материала при создании сновидений обыкновенно используются только лишь те желания, которые изначально должны обладать достаточной, минимально допустимой интенсивностью, своим собственным

энергетическим потенциалом, необходимым для того, чтобы стать доступными и быть использованными душевной деятельностью субъекта сновидения при создании сновидения. Минимальный уровень интенсивностей различного типа желаний может постоянно изменяться в зависимости от насущных потребностей субъекта сновидения, так называемого естественного «спроса». В некоторых случаях, как исключение, в случае острой необходимости, при образовавшемся существенном дефиците, может оказаться вполне достаточно и подходящего желания, обладающего очень слабой интенсивностью. В ходе формирования сновидения не происходит какой-либо переоценки ценности, значимости и интенсивности материала сновидения. Это исключительная сфера ответственности нашей сознательной интеллектуальной деятельности. Если происходит нечто такое, к чему субъект сновидения оказался совершенно неподготовленным или сильно чувствительным, как крайнее средство, происходит прерывание сновидения, и пробуждение субъекта сновидения, сопровождающееся при этом каким-либо сильным, достаточно ощутимым аффектом.

Теория природы создания сновидения наиболее легко становится понятной и наглядной в том случае, если мы сможем представить себе в воображении все исходные желания как наложенные друг на друга фото-негативы, представляющие собой таким способом всех участников сновидения и все их предполагаемые действия и эмоции. В качестве всех используемых при этом исходных негативов выступают все исходные образы, все предполагаемые действия и вся окружающая обстановка всех тех желаний и намерений, объектом которых в тот момент является субъект сновидения, наложенные друг на друга в зависимости от существующей или предполагаемой общности их намерений, и потенциальной возможности их параллельной или одновременной реализации. Только тогда и становится понятной вся изначально видимая нам нелогичность каких-либо образов людей и их последующих превращений, а также всех их действий, окружающей обстановки и всех происходящих с ней, иногда довольно-таки неожиданных изменений.

Всё то, что происходит с субъектом сновидения в его сновидении, представляется как нечто когда-то кем-то предполагаемое, мыслимое, желаемое по отношению к субъекту сновидения, но необязательно при этом осуществленное, в силу всевозможных сопутствующих обстоятельств: утрате актуальности, различных допущенных ошибок при начальном планировании, или возможном его собственном или чьем-либо неучтенном или непредусмотренном противодействии и так далее. Но можно с полной уверенностью всегда говорить о том, что всё представляющееся субъекту сновидения в виде сновидения каким-либо образом кем-либо когда-либо мыслилось, желалось, обсуждалось, планировалось или предполагалось. Без выполнения этого основного условия существование каких-либо намерений, фантазий или желаний и последующее представление их субъекту сновидения в виде сновидения совершенно невозможно.

Что изначально формирует структуру сновидения

Производная функция от совокупности всех собственных желаний субъекта сновидения и всех желаний различных людей, вовлекающих его каким-то

образом, – возможно, что даже неосознанно, – в сферу своих интересов. Важную роль здесь играет общая интенсивность всех желаний и их потенциальная возможность воплощения в действительность, подразумевающая уже предварительное формирование на их основе каких-то вполне определенных намерений. Мы в таком случае всегда двигаемся по направлению от существующих желаний к самому сновидению, пытаюсь представить себе предполагаемый его вид и всех возможных участников – процесс обратный толкованию сновидения.

Также существенную роль способны сыграть какие-либо из собственных ожиданий субъекта сновидения, которые не обязательно должны быть в достаточной мере обоснованными. Своим присутствием они иногда повышают или понижают общее настроение субъекта сновидения, позволяя некоторым из его собственных желаний или намерений либо получить дополнительную энергетическую поддержку, или же в какой-то мере её лишиться. В результате может измениться итоговая совокупность собственных желаний и намерений субъекта сновидения, которая будет использована душевной деятельностью при создании сновидения.

Как определить все желания всех участников сновидения

Этот процесс должен напоминать собой поиск первообразной функции от самого сновидения – разделяем на части всё сновидение, насколько это возможно, и пытаемся определить: что и к кому какое в действительности имеет, или могло бы иметь отношение. В своей работе мы двигаемся по направлению от содержания сновидения ко всем тем всевозможным желаниям, на основании которых оно могло быть создано; стараемся в процессе поиска источников сновидения прежде всего понять: *«Кому это может быть выгодно?»*, или *«Кто может быть в этом заинтересован?»*, или *«Что и у кого могло спровоцировать возникновение подобного желания?»*

Что происходит в том случае, если желание субъекта сновидения имеет прямое отношение к другому человеку, и в то же самое время совпадает с его ответным желанием (душа не против / душа желает). В таком случае субъекта сновидения ожидает приятное сновидение, которое имеет своей целью исполнение его желания, сопровождающееся небольшой коррекцией, зависящей от конечной формы реализации встречного желания объекта его желания. Присутствующие в тот момент чьи-либо желания, объектом которых является субъект сновидения, также могут внести какие-то, – иногда довольно-таки существенные, – изменения в его сновидение. Эти дополнительные желания способны повлиять на собственные ощущения субъекта сновидения в сновидении в том случае, если они не будут изолированы душевной деятельностью, и представлены в виде отдельного фрагмента сновидения.

Что происходит в том случае, если желание субъекта сновидения наталкивается на сильное противодействие при потенциальной возможности своего исполнения? В такой ситуации главную роль будет играть итоговая разница энергетических потенциалов этих, друг другу противодействующих, противоположных желаний. Иногда результатом такого рода борьбы будут типические сновидения – какие-то сновидения о падении, попытке преодоления препятствия или опоздании на поезд. Итоговым результатом такого сновидения,

скорее всего, будет наиболее вероятный, потенциально возможный конечный результат совместной, суммарной реализации всех желаний субъекта сновидения и всех остальных субъектов желаний – успел на поезд, следовательно всё у него должно получиться; если же не успел, можно в таком случае даже и не пытаться далее что-либо в том направлении предпринимать. В сновидении о падении субъекту сновидения, скорее всего, будет продемонстрирована полная бесперспективность и даже опасность его намерений и предполагаемых им действий.

Что происходит в том случае, если собственное желание субъекта сновидения совершенно не интересно объекту его желания, или встречные желания в значительной мере не совпадают, или объект желания даже и не знает о его, субъекта сновидения, существовании? В таком случае желание субъекта сновидения способно оказать лишь незначительное влияние на само сновидение; какое-то несущественное влияние, которое, на первый взгляд, будет совершенно незаметным и незначительным. Находясь вне сферы интересов объекта своего желания, бывает достаточно легко почувствовать всю потенциальную бесперспективность своего желания, что и может отразиться на отношении к нему со стороны душевной деятельности. Когда субъект сновидения сам в себя не верит, чего ему тогда следует ожидать от душевной деятельности при создании сновидения? Скорее всего, такого рода желание будет в недостаточной мере обеспечено энергией для возможного его использования при создании сновидения.

а) Забывание сновидений

«Ибо, как сновидения бывают при множестве забот... Ибо во множестве сновидений, как и во множестве слов, много суеты...»

Ветхий Завет

На забывание сновидений, оказывают наиболее значительное влияние следующие факторы:

1. Отсутствие у субъекта сновидения каких-либо собственных желаний, или всех тех желаний, объектом которых субъект сновидения является;
2. Слабая интенсивность собственных желаний субъекта сновидения, или всех тех желаний, объектом которых он является;
3. Нежелание субъекта сновидения о ком-либо думать, что имеет своим прямым следствием последующее воздействие сознательной цензуры на материал сновидения – после пробуждения оказывается невозможно вспомнить всё то, что снилось субъекту сновидения; формирование каких-либо контржеланий, которые при создании сновидения нейтрализуют встречные желания;
4. Неспособность субъекта сновидения о ком-либо думать, что имеет своим следствием воздействие на материал сновидения внутренних душевных сил, неконтролируемых субъектом сновидения сознательно;

5. Нежелание субъекта желания, объектом которого является субъект сновидения, быть им узванным или замеченным;
6. Низкая значимость, с точки зрения душевной деятельности субъекта сновидения, всего доступного материала сновидения, что иногда случается при регулярном возникновении в течение короткого промежутка времени однотипных, незначительных желаний без каких-либо существенных изменений.

Вполне возможно, что это далеко не все возможные факторы, способные оказывать существенное влияние на забывание человеком своих сновидений. Я ограничился лишь перечислением основных факторов, иногда достаточно хорошо видимых, осознаваемых или ощущаемых, оказывающих наиболее значительное влияние на данное явление.

Зигмунд Фрейд пишет: *«...наша память вообще не знает никаких гарантий, а все же мы часто, гораздо чаще, чем это нужно с объективной точки зрения, считаем нужным доверять её показаниям. Сомнение в правильной передаче сновидения или отдельных частей его представляет собою опять-таки результат цензуры сопротивления проникновению мыслей, скрывающихся за сновидением, в наше сознание.*

Сопротивление это не всегда исчерпывается вызываемыми им передвижениями и замещениями, оно в форме сомнения устремляется затем на пропуски и на пробелы. Мы тем легче не замечаем этого сомнения, что оно ради предосторожности никогда не обращается на интенсивные элементы сновидения, а всегда лишь на слабые и неясные. Мы знаем, однако, уже, что между мыслями, скрывающимися за сновидением, и самим сновидением совершается полная переоценка всех психических ценностей; искажение было возможно лишь благодаря лишению ценности их, оно проявляется обычно в этом и иногда этим удовлетворяется. Если к какому-либо неясному элементу содержания сновидения присоединяется ещё и сомнение, то мы, следуя указанию, можем подметить в нем непосредственный продукт одной из отвергнутых мыслей».

Чему вообще, кроме нашей собственной памяти, мы можем полностью доверять? Мнению окружающих? Памяти окружающих? Запискам окружающих? Советам окружающих? Свидетельствам истории? Политикам?! (шутка) Но это, прежде всего, такие же самые люди, как и мы сами, и абсолютно для всех людей механизмы и стандарты деятельности собственной памяти совершенно одинаковы. У нас не может быть никаких оснований не доверять своей собственной памяти; единственное на что мы можем пожаловаться, так это на то, что мы, как и многие другие, иногда просто не в состоянии похвалиться обладанием всей существующей информацией о чем-либо или о ком-либо. А с течением времени, практически все наши воспоминания в какой-то мере что-то теряют в своем объеме и интенсивности аффектов. Время не щадит никого и ничего, и все наши воспоминания не являются здесь исключением – они стареют вместе с нами. Одна из возможностей надолго сохранить что-либо в своей памяти в первоначальном состоянии предоставляется в том случае, если нам каким-то образом удастся сохранить за воспоминаниями их естественное энергетическое наполнение положительного или отрицательного характера, и полностью избежать их последующей переоценки, что может позволить не предавать их полному забвению. Если же эти воспоминания являются достаточно

травматическими для нас, тогда они, скорее всего, будут сохранены независимо от нашего желания с полным их энергетическим и аффективным потенциалом.

Обыкновенно, мы сознательно стараемся избегать всего того, что потенциально способно причинить нам неудовольствие или страдание. Вполне возможно, что наши собственные мысли, связанные с желаниями нам неприятных, ненавистных или нелюбимых нами людей, не имеют свободного доступа в наше сознание, и нам всегда необходимо прилагать дополнительные усилия для того, чтобы они стали полностью нам доступны. Наше сознательное мышление, в каком-то смысле, оказывается защищенным от несанкционированного проникновения в него разного рода неприятных воспоминаний. Необходимо соответствующее разрешение и дополнительное усилие для открытия ранее закрытых перед ними дверей для доступа в наше сознание.

Если же мы по каким-то причинам отвергаем и исключаем человека из своего круга общения, – такое событие всегда имеет под собой действительные основания, – тогда это влечет за собой и соответствующую переоценку приоритетов доступа в наше сознание всего того, что каким-либо образом связано с этим человеком. Основной аргумент для этого действия и его общий смысл – избежать в ближайшем будущем реального или потенциально возможного, связанного с этим, неудовольствия. Наша оценка в таком случае вполне может оказаться ошибочной и предвзятой, но это не отменяет перед нами её значимости для нашей душевной деятельности и нашей памяти. Вдобавок ко всему, большая часть из своих собственных ограничений имеет непродолжительный, а иногда очень короткий срок жизни; их актуальность естественным образом изменяется в связи с переменой каких-то внешних обстоятельств, и такие наши сознательные ограничения с течением времени либо смягчаются, либо полностью отменяются.

Имея возможность, при необходимости, полностью ограничить себя от чьего-либо физического присутствия, для нас не представляется возможным в полной мере оградить себя от каких-либо взаимодействий с кем-либо нежелательным в состоянии сна, учитывая специфику его деятельности. Существенным фактором, способным оказать значительное воздействие на элементы сновидения уже после нашего пробуждения, является наше нежелание даже и во сне думать о ком-либо или чем-либо, что и будет иметь своим следствием ограничение в доступе в наше сознание некоторых из переживаний и воспоминаний, связанных со сновидением.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Забывание сновидений тоже остается до тех пор непонятным, пока к объяснению его не привлекается сила психической цензуры. Чувство, будто ночью снилось очень многое, а запомнилась лишь ничтожная доля всего этого, имеет в целом ряде случаев свой особый смысл: например, то, что хотя деятельность сновидения и длилась всю ночь, но оставила лишь одно короткое сновидение. Иначе невозможно сомнение в том, что сновидение по пробуждении мало-помалу забывается. Очень часто его забываешь, несмотря на напряженные усилия запомнить. Я полагаю, однако, что подобно тому, как степень этого забывания обычно преувеличивается, так преувеличивается и связанная с пробелами в сновидении неполнота его знания. Все, что утрачено в содержании сновидения благодаря забыванию, может быть восстановлено путем анализа; по крайней мере, в целом ряде*

случаев на основании одного какого-либо сохранившегося обломка можно отыскать, если не само сновидение, да и не о нем сейчас идет речь, а мысли, скрывающиеся за ним. Это требует большой затраты внимания и большого самообладания при анализе; это хотя и все, но тем не менее указывает на то, что забывание сновидения достигает своей враждебной ему цели».

Если человек хочет что-либо забыть, чаще всего, у него это получается. Собственного сильного желания оставить что-либо без должного внимания в большинстве случаев может оказаться вполне достаточно для забывания сновидения. Точно также, насколько мне известно, желание кого-либо из участников сновидения, – чье желание было использовано при создании сновидения, – остаться неузнанным или неизвестным, – как непосредственный участник какого-либо действия, – может повлиять на забывание нами как всего сновидения, так и некоторых его фрагментов или отдельных образов. К такому желанию иногда должна быть добавлена и слабая энергетическая наполненность самого исходного желания и/или неприятие всего задумываемого всеми соучастниками, так как, в ином случае, значительная сила исходного желания может не позволить его проигнорировать, и оставить без должного внимания.

Наше желание не вспоминать о ком-либо всегда принимается во внимание нашей душевной деятельностью при формировании сновидения. Важна актуальность такого нежелания в момент формирования сновидения. Если мы в тот момент уже не считаем для себя необходимым принимать во внимание то, что мы некогда ранее сознательно решили о ком-либо или чем-либо стараться не думать, тогда после пробуждения наша сознательная деятельность не будет иметь никаких препятствий со стороны нашей цензуры для того, чтобы получить в своё распоряжение воспоминание об этом сновидении.

А если оба этих фактора сходятся: нежелание кого-либо быть узнанным, и наше нежелание знать что-либо о нем – какова потенциальная возможность у сновидения стать доступным сознательному мышлению после пробуждения? Видимо, в том случае, если наша душевная деятельность не будет видеть какой-либо существенной, потенциально возможной опасности, исходящей по отношению к нам от субъектов желаний, такие сновидения будут совершенно недоступны нашему сознательному мышлению после пробуждения. В том случае, когда наша душевная деятельность будет ощущать исходящую оттуда потенциально возможную опасность для нас лично, источниками которой ей будут представляться какие-либо из субъектов желаний, тогда мы обязательно вспомним после пробуждения мере необходимый для этого объём приснившегося нам сновидения.

Почему нам следует постоянно ожидать после своего пробуждения воспоминаний о продолжительных и красочных сновидениях? Неужели наша жизнь постоянно наполнена новыми, яркими, разнообразными впечатлениями и переживаниями, и сопровождающими их, вновь возникающими, нашими и не только желаниями? Неужели нашей душевной деятельности не может иногда представиться такой возможности, когда она не сочтет необходимым использование какого-либо доступного ей в тот момент несущественного, незначительного материала для создания сновидения, и просто «отдохнет» вместе с нами?

В детстве сновидения не являются для нас настолько частым и обыденным

явлением. Иногда бывают достаточно длительные периоды, когда просыпаешься утром с ощущением того, что в течение ночи ничего не снилось, и именно по этой причине вспоминать просто нечего. Исходного материала было недостаточно, поэтому и сновидения не было создано. И в этом нет ничего нездорового или необычного. Такое вполне может случаться на протяжении некоторого времени и со взрослыми, психически нормальными людьми – подобные периоды в жизни иногда случаются у всякого; это напоминает собой непродолжительный, кратковременный «эмоциональный застой».

Зигмунд Фрейд пишет: *«Очень часто последующее сновидение дает возможность констатировать правильность и продолжить толкование предыдущего. Целый ряд сновидений, продолжающихся несколько недель или месяцев, покоится часто на одинаковом базисе; все они должны быть подвергнуты толкованию сообща. В двух следующих друг за другом сновидениях можно нередко подметить, как центральным пунктом одного служит то, на что в другом имеется лишь неясное указание и, наоборот, так что оба таких сновидения дополняют друг друга и в толковании».*

Разного рода продолжительная фиксация на чем-либо одном, чаще всего, свойственна для людей с какими-либо расстройствами душевной деятельности. В пределах психологической нормы, нам просто нет никакой необходимости занимать своё воображение на длительный период какими-либо бесплотными мечтами, фантазиями и невыполнимыми желаниями – мы либо их реализовываем, либо же, понимая их полную бесперспективность, от них полностью отказываемся в пользу чего-либо более доступного или посильного в тот момент для нас. В большинстве случаев, мы долго что-то обдумываем лишь тогда, когда дело касается чьих-либо ещё интересов, и при этом находится и в сфере наших интересов. Если на обдумывание уходит неделя, и мы всю эту неделю напряженно обдумываем этот вопрос и, в соответствии с этими размышлениями, в какой-то мере меняется форма и суть нашего желания или наших намерений и, возможно, и их конечные цели, тогда и сновидения, являющиеся прямым следствием наших интенсивных размышлений, желаний и намерений будут иметь между собой то же общее, что и все соответствующие и сопровождающие всё это намерения, мысли и желания.

Иногда, на начальном этапе своего формирования, желание не имеет какого-либо четкого контура, при всём том, что его конечная цель уже бывает четко определена, поэтому, с учетом дальнейшей прорисовки контуров его возможной реализации или изменения уже ранее определенных, в какой-то мере и будет меняться содержание последующих сновидений. Также могут меняться и предполагаемые участники и их общее количество, и прочие сопутствующие факторы и явления, что и будет иметь своим прямым следствием изменение контуров желаний и намерений и, как следствие, самих сновидений, созданных с использованием этих желаний душевной деятельностью. Таким образом, основным и необходимым общим базисом такой группы сновидений является связывающая их воедино общая, конечная цель, преследуемая одновременно всеми субъектами желаний, объектом которых они в таком случае совершенно сознательно выбирают субъекта сновидений, которые впоследствии и используются душевной деятельностью при создании всех этих подобных друг другу сновидений.

b) Регрессия¹⁰²

Само понятие «регрессия» в применении к сновидениям мне кажется не совсем удачным и корректным, так как, в большинстве случаев, сама регрессия рассматривается нами как часть деятельности нашего сознательного мышления, как защитный поведенческий механизм. Иногда мы сами совершенно сознательно стараемся проследить предполагаемую нами, или действительно существующую связь чего-либо актуального и современного с чем-то прошлым, находящимся глубоко в нашей памяти. Некоторые наши сознательные представления иногда погружаются нами намеренно на некоторое время вглубь нашей памяти, и возвращаются назад в наше сознание уже несколько видоизмененными. Во время создания сновидения происходит процесс смешения и слияния различных желаний, и подбор к элементам и образам, возникшим в результате этого слияния, наиболее подходящих, из имеющихся в нашей памяти, элементов и образов. Всё это необходимо проделать для их последующего использования и отображения в сновидении, чтобы они наиболее точно соответствовали общему смыслу. Работа сновидения в ходе этого процесса старается использовать в своих целях только лишь наиболее удовлетворяющий её насущным потребностям, наиболее подходящий, подручный материал, за которым, при необходимости, может спуститься и в самые удаленные уголки нашей памяти.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Сновидение – полноценный психический акт; его движущей силой служит стремящееся к удовлетворению желание; скрытая форма последнего, а также и многочисленные странности и абсурдности сновидения проистекают от воздействия психической цензуры, которое испытывает оно при своем образовании; помимо необходимости избежать цензуры, его образованию способствует необходимость сгущения психического материала, степень изобразительности, а иногда и стремление принять рациональную форму».*

Наше желание, будучи на своём начальном этапе полностью скрытым от посторонних, не является в тот же самый момент скрытым от нас самих, и от объекта этого желания, если таковой уже чётко определен. Я говорю только лишь об уже полностью сформировавшемся желании, которое является результатом нашей сознательной интеллектуальной деятельности, что именно поэтому значительно отличается от тех наших всевозможных, иногда предполагаемых нами будущих потребностей, четкие и точные мысли о которых в тот момент ещё не достигли нашего сознания, и, по этой причине, ещё не были облечены нами в форму желаний. Всё то, что окончательно приняло форму желания, представляется для нас предварительно подвергшимся воздействию нашей психической цензуры. Пока всего этого ещё не произошло, можно говорить только лишь о каких-либо предварительных размышлениях, не предполагающих в тот момент ещё ничего конкретного и определенного. Всё ещё вполне может либо полностью изменить свою форму, либо полностью утратить свою актуальность, и потерять для нас существовавший ранее интерес.

Что касается рациональности формы самого сновидения, так это зависит не

¹⁰² **Регрессия** (лат. Regressus – обратное движение) – защитный механизм, являющийся формой психологического приспособления в ситуации конфликта или тревоги, когда человек бессознательно прибегает к более ранним, менее зрелым и менее адекватным образцам поведения, которые кажутся ему гарантирующими защиту и безопасность (Википедия)

столько от работы сновидения, сколько от количества и качества имеющегося в наличии исходного материала – всех тех желаний, которые используются при создании сновидения. Работа сновидения не имеет возможности видоизменять исходный материал сновидения, поэтому ей и приходится пользоваться всем тем, что имеется в тот момент у неё в наличии. Она не предполагает своей конечной целью создать для нас нечто как можно более приятное и комфортное. Если такое возможно, тогда итоговое сновидение буде приятным и понятным; если же исходный материал такой возможности не предполагает, тогда нам придется довольствоваться всем тем, что только и может быть на его основе создано. У работы сновидения совершенно иная цель, которая предполагает нечто отличное от нашего развлечения в то время, пока мы находимся в состоянии сна; она имеет специально для неё определенные в нашей душевной деятельности конечные цели, предусматривающие и предполагающие возможность продемонстрировать нам в состоянии сна все замысливаемые и задумываемые против нас (для нас), и ожидаемые нас радости и/или несчастья.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Наблюдения показывают, что днем путь, ведущий из предсознательного в сознание, закрыт для мыслей, скрывающихся за сновидением, благодаря цензуре сопротивления. Ночью же они прокладывают себе путь к сознанию. Возникает, однако, вопрос, каким образом и вследствие какого их изменения? Если это происходило бы вследствие того, что ночью ослабевает сопротивление, которое находится на границе бессознательного и предсознательного, то мы получали бы сновидения в материале наших представлений, которые не носили бы интересующего нас галлюцинаторного характера».*

В продолжение дня мы не всегда имеем возможность погружаться в глубокие размышления, так как нам при этом приходится на какое-то время полностью забыть обо всём, происходящем вокруг нас, а мы этого в тот момент не можем себе позволить. Наши мысли заняты, в основном, не какими-то нашими прошлыми переживаниями, а действительными, актуальными вопросами и проблемами, непосредственно касающимися нашей текущей жизнедеятельности. Для глубокого погружения в себя необходимы какие-то дополнительные внешние стимулы и подходящие условия, такие, например, как встреча со старым другом, знакомым или родственником, либо же с нами должно произойти нечто такое, что будет в состоянии нам напомнить и воскресить определенные воспоминания, и заставить нас на некоторое время совершенно забыть о своих повседневных заботах. Также для этого бывают необходимы и внешние благоприятствующие условия – ничто извне не должно всему этому мешать.

Наша память рациональна и практична по своей внутренней природе, и не так просто заставить её концентрировать свои усилия продолжительное время не на чем-либо для нас актуальном, значимом и необходимом, а на чем-то давно забытом, совершенно в тот момент бесполезном и бессмысленном. Её деятельность зависит не только лишь от наших незначительных и поверхностных желаний; ей присущ свой собственный, не нами predeterminedный, хотя и предназначенный для нашей успешной жизнедеятельности, изначальный внутренний смысл.

Как в состоянии сна можно проложить путь к сознанию? Наше сознание в состоянии сна представляется мне полностью отдыхающим и совершенно не функционирующим. После пробуждения мы естественным образом переходим из

состояния сна в состояние бодрствования. Состояние сна, в первую очередь, отличается от состояния бодрствования полным отсутствием в нем каких-либо признаков нашей сознательной деятельности со всеми его особенностями, к числу которых можно отнести и цензуру, и всякого рода наши сознательные ограничения, предпочтения и сопротивления. В состоянии сна наша способность оценивать, рассуждать, сравнивать, предполагать, предпочитать и прочие подобные особенности нашего сознательного мышления не функционируют. Всё – за исключением привходящих во время сна телесных раздражений и возникающих естественных потребностей – в нашем сновидении является полностью предопределенным и продуманным в бодрствующем состоянии, и нам лишь остается, если это будет возможно, после пробуждения постараться припомнить и обдумать всё то, что было в чем-то нами, а в чем-то для нас задумано, приготовлено и нам продемонстрировано в сновидении.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Мы говорили о регрессии, когда в сновидении представление превращается обратно в чувственный образ, из которого оно когда-то составилось. Но к чему наименование, когда оно ничего не разъясняет? Я полагаю, однако, что название «регрессия» оказывает нам пользу постольку, поскольку оно связывает известный нам факт со схемой душевного аппарата, имеющего определенное направление».*

Когда мы говорим **Интеллект**, то подразумеваем ли мы при этом **Душа**? Это одно и то же, или сосуществующие, непосредственно друг с другом тесно связанные части нашего основного «центра управления и принятия решений»? В большинстве случаев, мы все же признаем некоторое отличие Интеллекта от Души. Наш интеллект характеризуется предопределенным, предсказуемым автоматизмом своих действий, и его рамки можно свести до уровня нашей физической памяти, которая используется нашим душевным аппаратом – нашей Душой – в своих собственных, а следовательно и в наших целях. О структуре устройства нашей памяти и психического аппарата сказано довольно-таки много – **З. Фрейд** подробно и детально её разобрал и описал в своих исследованиях, исходя из своего собственного взгляда на её составные части и присущие ей функции, чего нельзя сказать о структуре нашей Души.¹⁰³

Свойственна ли регрессия всем нашим душевным способностям, либо же она является всецело особенностью устройства и функционирования нашей памяти? Скорее всего, всё то, что имеет явные признаки автоматизма и безусловности можно отнести на счёт нашей памяти. Так как именно наша память, в первую очередь, является основным подручным средством, которое используется при удовлетворении естественных потребностей, некоторая часть которых удовлетворяется полностью автоматически, на уровне инстинкта. Регрессия сама по себе не является чем-то ненормальным, неправильным или ошибочным. Ошибочным может быть только лишь нежелание в какой-то момент вернуться с более низкой, в какой-то момент вынужденной, ступени на более высокую, в тот момент снова доступную и сильную. И этот выбор находится целиком в сфере влияния нашей Души. Только она принимает окончательное решение и утверждает использование действующего в настоящий момент типа ответной реакции и манеры поведения.

Наша душевная деятельность пользуется в своих целях нашей памятью, которая функционирует в соответствии с определенными для неё правилами,

которые одинаково действуют для всех людей. В какой мере наше сознание связано с душевной деятельностью, а в какой с нашей физической памятью – в настоящее время сказать сложно. Можно так сказать, что оно является посредником между физическим организмом, телом с его естественными потребностями и его возможностями, и духовной составляющей, нашей Душой, со всеми её потребностями, возможностями, особенностями и способностями.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Галлюцинации при истерии и паранойе, а также видения психически нормальных лиц соответствуют действительно регрессиям и представляют собой мысли, превратившиеся в образы; это превращение претерпевают лишь те мысли, которые находятся в тесной связи с подавленными и оставшимися бессознательными воспоминаниями».*

Если я что-то кому-то не говорю или не даю, то это не означает того, что я сам не имею к этому полного доступа, либо что мой доступ к этому в какой-то мере может быть ограничен. Мы часто произвольно, по своему усмотрению, изменяем наш фокус внимания – то мы что-то делаем актуальным, то отправляем что-то в архив. Когда возникает в чем-то необходимость, мы опять извлекаем оттуда именно то, что нам в тот момент понадобилось. Такова специфика работы нашей памяти с большими объемами имеющейся информации. Мы не имеем ни возможности, ни необходимости постоянно все держать в своем сознании. Наша память устроена по принципу большого количества уровней значимости, где цензура и сопротивление являются одними из тех важных и существенных механизмов, которыми она постоянно пользуется для контроля доступа информации в сознание.

Всякого рода галлюцинации чаще всего являются прямым следствием ослабления нашего сознательного контроля, когда наибольшую значимость для нас приобретают наши внутренние потребности, а не какие-то внешние требования, запросы или ограничения. Обыкновенно, мы в состоянии не допускать в наше сознание нежелательные, мешающие нашей сознательности деятельности, элементы и образы, используя для этого нашу цензуру, которая всё определяет и оценивает с помощью подконтрольного ей механизма сопротивления, которое, при необходимости, что-то удерживает в памяти, лишая его доступа в сознание. В том случае, когда противоборствующие силы не равны, и мы уже не в состоянии сопротивляться внутреннему давлению, происходит несанкционированное сознательно нами проникновение активного, энергетически насыщенного содержимого нашей памяти в сознание; а иногда оно вмешивается и в деятельность нашего двигательного аппарата...

с) Осуществление желаний

«Замысел – это реальная вещь, и то, что ты замышляешь, живет в тебе. Замысел, родившийся и уже зримый, становится реальностью в ряду других реальностей. Он существует, его уже нельзя разрушить, но на него легко посягнуть. И будущее Кино стало такой реальностью, и лишь только оно утвердилось, другие силы – разрушительные – потянулись к нему, и Кино знал это и должен был готовиться к тому, чтобы отразить их посягательства... Кино страшился своих замыслов, но, поскольку они уже существовали, разрушить их он не мог. И чтобы оградить свои замыслы от всяких посягательств, он постепенно заковывал себя в броню – один против всего мира. Его глаза, его разум нащупали опасность задолго до того, как она появилась...»

Джон Стейнбек «Жемчужина»

«Не то, что он делает и замышляет против меня днем, беспокоит меня, а то, что я по ночам всплываю в его снах...»

Фридрих Ницше «Злая мудрость. Афоризмы и изречения»

Вся деятельность по созданию сновидений имеет своей конечной целью осуществление в нашем сновидении всех тех желаний, объектом которых мы являемся, – будь то какие-либо наши собственные желания, или вообще чьи-либо желания. В качестве исходного материала, как основного источника при создании сновидения, используется всё то, что уже окончательно приобрело форму желаний или намерений. Все уже вполне сформированные намерения, скорее всего, обладают большим энергетическим потенциалом, нежели предшествующие им желания. В качестве исходного материала, используемого душевной деятельностью при создании образов для сновидений, используются как остатки каких-либо из наших дневных впечатлений, так и любая возможная, необходимая и доступная в нашей памяти информация.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Мы можем задаться вопросом, откуда всякий раз протекает желание, осуществляющееся в сновидении? Однако, к какому противоречию или к какому разнообразию относим мы это «откуда»? Я полагаю, что только к противоречию между ставшей сознательной дневной жизнью, и между оставшейся бессознательной психической деятельностью, могущей обнаружиться лишь ночью. Тем самым я усматриваю четыре возможности происхождения желания. Оно может:*

- 1. пробудиться днем и вследствие внешних обстоятельств не найти себе удовлетворения; в этом случае ночью проявляется признанное и неосуществленное желание;*
- 2. оно может возникнуть днем, но претерпеть устранение; перед нами тогда неосуществленное, но подавленное желание;*
- 3. оно может не иметь отношения к бодрствующей жизни и относиться к тем же желаниям, которые лишь ночью пробуждаются в нас из подавленного состояния...*

4. *интенсивные желания, появляющиеся ночью (например, жажду, половую потребность)».*

Наше собственное желание и желание кого бы то ни было может быть сформировано лишь посредством предшествующей, предварительной сознательной деятельности – в данном случае речь не идет об каких-либо остро возникающих естественных потребностях во время сна. Всё остальное может быть названо лишь какими-то обрывками мыслей, отдельными образами, несвязанными друг с другом понятиями и прочим разрозненным и бессвязным содержимым нашей памяти. В любом случае, всякое наше желание было для нас в какой-то момент сознательным. Впоследствии, с течением времени, оно могло быть на некоторое время оттеснено, либо надолго вытеснено из сознания, но не уничтожено окончательно, а сохранено в нашей памяти до лучших времен. Необходимо также учесть и то, что при создании сновидения используются не только лишь наши собственные желания, а и все те желания, объектом которых мы являемся. А все основные правила формирования желаний для всех людей являются общими.

1. Желание, сформированное в течение дня, было изначально рассчитано на удовлетворение в какой-либо из ближайших, последующих дней, поэтому оно, ничего не потеряв своей актуальности, просто было *«поставлено в очередь на исполнение»*. В том случае, если к нему присоединяется аналогичное, подобное желание кого-либо другого, или встречное с такой же или подобной целью – тогда оно вместе с другим (другими) подобным или встречным желанием (желаниями) используется нашей душевной деятельностью при формировании сновидения;
2. Какое-то желание, будучи некогда ранее сформировано, спустя некоторое время, иногда в течение того же дня, было небезосновательно признано в ближайшей возможной перспективе нереализуемым, и вынужденно было отложено *«до лучших времен»*. Тогда такое желание, будучи возвращенным, спустя некоторое время, в сознание по каким-либо естественным или искусственным причинам, если к нему присоединяется аналогичное, подобное желание кого-либо, или встречное, с такой же или подобной целью, вместе с другим (другими) подобным (встречным) желанием (желаниями) используется нашей душевной деятельностью при формировании сновидения;
3. В случае возникновения уже в состоянии сна какой-либо из естественных потребностей, нуждающейся в немедленном удовлетворении, душевная деятельность может либо интегрировать соответствующее этой потребности возникшее желание, связанное с её удовлетворением, в состав уже созданного сновидения, изменив в чём-то его содержание, либо же, – если в тот момент мы не были в состоянии *«просмотра (участия в) сновидения»*, – создать на его основе отдельное сновидение. При создании этого отдельного сновидения, душевная деятельность может дополнить его каким-либо собственным, неостребованным накануне желанием из ранее не нашедших себе *«компаньона»* для использования в качестве материала для сновидения, и/или каким-либо вновь появившемся или в достаточной мере усилившемся, внешним желанием. В случае невозможности или безуспешности подобного действия, нам непременно придется проснуться.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Я предполагаю, что сознательное желание лишь в том случае становится возбудителем сновидения, когда ему удается пробудить равнозначное бессознательное и найти себе в нем поддержку и подкрепление. Эти бессознательные желания представляются мне, согласно данным из психоанализа невротиков, всегда интенсивными, всегда готовыми найти себе выражение, когда им только представляется случай объединиться с сознательным желанием и на его незначительную интенсивность перенести свою повышенную... желание, изображаемое в сновидении, должно относиться к детству».*

В данном случае автор, скорее всего, прямо указывает на то, что наша душевная поддержка своего собственного желания и полное его одобрение нашей душевной деятельностью является обязательным условием для его использования при формировании сновидения. Я полностью согласен также и с тем, что для образования большинства сновидений необходимо либо встречное желание подобного рода, исходящее непосредственно от объекта нашего собственного желания, либо аналогичное, сходное по своим целям желание кого-либо из наших компаньонов по предполагаемым действиям. Если же такое встречное или аналогичное желание предварительно, в течение дня, может стать достоянием нашего бессознательного, нашей душевной деятельности, тогда я в полной мере согласен и с приведенной выше формулировкой. В любом случае, в какой-то момент всё, что нас непосредственно касается, а именно, – все те желания, объектом которых мы являемся, – становятся в какой-то мере доступными для нашей душевной деятельности, и могут быть ею использованы в каком-либо качестве. Вполне возможно, что это происходит гораздо раньше, ещё задолго до начала формирования сновидения.

Может быть, уже при формировании наших собственных желаний, вся эта и ей подобная информация каким-то образом нами уже учитывается и оказывает вполне конкретное, определенное воздействие на наше сознательное мышление. Что же касается своих собственных желаний и составляющих их частей, то их эмоциональная интенсивность и энергетическая насыщенность в полной мере нами ощущается и может быть оценена уже на этапе формирования своего желания. Всё остальное, каким-либо образом с ними связанное, даже находящееся в нашем бессознательном, и в тот момент недоступное для полноценного нашего осознания, также оказывает на них какое-то влияние и воздействие уже на начальном этапе их формирования.

Вполне возможно, что у большинства душевнобольных основная часть их собственных желаний связана с какими-то их детскими воспоминаниями или переживаниями, так как, если бы они не были так озабочены своим прошлым, они смогли бы уделять больше внимания своей настоящей жизни. Но у нормального человека всё обстоит несколько по-иному. Нормальных людей больше заботит настоящее, а не далекое прошлое или призрачное будущее. Они живут не только и не столько своими прошлыми фантазиями, желаниями и воспоминаниями; их жизнь в большинстве своём наполнена настоящими радостями и действительными, современными, актуальными переживаниями и впечатлениями, что и оказывает наибольшее влияние на весь исходный материал и, как прямое следствие, и на само содержание большинства сновидений.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Сновидение, осуществляющее свои желания*

коротким регрессионным путем, сохранило нам тем самым образчик примитивной и отвергнутой ввиду её нецелесообразности работы психического аппарата. В ночную жизнь как бы изгнано то, что некогда господствовало в бодрствующем состоянии, когда психическая жизнь была ещё молода и неопытна; это напоминает нам то, что в детской мы находим давно заброшенные, примитивные орудия взрослого человечества – лук и стрелы. Сновидение есть часть преодоленной душевной жизни ребенка».

Я совершенно не согласен с такой недооценкой функции сновидения. Для меня она, вне всякого сомнения, представляется полностью осмысленной, жизненно важной и необходимой для человеческого существования. При создании всех без исключения сновидений используется не какая-то бесполезная и бессмысленная для нас информация, а только лишь та, которая имеет к нам в тот момент непосредственное отношение, и нам, таким образом, предоставляется возможность либо получить внутреннюю разрядку, либо получить дополнительную информацию, недоступную для нас каким-либо иным способом. Таким образом, нам как бы приоткрывается та невидимая для нас сторона нашей собственной жизни, которая оказывается полностью недоступной для нас в нашей повседневной, сознательной, бодрствующей жизни, благодаря пониманию которой мы и имеем возможность обладать более полной информацией обо всем том, что нас каким-либо образом в тот момент касается. Вполне возможно, что таким образом реализован один из многочисленных механизмов безопасности и самосохранения, предоставленный нам нашей душевной деятельностью, в дополнение ко всем существующим, на уровне инстинктов. Возможно также и такое, что наша душевная деятельность и в своих собственных, для нас до конца непонятных целях, также постоянно нуждается во всём этом.

Вполне возможно, что галлюцинации и имеют в себе нечто такое, благодаря чему и заслуживают пренебрежительную оценку, но сновидения уж никак не заслуживают такого к себе отношения. Насколько мне это представляется, на более примитивном уровне господствует в основном нечто такое, что по своей сути напоминает грубую, слепую и неистовую физическую силу; что-то действительно, реально существующее и непосредственно ощущаемое, но никак не галлюцинации, которые являются всего лишь ошибками нашего мышления. Все это происходит чаще всего в том случае, когда мы выдаем нечто очень сильно нами желаемое, за что-то настоящее, реально существующее и, якобы, нами в тот конкретный момент действительно ощущаемое. Таким образом, проявляется существенная переоценка нами действительной значимости чего-либо или кого-либо, которая каким-то образом в тот момент получает для себя дополнительную поддержку извне. Мы стараемся таким способом изменить для себя реальную действительность без её реального изменения; изменить её только лишь для себя, и только лишь у себя, в своём собственном воображении. Но это является всего лишь одним из признаков чрезмерной озабоченности, одержимости, усталости, расстроенного мышления или больного воображения.

d) Пробуждение благодаря сновидению. Функция сновидения.
Сновидения страха.

«Если у человека было много различных впечатлений днем, если множество мыслей тревожит его ум, он легко засыпает с вечера, но когда проснется, ему уже не уснуть. Первый сон приходит легче, чем второй...»

Виктор Гюго «Отверженные»

Каждое желание обладает своим собственным, изначально ему присущим энергетическим потенциалом. Вполне возможно такое, что когда превышает максимально допустимый нашей душевной деятельностью совокупный энергетический потенциал всех исполняющихся в сновидении желаний, тогда и происходит внезапное пробуждение исключительно лишь благодаря сновидению. Это также касается всех сновидений с аффектом страха, которые являются основной причиной нашего преждевременного пробуждения тот сна.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Мы должны, наоборот, предположить, что первая часть деятельности сновидения начинается уже днем, ещё при господстве предсознательной сферы. Вторая её часть – изменение под воздействием цензуры, благодаря привлечению бессознательных фантазий и проникновению к восприятию, продолжается, несомненно, в течение всей ночи, и следовательно, мы вполне правильно выражаемся, говоря, что нам всю ночь что-то снилось, хотя и не знаем что именно».*

Скорее всего, все те желания, объектом которых мы являемся, по мере окончательного своего формирования, практически сразу же и становятся в какой-то мере доступными для нашей душевной деятельности, будь то наши собственные, или какие-либо чужие желания, объектом которых мы в тот момент являемся. Наше желание становится доступным душевной деятельности объекта нашего желания, а нашей душевной деятельности становятся доступными все желания, объектом которых мы сами являемся. Что же касается всех чужих желаний и намерений, объектом которых мы являемся – вполне возможно, что после своего полного формирования, они уже в состоянии оказывать значительное влияние на наши собственные мысли в течение дня, что и может иметь своим прямым следствием неожиданную и не вполне понятную актуализацию для нас каких-то, до того совершенно для нас незначительных и неактуальных, объектов, событий и образов.

Некоторые из наших собственных желаний, – в особенности те из них, которые являются для нас в тот момент наиболее значимыми, – занимают наши мысли настолько сильно, что являются основной причиной значительных изменений в нашем настроении, что также оказывает влияние и на общее состояние души и среду формирования сновидения. Часто для нас бывает достаточно сложно впоследствии достоверно определить и установить: что именно явилось тем самым, первым, исходным импульсом, который в какой-то момент заставил нас обратить своё внимание на что-то такое, о чем мы до этого совершенно не думали.

Те же из наших сновидений, которые обладают слабым энергетическим потенциалом, скорее всего, будут совершенно не доступны для нашей

сознательной деятельности после пробуждения. В большинстве случаев нам действительно всегда что-то снится в течение всей ночи, а доступными для осознания становятся лишь воспоминания обо всех тех сновидениях, которые оказались наиболее значимыми, яркими и эмоционально насыщенными. Вполне возможно, что основным залогом нашего спокойного сна являются энергетически не слишком насыщенные желания и намерения, субъектами которых являются позитивно настроенные по отношению к нам индивиды. В любом ином случае, наш сон, скорее всего, будет беспокойным в связи с каким-то количеством того негатива, который непременно будет привнесен в наши сновидения подобного рода желаниями и их источниками. Даже очень сильная эмоционально положительная насыщенность желаний иногда оказывает негативное влияние на качество нашего сна, – наш сон в таких случаях отличается некоторым беспокойством. Чем меньше наших собственных нереализованных желаний и всяких посторонних желаний, имеющих к нам прямое отношение, приобретают актуальность накануне и обращают на себя внимание нашей душевной деятельности, тем более спокойным будет наш сон.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Учение о сновидениях страха относится, как я уже не раз говорил, к психологии неврозов. Я сказал бы даже: страх в сновидении – проблема страха, и не проблема сновидения. Мы указали на точку соприкосновения её с темой процессов сновидения и можем этим всецело удовлетвориться. Однако, я могу сделать ещё одно. Так как я говорил, что невротический страх проистекает из сексуальных источников, то я могу подвергнуть анализу сновидения страха, чтобы в мыслях, скрывающихся за ними, обнаружить наличие сексуального материала».*

Незначительное количество сновидений страха вполне вписываются в существующие рамки психологической нормы, поэтому не следует сразу же относить все такого рода сновидения к какой-то патологии. В нашей повседневной жизни вполне нормально иногда ощущать аффект страха; чрезвычайно плохо становится лишь тогда, когда это состояние становится часто испытываемым или патологическим, что, таким образом, может оказывать общее разрушительное воздействие на всю нашу психику. К тому же необходимо обязательно учесть и тот факт, что не все вокруг нас всегда нас очень любят, и что не все вокруг нас желают нам лишь только одного добра, что является вполне естественным и обыденным. Достаточно сложно полностью игнорировать, не замечать или совершенно забыть о том, что пока ещё люди внутри общества чаще всего следуют не гуманным и высоконравственным ориентирам, а грубым, первобытным.

Они очень часто всё ещё руководствуются в своей деятельности стародавним, примитивным, животным принципом: *«Человек человеку волк»*. Именно это и имеет своим прямым следствием возникновение у людей с какой-то периодичностью каких-то деструктивных по отношению друг к другу желаний или намерений. Теперь и вся представляющаяся перед нашими глазами картина начинает выглядеть более ясной, понятной, естественной и правдоподобной. При изначальном предположении о чьих-либо, потенциально возможных, деструктивных намерениях, которые впоследствии подтверждаются нами своими собственными ощущениями в состоянии сна, и происходящими с нами в сновидении отрицательными событиями, – хоть это происходит в сновидении, но нам в чём-то и чем-то действительно угрожают и мы это ощущаем, – мы

испытываем в сновидении вполне естественный и целиком оправданный для таких ситуаций аффект страха.

Я в точности не знаю того, чем именно невротический страх отличается от страха обыкновенного – вполне возможно, что большей интенсивностью или уровнем адекватности оценки степени угрожающей опасности. В любом случае, не всем и не всегда удается точно и чётко определить реальный уровень существующей опасности, который мы ощущаем от угрожающего нам, в нашем понимании и ощущении, объекта, предмета или ситуации. Неужели абсолютно все душевнобольные имеют настолько атрофированный инстинкт самосохранения, или же все они в какой-то момент вдруг стали чрезвычайно смелыми и бесстрашными, что полностью потеряли способность испытывать страх перед естественными для всех людей опасностями, которые иногда вполне реально или потенциально всем людям угрожают в повседневной жизни? К примеру: в чем можно найти сексуальный подтекст нормальному человеку при внутреннем ощущении потенциальной опасности, всегда угрожающей ему при переходе улицы с оживленным движением транспорта, или при прохождении мимо стаи злых, голодных, бездомных собак?

Ниже я приведу и подробно проанализирую одно своё сновидение, которое сопровождалось незначительным аффектом страха, связанным с необходимостью преодолеть «непреодолимое» препятствие.

Сновидение сопровождающееся аффектом страха: *Я спускаюсь в городе с горки в районе улицы Н***, и, при этом, прохожу мимо четырехэтажного здания торгового центра, в котором расположены различные магазины. На 4-м этаже, как мне кажется, расположен какой-то продуктовый супермаркет. Я пытаюсь рассмотреть его название, но ничего не вижу – все надписи на нем какие-то нечеткие – или плохо написано, или у меня не хватает остроты зрения для того, чтобы их хорошо рассмотреть. Я подумал, что надо будет как-нибудь туда зайти и посмотреть: что там есть интересного вообще, и, для меня необходимое, в частности. Внезапно, дорога передо мной превращается в крутой спуск. Сначала он мне не кажется очень уж крутым, и я считаю возможным его преодолеть без дополнительных усилий, возможно, обойдя с какой-либо стороны. Я при этом замечаю, что за моими действиями наблюдают окружающие. Они стоят и внимательно смотрят: как у меня получится спуститься вниз? Мне хочется всё-таки никуда не сворачивать и каким-либо образом преодолеть этот крутой спуск именно в этом месте. Чем дольше я его осматриваю, тем более крутым он почему-то становится и мне уже не представляется возможным по нему спуститься вниз. Я испытываю чувство страха от того, что мне предстоит предпринять, так как спуск представляется мне достаточно опасным. Я в последний раз его оцениваю и окончательно понимаю, что уклон слишком сильный, и я не смогу без травм или испорченной в ходе спуска одежды его преодолеть. Я принимаю решение пойти поискать где-нибудь в другом месте более безопасное место для спуска.*

Это сновидение сопровождалось незначительным аффектом страха, который пропал сразу же после того, когда я окончательно понял и решил, что мне совершенно необязательно рисковать своей жизнью, здоровьем или одеждой, спускаясь именно в этом, достаточно опасном для спуска месте, и решил пойти и

поискать более подходящее для этого место. Когда ко мне в сновидении приходит понимание того, что у меня есть выбор, это сразу же изменяет и весь эмоциональный фон сновидения – чувство страха сразу же сменяется сдержанным и вполне обоснованным оптимизмом.

Толкование: Это сновидение очень сильно напоминает мне, нередко мне ранее снившиеся сновидения такого типа, когда мне в какой-то момент, – обычно в самом конце сновидения, – необходимо было преодолеть какое-то, в моем понимании, непреодолимое для меня препятствие. Обыкновенно, таким препятствием для меня представлялась необходимость либо откуда-то, с большой высоты, спрыгнуть/спуститься на землю, либо преодолеть какой-то огромный овраг или ущелье. В основном, в таких сновидениях у меня отсутствовал какой-либо реальный выбор, и я не имел никакой возможности выбирать между различными вариантами продолжения своих действий в сновидении. Практически всегда препятствие в конце сновидения постепенно, у меня на глазах, из потенциально преодолимого, постепенно или внезапно превращалось в совершенно непреодолимое.

В вышеприведенном сновидении обращает на себя внимание постепенное изменение рельефа местности в самом конце, уже во время обдумывания мною своих предстоящих действий, в тот самый момент, когда я уже собираюсь начать спускаться вниз. Я ранее уже неоднократно пытался понять основные источники подобного процесса в сновидениях. К уже ранее мною приведенным объяснениям подобных изменений окружающей обстановки в сновидении, – создание для субъекта сновидения дополнительных препятствий, или изменение существующих кем-то извне, – можно будет добавить также и то, что иногда мы и сами, в своем воображении, создаем для себя вымышленные, желаемые препятствия с какой-то определённой целью. Создание нами самостоятельно для самих себя вымышленных препятствий демонстрирует, таким образом, наше собственное нежелание что-либо делать, отсутствие полной поддержки чего-то в нашей душе. Попробуем теперь понять общий смысл сновидения, предварительно разделив его элементы на определенные группы:

- 1. Я спускаюсь в городе с горки в районе улицы Н*** и, при этом, прохожу мимо четырехэтажного здания торгового центра, в котором расположены различные магазины. На 4-м этаже, как мне кажется, расположен какой-то продуктовый супермаркет.*

Окружающая обстановка в этом сновидении не соответствует действительности. Примерно на том же месте в городе горка уже заканчивается и на том месте находится популярное развлекательное заведение. В торговом центре такого типа я в докарантинное и довоенное время часто играл в боулинг. Продовольственный магазин в нем, правда, расположен на втором этаже; он называется «Сельпо»¹⁰⁴, что имеет в себе смысловую отсылку к чему-то дачному, сельскому, деревенскому, колхозному. Обыкновенно, продовольственные магазины располагаются в торговых центрах на первых этажах, так что его расположение мне представляется несколько необычным и не совсем удобным. Обычно в торговых центрах на последних этажах располагаются развлекательные заведения или зоны отдыха. В боулинг я бы с удовольствием поиграл, только в ближайшей перспективе возможности для этого не предвидится,

война идёт и пока не до этого... В деревню я собираюсь в ближайшее время поехать для выполнения некоторых, не совсем приятных, но необходимых дел. Эта поездка пока откладывается по независящим от меня причинам.

- 2. Я пытаюсь рассмотреть его название, но ничего не вижу – все надписи на нем какие-то нечеткие – или плохо написано, или у меня не хватает остроты зрения для того, чтобы их хорошо рассмотреть. Я подумал, что надо будет как-нибудь туда зайти и посмотреть: что там есть интересного вообще, и, для меня необходимое, в частности.*

Надписи на торговом центре в сновидении по-своему расположению и форме напоминают собой надписи на том самом, мне ранее хорошо известном, торговом центре, где я часто играл в боулинг. Получается так, что мне для того, чтобы узнать: что там за магазин, необходимо обязательно заходить внутрь. Хотя для меня это и не очень удобно, но я решаю, что мне нужно туда будет позднее как-нибудь заехать, и посмотреть на то, что там есть интересного. Но, скорее всего, здесь присутствует прямая отсылка к моему скрытому, нереализуемому в данный момент, желанию поиграть в боулинг. Так как я играл в боулинг чаще всего с одним своим знакомым, вполне возможно, что и его желание оказало некоторое влияние на формирование сновидения.

- 3. Внезапно дорога передо мной превращается в крутой спуск. Сначала он мне не кажется очень уж крутым, и я считаю возможным его преодолеть без дополнительных усилий, возможно, что обойдя с какой-либо стороны.*

Когда на нашем пути возникает какое-то препятствие, и, при этом, его форма остается неизменной, можно предположить, что оно представляет собой лишь часть окружающей обстановки, и не является чем-то двусмысленным, или каким-то заранее задуманным и предусмотренным, рукотворным препятствием, что это лишь часть окружающего нас ландшафта или обстановки. В случае же его изменчивости в какую угодно сторону – можно с полной уверенностью утверждать то, что оно является изначально умышленно, искусственно созданным, и некто, – создавший его с вполне определённой целью, – неустанно старается и в дальнейшем поддерживать всеми доступными для него силами, средствами и методами его непреодолимость и неприступность для субъекта сновидения. Можно в таком случае предположить присутствие какого-то актуального конфликта интересов, активной фазы борьбы, разворачивающейся на полях сновидения. В том случае, если это препятствие, при попытке его преодоления, каким-то образом в чём-то усложняется, можно с полной уверенностью утверждать то, что за ним непременно стоит какой-то наш недоброжелатель; в случае же его ослабления или упрощения, можно быть полностью уверенным в том, что: либо кто-то в таком случае оказывает нам ощутимую поддержку в сложившейся ситуации, и старается нам помочь в преодолении этого возникшего перед нами препятствия, либо же мы самостоятельно как-то смогли заставить нашего недоброжелателя каким-то образом отступить от первоначальных замыслов и планов. Также возможна и комбинация в какой угодно пропорции обеих вышеизложенных причин. Ничто не мешает им сосуществовать. У нас могут одновременно, в одной и той же ситуации быть: как доброжелатели, так и недоброжелатели.

4. *Я при этом замечаю то, что за моими действиями наблюдают окружающие. Они стоят и смотрят: как у меня получится спуститься вниз? Мне хочется всё-таки никуда не сворачивать, и каким-то образом преодолеть этот крутой спуск именно в этом месте.*

Присутствие наблюдающих за моими действиями, – каких-то незнакомых мне людей, – полностью подтверждает мои начальные предположения о том, что это препятствие было для меня искусственно создано, и так же искусственно постепенно усложнялось. Именно эти, наблюдающие за моими действиями люди, и являются активными участниками сновидения, а не просто какими-то посторонними зрителями или прохожими. И вся ответственность за возникновение и усложнение возникшего передо мной препятствия лежит именно на них.

5. *Чем дольше я его осматриваю, тем более крутым он почему-то становится, и мне уже не представляется возможным по нему спуститься. Я испытываю чувство страха от того, что мне предстоит предпринять, так как спуск представляется мне достаточно опасным. Я в последний раз его оцениваю, и окончательно понимаю то, что уклон слишком сильный, и я не смогу без травм или испорченной в ходе спуска одежды его преодолеть. Я принимаю решение пойти поискать где-нибудь в другом месте более безопасное место для спуска.*

Возможность выбора и использование этой представившейся возможности в положительную для субъекта сновидения сторону является нечастым спутником такого рода сновидений. Чаще всего нам представляется общая безысходность сложившейся ситуации, и полная невозможность предпринять какие-либо удовлетворяющие нас, или спасительные для нас действия. Так, до самого конца сновидения, вплоть до своего пробуждения нам приходится безуспешно пытаться и пытаться преодолеть находящееся перед нами усложняющееся препятствие. У меня же в итоге получается так, что есть и выбор, и четкое понимание своей способности его использовать, что в конечном счёте и происходит. В такой ситуации можно небезосновательно надеяться на то, что ничего из задуманного против нас у нашего недоброжелателя не получится. Всё останется лишь в его/их фантазиях и воображении и, как следствие, в нашем сновидении, хотя, вполне возможно, что повозиться нам со всем этим какое-то время всё же придется.

Резюмируя все предыдущие рассуждения, можно сказать, что в этом сновидении реализовано моё желание о том, чтобы всё-таки найти безопасный путь даже тогда, когда он, при содействии извне, – о чем говорит присутствие в сновидении наблюдателей, – таковым мне не представляется, или в действительности таковым не является. Я в сновидении всё же могу сделать выбор, и я его в конечном итоге и делаю, что и имеет своим прямым следствием то, что мне нет необходимости с опасностью спускаться с горки; именно поэтому я не просыпаюсь с чувством сильного страха в финале своего сновидения, а, преодолев его в самом сновидении, спокойно иду вдоль этого обрыва уже до самого конца сновидения.

Основные группы желаний вышеприведённого сновидения мне представляются следующим образом:

1. моё основное желание/желания, направленное на преодоление возникающих и воздвигаемых на моем пути препятствий; моё желание поиграть в боулинг;
2. встречное желание/желания, направленное на создание для меня этих препятствий, в детальное рассмотрение которых я всё-таки не хочу и не буду, по некоторым причинам, углубляться, но наличие которых я могу с полной уверенностью подтвердить. Всё-таки «*наша жизнь – это постоянная борьба*», и никогда не нужно об этом забывать; встречное желание моего знакомого поиграть в боулинг.

Исходя из финала сновидения, моё желание, благодаря моим возможностям и способностям и, скорее всего, что и благодаря внешнему благоприятному воздействию, оказалось наиболее способным к своему исполнению, несмотря на всё видимое и осязаемое сильное противодействие. Общее направление этого противодействия, видимо, имеет непосредственное отношение к чему-то связанному с деревней/селом и/или каким-то торговым центром, или исходит от каких-то провинциальных жителей – действительных на тот момент, или уроженцев провинции. При более глубоком анализе, результаты которого я из вполне определенных соображений приводить не буду, именно так всё в конечном итоге и оказалось. Это было полностью подтверждено происшедшими спустя некоторое время событиями соответствующей направленности, давшими подтверждение изначальной правильности моего толкования этого сновидения на следующее же утро. Сильный дождик из этой «*тучки*» не пролился, но немного оттуда всё-таки покапало...

е) Первичный и вторичный процессы. Вытеснение¹⁰⁵

«Можно так сродниться с кем-нибудь, что видишь его во сне делающим и претерпевающим всё то, что он делает и претерпевает наяву ...»

Фридрих Ницше «Злая мудрость.
Афоризмы и изречения»

В контексте данного исследования будет правильнее обсуждать всю нашу душевную деятельность в основном относительно к процессу формирования сновидения. Все остальные дополнительные аспекты, такие как: основные принципы нашего сознательного мышления, формирование симптомов психических расстройств и прочие я считаю необходимым рассматривать в ходе отдельных, специальных, более узко ориентированных исследований. Они являются важными составляющими нашей душевной организации, поэтому я постараюсь воздерживаться от поверхностности в своих оценках их действительной природы. В ходе текущего исследования мне представляется возможным обойтись без подробного рассмотрения этих важных феноменов касательно природы сновидений.

Зигмунд Фрейд пишет: «*1. Интенсивности отдельных представлений переходят на одно представление так, что в результате образуются*

¹⁰⁵ **Вытеснение** – один из механизмов психологической защиты в психодинамическом направлении в психологии. Заключается в активном, мотивированном устранении чего-либо из сознания. Обычно проявляется в виде немотивированного забывания или игнорирования. (Википедия)

представления, обладающие чрезвычайно высокой интенсивностью. После многократного повторения этого процесса интенсивность целого хода мыслей может скопиться в конце концов на одном представлении. Это-то и есть процесс компрессии, или сгущения, с которым мы познакомились при рассмотрении деятельности сновидения...

2. Благодаря свободному перенесению интенсивности и в целях сгущения образуются посредствующие представления – своего рода компромиссы (ср. многочисленные примеры). Это опять-таки нечто небывалое в нормальном ходе представлений, в котором дело идет, прежде всего, о подборе и фиксации «правильных» элементов представлений...

3. Представления, переносящие одно на другое свои интенсивности, находятся друг с другом в чрезвычайно слабой связи и объединяются такими ассоциациями, которые пренебрегаются нашим мышлением и используются только остроумием. Равноценными другим являются особенно ассоциации по созвучию.

4. Противоречивые мысли вовсе не стремятся уничтожить одна другую, они существуют одна подле другой и очень часто, как будто между ними не существовало противоречия, объединяются в продукты сгущения, или же образуют компромиссы, которые мы никогда не простили бы нашему мышлению, но с которыми мы охотно соглашаемся в нашей деятельности».

Ниже я приведу своё понимание всевозможных интенсивностей различных представлений, образов и желаний, под которыми я в своих рассуждениях всегда предполагал **«энергетический потенциал»** или **«насыщение энергией»**:

1. Процесс сгущения в отношении к собственным желаниям и процесс сгущения в отношении ко всем тем желаниям, которые используются нашей душевной деятельностью при формировании сновидений, в значительной мере отличаются друг от друга. Когда в процессе сгущения при формировании сновидения используются различные желания, включая и наши собственные, тогда этот процесс происходит в автоматическом режиме уже при формировании сновидения, и наша сознательная деятельность не в состоянии оказывать на него какое-либо воздействие. Что же касается формирования наших собственных желаний, то этот процесс является сознательным, и, чаще всего, лишь в незначительной степени оказывается затронут действием бессознательных процессов.

2. В ходе формирования наших повседневных желаний и намерений мы стараемся при любой возможности добиваться их максимальной эффективности при рассмотрении их конечных целей и всех средств, необходимых для их реализации. Если представляется возможным добиться компромисса в конечных целях или механизмах реализации желаний, и представляется возможным каким-то образом объединить их друг с другом, тогда и происходит процесс их взаимного слияния. Например: если нам нужно купить несколько различных вещей, тогда мы постараемся не ходить за каждой из них в магазин по отдельности, а попробуем всё необходимое купить за один наш поход. Для этого мы будем стараться подобрать либо наиболее подходящий для этого маршрут, чтобы по его ходу посетить все необходимые места продажи нужных нам вещей, либо же, при наличии такой возможности, сделать все покупки в каком-нибудь

одном месте, выбрав для этого подходящий магазин с соответствующим нашим текущим потребностям ассортиментом товаров. Таким образом, нам приходится постоянно наблюдать использование в своей повседневной деятельности во время формирования даже обычных желаний и намерений признаки процесса сгущения и достижения компромиссов между ними.

В ходе бессознательных процессов, которыми сознательно мы не в состоянии управлять, по всей видимости, также происходит нечто подобное, только всё это делается уже целиком и полностью автоматически. При всём этом, в ходе происходящих процессов, иногда происходит объединение или группировка на отдельные группы участников, целей и средств осуществления желаний и прочих присущих им общих и сходных признаков. Вполне возможно, что всё это делается лишь для удобства хранения и простоты доступа, в случае возникновения необходимости, ко всему подобному друг другу содержимому нашей памяти.

3. Многие представления в реальной жизни никому вообще не пришло бы в голову каким-то образом объединить друг с другом, что не мешает, однако, нашей душевной деятельности определять это совершенно по-другому. При формировании сновидения она старается, насколько это возможно, в наиболее краткой и доступной для нашего понимания форме передать смысл всех желаний. Работа сновидения совершенно не предназначена для того, чтобы развлекать и занимать нас своим материалом в течение всей ночи путем растягивания с этой целью всего содержимого. Если можно уложиться в одно короткое сновидение, то именно так и будет сделано. Конечной целью нашей душевной деятельности во время сна является предоставление нам существенной и важной, с её точки зрения, информации в доступной для нашего понимания визуальной форме. В содержании нашего сновидения нет незначимых, незначительных или бессмысленных фрагментов; вполне возможно, что в нём есть лишь только некоторые их них, не вполне нам в тот момент понятные. Нам необходимо полностью смириться с тем, что для полного и всестороннего понимания смысла сновидения в большинстве случаев необходимо полное знание основных свойств характера, текущих проблем, потребностей, личной жизни, образа жизни, состояния здоровья и множества других знаний о всех субъектах всех тех желаний, которые были использованы при формировании нашего сновидения. Полная доступность даже некоторой части этих исходных данных чаще всего не представляется для нас возможной.

4. Нет никакого внутреннего противоречия в одновременном существовании рядом друг с другом каких-либо противоположных друг другу намерений и желаний. Наша пресловутая свобода воли, свобода мысли и свобода выбора именно в этом как раз и заключается, таким образом выражается и проявляется. И для её реализации нам в качестве исходного материала всегда необходимо иметь в наличии все потенциально возможные варианты для дальнейшей реализации наших потребностей. И мы, в ходе своего сознательного размышления, выбираем тот самый наиболее удобный и подходящий вариант, который покажется нам в полной мере соответствующим сложившейся ситуации и нашим текущим потребностям, возможностям и способностям. Когда наши предполагаемые затраты будут примерно равняться нашим возможным приобретениям, скорее всего, такой вариант исполнения желания нас не заинтересует.

Суммой отрицательной величины и её положительного эквивалента является

ноль – что в каком-то отношении представляет из себя полное безразличие, равнодушие и абсолютное отсутствие интереса и перспектив. Видимо, именно это и происходит в случае всех подобных сложений и слияний в процессе сгущения при формировании конечных желаний и намерений. Но нам всегда для составления этой оценки необходимы в качестве доступной для размышления информации все возможные, доступные и допустимые оценочные суждения, варианты действий, точки зрения и прочие, возможно даже и противоречивые и ошибочные оценки, определения и выводы. В ином случае, принятые нами решения могут оказаться неполными или ошибочными.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Первичный процесс способствует прохождению раздражения, чтобы с помощью накопленной таким образом величины последнего образовать идентичность восприятия; вторичный процесс оставляет это намерение и вместо него задается другим – образовать идентичность мышления. Все мышление есть лишь обходной путь от принимаемого в качестве целевого представления воспоминания об удовлетворении до идентичного овладения тем же воспоминанием, что достигается вновь через посредство моторной системы. Мышление должно интересоваться соединительными путями между представлениями, не давая вводить себя в заблуждение их интенсивностью».*

Начальный момент возникновения в нашем сознании первичного ощущения в виде собственного внутреннего осознания и понимания, сигнализирующего нам о какой-либо потребности, необходимость удовлетворения которой впоследствии нами, впоследствии, уже сознательно превращается в желание и намерение, не всегда четко нами осознаётся, определяется и легко прослеживается. Некоторые ощущения возникают с незначительной интенсивностью, которая, с течением времени, постепенно возрастает до ощутимого уровня. Некоторые, совершенно наоборот, возникают сразу же со значительной интенсивностью. Некоторые мы оказываемся в состоянии длительное время сдерживать и откладывать их требования *«на потом»*, а некоторые нуждаются в немедленном их рассмотрении и поиске необходимых и доступных средств и возможностей для их скорейшего удовлетворения. Всё то, что имеет непосредственное отношение к нашему самосохранению, имеет для нас наивысший приоритет уровня доступа к нашему сознанию, и при своей реализации пользуется для своих целей всеми имеющимися в наличии или потенциально доступными для нас средствами и методами.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Сновидение – само одно из проявлений этого бессознательного; в теории оно является им всегда, на основании же конкретных наблюдений – в большинстве случаев, которые обнаруживают наиболее ярко отличительные особенности сновидения. Психически подавленное, которое в бодрствующем состоянии не могло найти себе выражения и было изолировано от внутреннего восприятия, в ночной жизни при господстве компромиссных образований находит себе пути и средства для проникновения в сознание».*

Иногда, при обращении более пристального внимания на некоторые из своих сознательных мыслительных процессов, замечаются явные следы прямого воздействия на них нашего бессознательного. Таким образом не только в состоянии сна наше бессознательное способно быть доступным нашему восприятию и нашим ощущениям. Это представляется возможным в разном

состоянии, только происходит это в различной, единственно для этого подходящей, и в тот момент возможной и доступной форме. Различается при этом лишь сама форма представления, и сопровождающие этот процесс внутренние ощущения. Бессознательное всегда полностью сохраняет свою силу и способность оказывать влияние и воздействие на нашу сознательную деятельность.

Сновидение формируется нашей душевной деятельностью из сознательных желаний, некоторые из которых, – тоже вполне сознательно в своё время сформированные, – имеют своим первоначальным источником кого-то другого, а не самого субъекта сновидения. В какой-то момент, необходимо предшествующий начальной фазе формирования сновидения, эти желания оказываются доступными нашей душевной деятельности на уровне бессознательного. Скорее всего, это в какой-то мере происходит уже во время нашей повседневной деятельности в состоянии бодрствования. Некоторые из возникающих у нас своих собственных желаний в таком случае являются только лишь подобными или противоположными ранее уже кем-то сформированным, которые стали, до момента возникновения наших собственных желаний, доступными нашей душевной деятельности. В том случае, когда мы подсознательно поддерживаем цели и средства таких желаний – тогда подобными, если же мы подсознательно всему в них используемому противимся – тогда противоположными.

f) Бессознательное и сознание. Реальность

«Император Маврикий, будучи предупрежден некоторыми предсказаниями и сновидениями о том, что он будет убит неким безвестным до этого времени солдатом...»

Мишель Монтень «Опыты»

Наше бессознательное и сознание – арены действия для душевной деятельности; первичные и вторичные процессы – методы и механизмы нашего интеллекта, которые используются нашей душой при осуществлении своей деятельностью. Одно не мыслимо без другого; одно – наша память, бессознательное – является тем местом, где происходит предварительная обработка и постоянное хранение всего исходного материала, тогда как в сфере второй – наша сознательная душевная деятельность – производится его окончательный анализ, формирование желания и выработка наиболее подходящих методов для его реализации.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Бессознательное – есть истинное реальное психическое, столь же неизвестное нам в своей внутренней сущности, как реальность внешнего мира, и раскрываемое данными сновидения в столь же незначительной степени, как и внешний мир показаниями наших органов чувств».*

До тех пор, пока мы не начнём усердно и настойчиво заниматься исследованием природы нашего бессознательного, она так и будет оставаться для нас неизвестной. Если же мы понемногу, шаг за шагом, будем стараться

отыскивать все те закономерности и правила, которым подчинена деятельность бессознательного – результат не заставит себя долго ждать, и наше понимание бессознательного будет постепенно увеличиваться, что, в какой-то момент, непременно приведет к достаточному для нас его пониманию. Реальный мир не сразу открывает нам все свои тайны; нам необходимо потратить довольно-таки много времени и затратить массу усилий для познания лишь какой-то незначительной его части, имеющей к нам непосредственное отношение. Наши познания в сфере бессознательного, в большинстве случаев, так и не могут выйти за пределы наших собственных чувств. В дальнейшем, используя все доступные умозрительные механизмы нашего сознательного мышления – при помощи нашего воображения и предвосхищения – мы бываем иногда способны несколько расширить и углубить полученные нами ранее опытным путём знания.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Почтительное же отношение к сновидению со стороны всех древних народов является основанным на вполне правильной психологической гипотезе преклонением перед неукротимой и неразрушимой стороной человеческой души, перед демоническим элементом, из которого проистекает желание сновидения и которое мы находим в нашем бессознательном».*

Нет ни единого человека, которого, в какой-то момент его жизни, его сновидение не заставило бы почувствовать своё бессилие перед неопределёнными и неконтролируемыми процессами, происходящими в его душе в состоянии сна. Немногие из наших сновидений носят ясный и отчетливый характер. Мы в полной мере можем отнести такие сновидения к проявлениям нашей нормальной душевной деятельности. Большая часть наших сновидений скорее напоминает собой нечто абсурдное и совершенно непонятное. Такие сновидения скорее можно отнести к прямому следствию ослабления нашей душевной деятельности в состоянии сна, нежели к чему-то осмысленному. Достаточно часто мы ощущаем своё бессилие тогда, когда вопрос касается чего-либо происходящего в наших сновидениях. Нам часто бросается в глаза отсутствие в наших сновидениях ясности, однообразия и предсказуемости, найти причины которых оказывается нам не под силу. Нас очень часто не покидает внутреннее ощущение того, что наши сновидения являются чем-то для нас значимым, хотя не всегда доступным для нашего понимания.

Зигмунд Фрейд пишет: *«Поставив перед собой бессознательные желания в их конечной и истинной форме, мы вспомним, что и психически-реальное может обнаружиться не только в одной форме. Для практической потребности – суждения о характере человека – достаточно в большинстве случаев поступков и сознательно проявляемого мировоззрения».*

Все наши поступки являются прямым следствием внутренних особенностей нашей душевной организации – нашего характера (нашей Души), что заключается в неконтролируемых нами в полной мере импульсах, исходящих из нашего бессознательного. Можно говорить скорее не о полноценных желаниях, а о существовании неких изначальных шаблонов для реализации большинства наших внутренних потребностей. При каких-либо нарушениях стандартного их удовлетворения происходит формирование комплексов и шаблонов, замещающих это недоступное для нас в какой-то момент привычное удовлетворение. Наше бессознательное действует по количественному основанию – многократно повторяющийся опыт, сила привычки, а в тех случаях,

когда для формирования такого шаблона бывает достаточно однократного опыта – по принципу единичного, достаточно сильного, интенсивного, вполне возможно, что и травматического воздействия.

Зигмунд Фрейд пишет: *«А значение сновидения для предсказания будущего? Об этом не приходится, конечно, и говорить. Вместо этого можно было бы сказать: для ознакомления с прошлым. Ибо сновидение всегда и в любом смысле проистекает из прошлого. Однако и вера в то, что сновидение раскрывает перед нами будущее, не лишена доли истины. Сновидение, рисуя перед нами осуществление желания, переносит нас в будущее, но это будущее, представляющееся грезящему настоящим, благодаря неразрушимому желанию, представляет собою копию и воспроизведение прошлого».*

Мишель Монтень в своё время написал: *«Исступление и сон являются двумя естественными путями, которые вводят нас в обитель богов и позволяют предвидеть судьбы грядущего»*¹⁰⁶. Прямое отношение наших собственных сновидений к нашему ближайшему будущему не вызывает сомнения у большинства из тех, кто когда-либо в своей жизни хоть немного задумывался над этим вопросом. И не нужно для этого становиться параноиком, постоянно опасаясь и остерегаясь неизвестно чего; достаточно просто быть предусмотрительным, внимательным и проницательным, и разумно оценивать создавшуюся ситуацию, в чём содержание наших сновидений нам всегда очень сильно помогает.

Все наши сновидения имеют прямое отношение, прежде всего и только лишь, к нашему собственному будущему – нами планируемому или кем-либо для нас планируемому. Наша душевная деятельность при формировании сновидения всё это объединяет в единое целое, и демонстрирует нам во время сна. Забота же нашего сознательного мышления как раз и состоит в том, чтобы постараться как можно более точно определить: что и насколько из увиденного нами в сновидении является для нас в тот момент наиболее важным, значимым и существенным. И не обязательно всегда следует ожидать того, чтобы нечто из накануне приснившегося нам непременно произошло уже завтра. Планируя что-либо сегодня на завтра, нам не всегда удастся добиться исполнения всех наших планов, и не только нам, а и всем людям. Такова жизнь – не всё нами желаемое сразу же становится действительным. Что-то со временем становится нам уже неинтересным или неактуальным, а, вполне возможно, что и совершенно невозможным. Именно поэтому, не все наши достаточно ясные и понятные сновидения являются потенциально осуществимыми в скором будущем, и становятся впоследствии исполненными. Что-то происходит на следующий день, что-то через несколько дней, а что-то так и не происходит никогда – видимо, что-то изменилось в текущих планах, или в доступных средствах, или в существующих возможностях...

Исключением из всего этого, видимо, являются различного рода травматические воспоминания, имеющие своим прямым следствием разного рода навязчивые повторения, но это уже имеет большее отношение к патологии сна, хотя сам механизм навязчивого повторения нами вполне успешно иногда используется и в нашей повседневной деятельности. В таком нездоровом и неприятном случае, душевная деятельность, – в качестве исходного материала

для сновидения, – помимо собственных навязчивых желаний, иногда использует и желания кого-либо ещё, если таковые имеются в наличии. С учетом изменения общего состава доступного исходного материала, используемого при формировании сновидения, душевная деятельность представит в виде своего конечного продукта сновидение, несколько отличающееся от предыдущего, и, при этом, в значительной мере на него похожее, но, всё же, не являющегося его точной копией, а лишь каким-то его подобием.

«Нельзя войти в одну и ту же реку дважды»¹⁰⁷ – это в данном контексте обозначает для нас то, что никогда не происходит с нами ничего совершенно одинакового и полностью идентичного; абсолютно всё в человеческой жизни имеет между собой какие-то отличия. Мы постоянно сами меняемся; люди вокруг нас меняются; обстановка вокруг нас меняется; природа вокруг нас постоянно меняется, погода не всегда одинаковая, поэтому можно говорить лишь о некоем подобии каких-либо из наших желаний и условий для их реализации, но никак ни о точных копиях. При всем нашем желании, не представляется возможным полное соответствие нашего прошлого, нашему будущему – как минимум, мы сами уже не те, кем были некогда ранее, в нашем прошлом; мы уже стали старше...

«Заслуживают внимания некоторые сновидения, предвещавшие ему смерть, – считать ли их божьими предостережениями от опасностей или знаменьями неборимой судьбы; а может быть, это вещая Душа в смутных образах предсказывает грядущие бедствия, пока чувства погружены в сон, и так предсказывает будущие события телу...»¹⁰⁸

Что же касается до влияния на содержание сновидений Высшего Разума – Всевышнего Творца, то и таковое, если оно существует в действительности, не расходится с ранее мною озвученной и принятой формулировкой: **«Исполнение всех желаний, имеющих в тот момент непосредственное отношение к субъекту сновидения»**. Если Всевышний/Высший Разум пожелает что-либо в отношении субъекта сновидения, то он может ему всё необходимое в самом сновидении и передать посредством своего желания, аналогичного по своей сути и форме желанию человеческому.

Можно предположить то, что сновидения такого рода – с использованием пожеланий Всевышнего Творца – в жизни любого человека встречаются довольно редко, а у некоторых, вполне возможно, таковые и вообще отсутствуют полностью. А что и в какой степени в каком-то сновидении было использовано при его формировании – всегда сможет определить проницательный и внимательный толкователь сновидений. Как правило, сновидения с использованием пожелания/комментария/мнения Всевышнего, следуют в том случае, когда субъект сновидения некогда ранее настойчиво задавал в своей Душе какие-либо жизненно важные и жизненно определяющие вопросы, сознательно или непроизвольно переадресовывая их Высшему Разуму. И в своих ближайших, последующих сновидениях он мог получить иногда смутные, а иногда чёткие и ясные ответы и пояснения на ранее им заданные Высшему Разуму вопросы. Иногда только лишь таким способом могут быть разрешены какие-либо существенные существенные сомнения.

107 *«Всё течёт, всё меняется»*, или *«Всё течёт и ничто не остаётся на месте»* – античный фразеологизм. Его буквальное значение – «всё движется»...это крылатое выражение используется по поводу постоянных и неизбежных перемен в жизни человека и общества... (Википедия)

108 Томас Мор «История Ричарда III»

Ниже я приведу коротенькое, но достаточно наглядное, интересное и очень любопытное сновидение, которое в какой-то мере можно как раз и рассматривать как нечто такое, к созданию чего был в какой-то степени причастен Высший Разум.

Сновидение:

«Я сижу на корточках или стою на коленях у своего дома. Мой дом расположен на возвышенности. Я смотрю в сторону, вниз от своего дома и вижу толпу людей, которая бежит в поисках пищи. В руках люди держат большие клубни очень хорошего картофеля. Они очень напряжены, озабочены и агрессивны. Я же вижу перед собой рассыпанную картошку и начинаю её неспешно собирать. Она не такая крупная и красивая, как та, что я видел в руках у людей из толпы, но мне её, по моему мнению, вполне хватит. При всём этом, я думаю также и о том, что у меня ещё дома осталось что-то из еды. В общем, я чувствую себя в сновидении вполне уверенно и достаточно спокойно. Я в тот момент ощущаю себя совершенно довольным, полностью удовлетворённым. Ко мне подходит знакомый мне по работе электрик; он спускается с возвышенности, идёт по отношению ко мне сверху вниз, со стороны, противоположной той, где я ранее видел толпу бегающих людей. Он останавливается около меня и о чём-то меня спрашивает и/или что-то мне говорит. Содержание разговора я не помню. Во время разговора я смотрю на него снизу вверх. Он мне кажется высоким и величественным.»

Толкование сновидения:

Содержание сновидения имеет прямое отношение к последствиям затянувшейся в Украине войны. Я, вот уже второй год, как сижу практически без работы, и иногда мне приходится занимать деньги для того, чтобы купить себе что-то необходимое, или оплатить какие-то услуги. Накануне, разговаривая со своей матерью по телефону, я упомянул о сновидении, которое растолковал в Египте фараону библейский Иосиф – сновидения «о семи тучных и семи тощих коровах». Я в разговоре иронически заметил, что надо было бы и мне в «тучные годы» запастись чем-то, и готовиться к «тощим годам». Мы тогда немного посмеялись над этим. Спустя несколько дней мать меня спросила о том, как я думаю выживать в том случае, если «тощих годов» будет много? Я ей на это, совершенно не задумываясь, ответил: *«Высшие Силы об этом как-то позаботятся, а я в это время буду занимать свои мысли лишь тем, на что я могу как-то повлиять.»* Во время разговора она рассказывала о ком-то, кто в это беспокойное время уехал за границу, и там постепенно обустроивается, и вполне комфортно и сытно себя сейчас чувствует. Я же ей, и ранее неоднократно, и в тот раз снова, сказал о том, что никуда уезжать несмотря ни на что не собираюсь. Сразу же после этого разговора, ночью мне и приснился вышеприведённый сон.

Таким образом, можно понимать его в том смысле, что мне вовсе не обязательно бегать вместе со всеми (с толпой), и добывать себе пропитание. Мне достаточно находиться дома и усиленно делать свою работу – читать и писать книги. А обо всём остальном, насущном, пище для тела, позаботится «*Нечто Высокое и Величественное*», имеющее прямое отношение к Свету (электрик)¹⁰⁹.

Тот факт, что я собираю картошку прямо возле своего дома как раз и подтверждает высказанную ранее мною точку зрения о том, что мне в данный момент можно совершенно не беспокоиться за себя и за своё пропитание, находясь именно у себя Дома. И никуда, ни с кем и ни за кем мне за пищей бежать не следует. Моё домашнее обеспечение будет не таким качественным, значительным и привлекательным, как у бегающей в его поисках толпы людей, но вполне для меня достаточным и сытным. Сновидение это было очень ярким, отчётливым, успокаивающим и умиротворяющим. Вот именно таким, а не каким иным, мне почему-то и видится смысл этого коротенького сновидения. Прав я оказался или нет – время покажет, а я об этом в своё время непременно расскажу!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Что будет, я не ведаю, а что может – знаю. И ничто не приведет меня в отчаянье, ибо я жду всего, а если что меня минует, я считаю это за удачу. Наступающий час обманет меня, если пощадит; да и этим не обманет: ведь если я знаю, что всё может случиться, то знаю также, что не всё случится непременно. Поэтому я жду удачи, но готов и к бедам...»¹¹⁰

Вот и закончилось моё непродолжительное исследование природы сновидения. Насколько оно мне удалось – решать Вам. Я сделал всё что смог; я написал всё то, что я думал и предполагал по этому вопросу; я, насколько смог, постарался всё максимально ясно, точно и доступно изложить в ходе своего исследования. Как мне показалось, мне было что добавить к собственным размышлениям **З. Фрейда** на эту важную тему. В чём-то мои мысли оказались точными и правильными, в чём-то – мне так и не удалось до конца проникнуть в самую суть проблемы; есть ещё над чем поработать. В любом случае, чаще всего не сразу оказывается под силу разрешить все возникшие вопросы; решив же хотя бы некоторую часть из них, можно через некоторое время будет заняться и разрешением оставшихся.

В ходе исследования меня ни на секунду не покидала уверенность в том, что и сам **З. Фрейд** таким же точно образом, как и я сам, понимал природу сновидения. Но его принадлежность к определенному кругу общества, и его возможное нежелание того, чтобы его теория во время исследования вышла хоть немного за существующие в то время рамки «*научности*», воспрепятствовало появлению на свет наиболее полного и исчерпывающего описания этого феномена душевной жизни. Что-то он утверждал прямо, а обо всём остальном нам приходится судить по его недомолвкам, оговоркам и предположениям. Вполне возможно, что где-то он пошел на это в своих собственных интересах, ради продолжения своей дальнейшей карьеры, а где-то – в угоду окружающим, пытаюсь таким способом сохранить существующее в определённой среде, – а может и общепринятое, – видимое, желаемое, иллюзорное представление о каждом человеке, как о нравственном, культурном, благомыслящем и благодетельном индивидууме.

Может быть, он таким способом постарался очистить сферу рассуждений, размышлений и желаний от доминирования в ней всего безнравственного и

«Да будет свет!» – сказал монтер (электрик), и перерезал провода.... (часто используемое в речи высказывание)

животного. Попытался приуменьшить общую значимость для душевной жизни среднестатистического человека разного рода врожденных или приобретенных импульсов к совершению деструктивной деятельности. У меня создалось такое впечатление, как будто, с одной стороны, у него присутствовало стойкое нежелание в полной мере открыться самому, а с другой – ещё более сильное нежелание кого-либо задеть, оскорбить или обидеть предположением или утверждением о существовании у них недобрых мыслей, желаний, намерений и побуждений. Но, несмотря ни на что, всё его исследование полностью подтверждает моё изначальное предположение о том, что он прекрасно понимал то, что сновидение практически всегда имеет в своём распоряжении несколько различных направлений желаний (*источников желаний/ центров желаний*), на что я в нужном месте и обратил внимание в ходе исследования.

Что касается моих «*полемических*» комментариев и пояснений – в некоторых случаях они получились более удачными и точными, в некоторых – совсем наоборот. Там где вопрос касался всего, имеющего прямое отношение к душевным расстройствам, конечно же, у меня было очень мало шансов что-либо добавить к утверждениям, рассуждениям и размышлениям **З. Фрейда**. Мой опыт в этой области совершенно не сопоставим с его колоссальными познаниями в этом вопросе. В любом случае, включение в моё исследование значительного количества отрывков из произведения **З. Фрейда** «*Толкование сновидений*» было неизбежно, так как именно он и проделал всю основную работу по исследованию этого вопроса, а я только лишь в некоторых местах кое-что немного добавил, уточнил или подправил, и, чтобы не быть голословным, я и постарался предоставить таким незамысловатым способом полное подтверждение всего этого. Именно ему, прежде всего, исключительно и в наибольшей степени, принадлежит основная заслуга во всём том, что касается исследования и систематизации всех познаний, имеющих непосредственное отношение к действительной природе сновидений (*толкованию сновидений*).

Кому-то на первый взгляд может показаться, что я слишком уж плохого мнения об окружающих меня людях, или о людях вообще. Но это будет совершенно ошибочное суждение, так как я привел в своём исследовании только лишь наиболее интересные и выделяющиеся из общей массы сновидения, и соответствующие им собственные умозаключения и комментарии. В отношении других моих сновидений, позитивно направленных, умозаключения и рассуждения были противоположного характера, и тот факт что я их привел в гораздо меньшем количестве свидетельствует не о том, их у меня было меньше в жизни, а исключительно лишь о том, что я посчитал наиболее важным и необходимым акцентировать всеобщее внимание именно на этой стороне человеческих взаимоотношений. Думать, конечно же, надо о хорошем, – с этим никто не спорит, – но никогда не нужно забывать и о том, что иногда может случиться и нечто плохое.

«...Жизнь человека – борьба с кознями человека. Хитрость сражается, применяя стратагемы умысла: никогда не совершает то, о чём возвещает; целится так, чтобы сбить с толку; для отвода глаз искусно грозит и внезапно, где не ждут, разит, непрестанно стараясь обморочить. Явит один умысел, дабы проверить соперника помысел, а затем, круто повернув, нападает врасплох и побеждает. Ум проницательный, однако, предвидит её происки, следит за нею исподтишка, усматривает противное тому, в чём

уверяют, и вмиг узнаёт обманный ход; переждав атаку первого умысла, ждёт второго и даже третьего. Заметив, что её раскусили, злокозненность удваивает усилия, используя для обмана самое правду. Иная игра, иные приёмы – теперь хитрость рядится в одежды бесхитростности, коварство надевает маску чистосердечия. На помощь тогда приходит наблюдательность; разгадав дальновидную цель, она под личиной света обнаруживает мрак, избличает умысел, который, чем проще кажется, тем пуще таится...»¹¹¹

Человек по своей природе изначально не является ни хорошим ни плохим. В нем предусмотрена возможность развития различных, иногда совершенно противоположных друг другу, навыков и склонностей. Именно поэтому, когда в каком-либо человеке доминируют безнравственные, деструктивные склонности, такой человек представляется мне скорее испорченным в процессе развития, нежели дурным изначально, от своего рождения, по своей природе. Природа же у нас всех совершенно одинаковая, и каждый из нас имеет достаточные возможности пойти по любому избранному нами самими пути – свобода выбора, свобода воли. Поэтому я и стараюсь думать о каждом человеке не то, что он сам о себе думает, а то, что представляется перед моими глазами в действительности, и если вам нравится всё то, что вы в себе видите, тогда культивируйте себе это на здоровье, если же нет – тогда искореняйте прежнее и насаждайте новое, лучшее, *«разумное, доброе, вечное»*.

Также никогда не надо забывать и о том, что иногда оказывается *«со стороны виднее»*, и что очень часто и в действительности *«в чужом глазу мы видим и соринку, а в своём и бревна не замечаем»*. Если же я кого-то совершенно случайно при этом обидел, разочаровал, расстроил или просто задел – прошу меня за это простить, так как я сделал это не намеренно, а непроизвольно, вынужденно, и какое-либо по-иному составленное толкование, описание или рассуждение не соответствовало бы моему мнению, ходу исследования или видению ситуации. Постарайтесь отнестись ко всему этому философски¹¹², и воспринимайте это, если сможете, как вашу личную, возможно что и искупительную, жертву, принесенную вами на алтарь науки; жертву ради поиска истины – только лишь этим и можно оправдать в этом случае мою чрезмерную откровенность, бестактность или бесцеремонность. Во время исследования постоянно приходится говорить не о том что нравится, а о том что есть в действительности. В любом случае, я прошу меня за это простить, а также прошу меня при этом и понять – по-другому я поступить не мог; я бы никогда не смог, не сказав ничего, объяснить хоть что-то.

Если в действительности *«Природа»*, *«Всевышний»*, *«Создатель»*, *«Высший Разум»* или, как кому угодно будет назвать, все те *«высшие силы»*, которые в какой-то момент были причастны к созданию человека, предусмотрели в нашей естественной сущности (в нашей Душе) такую способность [в своих сновидениях увидеть задуманное для нас и/или против нас], – а по-другому видимо и быть не могло, если предполагать то, что человек – это *«венец природы»* или *«венец творения»*, его наивысшая ступень развития, – значит можно с полной уверенностью утверждать, что человеческая природа изначально предполагает и предпочитает скорее жизнь добрую, нежели злую. Именно так и следует понимать

111 Бальтасар Грасиан «Карманный оракул, или Наука благоразумия, где собраны афоризмы, извлечённые из сочинений Лоренсо Грасиана»

112 *Относиться философски* – так, как характерно для философов, для тех, кто разумно, рассудительно и спокойно относится к явлениям жизни, её сложностям и невзгодам (Викисловарь)

и принимать все наши внутренние возможности и способности. В любом ином случае, нас бы лишили такого свойства нашей души, и всё было бы сделано так, чтобы всё то, что **«зывается просто-напросто воровством, проституцией, преступлением, убийством»**¹¹³, у которого **«своды опираются на невежество»**¹¹⁴, имело более комфортные и предпочтительные условия для своего развития и существования.

P.S. *«Помни прежде всего о том, что вредить другим – самое гнусное и мерзкое дело, самое противное природе человека, чья доброта приучает даже свирепых зверей...нам должно стать стыдно, что мы поменялись нравами с животными...пока мы ещё люди, давайте пестовать нашу человечность. Пусть нас никто не боится, пусть никому не грозит от нас опасность. Давайте презирать обиды, потери, ссоры, склоки, издевки, великодушно перенося скоротечные неприятности...»*¹¹⁵

113 Виктор Гюго «Отверженные»

114 Виктор Гюго «Отверженные»

115 Луций Анней Сенека «О гневе»

Приложение

Сновидение 1:

Зигмунд Фрейд пишет: « Я еду верхом на серой лошади, вначале робко и нерешительно, как будто сажу неудобно. Я встречаю коллегу П.; он сидит на лошади «молодцом» в шерстяной одежде и напоминает мне о чем-то (вероятно, о том, что я сажу очень неловко). Я стараюсь устроиться на моей умной лошади поудобнее, усаживаюсь получше и вдруг замечаю, что чувствую себя как дома. Вместо седла у меня нечто вроде матраца; он заполняет собою весь промежуток между шеей лошади и крупом. Я проезжаю в узком пространстве между двумя ломовыми телегами. Проехав улицу, я поворачиваю и хочу слезть с лошади у миленькой открытой часовни, находящейся против этой улицы. Затем я действительно слезаю у другой близлежащей часовни. На той же улице имеется и постоянный двор. Я мог бы пустить туда лошадь и одну, но предпочитаю отвести ее туда. У меня чувство, будто мне было стыдно приехать туда верхом. Перед постоянным двором стоит мальчик, показывает мне записку, которую я обронил, и смеется надо мною; в записке написано и дважды подчеркнуто: "Не есть". И вторая фраза (неясно): "Не работать". У меня тяжелое чувство, будто я в чужом городе и мне делать нечего.

Анализ: В сновидении этом трудно подметить, чтобы оно возникло под влиянием какого-либо болезненного раздражения. Накануне, однако, я страдал от фурункулов, мешавших мне двигаться; самый большой фурункул величиною с яблоко был у меня на мошонке и причинял мне при малейшем шаге нестерпимые боли; утомление, отсутствие аппетита и усиленная работа, несмотря на болезнь, – все вместе взятое послужило причиной моего угнетенного состояния духа. Мне было трудно принимать больных, но, конечно, это занятие не было так невозможно для меня при данном характере и местоположении моей болезни, как, например, верховая езда. Сновидение, однако, изображает именно последнюю; это наиболее энергичное отрицание страдания, какое можно себе представить. Я вообще не езжу верхом, верховая езда никогда не снится мне; я всего один раз сидел на лошади и то на неоседланной; верховая езда не понравилась мне. Но в сновидении я еду верхом, точно у меня нет никаких фурункулов в области промежности – вернее, именно потому, что я не хочу их иметь. Мое седло соответствует согревающему компрессу, благодаря которому я только и уснул. Вероятно, вначале я не чувствовал боли. Затем появилось болезненное ощущение и старалось меня разбудить; но появилось сновидение и сказало успокоительным тоном: "Спи, ты не проснешься; у тебя нет никаких фурункулов, ты едешь верхом на лошади. Ведь с фурункулами ты бы ехать не мог!" Успокоительная роль удалась сновидению: боль была заглушена, и я продолжал спать.

Сновидение, однако, не удовлетворилось тем, что "внушило" мне отсутствие фурункулов при помощи представления, совершенно несовместимого с моей болезнью; оно ведет себя при этом подобно галлюцинаторному бреду матери, потерявшей ребенка, или купца, потерявшего все свое состояние; подробности последнего ощущения и образ, послуживший к его подавлению, служит ему также материалом для приведения в связь ситуации сновидения с тем, что было актуально в моей душе. (См. об этом у Гризингера, а также в другой моей статье о

защитных психоневрозах, *Neurologisches Zentralblatt*, 1896. (Sammlung kl. Schriften. I. Folge). Я еду верхом на серой лошади; цвет лошади соответствует в точности коляске цвета перца или соли, в которой (коляске) я недавно встретил коллегу П..

Острая пища мне запрещена в виду фурункулеза; я предпочитаю считать этиологическим моментом ее, а не сахар, о котором можно думать при фурункулезе. Коллега П. немного задирает передо мною нос, особенно с тех пор как он занял мое место у одной пациентки, с которой я проделывал всевозможные кунштюки. (Hoch zu Ross sitzen – означает одновременно: 1. сидеть молодцом, на лошади и 2. задирать нос. Отсюда непереводаемая игра слов. – Я. К). (В сновидении я сижу вначале на лошади в странной позе, точно клоун в цирке, т. е, делаю кунштюки); пациентка эта, однако, подобно лошади в анекдоте о неопытном всаднике, делала со мной что угодно. Таким образом, лошадь служит символическим выражением моей пациентки (она в сновидении очень умна). "Я чувствую себя совершенно как дома", это соответствует моему положению в доме, в котором меня заменил коллега П. "Я думал, вы сидите прочно в седле", – сказал мне недавно по этому поводу известный венский врач, один из моих немногих доброжелателей. С такими болями, как у меня, было действительно кунштюком заниматься 8 – 10 часов психотерапией, но я знаю, что, будучи болен, я не смогу долго продолжать так работу, и сновидение содержит мрачный намек на ту ситуацию, которая мне угрожает. Записка, подобная той, какая имеется в руках у неврастеников, когда они являются к врачу: Не работать и не есть.

При дальнейшем анализе я замечаю, что сновидению удалось от желания избавиться от болезни, осуществленного в верховой езде, перейти к эпизоду моего детства: ссоре, происшедшей между мною и одним моим племянником, который на год старше меня и живет в настоящее время в Англии. Кроме того, оно использовало элементы из моих путешествий в Италию; улица в сновидении содержит в себе впечатления о Вероне и о Сиене. Более глубокий анализ приводит меня к мыслям сексуального характера; я вспоминаю, что обозначал намек на прекрасную страну в сновидении одной пациентки (gen Italien – genitalien); это стоит в то же время в связи с домом, в котором я был врачом прежде, чем коллега П. занял мое место, и о местоположении моего фурункула»

[116](#)

Мое толкование сновидения:

Очевидно, что основными возбудителями вышеприведенного сновидения явились, возникшие у **З. Фрейда** накануне, достаточно серьезные проблемы со здоровьем и, как следствие, длительные его размышления о причине их возникновения, и поиске возможных путей, ведущих к скорейшему и наиболее полному выздоровлению и, в будущем, предотвращения заболевания вновь. Часто так случается, что в случае различных заболеваний в области половых органов, это состояние дискомфорта или сопровождающие это процесс болезненные ощущения и размышления являются непосредственной причиной дополнительного возбуждения половых органов и, как следствие, некоторых, сопровождающих этот процесс, мыслей сексуального характера. Достаточно сложно лечить такое заболевание совершенно не прикасаясь к ним, а всякое прикосновение вызывает вполне определенные ощущения и связанные с ними

мысли. Если также добавить ко всему этому ещё и полную невозможность по причине болезни снять возникающее в этой области напряжение, тогда и проясняется неизбежность перенесения этого нереализованного в бодрственной жизни сексуального удовлетворения в само сновидение. Таким образом, главные источники всех мыслей и желаний, лежащие в основании этого сновидения, можно разделить на следующие группы:

1. Болезненные ощущения в области половых органов, которые перед сном были несколько успокоены, и видимо вновь возобновились во время сна.
2. Мысли сексуального характера, как прямое следствие болезненных ощущений в области половых органов, которые делают практически невозможными всякие попытки удовлетворить собственную половую потребность.
3. Мысли о еде, которая могла стать причиной его болезненного состояния, и его собственные сомнения в этом отношении.
4. Мысли о том, что необходимо больше отдыхать для того, чтобы, для начала, вылечиться и, впоследствии, разобраться с причинами возникновения заболевания.
5. Мысли его жены, имеющие непосредственное отношение к интимной жизни с З. Фрейдом; возможные её мысли о более молодой сопернице в этой области.
6. Мысли интимного характера пациентки З. Фрейда по отношению к нему, своему врачу; существование в тот момент лечения активной фазы переноса¹¹⁷.

Смысл выражения «*быть на коне*» в вышеприведенном сновидении, скорее всего, обозначает то, что: «*Я все ещё контролирую ситуацию со своим здоровьем, несмотря на временное болезненное состояние. Или, я всё ещё в науке и в своих исследованиях, невзирая на иногда довольно-таки значительную, возникающую в мой адрес критику, непосредственно касающуюся некоторых моих взглядов на природу психических расстройств, нахожусь на правильном пути – в обоих вопросах, и в науке и касательного своего собственного здоровья я всё ещё «на коне»*».

Также возможным толкованием этого эпизода является представление в сновидении его желания интимного характера, выразившегося в образном выражении: «*объездить лошадку, обкатать кобылку*», что он достаточно успешно и делает в своём сновидении. Когда у тебя в области половых органов постоянно ощущается дискомфорт, это поневоле наводит на размышления о том, как же оно всё в конечном итоге будет получаться после окончания болезни? А всё ли будет у меня опять нормально с этой функцией после моего полного излечения от болезни? Я полагаю, что масса подобных мыслей и неприятных внутренних, психологических ощущений на определенном этапе течения болезни является прямым, неизбежным следствием подобного заболевания.

¹¹⁷ **Перенос** – феномен в психодинамической психологии, заключающийся в бессознательном перемещении ранее пережитых (особенно в детстве) чувств и отношений, проявлявшихся к одному лицу, на совсем другое лицо. В том числе, и на психотерапевта в ходе сеанса психотерапии. Этот феномен был замечен и впервые описан З. Фрейдом, показавшим его первостепенную важность для понимания клиента (пациента) в ходе психоанализа.

Вполне возможно, также на сексуальный подтекст сновидения несколько намекает тот фрагмент в самом сновидении, где ему снится: «*хочу слезть с лошади у миленькой открытой часовни, находящейся против этой улицы. Затем я действительно слезаю у другой близлежащей часовни*», если под часовней, которая открыта, можно понимать какую-то хорошо знакомую молодую

женщину/пациентку, которая, как он предполагает, в тот момент полностью открыта для встречи с ним. Видимо, всё-таки что-то внутри него самого, или существующий внешний контроль за всеми его действиями в этой области, мешает ему остановиться у «*миленькой часовни*» – наиболее желанного объекта его интимных фантазий, какой-то хорошо знакомой ему молодой женщины или какой-то его пациентки, – и вынуждает его остановиться у «*близлежащей часовни*» – его жены.

При собственном полном понимании того, что все его текущие проблемы со здоровьем являются прямым следствием его гастрономических предпочтений в еде и напитках, или, вполне возможно, что и определенного рецепта приготовления некоторых его любимых блюд, ему даже в самом сновидении дается четкое указание на то, что где-то ему принимать пищу всё же не следует. Возможно, что в этом вопросе у **З. Фрейда** было больше достоверной, сопутствующей информации, чем он высказал при толковании своего сновидения, и что вопрос питания и качества пищи был для него, в какой-то мере, до тех пор так и нерешенной до конца, актуальной проблемой. Вполне возможно, что мальчик, который в сновидении дает ему бумажку, в которой написано «*Не есть... Не работать*», представляет собой одного из хорошо ему знакомых, более молодых коллег, или просто какого-то более молодого знакомого, который его уже неоднократно о чем-то предостерегал, или в чем-то его убеждал в вопросе его питания. Тот факт, что он всё-таки роняет эту записку, свидетельствует скорее всего о том, что он так и не придавал должного значения всем этим советам и убеждениям своего более молодого знакомого, и поэтому и расплачивается в этот момент своей болезнью.

В этом сновидении основными, доминирующими желаниями являются собственные желания **З. Фрейда**, непосредственно касающиеся его собственного здоровья и его интимной жизни. Все видимые и понятные для меня, предполагаемые источники желаний, которые были использованы при создании вышеприведенного сновидения, можно сгруппировать следующим образом:

1. Желание **Зигмунда Фрейда** вылечиться и больше не болеть, что позволит ему удерживаться на необходимом, высоком уровне во всех отношениях; его желание обладать «*миленькой*» женщиной; его желание разобраться в вопросе собственного питания, и действительных причинах своего заболевания;
2. Желание его молодого знакомого или коллеги – мальчика в сновидении – помочь **З. Фрейду** разобраться с его заболеванием и возможными причинами его возникновения;
3. Желание какой-то его знакомой молодой женщины или его пациентки, направленное на удовлетворение её интимных фантазий и желаний совместно с доктором **З. Фрейдом**.
4. Желание его жены, чтобы он все свои интимные потребности

удовлетворял с ней дома, и прислушивался к её советам и рекомендациям в отношении возможных причин своего заболевания.

Сновидение 2:

Зигмунд Фрейд пишет: *« Однажды я старался понять, что означает ощущение связанности, невозможности сойти с места, неподготовленности и т.п., которые так часто снятся человеку и столь близко связаны со страхом. В ночь после этого мне приснилось следующее: Не совсем одетый я иду из квартиры в нижнем этаже по лестнице в верхний этаж. Я перепрыгиваю через три ступеньки и радуюсь, что так легко могу подниматься по лестнице. Внезапно я вижу, что навстречу мне вниз по лестнице идет горничная. Мне становится стыдно, я спешу, и вдруг появляется чувство связанности, меня словно приковывают к ступенькам, и я не могу сойти с места.*

Анализ: Ситуация сновидения позаимствована из повседневной действительности. У меня в Вене две квартиры в одном доме, соединенные между собою только лестницей. В первом этаже у меня приемная и кабинет, а во втором этаже жилые комнаты. Когда я поздно вечером засиживаюсь за работой, я поднимаюсь ночью по лестнице к себе в спальню. Вечером накануне сновидения я действительно поднялся по лестнице не совсем одетый: я снял воротник, галстук и манжеты; в сновидении же это превратилось чуть ли не в полное неглиже, хотя и туманное (как это всегда бывает). Перепрыгивание через ступеньки – моя всегдашняя привычка; сновидение, впрочем, осуществляет одно из моих желаний, так как легкостью ходьбы по лестнице я убеждаю себя в хорошем состоянии моего сердца. Далее, такой способ подниматься по лестнице представляет собою резкий контраст с чувством связанности во второй половине сновидения. Способ этот показывает мне – это не требует даже доказательств, – что сновидение чрезвычайно легко представляет себе моторные действия во всем их совершенстве; достаточно вспомнить хотя бы о летании в сновидении!

Лестница, по которой я поднимаюсь, не похожа, однако, на лестницу моего дома; сначала я ее не узнаю, и только прислуга, попадающаяся мне навстречу, показывает, где я нахожусь. Прислуга эта – горничная одной пожилой дамы, у которой я бываю два раза в день, и которой я делаю инъекции; лестница в сновидении очень похожа на ту, по которой я поднимаюсь там два раза в день.

Какое отношение имеют, однако, эта лестница и эта женщина к моему сновидению? Чувство стыда за небрежный туалет носит, несомненно, сексуальный характер; горничная, которая приснилась мне, гораздо старше меня, ворчлива и, безусловно, непривлекательна. В ответ на этот вопрос мне приходит в голову только следующее: когда я утром прихожу в этот дом, у меня обычно на лестнице начинается кашель и отхаркивание; мокроту я отхаркиваю обычно на лестницу. На последней нет ни одной плевательницы, и я придерживаюсь той точки зрения, что чистота лестницы может соблюдаться не за мой счет, что именно и побудит домовладельца скорее приобрести плевательницу.

Привратница, тоже старая, ворчливая женщина, обладающая, однако, преувеличенным стремлением к опрятности, придерживается в этом отношении другой точки зрения. Она сторожит, не позволю ли я себе снова указанной вольности, когда она уличает меня на месте преступления, я явственно слышу, как она ворчит. Обычно она несколько дней после этого со мною не здоровается,

когда мы встречаемся.

Накануне сновидения привратница получила подкрепление в лице горничной. Я, как всегда, торопился закончить свой визит и собирался уже уходить, когда в передней меня остановила горничная и сказала: "Доктор, вы бы вытирали ноги, прежде чем входить в комнаты. Красный ковер опять в грязи от ваших сапог". Вот несомненная причина к появлению в моем сновидении лестницы и горничной.

Между моими, перепрыгиванием через ступени и отхаркиванием на лестнице, имеется тесная связь. Катар горла и сердечная болезнь представляются в одинаковой степени наказанием за порок курения, относительно которого я слышу аналогичные упреки от моей супруги; в одном доме со мной так же мало любезны, как и в другом; сновидение сгустило их в один образ.

Дальнейшее же толкование этого сновидения я должен отложить до установления общих оснований, вызывающих типические сновидения о небрежной одежде. Замечу только, как предварительный результат сообщенного сновидения, что ощущение связанности в сновидении появляется каждый раз, когда какая-либо ассоциация испытывает в нем необходимость. Особое состояние моей подвижности во сне не может быть причиной этого содержания сновидения, так как за момент до этого мне ведь снилось, что я с легкостью перепрыгиваю через ступеньки».

Мое толкование сновидения:

Это сновидение, как и предыдущее, преимущественно основано на собственных желаниях **З. Фрейда**. Вопросы собственного здоровья и интимной жизни в этом сновидении являются главными. С учётом того, что **З. Фрейд** на тот момент являлся человеком семейным, ему приходилось в то время считаться во всех вопросах интимного характера с общественным мнением. В самом сновидении он видимо всё-таки своим поведением демонстрирует собственный протест против навязанных ему правил. Основные направления всех существующих в сновидении желаний можно сгруппировать таким образом:

1. Ему хочется быть молодым и сильным и, при этом, достаточно здоровым, чтобы не испытывать никаких неудобств и страданий от своих физических слабостей.
2. Ему хочется показаться перед горничной не одетым, и попытаться соблазнить её и/или получить от неё желаемое удовлетворение; ему хотелось бы иметь постоянно возможность одеваться так, как ему хочется.
3. Ему не хочется уходить от горничной; хочется остаться с ней как можно дольше, несмотря на наличие в себе или около себя сильного противоположного влечения, внутренней потребности в сохранении верности своей жене. Присутствие борьбы противоположных влечений – влечение к сексуальному удовлетворению и желание сохранить верность и свой авторитет.
4. Горничной хотелось бы того, чтобы **З. Фрейд** обратил на неё внимание не только как на работницу; ей хотелось, чтобы он видел в ней прежде всего женщину, которая им интересуется...

Желание быть сильным и здоровым свойственно всем разумным людям, и оно всегда обостряется и усиливается в состоянии болезни. Вдобавок ко всему, достаточно сложно произвести хорошее впечатление на какую-либо женщину демонстрируя ей свои физические слабости и немощность. Поэтому, как необходимое условие для возможного осуществления всех своих интимных желаний, необходимо обладать отличным здоровьем.

Желание иметь беспорядок в своем гардеробе может носить также и сексуальный подтекст. Таким способом он как бы намекает горничной о своих в её отношении намерениях сексуального характера, и демонстрирует ей свою готовность к их возможной реализации. Остается дело лишь за ней самой. Вполне возможно, что и та самая одышка, возникающая во время подъёма по лестнице, прямо намекает ему на одышку, которая так часто возникает у мужчины во время полового акта. Вполне возможно также и то, что **З. Фрейд** хотел бы, чтобы и в его доме была такая же привлекательная горничная, как у его пациентки, которую ему тогда будет гораздо проще соблазнить.

Желание иметь некоторый беспорядок в своем гардеробе может носить и не только лишь сексуальный подтекст. Все-таки, общее правило предписанной формы одежды, нашего гардероба, является чем-то насильно навязанным нам извне, требованием общества и, в какой-то мере, является для всех нас чуждым, и поэтому иногда вызывает по отношению к себе естественное и оправданное желание им пренебречь, что, таким образом, и может быть реализовано в сновидении.

Желание, несмотря на существующие правила приличия и внутренние требования, как можно дольше задержаться с горничной на лестнице, тоже представляется вполне естественным – невозможно же так сразу перейти к интимным отношениям, полностью пропустив все необходимые предварительные стадии флирта, ухаживания и уговоров. О внешности горничной достоверно нам ничего не известно, хотя о привратнице нам с его слов известно то, что она стара и ворчлива. Таким образом, можно предположить, что горничная была молода и привлекательна, и именно поэтому смогла возбудить интимные желания у пожилого доктора, которые могли быть и не лишены взаимности. Также не будем сразу же отказывать и старой привратнице в каких-либо её собственных желаниях интимного характера по отношению к доктору, – она всё-таки, прежде всего, женщина, которая часто видит доктора, и, вполне возможно, тоже что-то испытывает по отношению к нему.

Вопрос об ощущении связанности в сновидении вполне возможно имеет непосредственное отношение к внутренним особенностям душевной организации человека; связанность в сновидении всегда представляется нам прямым свидетельством существующей борьбы противоположных влечений, конфликтом воли. Именно наличие в структуре нашей души некоторых, в чем-то ей чуждых, элементов иногда и имеет своим прямым следствием такой конфликт, результатом которого является частичная либо полная неспособность нами предпринять какие-либо действия. Эта связанность может явиться также прямым следствием присутствия в основе сновидения двух совершенно противоположных желаний, исходящих одновременно из различных источников в нашей душевной организации, в результате чего и получается такого рода явление в сновидении. Внутренний контроль таким способом иногда дает о себе знать даже и в сновидении, и, в некоторых случаях, совершенно не теряет всей своей

первоначальной силы.

Иногда такая борьба является признаком присутствия в сновидении желаний противоположной направленности, имеющих два абсолютно различных источника. Один из этих источников, как правило, находится в субъекте сновидения, а второй находится в ком-либо из значимых, хорошо знакомым для него людей, – так как способность оказывать такого рода воздействие на субъекта сновидения в его собственном сновидении, происходящую от незнакомых или незначимых для него людей, представляется маловероятной.

Все видимые и вполне понятные для меня предполагаемые источники желаний, которые были использованы при создании вышеприведенного сновидения, можно сгруппировать следующим образом:

1. Желание **З. Фрейда** интимного характера по отношению к молодой горничной; его желание быть физически здоровым; его желание иметь беспорядок со своей одеждой тогда, когда ему этого захочется;
2. Возможное желание молодой горничной, чтобы доктор был к ней внимательным и захотел с ней познакомиться поближе; её желание пофлиртовать с доктором; возможное желание горничной работать у доктора;
3. Желание пожилой привратницы, чтобы доктор был к ней поласковее и, как минимум, не создавал для неё никаких дополнительных трудностей; чтобы он так бегал у себя по лестнице и там позволял себе делать всё то, что ему хочется.
4. Не будем также забывать о его жене и её ограничивающем влиянии на его желания.

Сновидение 3:

Зигмунд Фрейд пишет: « «Невозможность довести до конца дело» проявляется в сновидении не всегда в форме ощущения, а иногда попросту и в виде части содержания самого сновидения. Следующий пример я считаю особенно подходящим для уяснения значения этого реквизита сновидения. Я приведу его вкратце; оно уличает меня в нечестности. *"Место действия – не то частная клиника, не то какое-то другое учреждение. Появляется служитель и зовет меня на "исследование" (по нем. Untersuchung – и судебное следствие, и медицинское исследование). Я сознаю, что обнаружена какая-то пропажа и что "исследование" вызвано подозрением, что в пропаже этой виновен я. В сознании своей невиновности, с одной стороны, и своих врачебных обязанностей, с другой – я спокойно иду за служителем. У одной из дверей, стоит другой служитель и говорит, указывая на меня: "Что же вы привели его, ведь это порядочный человек". Я вхожу затем без служителя в большой зал, где стоит много машин, зал этот напоминает мне, однако, ад с орудиями пыток. За одной из машин я вижу своего коллегу, который имел бы полное основание принять во мне участие, но он меня не замечает. Я получаю возможность уйти. Но не нахожу своей шляпы и потому уйти не могу".*

Анализ: Сновидение, очевидно, осуществляет желание, чтобы меня признали честным человеком; в мыслях имеется, таким образом, всевозможный материал,

противоречащий этому. То, что мне позволяют уйти, является признаком моей невинности, если поэтому сновидение в конце своем изображает препятствие моему уходу, то отсюда следует заключить, что в этом именно и находит свое выражение подавленный противоречащий материал. То, что я не нахожу шляпы, означает, следовательно: ты все же не честный человек. Невозможность что-либо сделать в сновидении представляет собою выражение противоречия, союзных речений "нет, не"; таким образом, мы должны внести поправку в наше утверждение, будто сновидение не способно выразить эту логическую связь».

Мое толкование сновидения:

Разделим вышеприведенное сновидение на группы возможных намерений и желаний, использованных работой сновидения при его создании:

1. Страх перед судебным следствием, фигурантом которого он может в любой момент оказаться, и его естественное желание, что если уж и оказаться там, то не в качестве подозреваемого, а скорее уже в качестве эксперта;

2. Желание того, чтобы его личный авторитет являлся вполне достаточным для того, чтобы к нему обращались за экспертной оценкой при медицинском или судебном исследовании;

3. Несмотря на то, что он (по его мнению) является непричастным к совершенному правонарушению, он все же оказывается (по чьему-то желанию) в некоем аду, и не может его самовольно покинуть, что является, по-видимому, чьим-то посторонним желанием.

Редкому врачу на протяжении всей своей карьеры удается полностью избежать каких-либо обвинений в халатности или допущенных действительных или мнимых ошибках. Никто и нигде полностью не застрахован от этого. «Человеку свойственно ошибаться»¹¹⁸ – всякий врач в любой ситуации, прежде всего, человек. Именно поэтому, наличие подобного контекста не является чем-то необычным для представителя врачебной среды. Вполне возможно, что какие-то личные сомнения были основным источником в какой-то мере обоснованных, собственных опасений такого рода; или же деструктивные фантазии и мечтания некоторых из его коллег-завистников были источниками пожеланий ему таких ошибок в его профессиональной деятельности.

Присутствие в повседневной жизни внешне доброжелательного коллеги, который вполне может в своих мыслях, разговорах и остальных, невидимых для субъекта сновидения действиях, таковым совершенно не являться, представляется не таким уже и редким случаем. Не всегда все мы постоянно окружены одними лишь доброжелателями. Достаточно часто некоторые люди из нашего окружения не просто не возражают против происходящих с нами несчастий и неудач, но прямо или косвенно им посильно или чрезмерно содействуют и способствуют. Всякого рода интриги, заговоры, наветы и злословие пока, к сожалению, никуда из нашей жизни не делись, и нам приходится с этим постоянно жить, мириться и считаться, и иногда от этого претерпевать сопутствующий ущерб. «Такова жизнь»¹¹⁹.

118 «*Errare humanum est*» – Марк Туллий Цицерон, древнеримский оратор, политик и философ.

119 «*Shit happens*» (с англ. – «дерьмо случается») – распространенное английское сленговое выражение. Выражение представляет собой констатацию факта, что жизнь наполнена несовершенствами, и, в какой-то мере, по смыслу, близко к французскому *C'est la vie* (се ля ви – такова жизнь) (Википедия)

Также представляется возможным и некое собственное внутреннее, возможно, что и вполне обоснованное, чувство вины, которое и мешает ему самостоятельно покинуть этот зал с орудиями пыток. Представляется достаточно маловероятным то, что у **З. Фрейда** в его длительной врачебной практике никогда не было никаких врачебных неудач, недоразумений и конфликтов, учитывая также и тот факт, что ему часто приходилось иметь дело с психически неуравновешенными или психически не совсем здоровыми пациентами. Вполне возможно, что как раз перед этим у него и возник какой-то конфликт с пациентом, или недоразумение на профессиональной почве, в ходе которого по отношению к нему и поступали какие-то претензии или угрозы. Ему вполне могли угрожать обращением к правосудию, и не только лишь земному, судя по адским орудиям пыток. Может быть ему регулярно на словах, в выражениях, или мысленно, в своих желаниях, угрожали всеми возможными адскими пытками и карами небесными за какой-то действительный или мнимый его проступок, который привёл к каким-то печальным последствиям. Не будем забывать того, что немногие женщины могут достойно перенести отказ мужчины от интимной связи с ними, а оскорбившаяся или разъярённая женщина способна на многое; и у **З. Фрейда** таких отказов за его карьеру накопилось немало, так что...

Возможно также и такое, что в этом сновидении некоторые вещи обозначают не совсем то, что обыкновенно мы думаем. Можно действительно допустить существующий в этом сновидении символизм, особенно, если учесть личность того, кому это сновидение приснилось. Если в сновидении *«Шляпа, по всей вероятности, мужской половой орган»* – тогда вполне допустимо другое понимание финала этого сновидения. Тогда на происходящее в финале этого сновидения можно смотреть как на что-то имеющее связь со «страхом кастрации» за допущенные им нарушения, или совершенные им преступления – *«не нахожу своей шляпы»*. В сновидении он вполне может опасаться и остерегаться того, что его лишат его *«шляпы»* за какие-то из его действительных или мнимых ошибок, нарушений или преступлений.

Все видимые и вполне понятные для меня, предполагаемые источники желаний, которые были использованы при создании вышеприведенного сновидения, можно сгруппировать следующим образом:

1. Желание **З. Фрейда** быть невиновным, и на местах преступления оказываться исключительно лишь в качестве эксперта;
2. Желание пациента/пациентки и/или родителей пациента, чтобы он всё-таки был каким-то образом привлечен к ответственности и наказан;
3. Желание коллеги-доктора, чтобы **З. Фрейд** был публично унижен, наказан и, возможно, лишен своих званий и авторитета (лишение чего-либо/кастрация); желание того, чтобы при этом его роль и его участие не осталось тайной для **З. Фрейда**, основывающееся на том, что он хотел где-то в чём-то его потеснить, или занять его место.

Сновидение 4:

Зигмунд Фрейд пишет: *«Четырехлетний мальчик рассказывает: ему приснилось большое блюдо, на котором лежит большой кусок жареного мяса. Неожиданно кусок этот съедается, не будучи даже разрезан. Человека,*

который съел мясо, он не видел.

Анализ: Все большое, обильное, чрезмерное и преувеличенное в сновидении носит несомненно характер детства. У ребенка нет более горячего желания, нежели как стать взрослым и прежде всего получать столько, сколько получают взрослые; ребенка трудно удовлетворить: он постоянно требует повторения того, что ему понравилось или было вкусно. Быть умеренным, скромным он научается лишь благодаря воспитанию; как известно, невротик тоже склонен к неумеренности и преувеличению.

Кто же был этот человек, об обильном обеде которого приснилось ребенку? Разъяснение на этот счет нам дают переживания предыдущего дня. Мальчику в течение нескольких дней была прописана врачом молочная диета; накануне сновидения вечером он нашалил и в наказание за это был лишен ужина. Уже раньше как-то он испытал это наказание и вел себя при этом очень мужественно. Он знал, что ничего не получит, но ни одним словом не намекнул на то, что испытывает голод. Воспитание начинает оказывать на него свое действие; оно проявляется уже в сновидении, обнаруживающем зародыши искажающей деятельности. Не подлежит сомнению, что сам он тот человек, желания которого направляются на столь обильный ужин. Так как он знает, однако, что он наказан и не имеет права ничего есть, то он не решается даже во сне сесть за стол и съесть вкусное блюдо, как это делают в сновидениях голодные дети (ср. сновидение о землянике, виденной маленькой Анной)».

Мое толкование сновидения:

Основными источниками сновидения, по моему мнению, явились противоположные друг другу комплексы желаний обеих сторон. Одно направление состояло в том, чтобы ребенок полностью придерживался диеты. Другое направление состояло как раз в обратном: никаких диет не придерживаться, и есть что угодно и в любом количестве, как и прежде. Основные направления желаний можно сгруппировать следующим образом:

1. Желание ребенка всегда вкусно и вдоволь кушать;
2. Желание его родителей или воспитателей и доктора, чтобы ребенок придерживался требований назначенной ему диеты.

В сновидении мальчик получает такой желанный им кусок мяса, но ему всё-таки не удастся полностью осуществить свое желание, и полакомиться им, в связи с присутствием в его сновидении противоположного, постороннего желания, препятствующего реализации его собственного желания. С одной стороны, находится его врач, который запретил ему есть всё то, что ему хочется, и который в состоянии добиться с помощью родителей от мальчика того, чтобы его запрет соблюдался. С другой стороны, присутствует голодный мальчик, который, даже несмотря на всю силу своего желания, оказывается не в состоянии даже во сне преодолеть существующее препятствие в виде запрета врача, и точного, беспрекословного родительского следования ему. Невидимый врач или его собственные родители, прикрываясь тем, что это не их в этом вина, взяли и съели вместо мальчика мясо; даже в сновидении доктор имеет такое сильное влияние на все связанные с этим желания.

Тот факт, что в основании сновидения оказались как минимум два желания, – желание мальчика и желание врача, – мне кажется совершенно

очевидным. Если бы в сновидении присутствовало только лишь желание мальчика, тогда он бы не только увидел, но и полакомился запретной едой. Если бы в основе сновидения лежало только лишь желание врача и/или его родителей, тогда бы мальчик и во сне ел только лишь одни молочные продукты. В виде единственно возможного компромисса, деятельность сновидения определила так, что в таком виде все в какой-то мере достигнуто желаемого результата – «и волки сыты и овцы целы». Мясо было, но мясо не ели.

Все видимые и понятные для меня предполагаемые желания, которые были использованы при создании вышеприведенного сновидения, можно сгруппировать следующим образом:

1. Желание ребенка съесть всё то, что ему очень сильно хочется – кусок мяса;
2. Желание доктора, чтобы ребенок соблюдал диету, и за счёт этого выздоровел; желание доктора, чтобы родители полностью контролировали соблюдение ребенком диеты;
3. Желание родителей, чтобы ребенок неукоснительно соблюдал диету, и, при этом, они сами несколько дистанцируются от этого запрета – это не их указание, и они в данном случае только лишь его исполняют; все вопросы – к доктору.

*«...Прокна услышала голос пеплоса, поняла, что совершилось насилие, и решила жестоко отомстить мужу за оскорбление. Смешались две ярости, две женщины, оскорблённые и одновременно объятые ревностью, дышали одним желанием и задумали пиршество страшнее самого брака. Сын Терей должен был стать яством на этом пиршестве, – тот, кто ещё недавно был сыном Прокны, пока не ослепил её гнев. Забыла она родовые муки. Так ревность бывает сильнее даже материнского лона. Одного только хотели женщины – доставить осквернителю брачного ложа самую ужасную боль. Пусть даже и сами они будут страдать от своей мести, но **страдание женщин облегчается сладостью осуществлённой мести.***

Терей отведал яства, приготовленные для него этими Эриниями ¹²⁰, а они принесли ему в корзине останки ребёнка и смеются, но ужаса полон их смех...»¹²¹

Сновидение 5:

Зигмунд Фрейд пишет: «Ее мать отсылает ее, маленькую девочку, чтобы она пошла одна. Потом она идет с матерью по железной дороге и видит, как ее дочка идет прямо на рельсы под поезд. Она слышит хруст костей (при этом неприятное чувство, но не ужас). Она смотрит из окна вагона, не видно ли сзади частей, и упрекает мать, что она оставила малютку одну».

Анализ: Полное толкование этого сновидения дать очень трудно. Оно относится к целому циклу других и может быть истолковано исчерпывающе лишь

¹²⁰ *Эринии* – в древнегреческой мифологии богини мести и ненависти. В римской мифологии им соответствуют *фурии*... (Википедия)

¹²¹ Ахилл Татий «Левкиппа и Клитофонт»

в связи с ними. Особенно трудно здесь выделить в изолированном виде материал, необходимый для установления символики. Пациентка сама устанавливает соответствие поездки по железной дороге с возвращением из нервной клиники, в руководителя которой она была, разумеется, влюблена. За ней приехала туда мать, на вокзал проводить ее приехал врач и привез ей букет цветов; ей было неприятно, что мать была свидетельницей этой любезности. Мать является здесь, таким образом, нарушительницей ее любовных стремлений; аналогичную роль она действительно играла в молодости моей пациентки. Дальнейшая мысль относится к дороге. Она оборачивается, не видно ли сзади частей. В сновидении разумеются, конечно, остатки раздавленной девочки. Мысль ее идет, однако, в другом направлении. Она вспоминает, что однажды видела отца сзади голым, заговаривает о половых различиях и указывает на то, что у мужчины половые органы видны и сзади, у женщины же нет.

В связи с этим она сама истолковывает сновидение в том смысле, что маленькая девочка олицетворяет половые органы, – ее же девочка (у нее есть 4-летняя дочка) ее собственные половые органы. Она упрекает мать в том, что та требует, чтобы она жила так, как будто у нее вообще нет половых органов, и находит соответствие этому упреку в первой части сновидения: мать отправляет ее маленькую девочку, чтобы она пошла одна. В ее воображении идти одной по улице означает: не иметь мужчины, не иметь половых сношений (*coïte* – идти вместе), а на это она не способна. По ее рассказам, она, будучи ребенком, действительно страдала от ревности матери вследствие явного предпочтения, которое оказывал ей отец...»

Мое толкование сновидения:

Данное сновидение, представляется довольно-таки четкой и ясной реализацией схожих желаний матери и её дочери в отношении ребенка последней, который был им обеим, судя по всему, совершенно «не в радость». Эти желания можно предварительно распределить следующим образом:

1. В качестве первого источника желания могли быть постоянные упреки матери пациентки по отношению к своей дочери, и её (матери пациентки) собственное желание того, чтобы девочка (её внучка) умерла, или не рождалась бы вообще;
2. В качестве второго источника желания для сновидения выступает ситуативное, возможно что ещё не патологическое, пожелание самой пациентки смерти своему собственному ребенку, что не является таким уже и редко встречающимся явлением. Многие матери, как минимум, на словах, не говоря уже про их собственные мысли и пожелания, неоднократно желали нечто подобное своим детям.
3. Общее желание обеих женщин того, – в этом, видимо, они полностью сходятся, – чтобы смерть ребенка, – если она действительно произойдет, – не вызвала ни у кого никакого подозрения по отношению к ним и, по возможности, никто её (эту смерть) совершенно не заметил – в сновидении не осталось никаких следов. Вполне возможно, что они вместе, или каждая по отдельности, уже когда-то ранее и обдумывали нечто подобное, или где-то что-то такое читали или слышали.

Несмотря на изначально кажущееся совершенно абсурдным и аморальным содержание сновидения, несложно понять то, что в его основании лежит глубокая личная неприязнь пациентки и её матери по отношению к ребёнку пациентки. Не для всех матерей ребенок является действительно желанным, и приносит с собой только одну лишь радость¹²², в особенности, это касается большинства матерей-одиночек. Ребенок для них, прежде всего, является символом их слабости, поражения, так называемого «*позора*» и «*бесчестья*», и ненависть к отцу этого ребёнка очень часто, впоследствии, прямо переносится и на самого ребенка, который постоянно напоминает об отце; и нанося вред этому ребёнку, они, в какой-то мере, в своем понимании причиняют вред и отцу этого ребенка. Вдобавок ко всему, теперь уже и сам ребенок, а не только лишь одна мать пациентки, является тем существенно ограничивающим её свободу фактором, в соответствии с которым она теперь не может себе позволить такой желанной для себя свободы действий.

Это довольно-таки нередко встречающаяся жизненная ситуация в неполных семьях подобного типа, где вместе живут бабушка, мать и её малолетняя дочь. Мать находится под постоянным двусторонним давлением, исходящим, с одной стороны, от своей матери (бабушки), а с другой, в качестве дополнительного упрека, у неё постоянно перед глазами её собственный ребенок. Она, вполне возможно, и хотела бы испытать все радости, связанные с таким желанным для всякой женщины материнством, но отсутствие отца и постоянные упреки её матери этому совершенно не способствуют, и очень сильно мешают ей жить, вынуждая её постоянно придумывать различные возможности избавиться каким-то образом от всего этого давления. В большинстве случаев всё так и заканчивается на уровне одних лишь только желаний, или высказанных в состоянии аффекта пустых угроз, которые имеют своим следствием последующее раскаяние в своих помыслах и/или словах. Ребенок иногда получает свой дежурный подзатыльник, и идет себе преспокойно отдыхать, утирая свои сопли и слёзы. Но иногда всё же некоторые матери на этом не останавливаются, и, желая обрести такую желанную, полную личную свободу, которая позволит им всё начать с чистого листа, начинают приводить свои замыслы в исполнение.

Ещё одним из источников возможной ненависти матери к своему ребёнку-девочке может быть сильное разочарование матери в том, что у неё родилась именно девочка, а не мальчик. Вполне возможно, что и к отцу ребенка она бы испытывала гораздо меньше ненависти, родись у неё от него мальчик. Видимо, она его обвиняет, – и скорее всего не без основания, – в том, что у неё родилась именно девочка. Ни для кого не секрет, что каждая женщина, прежде всего, мечтает о мальчике, а не просто о каком-то ребёнке.

Если же девочка рождается в браке, тогда у матери значительно меньше оснований ненавидеть её, так как она всё ещё надеется и рассчитывает вновь забеременеть, и позднее в браке родить желанного сына. Матери-одиночке не так просто, имея уже одного ребёнка без отца, решиться завести себе ещё одного, понимая прекрасно то, что нет никаких гарантий того, что у неё в следующий раз непременно родится именно мальчик. А ещё одну девочку ей, видимо, не очень хочется рожать.

Все видимые и понятные для меня источники желаний, которые были

использованы при создании вышеприведенного сновидения, можно сгруппировать следующим образом:

1. Желание бабушки, чтобы ребенок не родился или, раз уже так получилось, куда-нибудь пропал; желание остаться непричастной ко всему противозаконному и аморальному, хотя бы видимо;
2. Желание матери, чтобы ей удалось каким-то образом избавиться от давления на неё с обеих сторон: со стороны ребенка, – постоянные заботы о нем, и со стороны матери – постоянные, чаще всего, незаслуженные упреки; желание того, чтобы всё это произошло как можно более незаметно и безболезненно, как то так, чтобы никто совершенно ничего не заметил, и никаких претензий к ней не имел;
3. Желание обеих женщин, чтобы у них в семье родился мальчик, а добиться этого будет проще в том случае, когда ребенка-девочки у них не будет.

Сновидение 6:

Зигмунд Фрейд пишет: «Одной знакомой даме приснилось: "Она в опере. Дают Вагнера; представление затянулось до три четверти восьмого утра. В партере расставлены, столы; публика ест и пьет. За одним из столов сидит ее кузен, только что вернувшийся из свадебного путешествия, со своей молодой женой; вместе с ними какой-то аристократ. Про последнего говорят, что молодая женщина привезла его с собой из свадебного путешествия, все равно как привозят с собой шляпу. Посреди партера возвышается башня с платформой наверху, окруженной железной решеткой. Там стоит дирижер, напоминающий лицом Ганса Рихтера, он бежит все время по платформе, страшно потеет и управляет оркестром, расположенным внизу, у подножия башни. Сама она сидит с подругой (тоже моей знакомой) в ложе. Ее младшая сестра подает ей из партера большой кусок угля и говорит, что она не знала, что так затянется и что она, наверно, очень озябла. (Как будто ложи отапливаются во время долгого представления)".

Анализ: Сновидение хотя и бессмысленно, однако, в общем довольно удачно изображает ситуацию. Башня посреди театра, с вершины которой дирижер управляет оркестром, и уголь, который подает сестра! Я умышленно не потребовал от моей знакомой никаких поясняющих данных; поверхностного знакомства с ее жизнью мне было достаточно для самостоятельного использования отдельных элементов ее сновидения. Я знал, что она питала симпатию к одному музыканту, карьера которого преждевременно была прервана душевной болезнью. Я решил взять башню в партере буквально и вывел заключение, что человек, которого ей хотелось видеть на месте Ганса Рихтера, гораздо выше всех остальных членов оркестра (по-немецки: Turm – башня, turm hoch iiberragen – быть выше других в переносном смысле). Эта "башня" – сложное представление: высотой своей она олицетворяет величие этого человека, решеткой же, за которой он бежит, как зверь в клетке, его дальнейшую участь.

Установив, таким образом, метод изображения в данном сновидении, можно попытаться раскрыть тем же ключом и вторую кажущуюся абсурдность: уголь,

подаваемый ее сестрой. "Уголь" означает "тайную любовь". Она сама и подруга сидят в ложе ("засиделись в старых девах"); ее младшая сестра, имеющая еще шансы выйти замуж, подает ей уголь: "Она не знала, что так затянется". Что именно затянется, об этом в сновидении не говорится; в рассказе мы бы добавили: представление; в сновидении, однако, мы можем счесть эту фразу двусмысленной и добавить: "пока она выйдет замуж". Толкование "тайная любовь" подкрепляется тогда упоминанием о кузене, который сидит в партере с женой, и о возведенном на последнюю обвинении в открытой любовной связи с аристократом. Противоречия между тайной и открытой любовью, между ее страстью и холодностью молодой женщины определяют собой сновидение. Там, как и здесь, имеется, однако, посредствующее среднее звено – "высокое положение" – между аристократом и музыкантом, подававшим большие надежды».

Мое толкование сновидения:

Основными источниками вышеприведенного, очень интересного сновидения явились желания нескольких человек, непосредственно представленных в этом сновидении. Главные направления их желаний можно сгруппировать следующим образом:

1. Желание субъекта сновидения сходить в театр в интересной компании, и увидеть собственными глазами то, как её кузена «украшают лоб»¹²³;
2. Желание молодой жены кузена похвастаться своим любовником перед знакомыми и/или её желание, чтобы у её мужа был соперник;
3. Желание того, чтобы «представление» затянулось как можно дольше, чтобы остаться на всю ночь в театре;
4. Желание «согреться» в театре с «угольком», что является намеком на близкие отношения с кем-то имеющим темный цвет кожи, либо играющего в представлении роль такового (Отелло), или как-либо ассоциирующегося у субъекта сновидения с чем-то подобным.

Не является для всех большим секретом то, что основной интерес большинства женщин и мужчин во время их регулярных походов в театр носит достаточно прозаический, приземленный характер – представление является только лишь некоторым приятным дополнением, бонусом к основной программе. Основная программа заключена в первую очередь, в сильном желании показать себя, поговорить со знакомыми, познакомиться с кем-либо, пофлиртовать с кем-либо, и все прочие, подобного рода, насущные потребности человека, как существа общественного. Люди чаще всего часто используют свои регулярные походы в театр лишь как повод для реализации вышеописанных потребностей. Именно поэтому, наличие такого общего желания у всех представленных в сновидении персонажей является вполне естественным и целиком оправданным. Несколько подтверждает это моё предположение её собственная интерпретация действий дирижера – строит из себя нечто недостижимое и великое, суетится, потеет без всякого толка, – её пренебрежительное понимание всего происходящего и соответствующее восприятие его значимости. Вполне возможно, что она в какой-то момент даже подумала: «Интересно, а он так же

123 *Наставляют рога*, изменяют своему супругу...

сильно напрягается и потеет во время выполнения своих супружеских обязанностей? И вообще, они только делают вид, что осуществляют нечто значительное, а, по сути дела, только размахивают руками и очень сильно потеют; абсолютно бесполезные, никчёмные и ненужные персонажи, которые только отвлекают собой внимание зрителей от представления». Очень часто, со стороны, именно таковой многим представляется деятельность любого дирижера.

Возможный комплекс желаний, непосредственно касающихся её кузена, скорее всего, не имеет такой же сильной интенсивности, как все прочие желания. Они, видимо, являются лишь маленьким приятным дополнением к общей картине. А вот жена её кузена, вполне возможно, и хотела бы заставить каким-то образом некоторых из своих знакомых почувствовать зависть к тому, что она может себе позволить привезти аристократа, как какую-то «шляпу».

Тот факт, что «уголек» подается её младшей сестрой, вполне возможно, прямо свидетельствует о том, что её сестра, иногда выполняла в её жизни нечто сходное с ролью сводни. Вполне возможно, что ей только лишь хотелось, чтобы она выполнила подобную роль, либо её сестра пожелала этого, в силу своей естественной женской природы¹²⁴, помочь своей сестре в подобном деле таким способом. Желание задержаться там до утра – провести ночь с «угольком», является вполне себе достаточным стимулом для того, чтобы сходить в театр, немного померзнуть и, в конечном итоге, хорошо согреться.

Все видимые и понятные для меня, источники желаний, которые были использованы при создании вышеприведенного сновидения, можно сгруппировать следующим образом:

1. Желание знакомой дамы сходить в театр – себя показать, и на других посмотреть; её желание запретной любви с кем-то темнокожим, или играющим такую роль (*Отелло*) из труппы театра;
2. Желание сестры знакомой дамы помочь своей сестре в её любовных интригах и похождениях;
3. Желание какого-то «уголька» из театра близости со знакомой дамой.
4. Желание кузины знакомой дамы продемонстрировать обществу привезенного ею аристократа.

Сновидение 7:

Зигмунд Фрейд пишет: «Грезящий, молодой холостой господин, сидит в ресторане. Вдруг появляются несколько лиц, они пришли за ним, среди них один хочет его арестовать. Он говорит своим соседям по столу: "Я заплачу потом, я вернусь". – Но те замечают с иронической улыбкой: "Старая песня, все так говорят". Один из посетителей кричит ему вслед: "Еще один уходит!" Его приводят в какое-то тесное помещение, где он видит женщину с ребенком на руках. Один из его спутников говорит: "Это господин Мюллер". Комиссар или еще какой-то чин перебирает пачку бумаг и повторяет при этом: "Мюллер, Мюллер, Мюллер!" Наконец он задает ему вопрос, на который тот отвечает утвердительно. Вслед за этим он оглядывается на женщину и

замечает, что у нее появилась длинная борода".

Анализ: Обе составные части разделить тут нетрудно. Поверхностный характер носит фантазия об аресте; она создана, по-видимому, заново деятельностью сновидения. За ней, однако, в качестве материала, претерпевшего небольшое изменение, обнаруживается фантазия о женщине; черты, общие им обоим, проступают, как в смешанной фотографии Гальтона, особенно ярко. Обещание холостяка вернуться в ресторан, недоверие его наученных опытом собутыльников и восклицание "еще один уходит" (женится) – все это чрезвычайно характерные и вполне понятные симптомы. В равной мере и утвердительный ответ, даваемый полицейскому чину.

Перебирание пачки бумаг, при котором повторяется одно и то же имя, соответствует второстепенной, но тоже характерной черте свадебной церемонии – прочтению целой кипы поздравительных телеграмм, повторяющих одно и то же имя. В конкретном появлении невесты в этом сновидении фантазия о женщине одержала победу даже над покрывающей ее фантазией об аресте. То, что у этой невесты в конце появляется борода, я мог разъяснить лишь при помощи одной справки (анализа я вообще не производил). Грезящий провел вечер накануне сновидения со своим другом, таким же противником брака, как и он сам. Проходя по улице, они встретили какую-то красивую брюнетку. Грезивший обратил на нее внимание своего друга. Но тот только ответил: "Да, если бы только у этих женщин не вырастали с годами бороды, как у их отцов!"

Разумеется, и в этом сновидении нет недостатка в элементах, которые подверглись более сильному изменению со стороны искажающей деятельности сновидения. Так, например, фраза "я заплачу потом" намекает, очевидно, на возможный образ действий тестя в отношении приданого. По всей вероятности, различного рода соображения препятствуют грезящему всецело отдаться фантазии о женитьбе. Одно из этих соображений – опасение, что человек после женитьбы теряет свободу – воплотилось в сцене ареста».

Мое толкование сновидения:

Основным источником сновидения, по моему мнению, явилось сильное, вынужденное и вполне оправданное желание некоторых людей, чтобы молодой господин был арестован по обвинению в действиях интимного характера по отношению к молодой особе. Именно эти действия могли иметь своим прямым следствием рождение, или возможное, в скором будущем, рождение ребенка и, вполне возможно, он уже перед этим неоднократно получал подобного рода угрозы. Основные направления желаний можно сгруппировать следующим образом:

1. Угроза ареста, в случае нежелания молодого господина подчиниться требованиям, исходящим от шантажирующих и угрожающих ему лиц, которые у всех этих людей обретают форму очень сильного желания с подобным смыслом;

2. Сильное желание девушки, её родителей или опекунов, чтобы всё это в какой-то момент оказалось общеизвестным; вполне возможно, что они ему уже угрожали общественным резонансом;

3. Желание молодого господина «не платить по счету» даже несмотря на

предполагаемую возможность своего ареста, вследствие чего родителям женщины и приходится применять по отношению к нему различные угрозы;

4. Непосредственная связь между женщиной с ребенком и кем-то с бородой, прямо указывает в сновидении на того, кто управлял всеми действиями этой женщины;

Таким образом, вышеприведенное сновидение в значительной мере образовано на основании различных желаний негативного характера, которые, возможно, были прежде уже частично воплощены в жизнь при помощи каких-то угроз и/или действий. Скорее всего, молодой господин уже был ранее предупрежден о том, что в случае его упорного нежелания вести себя в соответствии с общими правилами приличия, и нежелания узаконить свои отношения с молодой женщиной и, как следствие, узаконить рождение ребенка, по отношению к нему будут применены репрессивные меры различного характера.

Вполне возможно, что этот молодой господин был каким-то образом искусно завлечен в сети неких охотников за богатыми женихами и их состояниями, и теперь ему предстоит испытать на себе весь тот общий негатив, который сопровождает обыкновенно все дела такого рода. Всё это на него в тот момент, видимо, и оказывало сильное психологическое давление, что и имело своим прямым следствием такое сновидение.

Нежелание молодого господина в сновидении платить по-своему счету достаточно ясно демонстрирует его отношение ко всему происходящему вокруг него – постараться всё-таки, несмотря ни на что, не идти на поводу у всех тех, кто ему угрожает, и заставляет его сделать что-то вопреки его собственному желанию. Внутреннее его противодействие и сильное нежелание подчиниться способствовало формированию у него желания-сопротивления.

Судя по тому, как изменилось в сновидении лицо женщины с ребенком, не вызывает никакого сомнения тот факт, что за всем этим стоит кто-то пожилой с бородой; вполне возможно, что это отец или кто-то из пожилых родственников этой женщины. Скорее всего, она сама не полностью поддерживает, но и не сильно противится всем тем требованиям и угрозам, которые из-за неё или через неё адресованы этому молодому господину. В чем-то она на его стороне и, вполне возможно, всё ещё испытывает по отношению к нему теплые чувства.

Все видимые и понятные для меня источники желаний, которые были использованы при создании вышеприведенного сновидения, можно сгруппировать следующим образом:

1. Желание молодого человека «не платить по счету» женщине с ребенком и всем тем, кто непосредственно с ней связан;
2. Желание женщины, чтобы он оказал ей/им финансовую помощь и/или женился на ней;
3. Желание родителей, опекунов или родственников женщины с ребенком, чтобы мужчина «заплатил по счетам»; их желание использовать все возможные и доступные средства для того, чтобы в том случае, если молодой человек откажется следовать их законным требованиям, добиться ареста или осуждения молодого человека и общественного

Сновидение 8:

Зигмунд Фрейд пишет: «[сновидение молодой женщины – пациентки З. Фрейда] *“Я иду летом гулять по улице. На мне шляпа странной формы: тулья выгнута вверх, а поля свешиваются вниз, причем одна сторона ниже другой. Я в хорошем, веселом настроении. Встретив нескольких молодых офицеров, я думаю: “Вы ничего мне не можете сделать”.*»

Анализ: Так как она не может привести ни одной мысли, соответствующей представлению о шляпе в сновидении, то я говорю ей: “Шляпа, по всей вероятности, мужской половой орган с поднятой средней частью и двумя свешивающимися боковыми”. Я умышленно уклоняюсь от истолкования детали относительно неравной длины обоих полей; хотя как раз такие подробности обычно и указывают путь к толкованию. Я продолжаю: если ее муж обладает, таким образом, таким хорошим половым органом, то ей нечего бояться офицеров, между тем как обычно, она, благодаря своей фобии, не решается выходить на улицу одна. Такое разъяснение страха я мог бы ей дать и раньше неоднократно в связи с другим материалом.

Чрезвычайно интересно, как пациентка встречает мое толкование. Она отрицает, что говорила, будто поля шляпы свешиваются вниз. Я, однако, хорошо помню ее слова и настаиваю на них. Она молчит и потом решается, наконец, спросить, что означает, если у ее мужа одно яичко ниже другого, и у всех ли мужчин это так. Тем самым разъясняется примечательная деталь приснившейся ей шляпы, и все толкование охотно принимается ею. Шляпа как символ была мне знакома задолго до сообщения этого сновидения. Из других менее прозрачных случаев я убедился, что шляпа может быть символом и женских половых органов».

Мое толкование сновидения:

Можно выделить в этом сновидении основные группы возможных желаний, которые были использованы в качестве материала при его создании:

1. Желание дамы не испытывать страха при прогулках в одиночестве и, как следствие, иметь возможность их иногда осуществлять;
2. Желание дамы во время прогулки пофлиртовать с молодыми офицерами;
3. Желание того, чтобы офицеры отвечали на её флирт взаимностью, и «тулья их «шляп»» были подняты вверх;
4. Возможное желание некоего молодого или не очень человека, чтобы эта дама имела возможность прогуливаться.

Если расставить несколько по-иному в описании сновидения некоторые знаки препинания, то изменится и весь его смысл – *“Вы ничего мне не можете сделать?”*, что вполне может обозначать нечто вроде: *«Не могли бы вы что-нибудь со мной сделать?»*. Или нечто сказанное с укором: – *“И вы ничего мне не можете сделать!”* Если её мысли или слова заключали в себе не утверждение, а вопрос или укор, тогда это в какой-то мере изменяет и весь смысл сновидения. Женщина ведет себя провокационно, и ожидает соответствующей ответной реакции, и вполне определенных по отношению к ней действий интимного

характера.

Носить шляпу как «половой орган» на голове всё-таки не совсем прилично и не вполне удобно,— хотя сновидению никогда нет до этого абсолютно никакого дела,— и, к тому же, это совершенно бессмысленно. Я всегда был далек от мысли искать во всех сновидениях только лишь сексуальный символизм или какой-либо эротический подтекст – иногда необходимо приходится допускать, что шляпа изображает в сновидении головной убор, а не половые органы. В ином случае, каким тогда образом в сновидении должен был бы быть изображен головной убор? Нельзя же женщине всегда отказывать себе и в своём сновидении очень эффектно одеваться? Но в вышеприведенном сновидении, возможность такого символического представления «шляпы» не может быть полностью исключена.

Все видимые и понятные для меня предполагаемые источники желаний, которые были использованы при создании вышеприведенного сновидения, можно сгруппировать следующим образом:

1. Желание пациентки, чтобы она могла гулять и флиртовать с молодыми офицерами, вполне возможно, что и с предполагаемым переходом в интимную связь; её желание быть при этом достаточно эффектно одетой, и каким-то необычным или нестандартным способом обратить на себя всеобщее внимание;
2. Желание/желания неких молодых офицеров, с которыми она возможно уже ранее встречалась, весело провести с ней время.

Ревенко Сергей Дмитриевич, 2022 -2024 годы.